

MOSCOW 2004

ICANAS XXXVII

01
дл-43

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОНГРЕСС
ВОСТОКОВЕДОВ

Эрхану Тилеуалиев

✓4

INTERNATIONAL
CONGRESS
OF ASIAN
AND
NORTH AFRICAN
STUDIES

ТЕЗИСЫ

ABSTRACTS

II

МОСКВА 2004 - MOSCOW 2004

МУЗРАЕВА Д.Н.

(Элиста)

Новые сведения об авторе «Повести о Лунной кукушке»**Дагпу Лобсан-Данби-Джалцане (1714-1762)**

«Повесть о Лунной кукушке» – это памятник буддийской литературы XVIII в., автором которого является тибетец Дагпу Лобсан-Данби-Джалцан. В сочинении излагаются события одной из прежних жизней Дагпу, в которой он был индийским царевичем. В колофоне сочинения приводится краткая форма имени автора Мати (от санскр. *mati*).

Это произведение получило большую популярность среди монгольских народов благодаря переводу просвещенного монгольского ламы Дай гуши Агвандампила (1700-1780).

Ц. Дамдинсурэн, касаясь вопроса об авторстве Повести и дате его создания, обратил внимание на то, что в колофоне монгольской версии этого сочинения Туган Дарма-бадзар (1737-1802) записал, что авторство принадлежит его учителю Дагпу Лобсан-Данби-Джалцану, а написано оно в 1737 г.

Дополнением к этому факту могут послужить сведения из современного «Большого тибетско-китайского словаря». Согласно его хронологической таблице, 1737 год – это год написания «Повести о Лунной кукушке с голубой шеей» Дагпу Лобсан-Джамцо. Как видим, здесь имя автора также приводится в краткой форме.

А.И. Востриков в своем труде «Тибетская историческая литература» приводит сведения из памятника тибетской историографии XIX в. «Дебтер-джамцо», касающиеся Дагпу Лобсан-Данби-Джалцан: он является автором «Истории воплощений Лондол-ламы Агван-Лобсана», а также истории своих собственных воплощений.

Новые сведения, еще не приводившиеся нами в исследованиях об авторе «Повести о Лунной кукушке», содержатся в его биографии, включенной в сумбум (собрание сочинений) Дагпу. В этом памятнике в достаточно сжатой форме приводятся следующие сведения о Дагпу Лобсан-Данби-Джалцане: Он родился в год дерева – лошади двенадцатого равджуна (т.е. в 1714 г.), принадлежал к роду Нуб (тиб. *gnubs*). В пятилетнем возрасте он обучился письму и чтению, в восемь лет потерял отца. В 13 лет был признан и утвержден воплощением Дагпу Нгаван-Чойдака. С 19 лет начал обучаться в монастыре Дрепунг, где изучал пять разделов учения. Помимо этого, в 28 лет стал изучать индийскую и китайскую астрологию. Он также был сведущ в тантрах и сутрах. Последние годы провел в Ахасе, изучая Ганджур и Данджур. Ушел из жизни в год воды – лошади в возрасте 49 лет (то есть в 1762 г.).

Таким образом, эти сведения, почерпнутые из биографии Дагпу Лобсан-Данби-Джалцана, содержащей не только факты из жизни, но и последовательность получения им посвящений, подтверждают, что автор Повести был незаурядной личностью, обладал обширными знаниями, являлся весьма образованным человеком своего времени.

Тезисы докладов расположены в порядке поступления. Чтобы найти тезисы, пользуйтесь алфавитным указателем авторов, помещенным в конце последнего тома.

Тезисы, поданные с опозданием, будут опубликованы в дополнительном томе.

The abstracts are arranged in the order of their submission. To locate an abstract, use Authors' Index at the end of last volume.

The abstracts submitted after the deadline will be published in a separate volume.

Составители:

Авдаков И.Ю.

Булатов А.С.

Васильев Д.Д.

Дубаев М.А.

Compilers:

Avdakov I.J.

Bulatov A.S.

Vasilev D.D.

Dubaeв M.L.

Издано Секретариатом XXXVII Международного конгресса востоковедов
Россия, 103753 Москва, ул. Рождественка 12.

Тел. 7(095) 928 57 64, Факс: 7(095) 925 77 88

[http:// www. orientalistica.ru/icanas](http://www.orientalistica.ru/icanas)

E-mail: orgcom@orc.ru

Printed by Organizing Committee of ICANAS XXXVII

12 Rozhdestvenka Str., Moscow 103753, Russia

Tel.: 7(095) 928 57 64, Fax: 7(095) 925 77 88

[http:// www. orientalistica.ru/icanas](http://www.orientalistica.ru/icanas)

E-mail: orgcom@orc.ru

© ICANAS XXXVII, 2004

Введение в научный обиход уникальных буддийских текстов типа вышеуказанной Повести о Лунной кукушке, хранящихся сегодня в различных мировых собраниях старых восточных книг, имеет исключительную важность для выявления малоизученных страниц истории распространения буддизма среди монгольских народов и шире – индо-тибетской культуры в монголоязычной среде.

ОВЧИННИКОВА Б.Б.

(Екатеринбург)

**Тюркские древности Центральной Азии
в контексте культурных взаимодействий
Востока и Запада**

Проблема взаимодействия народов может быть отчасти решена на основе изучения определенного региона, где установлено сосуществование различных культурных единств в течение продолжительного времени. Одним из таких регионов и является Центральная Азия, памятники материальной культуры которой отражают процесс взаимовлияния и взаимообогащения народов, оставивших культурное наследие. Сегодня в процессе изучения этого региона большое значение приобретает определение единства и множественности культурных традиций, проявившихся в группу хронологически близких памятников, и трансляция (передача) их от одной культурной общности к другой. По своему происхождению эти трансляции могут быть как внутренними, то есть передаваемыми в родственной среде на одной территории, так и внешними, характеризующими культурные связи на определенном хронологическом этапе в широком культурно-организационном пространстве. Именно с этих позиций можно рассматривать как источник тюркские древности Саяно-Алтая периода VI-IX веков.

Географическое положение Тюркских каганатов (552-745 гг.), а также и Уйгурского каганата (745-840) обусловило их посредничество в процессе обмена не только экономическими, но и культурными достижениями. Кроме того, и тюрки-тугу (Ту-кюэ), и уйгуры, сами внесли ощутимый вклад в культурное наследие кочевого мира.

Из Средней Азии, Ирана, Восточного Туркестана и Китая поступали в Центральную Азию различные товары: произведения торевтики, зеркала, лаковые изделия, шелковые ткани и т.д. По активности торговых связей, прежде всего, следует выделить *тюрко-китайский обмен* материальными ценностями. Проникновение китайских тканей и зеркал не могло не сказаться на материальной культуре их северных соседей. Это с достаточной достоверностью иллюстрирует археологические находки из древнетюркских погребений человека с конем в Центральной Азии, которые несут на себе отпечаток иноземных заимствований. Так довольно часто для украшения пряжек и накладок поясных наборов тюрки использовали

китайский *растительные* орнаменты, которые можно наблюдать на зеркалах Танской империи. Через восточноазиатское искусство проникают к центральноазиатским племенам и *зооморфные* сюжеты. Китайский мотив летящей птицы, изображаемый ими на зеркалах, попадает в Хакасско-Минусинскую котловину. Такой распространенный буддийский символ, как пара рыб, обнаружен в Тыве (поясная бляшка из погребения VIII-IX вв. Могильника Даттыг-Чарыг-Аксы). Зооморфные позднеазиатские мотивы – феникс, лев, лисица, лани – присутствуют в орнаменте серебряной чарки с золочеными рисунками из енисейского могильника «Над поляной». Зооморфные изображения встречаются и на накладках и пряжках тюркских поясов (могильники Кудыргэ, Узунтал, Кара-Чоога, Даттыг-Чарыг-Аксы). Возможно, в результате проникновения китайских тканей получает распространение сюжет с ланью – на орнаменте деталей поясных наборов из курганов на Алтае (Узунтал 2). Все это говорит о том, что материальная культура древних тюрков испытывала значительное влияние средневековых китайских традиций.

Нельзя не отметить и другое направление контактов и культурных влияний – *юго-западное* (Средняя Азия, Иран, Восточный Туркестан). Особенно интенсивно культурное сближение просматривается между согдийцами и тюрками. Растительные мотивы, розетки, ряд зооморфных сюжетов обязаны своим происхождением западным и, прежде всего, среднеазиатским влиянием. Ближневосточные сюжеты (трилистник) встречаются на поясных и сбруйных украшениях тюрков Алтая и Тывы. Здесь наблюдается опосредованное влияние через среднеазиатское синкретическое «искусство шелкового пути».

Существование торговых связей древних тюрков с государственными объединениями Крыма и Кавказа, осуществляемые через Среднюю Азию, подтверждается рядом категорий вещей из погребений человека с конем на Саяно-Алтае. Иностранное воздействие нашло отражение в форме каплевидных серег кудыргинского типа. Подобные украшения приобрели широкую популярность в VI в. в Подунавье, Крыму, на Кавказе. Вероятно, достижения тюрков получили распространение и в культуре оседло-земледельческого населения (конская сбруя, оружие, детали одежды).

Таким образом, археологический материал показывает, что на пространстве от Тихого Океана до Средней Европы встречаются идентичные типы вещей «тюркского образца» – вооружение, украшение, посуда из драгоценных камней. Очевидным становится то, что древнетюркская материальная культура, помимо влияния, которое она испытывала с Запада и Востока, в свою очередь оказала весьма внушительное обратное воздействие. Нельзя не обратить внимание и на роль, которую сыграли древние тюрки на трассах «Великого шелкового пути», контролируя основные торговые пункты, они довольно активно способствовали обмену культурными ценностями между отдельными регионами Евразии.

ОРУС-ООЛ С.М.

(Кызыл, Республика Тыва)

**Сравнительное изучение поэтики и
стиля тувинского языка**

В докладе эпитетика, художественные уподобления и типические места тувинского героического эпоса освещаются на сравнительном текстологическом фоне, в сопоставлении с аналогичными составными в эпосе других народов Сибири, с учетом критериев частотности и интенсивности употребления. Для анализа нами были использованы тексты тувинского, алтайского, хакасского, шорского и бурятского эпосов, опубликованных в академической двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Количественное соотношение художественно-образительной системы эпоса помогло установить как общие, постоянные поэтико-стилевые слагаемые, так и специфические, внесенные индивидуальной трактовкой, характерной для того или иного народа.

Охарактеризовав основные цветочные эпитеты, являющиеся доминантными в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири, мы пришли к выводу, что цветовая гамма эпических сфер в эпосе алтае-саянских народов и бурят многообразна. Главными из них являются цветовые тона: *черный, белый, желтый, красный, синий, пестрый*. С помощью этих определений дается, прежде всего, зрительное (цветовое) представление о тех или иных предметах, вещах окружающего реального мира. В то же время встречается немало специфических сочетаний, которые имеются в том или ином эпосе, отражающие условия исторического бытия народа; это показывает, что художественная типизация в эпосе имеет реальную жизненную основу. Кроме цветочных эпитетов в эпосе саяно-алтайских народов и бурят широко используются эпитеты, указывающие на материал, из которого сделан тот или иной предмет. Они обладают большой устойчивостью по сравнению с цветочными эпитетами и имеют ярко выраженный эпически-идеализированный характер.

Перечень сравнений по тематическому составу свидетельствует об их богатстве и разнообразии во всех южносибирских традициях. Среди различных категорий сравнения наиболее распространены в эпосе сибирских народов являются художественные уподобления, отражающие эпический ландшафт, животный мир, явления природы, небесные светила, которые выступают важным средством раскрытия идейного замысла и содержания героического эпоса и служат для конкретизации поэтической образности. В каждой из выделенных групп сравнения эпического творчества народов Сибири имеется много общего и сходного, не только в смысловом отношении, но и в словесном воплощении. Общность поэтики в разных сказаниях можно заметить и в конкретных объектах сравнения. При этом характер уподобляемых образов по традиции обладает большой устойчивостью и переходит

дит из одного сказания в другое.

В результате сравнительной характеристики формул и типических мест выясняется, что главные герои эпоса разных народов в основе своей имеют общие черты, целый ряд соответствий и аналогий, сохранившиеся силою традиций. В разных национальных текстах устойчивым остаются опорные слова, последовательность построения формулы, обнаруживающие преемственность традиции, имеется и близость на лексико-грамматическом, стилистическом уровнях. Семантическое значение большинства формул оказывается идентичным, а его словесное воплощение варьируется, видоизменяется, что объясняется особенностью локального своеобразия и разными культурами, хотя традиционный стилистический фон в общем сохраняется.

Общность поэтической традиции народов Сибири объясняется не только типологическим сходством эпических памятников разных народов, но, прежде всего, общностью их генетических, исторических судеб на протяжении многовекового проживания на смежной территории, и обусловленными этим сходством их религии, этнографии, духовной культуры. Вместе с тем в каждом эпосе существуют различия, оригинальная форма выражения и художественно-образная система, свои функциональные особенности, связанные с этнобытовыми реалиями, спецификой географических условий, национальным своеобразием психологии, что находит выражение в предпочтении излюбленных приемов использования поэтико-стилевых слагаемых, каких нет в другой эпической традиции. Эпос каждого народа Сибири является не только самостоятельным, самобытным художественным творением, но и частью эпического наследия народов Сибири, что достаточно ясно подтвердил текстологический анализ.

ОСМАНОВ А.Н.

(Махачкала)

**Дагестан – перекресток восточных и
западных цивилизаций**

Дагестан в силу своего географического положения на стыке Европы и Азии с древнейших времен служил связующим мостом между двумя континентами и оказывался участником сколь-нибудь значительных событий, происходивших по соседству. Здесь на небольшой территории издревле проживали десятки племен, в сложных условиях соприкосновения и столкновения двух миров – оседлоземельческих и подвижных скотоводческих, испытывавших влияние различных культур, но сумевших сохранить свои исторические корни, культурное и этническое лицо.

Усилившиеся в средневековье торговые и экономические взаимосвязи Дагестана с Ближним Востоком, утвердившиеся у населения в период распространения ислама (VII-XIV вв.) общие

мусульманские основы активизировали процесс приобщения дагестанцев к арабо-мусульманской культуре, получения ими религиозного образования. Широко известными тогда центрами духовной и культурной жизни мусульманского Востока были Багдад, Мекка, Медина, Дамаск, Александрия, Нишапур, Самарканд и др., в которых можно было получить энциклопедические познания.

Освободительное движение горцев XIX в., присоединение Дагестана к России явились тем переломным моментом во всей общественно-политической и культурной жизни дагестанских народов, которые связали их судьбы, их менталитет с русской, а через нее и с европейской культурой. Овладение всеми дагестанцами русским языком, ставшим в Дагестане языком межнационального общения, позволило им приобщаться к мировой культуре, быть не только ее потребителем, но и создавать такие культурные ценности, которые оказываются в сфере мировых интересов, и тем самым все активнее участвовать в цивилизованном взаимодействии Востока и Запада.

Высокая миссия в таком взаимодействии выпала на долю выдающегося ученого М.А. Казем-Бека, еще при жизни признанного патриархом «русского ориентализма». Выросши в семье духовной главы Дербентского ханства и получивший хорошее европейское образование, он оставил труды по самым различным проблемам мусульманского Востока: истории, языкам, литературе, философии, этике, исламу, народно-освободительным движениям горцев. Работая в Санкт-Петербургском и Казанском университетах, Казем-Бек вырастил целую плеяду талантливых востоковедов, внесших огромный вклад в русское востоковедение, в развитие культурно-научных связей России с Востоком.

ПАВЛОВА И.К.

(С-Петербург)

Российские предприниматели в Иране

(втор. пол. XIX – нач. XX вв.)

Чаяния и реалии

Во втор. пол. XIX в. Иран становится объектом пристального внимания не только правительственных и дипломатических кругов России, как это было ранее, но и частных предпринимателей, финансистов, владельцев крупных российских монополий. С их появлением в Иране наступает новый период в истории русско-иранских отношений, период, который характеризуется активной экономической политикой России в этой стране. Среди имен этой новой формации в первую очередь можно назвать братьев Поляковых, Н. Хомякова, Н.А. Новосельского, Г.М. Лианозова, Г.Г. Лерхе и др.

Деятельность российских предпринимателей в ту пору была связана прежде всего с обустройством железных дорог в Иране. Первые проекты были предложены ими еще в 60-70-е гг. XIX в. Так, Н.А. Но-

восельский подал в правительство записку под названием «О соединении южного берега Каспийского моря железной дорогой с Персидским заливом». Автор проекта не только преследовал свои экономические выгоды, но и прежде всего защищал политические интересы России. Он писал о том, что российское государство должно перехватить инициативу у европейских государств в этом деле, а Иран «стать по железнодорожному делу исключительно должником России». Однако подобные вопросы решались не в Министерстве финансов, а в Министерстве Иностранных дел, которое сочло предложение Новосельского преждевременным. Судьба остальных проектов, предлагаемых российскими предпринимателями, была также заранее предрешена. Вплоть до 1916 г. они не имели практического применения.

Наиболее известными в ту пору в Иране стали братья Поляковы. Один из них, Самуил Соломонович Поляков вынашивал идеи строительства как железных дорог в Иране, так и создания там шоссейных путей. Его брат Лазарь Поляков стремился получить концессии в различных сферах иранской экономики. В 1890 г. он создает «Персидское страховое и транспортное общество» с первоначальным акционерным капиталом в 2 млн. руб. и «Товарищество для торговых операций», задача которого заключалась в поддержке русских купцов в Иране и Ср. Азии. спустя три года в 1893 г. он открывает «Общество по созданию шоссейной дороги Энзели – Казвин». Несомненно, все это требовало не только определенных капиталовложений, но и личной заинтересованности самого Л.С. Полякова, его энергии, энтузиазма, деловой хватки. Созданные им предприятия заработали, принося первую прибыль. Однако вскоре российское правительство, оценив обороты созданных обществ, перекупило их и взяло под свой контроль. Такая же участь постигла и созданный братьями Лазарем и Яковом Поляковыми ссудный банк. Под давлением правительственных кругов они были вынуждены свернуть свои операции и передать дела государственному банку.

Таким образом, деятельность братьев Поляковых в Иране была прекращена.

Предприниматели оказались в плену своих собственных идей и интересов и не получили ожидаемых результатов. Хотя действия Лазаря Полякова вызвали одобрение у иранского правительства. Не случайно шах дважды награждал предприимчивого российского предпринимателя знаками отличия.

Более успешно продвигались дела у другого российского концессионера Г.М. Лианозова, ведавшего рыбным промыслом на Каспийском море. Одновременно с этим создается общество «Кавказ и Меркурий», сумевшее наладить пароходное сообщение между Россией и Ираном по Каспийскому морю.

Перечисленные примеры достаточно красноречиво говорят о том, что российские предприниматели были крайне заинтересованы в размещении своих капиталов в Иране, в стране, где потенциально можно было довольно быстро приумножить свои доходы. В то же время вложение частного капитала российских предприни-

мателей в экономику Ирана, предлагаемые ими проекты и создание своих предприятий – все это послужило толчком к активному вмешательству в Иран государственных капиталовложений российского правительства. В конце концов государственный сектор вытеснил частные российские монополии и занял лидирующее положение в общественно-хозяйственной жизни иранцев.

Упоминание о существующих в Иране частных российских предприятий во второй половине XIX в. дает шанс современным российским предпринимателям вновь обратить внимание на Иран как на страну, с которой можно сотрудничать на уровне развития новых взаимовыгодных отношений.

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА Т.В.

(Астрахань)

О центральноазиатской политике России (Бухарский эмират до и под протекторатом России второй половины XIX в.)

Политика России во второй половине XIX – нач. XX в. с государствами Центральной Азии находилась в центре внимания исследователей России, Советского Союза, национальных ученых. В числе основных вопросов приоритетным оставался вопрос активизации действий царского правительства в Центральной Азии.

Укрепление экономических, а в связи с этим и политических позиций в ханствах приобретало для торгово-промышленных кругов Российской империи тем большее значение, что русская промышленность отстала в те годы по уровню и темпам развития от промышленных стран Запада. Дореволюционная русская историография особое внимание уделяла соперничеству между Россией и Англией в странах Востока и лишь поверхностно касалась социально-политических проблем, ограничиваясь простым изложением собранного фактического материала.

Советские исследователи начала XX в. отмечая захватнический характер политики царского правительства, не давали оценки включения народов Центральной Азии в состав Российской империи. Работы ученых 60-70-х гг. XX в. детально освещали развитие дружбы народов Российской империи.

В современном мире национальные исследователи крайне резко оценивают внешнюю политику России периода второй половины XIX в. по отношению к государствам Центральной Азии.

В связи с этим, автор делает попытку с современных позиций осветить внешнюю политику России данного периода на примере социально-экономического положения Бухарского эмирата, пытаясь отойти от односторонности оценок документов колониальной администрации, имперских министерств, и на их основе сделать вывод о последствиях колониальной политики России в этом регионе, исходя из методологического положения о том, что «исторические факты ценятся главным образом по своим последствиям».

(В.О.Ключевский).

ПОЛЕТАЕВА З.В.

(Россия)

Историческое значение «Великого шелкового пути» в формировании и развитии

историко-культурных связей средневековой Японии

Развитие внешних связей Японии, особенно в период активных контактов в Танском Китае, отражено не только в документах правительственных органов, но и в широкой предметной сфере разнообразных хранилищ. (Сесоин – императорская сокровищница, монастырь Хорюдзи).

В Японии на основе изучения рассмотрения коллекции древних и раннесредневековых тканей Китая создается целая школа изучения наследий «шелкового пути», в частности, предметов буддийского культа и тканей.

Среди предметов, попавших в эти коллекции, в Японии было много разнообразных предметов роскоши из переднеазиатских стран и Китая. Например, бронзовые зеркала с богатейшей орнаментацией. Южная Сибирь дала большую серию сведений, подтверждающих предметное содержание товарных потоков Шелкового пути, дотянувшегося до этих районов. Раскопки Пазарыкских, Укокских, Башадарских курганов в Горном Алтае и археологические исследования Минусинской впадины дают обширные сведения по этой проблеме.

Развитие обмена товарами стало основой своеобразной «шелковой дипломатии», содействующей не только общеторговым контактам, но и расширению внешнеполитической активности древних и средневековых государств, где торговля нередко принимала форму приношения даров или подарков при обмене дипломатическими посольствами.

Можно полагать, что именно так в Японию попало немало товаров, давших представление восточной островной стране о далеком мире Переднего и Среднего Востока.

В современной Японии большое внимание, как в научной, так и в общественной жизни придается проблеме Шелкового Пути. Регулярные выставки, создание разнообразных общественных организаций, содействующих возможностям дальнейшего изучения проблемы одновременно характеризуют и личность современного японца, воспринимающего сегодняшний день через огромное уважение и интерес к своему и чужому прошлому.

Северо-восточная ветвь пути, направляющегося в Южную Сибирь имела ответвление на Корейский полуостров, а оттуда несла уникальные изделия через море на японские острова.

Южная ветвь, огибая неприступные горы, шла через Центральную Азию и северо-западные районы Китая, и Юго-Восточную Азию – Юго-Восточный Китай, Вьетнам, а также Бирму и Цейлон.

Для Японии, отдаленной от материка и оказавшейся на край-

ней восточной точке этой своеобразной зоны общения стран и народов, соприкосновение с влиянием Ханского Китая стало одним из самых плодотворных периодов развития истории и культуры страны.

Устанавливались официальные и вместе с тем широкие частные контакты с Китаем и Кореей. И в этом аспекте Шелковый путь с его огромным коридором и множеством разнообразных дорог, идущих от края континента на север, запад и юг, стал для Японии важнейшим явлением и этапом в духовном и материальном развитии общества.

Эти связи несли в Японию из Кореи и Китая вместе с первыми буддийскими миссиями не только буддийские сутры, но и множество разнообразных атрибутов храмового устройства, изделия из серебра и золота, украшавшие культовый интерьер, разнообразные ткани...

Наличие разнообразных материальных свидетельств (предметы буддийского культа, ткани, бронза и керамика) в собраниях Сесоин, Хорюдзи и Токийского музея, широких контактов со странами «Шелкового пути» стало уже в начале века основанием для выхода на научные доказательства тесных связей страны с континентом и даже генетических связей с материковой цивилизацией.

ПОЛЯНСКАЯ О.Н.

(Улан-Удэ)

Формирование российской школы монголоведения и О.М. Ковалевский

Систематическое изучение языка, истории, религии, культуры Монголии началось только во второй четверти XIX века, когда в Казанском университете в 1833 году была открыта кафедра монгольского языка, оказавшаяся первой в Европе. Ее организация была связана с расширением территории России и связей с соседними странами Азии. При организации кафедры университет столкнулся с существенной трудностью – отсутствием специалистов и в России, и в Европе. Совет университета, по предложению ректора Н.И.Лобачевского, решил готовить специалистов самостоятельно, отправляя их в научные экспедиции. Для командировки в Сибирь с целью изучения монгольского и бурятского языков Н.И.Лобачевский рекомендовал кандидатуру О.Ковалевского, как уже знающего древние языки, а также и некоторые восточные. По возвращении О.Ковалевский должен возглавить новую кафедру монгольского языка.

В научной командировке Осип Михайлович Ковалевский подготовил основные учебные пособия по монгольскому языку: «Краткая грамматика монгольского языка, состоящая из правил для чтения и письма, разделов по этимологии, морфологии и синтаксису

книжного монгольского языка»; монголо-русские словари. Он подготовил два словаря: полный (40000 слов) и краткий (5000 слов). Они охватывали основной словарный запас монгольского языка. Материалы, собранные О.М.Ковалевским среди бурят и монголов, стали основополагающими для создания ученым таких трудов, как «Грамматика книжного монгольского языка» (1835), «Монгольская хрестоматия» (первый том – 1836, второй – 1837), «Монгольско-русско-французский словарь» (первый том – 1844, второй – 1846, третий – 1849).

Таким образом, научная экспедиция О.М. Ковалевского (1828-1833) – по Восточной Сибири, Забайкалью, командировка в Пекин и в Ургу, столицу Монголии, – была плодотворной в плане сбора этнографического материала и изучения монгольского языка. Кроме того, перед О.М. Ковалевским стояла задача подготовить учебные пособия и словари по монгольскому языку, которую он блестяще выполнил. Его Грамматику, Хрестоматию и словари использовали при изучении монгольского языка все ведущие европейские востоковедные центры.

Благодаря ряду выдающихся ученых в университетах и Академии России, таких как О.М. Ковалевского, А.В. Попова, Я.И. Шмидта, монголоведение начинает становиться на научную основу.

Однако, Восточный разряд Казанского университета просуществовал недолго, до 1854 года, когда последовал указ Сената, прекращавший преподавание восточных языков в Казанском университете и Первой Казанской гимназии. Ведущие профессора и преподаватели восточных кафедр Казанского университета переводились в Петербургский университет. В результате слияния отделений восточных языков Петербургского и Казанского университетов в числе профессоров и преподавателей факультета восточных языков были самые лучшие научные силы, цвет российского востоковедения: А.К. Казембек, А.О. Мухлинский, В.П. Васильев, И.Н. Березин, А.В. Попов, К.Ф. Голстунский, Д.А. Хвольсон... Одновременно в Петербургский университет были переданы почти все рукописи и восточные книги библиотеки Казанского университета, восточный отдел нумизматики, а из типографии вывезены в Петербург санскритский, тибетский и монгольский шрифты. Коллекции шрифтов, редких восточных вещей, восточная библиотека создавались исследователями в экспедициях.

В 1855 году восточный разряд философского, а затем историко-филологического факультета Казанского университета прекратил свое существование. 28 августа 1855 года состоялось открытие восточного факультета Петербургского университета. В числе других кафедр была открыта кафедра монгольско-калмыцкой словесности. Само основание кафедры монгольского языка в Петербургском университете было бы невозможно без преподавателей, прошедших подготовку в Казанском университете под руководством

О.М. Ковалевского.

Монголоведение в Петербургском университете опиралось на богатое научное наследие, а именно научными исследованиями по монголоведению в самом Петербурге, возникновением и развитием Азиатского музея Российской Академии наук и плодотворной деятельности кафедры монгольского языка Казанского университета и казанской школы монголоведов во главе с профессором Осипом Михайловичем Ковалевским.

ПОПОВЦЕВ Д.В.

(С-Петербург)

**«Сутра Драгоценного Царя» и
культ божественного коня в буддизме махаяны**

«Сутра Драгоценного Царя (кит. Бао Ван Цзин)», переведенная на китайский язык с санскрита в X в. н.э., является замечательным литературным памятником, созданным в поздний период существования буддизма в Индии (не ранее IX в. н.э.), и отражает идеи, характерные для тантрических форм махаяны.

Сутра представляет собой яркий образец синтеза разнородных фольклорных, мифологических и религиозных мотивов. Такой синтез характерен для VIII-XI вв., когда махаяна и различные формы индуизма взаимодействовали между собой, и буддизм активно усваивал индуистские формы культа.

Анонимным авторам сутры удалось вписать в рамки махаянской доктрины некоторые индуистские мифологические мотивы, основательно трансформировав их. В частности, в данном памятнике излагается буддийская версия мифа о трех шагах Вишну.

В тексте сутры также рассказывается история о торговце, попавшем на остров, населенный женщинами-оборотнями (санскр. ракшаси), пожирающими людей, и о спасении бодхисаттвы божественным конем. Будда Шакьямуни говорит, что торговец – это он сам в одной из своих прошлых жизней, а царь коней – это бодхисаттва Авалокитешвара.

Мотив спасения героя волшебным животным-помощником распространен в фольклоре всех народов. История о царевице, попавшем на остров, населенный женщинами-оборотнями, излагается в одной из тамильских сказок. Буддийская литература на всех этапах своего развития заимствовала сюжеты из фольклора неарийских народов Индии. В джатаках мы не раз встречаемся с историей о спасении героя царем зверей (царем быков, царем гусей, царем обезьян) или иным чудесным животным. История о спасении героя царем коней излагается в одной из палийских джатак. Одним из источников текста сутры также явился рассказ о царевице Виджае и его экспедиции на Ланку, излагаемый в цейлонской хронике «Махаванса».

История о чудесном коне-спасителе, который в санскритском

оригинале сутры носит имя Балака, стала основой культа одной из форм бодхисаттвы Авалокитешвары – божества Хаягривы, называемого также конеголовым Авалокитешварой. Этот конь также отождествляется с божественным конем Учхайшравасом, явившемся богам во время пахтания молочного океана.

Хаягрива, нирманакая будды Амитабхи и бодхисаттвы Авалокитешвары, является олицетворением космического первоогня и творческой силы Амитабхи.

В роли спасителя от опасности в буддийских текстах с аналогичными сюжетами может выступать как волшебное животное, посланное божеством или бодхисаттвой, так и непосредственно сам бодхисаттва (чаще всего в этой роли выступает Авалокитешвара, чьей основной функцией и является спасение живых существ).

Одной из форм бодхисаттвы Авалокитешвары является божество Чунди. Под этим именем махаяна инкорпорировала индуистскую богиню Чаньдику (Дургу). Основной функцией Чаньдики также является спасение от опасностей и избавление от бедствий.

Один из вариантов сюжета о путешествии героя на Ланку излагается в бенгальской легенде о торговце Дхонопоти (санскр. Данапати), в которой демоницы-людоедки, посланные богиней Чонди (Чаньди), не угрожают герою, а, наоборот, спасают его от опасности.

Миф о путешествии героя в страну, населенную женщинами-каннибалами, является выражением архетипического страха перед разрушительным женским началом. Сюжет, излагаемый в «Сутре Драгоценного Царя» был усвоен литературами Китая и Японии, где он воспроизводился в разных вариантах. В частности, мы встречаемся с ним в романе У Чэнъэня «Путешествие на Запад», где Царь Обезьян спасает Сюань-цзана от демониц, желающих пожрать его.

РАБУТХ Пет

(Ростов-на-Дону)

**Место Королевства Камбоджи
в международном разделении труда
и его политика в сфере внешнеэкономических связей**

Стратегия внешнеэкономических связей Камбоджи в рыночной системе нацелена на обеспечение достижения экономического роста, занятости и повышения жизненного уровня населения на базе развития основных форм внешнеэкономических связей: внешней торговли, иностранных инвестиций, научно-технического сотрудничества и активного участия в международных экономических и финансовых организациях и МРТ в целом. Опыт стран АСЕАН показывает, что для осуществления такой стратегии необходимо рационально использовать имеющиеся в стране ресурсы, широко привлекая к решению данных проблем иностранный капи-

тал и развитие экспортных отраслей.

После свободных демократических выборов в 1993 году, проведенных с помощью мирового сообщества, правительство Камбоджи получает помощь и кредиты, в том числе безвозмездную помощь от многих стран и международных организаций.

Основными статьями экспорта остаются традиционные сельскохозяйственные продукты: каучук, древесина, соевые бобы, рыбные продукты и др. Следует отметить, что в первой половине 90-х годов первое место в экспорте занимала древесина, доля экспорта древесины достигала высокого уровня – 84,2% в 1994 г. С одной стороны, рост доходов от экспорта древесины бесспорно положительный факт, но с другой стороны интенсивная вырубка леса могла нанести непоправимый вред природе и вызвать экологические проблемы в стране. Поэтому в последние годы были приняты меры к увеличению экспорта нетрадиционных для Камбоджи товаров, таких как текстильные изделия, одежда, кожа и изделия из нее, мебель и сокращению вывоза древесины. Доля одежды в экспорте увеличилась с 10,40 (28 млн. долл.) в 1995 г. до 75% (640 млн. долл.), в 1999 г. до 88,25% (1313 млн. долл.) 2002 г.

Необходимо и дальше увеличивать в экспорте производственных изделий активнее использовать выгоды для Камбоджи от участия в АСЕАН: увеличение доверия инвесторов; расширение камбоджийского рынка; развитие международных экономических контактов с различными государствами мира; в целом, членство в АСЕАН служит базой для более широкой международной интеграции страны.

Важным шагом включения в мировое экономическое пространство стало принятие Камбоджи в конце 2003 г. членом Всемирной Торговой Организации.

Следующим этапом международной интеграции Камбоджи должно стать присоединение к соглашению стран АСЕАН о зоне свободной торговли и преференциальной тарифной зоне; постепенное вхождение Камбоджи в созданную АСЕАН зону свободной торговли и преференциальную тарифную зону, закрепление изменения в законодательстве, приведение его в соответствие с требованиями ВТО.

OKAMOTO Fujiaki

(Japan)

Entertainments and crimes in the urban areas in song China

During the Tang dynasty, most public entertainments were registered and put under the supervision of the palace Music Office (jiaofang 教坊). However, beginning with mid-Tang period, performers began to flow into cities and local villages. Further, various types and forms of performing arts and entertainments appeared in cities like Kaifeng 開

封 and Hangzhou 杭州 during the Five Dynasties and the Song period, being supported by the development of liberated urban social structure and commercial economies. According to the Dongjing menghua lu 東京夢華錄 and the Mengliang lu 夢梁錄, a wide variety of performing arts appeared in these cities from large scale sing and dance plays to street performances by wondering beggars. Many of these performers used to be courtesans, shamans, Daoist and Buddhist monks, soldiers or merchants, and they brought entertainments with local characteristics such as Zhugongdiao 諸宮調 of the Zezhou 澤州 in Shanxi 山西 from different regions into urban areas.

As the cities became more and more flourished both in cultural and economic activities, crimes such as murder, robbery, swindling embezzlement, and badger games were prone to take place, and entertainers were often directly involved with such crimes. These incidents presented vivid materials for Song and Yuan literature and were adopted into fictions or dramatized and performed by entertainers. In this paper, I will discuss the realities of life of these performers who were at the lowest strata of the society in order to elucidate the hidden facet of the Song urban life.

INOUE Toru

(Japan)

Lineage Associations in Guangzhou in the Late Ming dynasty:

A real picture found in Mengshuizhai-cundu (1632)

The purpose of this paper is to get a real picture of lineage associations in the Ming dynasty, based on Mengshuizhai-cundu 盟水齋存牘, trial records of those days.

The *zongfa* 宗法 principle, aiming at organizing matrilineal relatives based on the *zongfa* system to form a noble lineage association, was advocated by Confucian scholars in the Song period and was inherited by elites of Confucianism (士大夫) in the succeeding periods. Especially since the middle of the Ming period, organization of the lineage on the basis of the *zongfa* system widespread and took root in the southern part of China. In the Zhujiang delta region, particularly in Guangzhou 廣州, the *zongfa* principle was widely accepted around the 16th century, and lineage associations were formed to put the *zongfa* principle into practice, to establish shrine halls (*zongci* 宗祠), and to keep common fields (*zutian* 族田). While historical documents such as local annals, authentic records, genealogies, and anthologies help us understand how the lineage associations spread, they do not give us enough information as to what the lineage associations actually did. The trial records of Mengshuizhai-cundu vividly tell us about the activity of lineage associations during the 3 years from the first year of the Chongzhen 崇禎 period and about the relationship between a lineage and its members.

By the late Ming, the lineage system centered on the shrine had come to function properly. The direct line of descent (*zongzi* 宗子) was held in great esteem when holding rituals or in maintaining order in the lineage. When a dispute about an inheritance became entangled, the lineage association intervened by recommending a proper successor. The lineage leader (*zuzhang* 族長) was expected to, and indeed did, play a role of mediator when a problem arose in the lineage association. In some cases, however, he was reprimanded severely by local officials for not performing his part, which may lead us to consider that the lineage leader was not always the absolute authority.

Since *Mengshuizhai-cundu* contains only the cases developed into lawsuits, we have seen only a part of the activities of lineage associations. The most noteworthy is that the very existence of *zongci*, *zongzi*, and *zuzhang* is confirmed, for this proves that the lineage system centered on the shrine hall was indeed rooted in Guangzhou. It was in the Qing period that the *zongfa* system with a *zongzi* and a *zuzhang* as leaders was established.

KURIHARA Keisuke

(Japan)

The basic ideals of ancient Chinese sages regarding human existence

This paper deals with the distinguishing characteristics of human ethics, that is to say, the very basis of human existence. In ancient China, the supreme virtue lying at the basis of human existence was considered to be "benevolence" (*jen* 仁). Human intercourse conforms with the laws of nature, and as such benevolence was regarded as the highest virtue. After benevolence, "goodness" (*shan* 善) and "trust" or "faith" (*hsin* 信) were looked upon as admirable human qualities. A "good person" is someone endowed with wisdom and well-versed in moral virtue, while a "trustworthy person" is of course a good person, and in addition he does not do to others what he would not want done to himself. A good person is defined as someone whose mind is upright and whose conduct is disciplined, while a trustworthy person is defined as a person of sincerity.

The creed of the person idealized by Confucianists begins with the "extension of knowledge" (*chih-chih* 致知) and the "investigation of things" (*ko-wu* 格物). "Knowledge" here refers to knowledge in general, and *chih-chih* means to extend one's own knowledge so that there remains nothing under the sun that one does not know. *Ko-wu* means to delve deeply into the principles underlying each and every phenomenon. Today *ko-wu* is identified with physics or the natural sciences in general.

This structure can be seen in the "eight points" set out in the *Ta-hsüeh* 大學, and they are here quoted by way of reference.

The ancients who wished clearly to exemplify illustrious virtue

throughout the world would first set up good government in their states. Wishing to govern well their states, they would first regulate their families. Wishing to regulate their families, they would first cultivate their persons. Wishing to cultivate their persons, they would first rectify their minds. Wishing to rectify their minds, they would first seek sincerity in their thoughts. Wishing for sincerity in their thoughts, they would first extend their knowledge. The extension of knowledge lay in the investigation of things. Sources of Chinese Tradition, Vol. 1 [New York: Columbia University Press, 1964J, p. 115]

Through the practice of these eight points — exemplification of illustrious virtue, establishment of good government, regulation of one's family, cultivation of one's person, rectification of one's mind, sincerity in one's thoughts, extension of knowledge, and investigation of things — the proper path of human existence opens up of its own accord.

CHU Kwok-Nung

(Taiwan)

A study of the view of nationalism by Liang Qichao

The modern China presents itself a historical stage for the Reform, China enters its modern age since the Opium War and modernization of China is put on the agenda. However, the modernization of China is quite different from that in the West for capitalism is replaced by semi-colonialism and semi-feudalism. The so-called

"post exogenous type" or "exo-secondary type" of modernization means that the new historical stage is not initiated by the tremendous changes of productive tide, but triggered by the British shameless invasion into China.

The Reform Movement of modern China in 1898 which appears like a flash in the span of Hundred Days, and ends up in the blood of the "Six Noble Gentlemen" (六君子) with Kang Youwei (康有為) and Liang Qichao (梁啟超 1873-1929) going into exile abroad, sum up their experiences and lessons at different levels and estimate their niche in the history and significance. And the research into this field should also be deepened and broadened. Although many changes have taken place in China and around the globe in this century, yet the research of the Reform Movement is still of great academic importance and social significance.

Liang Qichao, was a famous reformer, philosopher, and historian in modern China, Being viewed from the highest level of the era, as seen from a deep perspective of the whole world, he expressed a series of remarkable viewpoints towards nationalism and racism. He is the first scholar who applied modern viewpoint and mythology to study the problem of a nation, such a research had shown a serious effect to his study in later days.

Liang Qichao emphasized evolution comes from challenge. He had seen that tremendous challenges were existed among races and

nations. He believed such challenges is one of the motivations in historical development. He therefore concluded that challenge is the mother of evolving. The long history of China was the record of the challenges of races and nations. Thus we can see that the ideas of the Reform Movement by Liang Qichao were based mostly on the view of Nationalism.

This paper aims at the study of the View of Nationalism by Liang Qichao and will be concentrate on the following points.

- (1) a thorough research on the basic concept of the View of Nationalism
- (2) the significance of Nationalism in the Reform Movement in 1898
- (3) a research on the intellectual value of the View of Nationalism and its effects.

MATSUTO Kenji

(Japan)

Japanese medieval cities and Kamakura Buddhism

In this paper I shall clarify the establishment and structure of Japanese medieval cities, especially the city of Kamakura 鎌倉. It should be noted that in Japanese history the medieval period corresponds to the period from the late twelfth century to the late sixteenth century, but here I shall focus on the Kamakura period, from the late twelfth century to the early fourteenth century. On the basis of an analysis of this period, I shall consider the relationship between the establishment of the new form of Buddhism known as Kamakura New Buddhism and the establishment of medieval cities in Japan. The medieval period was a time when there emerged Buddhist leaders such as Hōnen 法然(1133-1212), Shinran 親鸞(1173-1262), Dōgen 道元(1200-53), Nichiren 日蓮(1222-82), Eizon 顯尊(1201-90) and Ninshō 忍性(1217-1303), and new religious orders developed around these figures. I would like to point out that a factor behind this was the existence of city dwellers who had had forced upon them an awareness of the "individual," which had accompanied the establishment of medieval cities like Kamakura. I would also like to note that these phenomena, such as the establishment of cities and the establishment of Kamakura New Buddhism, were linked to moves in the cultural sphere encompassing the Sea of Japan and centered on China. For example, the city of Kamakura evolved on the basis of the principle of correspondence associated with the gods of the four cardinal directions, which had its origins in China, and Buddhist sects such as the Zen 禅sects and the Ritsu 律- sect were nurtured by institutions and so on introduced from China and Chinese monks who came to Japan. Furthermore, the threat of invasions by the Mongol empire also provided the leaders of Kamakura Buddhism with a major opportunity to play an active part in society.

OKA Motoshi

(Japan)

Elite family and grave in Southern Song Wenzhou: from the viewpoint of local society

Among the key materials for showing how elite families formed mutual relations in Southern Song period are graves. In my paper, using local society of Wenzhou 温州 as a case study, I will examine the mutual relations among the shijia 世家(families sustaining their status over some generations) through their graves and inscriptions.

In Southern Song Wenzhou, there were many utilitarian thinkers, such as Xue Jixuan 薛季宣, Chen Fuliang 陳傅良 and Ye Shi 葉適, who had a unique line of thought which differed from that of Zhu Xi or other thinkers. Xue Jixuan came from the most prominent family in Southern Song Wenzhou and his family produced more than ten successful candidates for the civil service examinations through the Northern and Southern Song period. The Xue were united by affinal ties with the families of other philosophers in Wenzhou, such as those of Chen Fuliang and Ye Shi.

Model kin groups such as the Xue family, however, were unusual in Southern Song Wenzhou. Although the total number of jinshi 進士 from Wenzhou was second among all the prefectures in China during the Southern Song period, in Wenzhou the Xue family was the only family that produced more than ten successful candidates. Chen Fuliang and Ye Shi, in contrast, were the rare members of their families who passed the civil service examinations.

Through exploring the stone monument of the Xue family's ancestor who first came to Wenzhou, the environment surrounding their graves, and the geographic distribution of graves in local society in Wenzhou, I want to find the feature of kin groups in Wenzhou, compared with other local societies in the Southern Song period.

SCHOTTENHAMMER Angela

(Germany)

Reality & Ideology in Wudai China:

The Tomb Inscription of Wang Chuzhi as an Example

Wang Chuzhi 王處直 (863-923) was a high military governor of the late Tang 唐 (618-906) and early Wudai 五代 (907-960) period. He was directly involved in the secession struggles and wars during that time. In 900, Wang Chuzhi suffered a decisive defeat against the troops of Zhu Wen 朱溫 (Zhu Quanzhong 朱全忠; 852-923) at the Shahe 沙河 River. Wang Chuzhi had to capitulate and, eventually decided to join Zhu Wen, who, in the 4th month of 907, founded his own dynasty called Later Liang 後梁 (907-923). This battle of 900 is in detail described in Wang Chuzhi's tomb inscription, which was composed by He Zhaoxun 和昭訓 (i.e. He Shaowei), most probably on the order of Wang's adoptive son, Wang Du 王都 (? - 929).

But, the tomb inscription is not only of interest to historians of military and political history. It provides, at the same time, a valuable contribution to the history of morality, ideology and socio-religious beliefs of the military elite of that time. Seen against the background of Wang Chuzhi's defeat, it is striking that numerous historical military governors are mentioned, who had all suffered a similar fate during their career. In this context, it becomes evident that the composer obviously sought to justify Wang Chuzhi's defeat to his ancestors in the netherworld. But not only this, Wang Chuzhi's adoptive son Wang Du, a friend of the inscription's composer, He Shaoxun, was discontent with his father's military and political strategy. In addition, Wang Du felt betrayed, when Chuzhi favoured his own natural son, Wang Yu. Following the tomb inscription, Wang Chuzhi eventually retired and deceased in his private residence (*sidi 私第*). But, according to other written sources (*Jiu Tangshu*, *Jiu Wudai shi*, *Xin Wudai shi*, *Zizhi tongjian*, *Wenxian longkao*, *Zizhi tongjian gangmu*, *Liao shi*), Wang Du arrested his father. At least, he tried "to get rid of him". Some of these sources even tell that Chuzhi was killed by his adoptive son, after he had captured and arrested him with his soldiers.

It is in fact not that important to us to know, whether Wang Chuzhi was in fact killed by his adoptive son or had died from natural causes, because of "grief and sorrow" about Wang Du, as some sources put it. The essential question is why the composer of the epitaph introduces and mentions so many historical generals who, firstly, had not only suffered a decisive military defeat (as Wang Chuzhi), but who were, secondly, all able to compensate their defeat – something Wang Chuzhi did not do. Why should these persons be mentioned in his tomb inscription, even, if it was merely allusions? The answers may shed some more light on the history of morality and ideology among the Wudai military elite.

WEERDT Hilde De

(USA)

Twelfth-century teacher-images

This paper examines the social status and cultural influence of teachers in twelfth-century China. The central question this paper addresses is how the expansion of the examinations in the eleventh and twelfth centuries impacted the teaching profession, in particular, the social status and the cultural role of the teacher.

The paper first examines the career paths of teachers. According to the celebrated eighth-century essay by Han Yu 韓愈 "Shishuo" 師說 (On Teachers), teaching was, in the public eye, an undesirable career for ambitious men. Teachers were held in low regard and selection criteria were non-existent. Teaching was a dead-end career. While Han Yu may have overstated the case as a foil for his call for the revaluation of the teacher, wider career possibilities for teachers in the twelfth ce-

ntury made the teaching profession a much more attractive alternative for literati, I trace the careers of several teachers to illustrate the use of teaching in career advancement and the social revaluation of the teaching profession. The paper argues that the expansion of the pool of examination candidates played a crucial role in the revaluation as well as increasing professionalization of teaching.

The second part of the paper examines the intellectual and moral values that shaped the teaching profession in the twelfth century. Through a series of portraits drawn by disciples, I examine what defined the ideal teacher. The disciples and teachers discussed held opposing views about the significance of the civil service examinations in Chinese society. The paper demonstrates how these differences in the valuation of the examinations impacted the image of the ideal teacher in intellectual discourse.

NAKAJIMA Gakushō

(Japan)

A Pursuit of Lineage Model: The Lineage Formation and Social Mobility Strategy of a Small Scale Descent Group in Huizhou during the Mid-Qing Period

The ideal lineage organization actualized by Fan Zhongyan 范仲淹 had been widely appreciated by many Confucian scholars during the Song-Yuan-Ming transition. Indeed, compilations of genealogies were widespread at that time. But worship in the ancestral hall, which could not avoid the serious problems in the context of classical rite, was by no means generally practiced, apart from worship at the ancestral graves. Similarly, there were few descent groups which actualized the common property system practiced by Fan Zhongyan.

However, from the 16th century onward, circumstances around lineage formation changed dramatically. Especially in southeast China, Fan Zhongyan's model of lineage organization was not only an ideal but became an important strategy among local elites. Ideal lineage organization featuring genealogies, ancestral halls, and common property, not only offered an important basis for upward social mobility throughout the academic or mercantile worlds, but also offered the symbolic capitals indispensable for descent groups to be recognized as elite class.

Huizhou 徽州 Prefecture, southern Anhui 安徽 Province, was one of the localities where lineage organizations were most highly developed in the Ming-Qing period. Most of powerful lineages in Huizhou were equipped with magnificent shrine halls and vast common properties. But what were the circumstances of the small-scale descent group?

From the mid-18 century, the prosperity of the commercialized agricultural economy in Huizhou had made small-scale descent groups accumulate considerable wealth. In these circumstances, a non-elite descent group that I analyze in this paper dared to pursue the lineage

model as an important strategy to survive in the highly competitive local society. For this descent group, which had not previously produced a single degree holder, pursuit of lineage organization had little practical value from the academic or economic point of view. Nevertheless, pursuit of the lineage model was highly strategic for them. Ideal lineage model was an indispensable symbolic capital which represented the lifestyle of the elite class, and this kind of capital was essential even for non-elite descent groups, if they had obtained a certain fortunes and want to protect them.

SUE Takashi

(Japan)

**Order in Zhen (township) society:
Temples and local elite**

Whether it is in an urban area or in a local village, whenever a new community is formed, new social order becomes necessary. Since the Song time, due to the increasing urbanization of the society, local towns (zhen 鎮) rapidly developed and rolled out as a new form of community. Simultaneously, Confucian ideology was enforced and permeated into the center of local society, and as a result, zhen society is characterized by the leadership by those who have passed civil service examinations or hold examination degrees, or by retired officials who returned to their home town.

During the Song dynasty which marked the turning period for the emergence of such new form of society, how did local leaders attempt to form autonomous orders to control their society? In this report, I will focus on temples and worshipping halls, symbols of unity and worship for local residents as they served a critical role in the formation of social identity to bind local residents together in late Imperial China. By organizing and analyzing various written materials including stone tablets, I will cast light on the nature of zhen society in view of temples and worshipping halls.

GULGUN Ucel – Aybet

(England)

**Literary and cultural life in Budin and
Istanbul according to books written
in those cities in the 17th century**

During the 17th century in Ottoman cities in the Middle East and Eastern Europe, manuscripts written by distinguished scholars in various subjects were rather popular among the intellectuals of the urban societies.

In this paper, I have chosen some samples from these manuscripts in various subjects to show general interest in science and literature.

The manuscripts that I have studied here as main sources of the paper were not narrative works.

These are the works of scientists, lawyers (kadi), philosophers and poets on ethics, mathematics, philosophy, law and other fields. Some works were written by unknown authors.

This research work of mine based on my recent studies in the university libraries in England and Scotland and the British Library in London.

AL-HAJ Majid

(Israel)

**The Impact of Russian Immigrants in Israel
on Peace Prospects in the Middle East**

Since 1989, a mass influx of about one million immigrants arrived in Israel from the Former Soviet Union. This group forms today about 15% of the total population and 20% of the Jewish population of Israel. Recent estimates show that one out of every five Israeli soldiers is a Russian immigrant. What is the impact of these immigrants on peace prospects? Are they integrating into the Israeli left or, rather, increasing the power of the Israeli right? And in general, do they form a catalyst for peace or a factor that perpetuates the conflict?

Our paper attempts to answer these questions through an analysis of the attitudes of immigrants and their political behavior. The data are based on a series of surveys that were conducted from 1999-2001 and a number of discussions emanating from focus groups. We also analyzed the voting patterns of immigrants in the Knesset-Parliament elections in the period from 1992-2003.

Our findings show that at first Russian immigrants served as a catalyst for a political change that, in 1992, made it possible for the left-wing bloc, led by Yitzhak Rabin, to form a government coalition, and thus to move toward a reconciliation with the Palestinians. In addition, despite the Likud government's efforts (when it regained power) to direct immigrants to settle in the occupied territories, they preferred to settle within the so-called Green Line. However, ten years after their arrival, these immigrants seem to be pulling in the direction of an intensification of the conflict: immigrants tend to be hardliners in their attitudes toward territorial compromise as a vehicle for peace with the Arab countries and with the Palestinians. Furthermore, the vast majority of these immigrants are right-wing oriented and thus in the 2003 elections they were the main supporters of the extreme right parties.

ORLIN Sabeu

(Bulgaria)

(1) Between theory and practice:

Ottoman physicians in the 17th-19th centuries

The paper will dwell on data derived from probate inventories of demised 17th-19th centuries Ottoman physicians. Its main objective is to reveal what kind of medical treatises, as well as what kind of medical

tools they possessed while alive. Our previous studies in this field, the outcomes of which has been presented at the 38th International Congress on the History of Medicine held in Istanbul in 2002, revealed that there were physicians who, prior to their death, did not own any books on medicine, but surgical tools. Thus they were likely much more concerned about their medical practice and paid less attention to theory. However, one could find out enough sources revealing that a lot of Ottoman physicians were equally concerned about their medical practice and theoretical knowledge, possessing various books on medicine along with special implements.

The paper will put emphasis also on the probate inventories of famous Ottoman physicians such as Ali Münşi (d. 1740) for example, who were not only esteemed practitioners, but authors of treatises on medicine, popular among the guild, as well. It is of particular interest, too, to detect the Paracelsian influence on the Ottoman physicians, and in this respect what was the part of treatises on chemical medicine in their practice.

(2) Ottoman book market in the Balkans:

an 18th century Muslim book dealer in Rusçuk

The paper will present the inheritance register (tereke) of an Ottoman book dealer (sahhqf) written upon his death in Rusçuk (today's Russe, Bulgaria). The register, dated 1 Receb 1155/1 September 1742, includes around 800 volumes of manuscripts belonging to Yusuf Çelebi, son of 'Abdullah, who was a book dealer from Edirne. However, prior to his demise he resided at the inn of El-hac Ahmed in the market place of the town of Rusçuk because of his commercial affairs. He left no heirs upon demise and all his books were allotted to the state treasury (beytülmal). Only 22 volumes of them were successfully auctioned at the local book market.

The paper will study the books included in the register from the point of view of their subject. It will be taken into consideration the figure of an Ottoman book dealer within the social context of a well developed Islamic centre such as Rusçuk where towards the first half of the 18th century a considerable number of Ottoman primary schools and Muslim theological colleges were in function. The thematic diversity of the books dealt by Yusuf Çelebi will be compared to the most popular titles among the Rusçuk Muslim book owners as revealed also in their inheritance inventories.

Finally, the situation of a provincial Ottoman book market at a given Balkan centre will be assessed in light of the relevant situation in the Ottoman capital Istanbul during the first half of the 18th century.

ХАКОВ Дженгиз
(Bulgaria)

Балканы – приоритет региональной политики Турции

Приоритетное место Балкан в региональной политики Турции определяется от следующих двух факторов: прямая сухопутная связь с цивилизованной Европой, к социально-экономическим, по-

литическим и культурным ценностям которой она стремится приобщить, и важное военно-стратегическое значение для безопасности страны и, в особенности, Стамбула.

Турция принимает свои новые географические границы и не предъявляет территориальные претензии к своим соседям. Мирнолюбивая политика, которую она проводит на основе девиза Ататюрка «Мир в стране – мир в мире», преследует защиту её суверенитета, территориальную целостность и республиканский режим. Эта политика осуществляется на Балканах через двусторонние и многосторонние договоры с балканскими государствами. В результате этой политики в 1934 г. создаётся балканский пакт между Турцией, Грецией, Румынией и Югославией для защиты их границ против агрессии.

Турция во времена Ататюрка утверждается в мире и, в особенности на Балканах, которые занимают приоритетное место в её региональной политике, как миролюбивое государство.

SIDDHARTHA Sundari

(India)

Roots of Cameralism in India and China, with reference to Kautilya and Confucius

Cameralism is a mode of governance which evolved in Germany in the 15th century A.D. It was a holistic concept of how a king should rule the state, look after the welfare of the people and strive for the economic sufficiency of the kingdom.

In the course of the development of the societies and nations, this holistic approach was left behind and economics, politics and their separative methods came into existence.

Now, in the twenty-first century, the wheel has come the full circle. People have realized that there is nothing called part – progress. The entire society has to feel the goodness of the governance in full measure, for the state to be peaceful and prosperous. Cameralism is coming back, in effect, though not with the same tag or nameplate.

This cameralistic approach is specially visible in the collection of thoughts of the ancient intellectuals – Confucius and Kautilya.

Confucius was the disciple of the Chinese begend – Lao Tse.

Kautilya was the minister of King Chandragupta Maurya of India.

A study of these two and their thoughts enables us to perceive the roots of Cameralism, way back in the centuries before Christ, in the ancient history of China and India.

The creative economist Confucius was born in 552 B.C., roughly two centuries ahead of the great Indian economist Kautilya. Both were great administrators and teachers. Both wanted power, but only to reform the world around them. Both became premiers and succeeded in strengthening the regal authority by curbing the barons and the feudal lords that were unethically ambitious.

Confucius gave the world guidelines for a rationalized social order, through the ethical approach. The most curious characteristic of his theory was the absence of the distinction between politics and ethics. His doctrine was that 'the measure of man is man'. While this gives hope and equal opportunity to every man, it also holds the individual responsible for his own improvement and perfection. But what appeals to the reader in Confucius, is the indefatigable urge to go on with the work that he had marked out for himself. His was a practical approach through 'scholarship and learning'; he was not one of those 'born to know the truth'.

Kautilya has an uncanny resemblance to Confucius. In Kautilya too, we see the condemnation of asceticism and inflicting of punishment for those who ran away from their family duties. A further study of Kautilya and his Arthashastra helps to dispel the illusion that Economic thought is exclusively of European origin. The study also brings to light instances of numerous anticipations by early Indian thinkers of doctrines which are supposed to be modern (and Western). According to Kautilya, though the State was said to be in charge of many of the functions of governance, enlargement of individual rights and freedom was equally important.

The two thinkers, each in his own way, had evolved a method of government which aimed at the welfare of the whole state. This method proved to be the cornerstone of the edifice raised in Germany under the name of Cameralism.

SINKU Usha

(India)

Harmful effects of Rice Beer (Haria) among the tribes of South Chotanagpur (Jharkhand) due to modernization

South Chotanagpur Plateau of Jharkhand state is a tribal belt. There are about 32 Scheduled tribes. Oroan, Munda, Ho and Kharia are the main tribes of South Chotanagpur. Rice Beer is a traditional drink of Oroan, Munda, Ho and Kharia. Oroan call it Jhara, Munda – Bodey, Ho-Deyang or illi and Kharia call it Bolang. In Hindi it is called Haria. Haria is not only the beverage but is a complete food and "Pyasa" for them. It is their belief that God has given this to them. So it is a Holy drink for them. Haria is used in their social as well as in religious function. They entertain their guest with Haria. Haria is also used as medicine simply or by mixing with some herbal plants. Rice Beer is prepared by fermenting boiled rice, maruwa or wheat with Ranu. Ranu is rice pillet prepared with ordinary rice or with a special "Karhaini" rice powder, mixing it with few herbal plants. A survey work has been conducted in different villages and village market of South Chotanagpur. Interviews have been made with Ranu maker, with Baidha and

also with villagers regarding the mode of preparation of Ranu, Haria and Herbal plants used by them in preparing Ranu. There are so many wild herbal plant species and people of different areas use three or four different plants to prepare ranu. Plants are selected by them as they wish to make Haria Sweet or strong i.e. Piper longum, Andrographis paniculata, Madhuka latifolia, Asparagus racemosus, Puraria tuberosa etc. Traditionally Ranu and Haria are used by Oroan, Munda, Ho and Kharia to cure many diseases. Jharkhand is a newly formed state of India. There is a rapid change due to modernization, industrialization and civilization in this state. The tribal culture and their management also get very much affected. Modernization and civilization has endangered the life culture and unique knowledge of tribal. The poor innocent tribal people came in contact with outsiders and learned to earn money. They learned to use some chemicals i.e. sulphate, phosphate and urea in preparing Ranu and haria. These chemicals make the haria ready only in one day instead of three days and is very strong to drink. But it makes people sick, their heart and liver are affected. Now the government and N.G.O's Scientists and general public have a great task ahead towards this problem.

NANDJI Rai

(India)

Ancient Indian Buildings in Agiabir :

A Socio-Technological Study

with Special reference to the Unity in Diversity

Agiabir is located on the left bank of river Ganga in district Mirzapur of eastern Uttar Pradesh. The ancient settlements extends in an area of more than one km along the river having an occupational deposits of 8 to 10 meters. The site has been excavated by the Banaras Hindu University which revealed a five periods cultural sequence from 1300 BC to 700 AD.

The habitation of remains of period fifth belonged to the Gupta and post-Gupta times (the period under discussion). In addition to other findings the most important findings of this period are the house complex of 11 rooms with courtyard and a boundary wall. The plinth area of the complex is 18.50 meters (east-west) and 12.80 meters (north-south). There is two entrance this structure, one from the south-east corner and other from north side.

In present communication, technological study of some aspects of building materials such as bricks & clay for bricks, plaster & mortars, tiles and associated fortification & moats, wells and ring-wells have been undertaken. Their socio-economic factors in pan-Indian contexts have been assessed. Our study revealed that salient features concerning with house building activities through the ages from Harappan

period onward, present a case of Unity in Diversity in the use of lime or gypsum plasters and mortars, lay-out of bricks, alignment, etc., which shall be discussed.

KANDIR Kunul

(India)

Ethnomedicinal Plants Used by the tribals of Jharkhand (India) in their Social Rituals

The curative properties of the plants have been of main interest to mankind since time immemorial. Interests in medicinal plants are growing mainly because they are natural, non-narcotic, cheaper and have no side effects.

The quality of medicinal plants depends on the geographical origin. Jharkhand plateau has been the reservoir of enormous natural resources including vegetational wealth. Plants have always been an inevitable part of the life of the tribal people of Jharkhand. Hence it is natural that all aspects of the folk life and beliefs of the people of this area have sufficient narration about plants and their parts. Plants play a key role in their social rituals and festivals. Sarhul, Karma, Jitia, Sohrai are the main festivals of Jharkhand. In these festivals they worship nature through worshipping the specific plants.

During investigation it is found that these specific plants have curative properties for various human ailments. Some of the specific plants used in festivals are *Shorea robusta* Gaertn (Sal) in Sarhul, *Adina cordifolia* Hook. f. (Karamtree) in Karma, *Semecarpus anacardium* L. (Bhelwa) in Karma, *Ficus religiosa* L. (Peepal) in jitia, *Cynodon dactylon* L. (Doobghass), *Curcuma longa* L. (haldi) and deshi beer (Haria) of *Oryza sativa* L (Rice) and *Eleusine coracana* Gaetrn. (Marua).

This area is extremely rich in potential plants which can be utilized in development projects and micro projects.

SHARMA H.P.

(India)

Nutri-Medicinal Value of Ethnobotanical Plants, Growing in Tribal Region of Jharkhand State

Plants are known to be the basis of life on the biosphere. Mankind is dependent upon the plants for their basic needs. In addition to the basic needs plants are used as fodder, fuel, cosmetics, medicines and in many other areas. Medicinal utility of plant is known down the ages. However, there are certain plants, which are both of nutritional and medicinal values.

Tribal region of Jharkhand, which is a nascent state is inhabited predominantly by tribals of different ethnic groups. Plants are intimately associated with the livelihood and cultural heritage of tribals. There are large number of lesser-known plants growing wild-

ly, which are consumed by tribals and indigenous people. These wild plants grow easily; provide health security together with nutritional fulfillment and taste. Due to rapid developmental activities and other human related factors it is scared that valuable plants and related knowledge about their ethnobotanical used will be lost shortly. Therefore, there is an urgent need for exploration, collection, identification, documentation and authentication of ethnobotanical plants in general and nutri-medicinal plants in particulars, so that these plants can be introduced to larger section of the society and could be a source of revenue generation and self employment amongst the tribals.

In the present paper large number of plants have been reported which are consumed by the tribals which are highly nutritional in terms of proteins, carbohydrates, fats, vitamins, minerals and are also of therapeutically importance providing immunity and remedy against cold, cough, stomach disorder to diabetes, hypertension, gynecological problems, skin diseases etc. A few important plants are as follow:

Basella alba Bauhinia purpurea, Boerhaavia diffusa. Cassia torn, Centella asiatica, Chenopodium album, Fiats glabella, Masilea minuta, Moringa oleifera, Ophioglossum, Oxalis corniculata, Polygonium plebeium, Sesbania grandiflora, etc.

RAMESH Madan

(India)

Hindu religion: not monolithic

A recent newspaper report citing from the theme of a British physicist named Stephen Unwin from the University of Manchester mentioned there was 65 per cent possibility that God existed. Further, prior to that the reports stated that the maximum number of believers, i.e. 92 per cent live in India in the new millennium. The beauty of Indian religions lie in the fact that it is not monolithic. 'God' among 'Hindus' is worshipped in various forms Indians still weigh the existence of evil and sufferings against miracles. Miracles according to Indian philosophy occur as a result of our own good deeds. The five senses 'Kama' (sexual desire\lust), 'Krodh' (anger), 'Moha' (attachment), 'Lobha' (greed) and 'Ahankar' (arrogance) when misused without a sense of morality lead to one's downfall Similarly, worshippers of female goddess believe wrath befalls when Maa Kali (goddess of health), Maa 'Durga' believe wrath befalls when Maa Kali (goddess of health), Maa Lakshmi (goddess of wealth) or Maa Saraswati (goddess of learning) various forms of Mother goddess get angry.

Hindu texts while despite giving obvious diversity of ideas and their enchanting distinctiveness as for example given in 'Ramayana' and 'Mahabharata' or through Vedas, Smritis, Puranas, Dharmas and Bhagwat Geeta represent common themes and core concepts as knowledge, power and wealth be properly utilized.

With this background, this paper aims to depict India a land of unity in diversity by emphasizing mainly on the aspect of several Indian originated religions in general. While tracing some historical facts

starting from Ancient India which witnessed the birth of Jainism and Buddhism spread to many countries of Asia and became very popular in Japan, Korea, Srilanka and Taiwan while having originated in India. Similarly, Hinduism spread to Nepal, Mauritius and now is even becoming popular in America and the west too. Hinduism's two forms Nirguna and Saguna bhakti shakha that is attainment through bhakti \love or gyana \knowledge gained popularity during the Medieval period of history. With the spread of Christianity developed the revival of Hinduism in the 19th century. Popularly known as the 'renaissance' or reform movement saw the birth of Arya Samaj, Brahmo Samaj and Prathna Samaj. All these movements including many other offshoots of Hinduism intermingled and acted and reacted upon one another in such a manner that though people speak different languages believe in different Gods are of different creeds, caste, origin or different cultures (for example in Rajasthan there are Suryavanshi and Chandravanshis, one believed to be the descendants of Lord Rama and other of Krishna related to sun and the moon respectively). and while they observe various and different social customs they follow certain common styles of life all over India.

Today, in the new millennium, according to the Census of India report there are 84 per cent Hindus living in our country.. Census figures include followers of Jainism, Buddhism, Sikh, Hindu i.e. both Arya Samaj and Sanatam dharma reveal many common factors for attainment of enlightenment although the path followed is different. 'Buddhists believe in following the 'Eight Fold Path', Hindus in "Karma", "Atma" reincarnation i.e. our good deeds in this world be rewarded in our next birth etc. Jains follow 'Trithankaras'. Texts composed in Sanskrit, Pali or vernacular \khari boli or any other language the substance remained the same throughout the country. Not only this, the foreign originated religions 'Islam', 'Christianity', 'Bahai' 'Zoroastrianism' 'Parsi' adopted many styles of Indian life.

Overall, finally with this background despite the fact that ours is a land of several religions in this paper it is strongly argued that our country shows a deep underlying unity in spite of great diversity.

CHAKRABORTY Satyanarayan
(India)

**Literature for children and adolescents
in classical Sanskrit literature and its impact,
prospect and future in modern children's literature**

Classical Sanskrit has a rich heritage of literature for children and adolescents. Innumerable fairy tales and fables, composed for the last two thousand years have a great role in the man-making process of Indian education system. The didactic note, the ethical reflections and the moral aspects of this type of literature influenced Indian culture keep up some eternal values generation after generation. Origin of this literature may be traced back to the earliest times of Indian literary composition. Literature for children were so popular that hundreds of

translations in different languages, both Indian and foreign, continued to come up since its composition. In the present-day situation when children and adolescents are more prone to sex and violence children's literature in Sanskrit has a great role to play and it is high time that a sincere global effort in this regard is taken at the earliest.

BISOTRA R.L.

(India)

**Demographic analysis of Tibetan Buddhism
in western Himalayas**

Tibetan Buddhism in western Himalayas has been studied in the past in various aspects covering vast area of socioeconomic, religious and cultural fields. But how many followers of Tibetan Buddhism are there in the region and how many have been there in the past? The study of major trends in the demographic profile of population professing Tibetan Buddhism is the main focus of this paper. Is the population of this sect of Buddhism declining in this part of the Himalayas? If so, what are the main reasons? The socioeconomic, religious, technological, cultural, strategical and political factors contributing to such trend are required to be studied at length.

Major portion of western Himalayas comprises of northern part of Himachal Pradesh state and Ladakh region of Jammu and Kashmir state of India. The people of these areas are now openly exposed to the world outside their geographical areas due to recent liberal tourism policy. In Himachal Pradesh, the people of Lahaul and Spiti and Kinnaur districts in the past has been confined to their geographical limits due to lack of road and aerial communications. Except few persons migrating seasonally from Lahaul valley to Kullu valley or some persons with their sheep herds from Kinnaur to other parts of Himachal and Uttar Pradesh or some able bodied persons on pilgrimages on traditional and difficult routes, majority of population hardly came out of their villages and districts. Therefore, their mini world was their villages, social, cultural and religious beliefs and practices untainted by the worldly affairs.

The Sino-Indian conflict in 1962 paved the way for developing these areas from strategical point of view. The Indian National Highway No.22 (Shimla Kaurik national highway) towards Kinnaur district and National Highway No.21 (Manali-Leh road) were improved to facilitate movement and deployment of the Indian army in these areas. This also allowed the people to use transport system provided by the state governments of Himachal Pradesh and Jammu and Kashmir resulting in more exposure outside their areas and sociocultural exchange with the people in other parts of the country. The Ladakh was given some autonomy through the regional council by the Jammu and Kashmir government. District Lahaul and Spiti was transferred from the Punjab

to Himachal Pradesh in November, 1966. Since these two districts of Himachal Pradesh are the tribal districts, special attention is given to these areas for overall development. Special funds are allocated by the state and central governments for the social, economic, cultural, educational and infrastructural development of these areas. This all started in the beginning of seventies of the last century. Most of these tribal areas in Himachal and parts of Jammu and Kashmir areas (particularly the Ladakh region) were restricted to Indian and foreign tourists and visitors. These restrictions were largely removed by the Government of India in 1991-92. Since then, thousands of tourists, research scholars and film makers have been thronging these areas every summer and autumn. This has given opportunity to the people of these areas to mix with people coming from other areas. The electronic media viz. Radio, television (particularly the cable TV. network) since early nineteenth has brought about revolutionary changes in the food habits, dresses and thinking etc. One important impact of these contributing factors has also resulted in change in thinking about the religion they have been professing for centuries. The youths have been impressed by religious practices and faith in Hinduism. The sub-sects of Hindu religion, for example Radhaswami has opened their branches even in remotest corners of the tribal districts. Moreover, Lamas for monasteries are hardly available in Lahaul and Kinnaur areas. Sometimes they have to be brought from Ladakh region. The trend also indicates an informal conversion to Hinduism.

The population religion wise is available for these areas since 1881 till 1991. The census data of 2001 is currently in the process of compilation, computerization and finalization. If the data are available by August 2004 the same will be included in the paper. Other information relating to sociocultural characteristics of the population are also available in the census reports. The numerical and other information in census reports relating to Buddhist population of western Himalayas will form the base for the presentation. The historical perspective of other religions in these areas will also be taken into account, as these have contributed in influencing the Tibetan Buddhism in these areas in the past.

The data in respect of Tibetan refugees who have entered India in 1959 and thereafter are also available. Their study can form separate portion in the paper so that native Buddhists can be studied in historical perspective.

The demographic profile of people professing Tibetan Buddhism in western Himalayas will be useful study and help in forming the basis for sampling and other statistical techniques in future studies. The data are available from state level to the smallest administrative unit i.e. Village. Therefore, the spatial distribution of population and other characteristics will form data base for future studies. The demographic study of this type has not been made so far.

CHOUDHARY P.K.

(India)

(1) Deviant Behavior of Children in the Age of Globalization

Children are the most important part of any society. They are the future of nation. Their proper needs and socialization should be done keeping in view the development of society as well as nation. But children are suffering from heavy load of modern education and due to information revolution, the traditional behavior of children and the process of their socialization has changed. Their behavior are furious against the parent and family members. They have invented a new type of deviation and intoxicating materials, which are unknown to their elder people including parents. For Example Iodex ointment which is a medicine for muscular pain relief and Corex a cough syrup. But children are found of eating slice bread with Iodex and at a time full bottle of Corex cough syrup, drinking for getting intoxication. Likewise so many intoxicating things are being used by them. Some times school going children are having pistol and knife to take revenge from enemy and teachers also.

In the present scenario the various country came under the pressure of global economic forces, which comes imbalance between national budgetary priorities and the proper needs of children. This is a great emerging problem in globalization age.

(2) Cultural change and structural adjustment through mass media

In the history of world culture the Indian, Chinese and Maya cultures are very ancient and prosperous. That is why these cultures have expanded all over the world. But due to process of globalization these traditional cultures are facing pressure of change. The daily life style, dress wearing, food habit, sexual act, way of looking at the world, relationship, marriage system, process of socialization, behavior, faith and belief etc. all are being changed.

The people are guided by the mass media. The maximum number of social serials and films are presenting false image of the family and society by television which are not true in anywhere i.e. type of family relationship and social phenomenon etc. are not really occurring in any society. But false image is more powerful and becoming more important than real image of society today. Thus a new type of culture taking birth in the society. In which new generations are facing adjustment problems with the older people and structure of society. This is a gap between new culture and existing social structure. This paper will throw light on cultural change and problems of structural change and problems of structural adjustment due to expansion of mass media.

PRANABANANDA Jash

(India)

Administrative set up in the Management of the Buddhist Samgha

The Buddhist Samgha which is considered as one of three pillars of Buddhism played a vital role for its global acceptance with its humane nature and Philanthropic traits. The object of this paper is to analyze some aspects of the administrative set up of the Buddhist Samgha (monastery), the abode of the Bhikkhus (mendicants who had renounced the empirical world).

The paper initiates with an introduction of the origin of the Buddhist samgha as narrated in the Buddhist texts. It is known that Buddha at the request of a wealthy merchant (setthi) of Rajagrha in Bihar allowed the various categories of abodes for the monks- viz., vihara, addhayogas, prasadas, hammiyas and guhas. In course of time avasa, type of resident for alt seasons came to be organized within the periphery of the avasa, the lodging houses were known viharas. and they developed from the single eremitical to a larger congregational type, from viharas into monasteries. With this development, Samgha became an organization independent of the wanderers' community.

Buddhist Samgha was primarily based on a republican structure model. It did not have any theocratic head at least in the beginning but the framework was not unchanged in the later period after the completion of the first four Buddhists councils. Moreover, a new thing which is significant to note, developed in the last three councils, namely, the interaction between temporal political authority and the custodians of religious orders. The paper has convincingly shown that the monastic institutions which played a predominant role in the socio-religious life of the people had also an intimate connection with contemporary polity. The management policy of the Samgha seems to have been generally followed the Traditional laws of the Samgha.

The paper highlights the status, authority and activities of the monks and functionaries of the Samgha and enunciates the internal differentiation within the fraternities of the Samgha. All these officers of the Buddhist order were broadly divided into two distinct categories. The officers like Acariya or Upajjhaya, etc. who looked after the moral aspect of the monks belonged to the first category, while those like Karmadana, Viharasvami etc. forming the second category were responsible for the material needs of the order. Again, a set of administrative officials was selected and/or appointed by the method of natti for smooth running of the Samgha. It includes the different designation of the officials (like - monk-in-charge of stores, distributor of robes, store-keepers, etc.) who were entrusted to perform Samgha works and also to maintain viable activities of the monasteries. The entire structure of these functionaries reveals the existence of a regular system of hierarchy in the administrative set up in the management of the Buddhist monastic organization.

SAHU Heem Bachan

(India)

Threat of modern development/globalization on the socio-cultural existence and survival of the indigenous population in Indian sub-continent

There has been continuous change in the socio-cultural and economic set-up of the Indigenous population in different parts of Indian Sub-continent due to the latest developmental activities such as Industrialization, Globalization, Mining-specially open cast mining, Deforestation and Desertification, Adaptation of Western Culture, music and life-style. All these and many more are giving direct threat to the survival and existence of the indigenous population which are basically nature loving and depends upon forest flora and fauna for their subsistence and livelihood. This forest dependent population is being compelled to move from their original, traditional & natural habitats. Since they are not at all habituated to live in any altered habitate the population of many groups of indigenous mass, mostly ethnic tribes is decreasing in such a rapid rate that they are now-a-days called as VANISHING TRIBES. All these developmental projects have proved to be annihilator for the Indigenous mass in general and the Tribal communities in particular since this mass has always been displaced and compelled to migrate to other now habitats for food and shelter. This alarming situation needs an International debate. Ideas and opinions of Scientists, Social Scientists, Social thinkers, Cultural, Political & Economic specialists in this regard in an urgent need to get a solution for this burning problem which will certainly prove a mile-stone for the protection and survival of the prehistoric social, cultural, economic and religious traditions & set-up of the indigenous people in general & the ethnic tribes in particular.

VAISHNAVA Y.D.

(India)

3rd Milinare standard global laingwej sosaitee

The prehistory of Egypt is divided into five periods, known as (1) Tasian, (2) Badarain, (3) Amratean, (4) Gerzean, (5) Semainian; the names being taken from the villages near which the principal finds were first identified. Of these Badarian is a doctrine of philosophy which relates to be Badrinarayan temple of Uttaranchal. This temple at a height of 3,256 m. remains snow bound for six months. It is situated just on the Indo-Tibet international boundary. Badarian was a scholar of the Dwaipayana (Sri Krishna Dwapayan the Kush Empire).

The history of the creation of Uttaranchal begins with the subjugation of the former province of Kumaun due to the exigency of the

barbarous administration of the Ranas of Katmandu Valley during 25 years of their occupation since 1790 to 1815. These Ranas held the King of Nepal, as their prisoner and took all administration in their own hands. The Rana family ruled, throughout the Himalayan districts from Brahmaputra valley in the east to Shatluji in Punjab in the west. They were driven in 1815 by British East India Company with HQ at Singapore. They occupied the territory called Kali Kumu i.e. Kumu on the river Kali (called Mhakali in Nepal). When Viceroy Lord Curzen was ruler of India at the turn of 19th century the Home Rule movement. Started in Kumoan, he was forced to visit Uttaranchal. Even for getting a separate state formed several sacrifices made by the Uttaranchalis and the ghastly attack on the procession of Uttaranchalis to Delhi on October 2, 1994 in Muzaffar Nagar District can make an epic of the people who sacrificed their today for their states tomorrow. Thus trying to make true their long cherished dream. Kumu is a very ancient cultural heritage of Persia. It is still regarded as the gateway to Firdos (paradise) it is the graveyard of Persian Kings who called themselves Arya-Mihir (the sun of Arya race).

SINGH Harnam Shan

(India)

The love-legend of Sassi-Punnun as described in Urdu Language & literature

Of the many love-legends current in Panjab, the land of Five Rivers, that of Sassi and Punnun is one of the most famous and popular. The young and the old; Hindus, Muslims and Sikhs; feel equally elated to tell or hear it.

It is a well-known Indo-Pakistani legend concerning the fatal conflicts involved in a love-affair that cuts across social barriers, religious divisions and regional loyalties. It is the tragic tale of a beautiful but unfortunate princess, called Sassi, at whose birth it was prophesied that she was destined to love and marry someone outside the circle and thus to bring evil and disgrace to the dynasty. She would die, thereafter, of the grief of separation while searching for her treacherously abducted love-lord in a lonely desert. Terrified by the prediction and in order to save the honor of the family and to combat her fate, she was shut in a box and floated down the Indus River. A childless washerman of Bhambhore (Sindh) found her and brought her up as his own daughter.

In the prime of her youth, Sassi chanced to fall in love with Punnun, a handsome Hote prince of Kech-Makran (Balochistan). He too attracted by the reports of her charm and her intense love for him, left his home and his life of luxury. The lovers met at Bhambhore and were married by Sassi's foster parents. But their union was severely op-

posed by Punnun's parents who couldn't tolerate the idea of their son marrying a girl of another cast and another country. So they treacherously had him removed from her side when they both were asleep.

Grief-stricken at her loss, Sassi followed him alone on foot. During her wailing and wandering in the desert, a shepherd tried to outrage her modesty. Sassi prayed to the Mother Earth for protection which parted and she was instantly swallowed up in its embrace. On regaining consciousness, Punnun managed to escape and rushed back only to find that his beloved had disappeared. He cried to the heavens for help, and the earth parted again to unite the lovers, at last, in death, or disappearance underground.

This simple and lovely legend is a tale of which any nation might well be proud. It embodies the expression of a people's genius, its emotions and its aspirations. It has all the attributes of a sublime lyrical tragedy. It is also an expression of the composite culture of the Indian subcontinent.

Hence, it captured the attention and won the affection of the people far and wide, and has been told and retold for generations. It has exercised the same sort of influence on the imagination of poets of various languages as, for instance, have the tragic romances of Yusuf-Zulaikha and Laila-Majnun in the East and these of Hero-Leander and Romeo-Juliet in the West.

Sassi has virtually been and still is a celebrated heroine of the folklore as well as of the mystic and romantic poetry of the Panjabi and Sindhi-speaking people, in particular.

It has also received due attention and description from the poets and prose writers of Urdu, a highly developed language of the Indian subcontinent.

1. First on the list, and also the best and the oldest available, is a famous masnawi, entitled Asrar i Mahabbat by an eminent prince and poet, Nawwab Mahabbat Khan Mahabbat, written in 1783 A.D. He also composed three Diwans, one each in Persian, Pashto and Hindostani. 2. He was followed by Maqbul Ahmad Maqbul, a celebrated Maulawi of Delhi, with his Qissa Sassi Punnun in 1848. This and his Qissa Hir Ranjha fascinated Garcin de Tassy who mentioned them in his History of Hindustani Literature (1839). 3. Masnawi Nasim i Sehr was composed by Pandit Jia Lal Khasta Dihlavi in 1876 A.D. 4. Munshi Salig Ram completed his Masnawi Sassi Punnun in 1890. He appears to have written a number of other books as well. 5. Amjad Ali Qalag commenced his Masnawi Mehr o Mushtari in 1860. 6. Another version is available in his Masnawi Mehr o Mushtari, written in prose by Hittu lam. 7. Lala Bam Ditta 'rikh i Balochistan', written in prose by Hittu lam. 8-10. Efforts have also been made by Kartar Ghand Sitam, Lai Singh and Ghulam Muhammad to present the romance in a dramatic form.

SINGH Asha

(India)

**Health status of tribal women of Jharkhand (India)
Under the theme-human ecology (health & medicine)**

Indian planners have already accepted health as an important area of women's development. The first five year plan of India recognized the need for adequate services for women's welfare to enable women to play their legitimate role in the family and the community and also recognized high infant and maternal mortality as major problems to be solved through the provision of maternity and child health services and family planning. Physical anthropologists and social scientists of India and abroad are very much conscious about the women's health status of India. Several Research Projects have been undertaken by veteran anthropologists to study the health status of tribal women of Jharkhand State of India. The major demographic trends used by CSWI as indicators of women's health status are the sex ratio, life expectancy and mortality rates, maternal mortality and female mortality patterns. In the presentation of my paper special focus will be thrown on the health status of tribal women of Jharkhand state. My observation as a social scientist is that health status of women in India is worse in rural areas than in urban. Female infant is neglected because of ignorance, superstitious and anti-daughter bias. In tribal state of Jharkhand health status of tribal women is comparatively better than male. The study on the burning issue will definitely captivate the attention of Scholastic gatherings of the ICANAS-37 conference.

KHORLOO Sampildendeu

(Mongolia)

Globalization era and Mongolian culture

The culture of different nations develops through the mutual in fluency on each other besides the national environment. This is the manifestation of the social law about the relative dependence. The historical background of the each culture is based on the certain type of climate, nature and geography of the region.

In the globalization era, for Mongolians set a goal that to save and transfer traditional language, script and mental value, in other side, be harmonious to the norm and criterion of modern development. And already now arise some transformation.

ENKHTUVSHIN B.

(Mongolia)

Present issues of Mongolian nomadic society

The role of nomadic society in the development of world civilizations and the changes in nomadic society are, at present, relatively little studied. This report refers to the interrelated issues concerning

the role of nomadic society in the development of world civilizations, the methodology of civilizational research, ways of ensuring inter-civilizational consensus in the era of globalization and development tendencies within modern nomadic society.

Insightful of the nature of nomadic life can affect the understanding of all civilizations and the appraisal of history. Some 14000 – 10000 years ago, human beings transformed into socially organized groups, which look seven main forms: small-scale societies, unclassified societies, subsistence societies, classified society, city-states, nation states and local societies, which distinctively shaped life and cultural development. Nomadic society was not the "barbaric", "savage" and uncivilized society described by some Chinese and European historians of the seventeenth century. On the contrary, as regards civilizational form, this society emerged at the end of the subsistence period and undertook the first two major divisions of labor in the world: animal husbandry and agriculture. The nomads were pioneers in the dispersion of ancient tangible and intangible cultural forms.

They secured the famous Silk Road and developed the world trade network, which reached Mesopotamian cultural centers from western China, winding through the mountainous and hilly regions of Central Asia. Furthermore, the great road linking Rome, Muslim countries and Western Europe was under the protection of nomads. This network was not only a trade route but also a route of interaction between different civilizations. Along this road, city-states were created, and Buddhism, Islam and Christianity developed peacefully. The nomads used the road to introduce Chinese papermaking technology to Egypt and the road to introduce Chinese papermaking technology to Eurasia. Therefore, when Europe and modern military technology to Eurasia. Therefore, when the Hunnu state led the first drive of Mongolian nomadic society some 2000 years ago, it made an important contribution to the history of world civilization.

Mongolians created the horse transportation network, which was the most expeditious means of communication throughout the territory of the Empire. Western and eastern traders, tourists, monks, and political and military figures used this network, and the relationship between Asia, Europe and the Mongolian Empire flourished as never seen before. Western goods went east; eastern goods went west; coin and paper currencies in circulation increased; and trading centers and ports were created. The free trade policy of the Mongolian Empire strongly influenced interaction among different civilizations, cultures and nationalities. In this sense, the transport network and trading road situated in the Mongolian Empire, which linked the major parts of Europe, Asia and Middle East, served as a bridge between many civilizations of the eastern part of the world.

The present situation of nomadic civilizations is the subject of ongoing study by scholars and researchers. In the "National Program for the Development of Science and Technology of Mongolia", which was ratified by the Government of Mongolia to be implemented in 2010, the

main direction of research is to work out the model of Mongolian civilization in the context of globalization. Scholars are debating concepts and definitions of the further development of civilizations in the era of globalization.

Within the functional framework of the International Institute for the Study of Nomadic Civilizations (HSNC) international and regional academic conferences and expeditions have been successfully organized in order to study the present social situation of nomads of Mongolia and other relevant issues. As one of the recent examples, the international expedition "Transformation of Central Asian Nomads" has been organized by the scientists of Peoples Republic of China, Mongolia and Russian Federation with two stages. The result-oriented report of the expedition shall be thoroughly described in my original paper.

NAKAMI Mari

(Japan)

Suzuki Daisetsu's Concept of Japan

Suzuki Daisetsu (1870-1966) was well known scholar of Buddhism in modern Japan who had given considerable impact on the western intellectuals especially those of the English-speaking countries. Even after his death, his writings have kept influence on the people in the world as well as in Japan.

Up to now, the Buddhist aspect of his thoughts has been analyzed mainly by the specialists of Buddhism Studies. Several biographies have already been published and a few studies focusing on his thoughts on society, the state and war have also been carried out. However, the analysis of his concept of Japan has not yet been undertaken. For the evaluation of Suzuki as an intellectual who played an active part in and outside of Japan, such an analysis correlated with the examination of his thoughts on international relations seems to be indispensable.

Therefore, in this paper, I try to inquire into Suzuki's concept of Japan and describe its structure and characteristics. To do so, firstly, I am going to investigate how did Suzuki percept the relationship between East and West and place Japan there. Then I will clarify that because he had a strong desire to pursue the East's cultural equality to the West, he expected for Japan to play a special role to fulfill it. As the result, he approved Japan's hegemony and its expansion in Asia. Finally, I would like to point out three reasons which explain why Suzuki took it for granted that Japan could represent all Asian countries and did not doubt that they might not accept it as their leader: (1) he thought Japan had already digested all essence of Eastern culture, (2) with his historical philosophy of progress by competition, he convinced that Japan was a front runner in Asia, (3) he had the US like multi-ethnic concept of nation state which attenuated his resistance to Japanese expansionism.

MOMOTO Shin

(Japan)

Reconsideration of Ismā'īlī christology with special reference to Abū Hātim al-Rāzī

This paper reexamines a reportedly distinct Ismā'īlī Christological doctrine of the recognition of the historicity of the crucifixion of Jesus, which diverges from the rejection of this concept that is common to other Muslim traditions. It also reexamines the doctrine of Jesus' role as a herald of the advent of the Messianic figure of the Qā'ira, as suggested by the renowned French islamist, the late H. Corbin. In so doing we analyze the works of one of the leading missionary thinkers in Iran of his day, Abū Hātim al-Rāzī (d. ca. 322/933-4?), with special reference to Kitāb al-Islāh (The Book of Correction). This work is one of the most comprehensive presentations of the earliest phase of Neoplatonist-influenced Ismā'īlism in particular, and of Ismā'īlī literature in general.

With regard to the crucifixion of Jesus, although al-Rāzī accepts it as a fact in his another work, Aclām al-Nubūwah (The Signs of Prophecy), he is inclined to deny its historicity in al-Islāh. This would seem to serve as counterevidence against the above-mentioned Ismā'īlī recognition of Jesus's crucifixion.

Furthermore in al-Islāh a new light is shed on the harbingership of Jesus for the mission of the Messianic Qā'im. According to al-Rāzī, Jesus gained contact with the Universal Intellect and Soul, the highest hypostases in the Ismā'īlī Neoplatonist cosmology in potentia (i.e., through intermediation of lower angels), which the Qā'im would fulfill in actu (i.e., without any intermediation). That is, at the end of history, the Qā'im will recover Adam's original direct communication with the two highest hypostases: this communication was once lost with his paradise. Thus, in his argument, al-Rāzī connects the Neoplatonist cosmology with the Ismā'īlī scheme of sacred history.

SAITO Akira

(Japan)

Śāntideva's critique of 'I' or Self in the early and later recensions of the Bodhi(sattva)caryāvatāra

Śāntideva's Bodhi(sattva)caryāvatāra (BSA/BCA) provides an analytical criticism of 'I' or Self with twenty or twenty-one stanzas in its early and later recensions. These stanzas are included in Chapters 8 entitled "Instruction of Wisdom" (Shes rab bstand pa) of the early recension and in Chapter 9 entitled "Perfection of Wisdom" (Prajñāpāramitā) of the later. Śāntideva's criticism is centered on the reality of 'I' (aham) or Self (ātman). The purpose of this paper is to offer a comparative analysis of Śāntideva's critique on 'I' or Self as found in the two recensions of the BSA.

From this discussion are drawn the following conclusions: First, the early recension, which seems to better fit the context than the later, rather consistently focuses on a criticism of T. It thus stresses the importance of Bodhisattva's meticulous observations of the fact that neither any parts of the body: nor mind and mental faculties, nor those [Spirit and Self] regarded by non-Buddhist thinkers as permanent, whether conscious or unconscious, are not 'I'.

Secondly, on the other hand, the later recension considerably changed the contents and expanded the only stanza (BSA-I. VIII.44) into ten verses, i.e. BCA, IX.61-70 in which the author, Śāntideva, interestingly provides a more detailed discussion than the early text.

Thirdly, the only stanza in the early recension argues that those [Spirit and Self] defined as conscious or unconscious are not 'I', since in brief they are regarded as different from our ordinary mind endowed with consciousness.

Lastly, on the other hand, the later recension first criticizes the Sāmkhya's Spirit or Self by pointing out a contradiction between the premise of its eternity and identity and the real nature of its transience and plurality. It then directs a criticism at the Vaiśeṣika's Self by showing the two possible faults to be found respectively with the postulation that it becomes conscious only because of union with consciousness or that the Self is unchanged before and after its union with consciousness.

SHIMIZU Takayoshi

(Japan)

Russian Literature Accepted in Japan: Case of Dostoevsky

To speak about this topic, it needs to shed enormous quantity of ink. Then I am obliged to limit the most important features in this very interesting, complicated and gigantic problem. It is no exaggeration to say that the Russian literature has exerted the greatest influence in comparison with the other European literatures. What does it mean? Firstly there are many modern Japanese writers who had begun literary career under its strong influence. Secondly the Russian literature has got the great popularity among the Japanese people. Thirdly its influence and popularity have been durable in the comparison of the other foreign literatures. Why has the Russian literature played such a great role in the formation of the Modern Japanese literature? We could explain it in the first place by the similarities we can find between two countries: the backwardness in the modernization, the deep-rooted bureaucratism, the suppression of freedom, the conservative mind of folk and the radicalism of intelligentsia that has come from the above-mentioned oppressive social atmosphere. The discovery of the Russian literature was a sort of shock for the Japanese youth of the epoch of Meiji. The Russian literature had revealed them the passions for fun-

damental views of life, the critical spirit against the social injustice and the compassion for the oppressed and persecuted.

Among the many Russian authors of 19 century, Japanese has loved especially Pushkin, Gogol', Tolstoy, Turgenev, Dostoevsky and Chekhov. Above all Tolstoy and Dostoevsky has played the most important and the most influential role during Meiji, Taisho and Showa period (1868-1926-1989). Their influences had been such wide and such profound that they had large popularity not only among the writers but also among the fields of various, social activities.

Now we would limit this topic to the literary and artistic relation between Dostoevsky and Japan. The history of reception of Dostoevsky works is a symbolical event of modern Japan. Era of Meiji is an epoch of his discovery, when Dostoevsky was read generally on translations. UTIDA Roan translated for the first time in 1892 "Crime and Punishment" from the English translation. HUTABATEI Shimei, who is a specialist of Russian literature and helped Utida's translation, wrote the first Japanese novel in modern epoch "Ukigumo (Drifting Cloud)" by adapting the Dostoevsky's poetics. Shimazaki Toson wrote a splendid novel "Hakai (Broken Commandment)" on the model of "Crime and Punishment". The modern Japanese literature had started by these novels. But the influence of Dostoevsky was not so general. In the era of Taisho, period of humanistic awakening, Dostoevsky was considered as an idol of humanism. What is characteristic in this period is that Russian literature was translated from Russian original texts. Even the complete works of Tolstoy and Dostoevsky were published several times. However in this period, the most important Russian author was Tolstoy, not Dostoevsky. One had to wait the arrival of a new epoch, era of Showa, for Japanese intelligentsia to find in Dostoevsky the truly profound and problematic world genius. It was an epoch of wars and conflicts between capital and labor. In other words it was the epoch of severe conflicts such as Marxism versus Fascism. Then Dostoevsky had revealed his gigantic figure for Japanese Intelligentsia. They had discovered a great forerunner of existentialism in Dostoevsky.

TORBERT Anthony C.

(Japan)

Regional economic and the Six-party Talks' effects on North East Asian security

North Korea has been a focal point for North East Asian security concerns since the end of the Korean War. While the in the past, the threat of invasion worried South Korea, the United States and Japan, modern weapons of mass destruction and ballistic missile capability (and their dissemination) have increased the tension. However, there has been an on-going readjustment between the key regional powers that includes China and Russia. Now, greatly due to increasing globalization, there is a common interest in continu-

ing the peace. China, South Korea and Japan, while not the best of friends, are now working together on the North Korean problem, in hopes of maintaining a stable environment in which all three countries can continue to prosper without the threat of war or the need for a heavy U.S. presence in the region.

In the shadow of 9/11, the U.S. found support from China and Russia when the war on terrorism began. With the buildup to the Iraq War the support waned, however the delicate and often shifting power balance between Japan South Korea and China has now taken on a new tone in the post-war scenario, as the six-party talks have created an arena where there is at least some common ground for the key powers.

This paper will suggest that relations between the major powers in North East Asia in the post-Iraq War era, are at a relative high. Economic issues, the fear of WMD distribution, and the desire not to disrupt the current trend in growing trade and development, are all allowing historical enemies to find common ground and work together to resolve the issues caused by one of the last Cold War regimes left on earth.

SINCLAIR Paul

(Japan)

**Early Chinese studies in Japan:
The education of the Nagasaki Translators
in Tokugawa Japan**

Recent research has begun to focus on the Nagasaki trade with China during Japan's Tokugawa period, noting not only its political significance, but also its wide-ranging effect on Tokugawa culture. This paper follows this line of thought by examining the role that the Nagasaki Chinese language translators (Tōtsūji) played in Tokugawa Japan, and by discussing the role Tōtsūji Chinese language education played in shaping Japan's future contact with modern China. I point out the Tōtsūji tradition reverberated in Japan long after the Meiji Restoration of 1868.

After briefly introducing the Tōtsūji, this paper discusses in some depth four distinguishing features of the Nagasaki Chinese language education. First, the Chinese language that the Tōtsūji taught in Nagasaki (tōwa) was determined by the origin of the Chinese trading ships, which came from ports all along the southeast coast of China, as well as Vietnam and other parts of Southeast Asia. Thus, tōwa by definition included Chinese dialects and was in no way prescribed by "national" territories or borders. These Tokugawa attitudes toward tōwa presaged ideas toward what was to become shinago or the modern Chinese language in Japan's Modern period. Second, language education was integrated into practical training in trade practice. This aspect of the Tōtsūji Chinese language education was further developed in the Meiji period in Japan's trade-based Chinese

language institutes on the continent, and has interesting parallels with the "Area Studies" approach to language education the Japanese adopted under the American occupation after WWII. Third, despite its practical aims, the Tōtsūji education resembled more the traditional Chinese jiaxue or "home teaching" education found in China (the early translators were actually Chinese) than either the terakoya education for commoners or education in the fief schools of the Tokugawa period. Jiaxue never really disappeared from Japanese Chinese education even as WWII approached, and the purpose of Chinese studies became increasingly practical. Fourth, despite fluent spoken Chinese being the final goal, the Tōtsūji education heavily emphasized classical Chinese language and culture, and the remnants of this tradition still exist in modern Chinese education in 1945.

This paper concludes by making some brief observations about what seems to be a contradiction in Tokugawa studies of the modern Chinese language. While Chinese language was a simple tool for trade, it also represented venerated Chinese learning and tradition. I argue that this seeming contradiction is best explained in terms of the unique Sino-Japanese trade relationship that flourished from the beginning of the Tokugawa period to the end of WWII.

TAKATSU Takashi

(Japan)

**The civil service examination and Chinese culture:
The suppression of cultural diversity**

Civil service examinations have the tendency to suppress cultural diversity. This paper investigates how the Chinese civil service examinations influenced Chinese culture in the short term and in the long term, and what cultural features it has given rise to in Chinese society.

The civil service examinations occasionally fixed cultural values, and consequently obstructed the diversity of Chinese culture. The examinations fixed reference texts, which brought about the Alexandrian nature of Chinese literature. That is to say, there appeared a tendency to attach greater importance to knowledge of the past than to actual experience.

The tendency to fix cultural values in the civil service examinations is strongly suggested in publications from the imperial period. For example, the rhyming dictionaries were printed in vast quantities. Assuming the Chinese civil examination, which would promote the institutional canonization of the absolute central dialect. When a society sets up an examination system, the system itself influences the culture of the society, prescribes it to some extent, and suppresses the educational foundations of that society. This paper examines this problem.

ISHIDA Kazushi

(Japan)

**The reception of western music and
its development in East Asia**

The world of East Asia (the Japan Sea Rimlands) was forcibly integrated into the modern world system by Western powers in the mid-19th century and after. During that process East Asia also began to acclimate itself to Western music. It is well known that in contemporary times Western music forms part of East Asian culture, leading to the enhancement of international creative activities. The East Asian world had highly developed civilizations in premodern times. This fact stimulated nationalism in East Asia in the process of its being integrated subordinately into the modern world, and it helped to accelerate the revaluation of its long tradition. Music culture in concrete terms consists of the conservation of traditional, national and popular music as well as the modernization of its transmission system and maintenance and the internationalization of musical instruments and their performance methods, as well as the promotion of creative activities. From the 1960s in Japan, the 1980s in South Korea, Taiwan and Hong Kong, and the 1990s in China, "contemporary music", using traditional musical instruments, came to be produced and performed actively. This contemporary music, viewed through the media of presentation, puts emphasis on localism (regionalism), but in its content and performance (internationally open) has already been inclined toward globalization. This paper is meant to analyze its development and current state.

CHALOUPKOVA Lygžima

(Czechia)

About the sutra "Golden light" in Mongolia

The sutra of "Golden Light" is one of the most popular Buddhist sutras in Mongolia. It is well-known among the Mongolian believers who admire this sutra with high respect and devotion. In the catalogue of the Buddhist monasteries in Ulan-Bator in 2000 the tax for reading of this sutra by monks on special requests of the believers ranged from 100 to 300 tugriks. This sutra was recommended by Tsongkhapa to awake faith and promote love and kindness to living beings. Ordinary people believe that this sutra is useful to remove all obstacles, release from evil, misery and diseases? Bring fortune and happiness to each person individually and to the family and state as whole. In particular, this sutra has been considered an important help to acquire and keep on wealth and prosperity, avoid natural disasters like fire or flood, protect crops, trees, flowers and leaves, everything that is growing in the world. In summer 2000 didkhambo-lama Dondukbayev Tsyren from Aga monastery in Buryatiy told the author that the sutra of "Golden Light" was usually given to be worshipped in the families suffering by

poverty, diseases and childlessness. This is a clear evidence of spreading of this sutra among the Mongolian and Buryat population who adore and pay homage to this sutra till nowadays for miraculous effects and protective forces.

The sutra of "Golden Light" was translated into modern Mongolian by the Mongolian scholars of G. Chansal and L. Dulamsuren with a close assistance of khambo-lama Ch. Dambajav from the monastery of Dashchoiling in Ulan-Bator. Academician Ts. Damdinsure published an article dedicated to two Mongolian colophons of this sutra in 1979. Academician Sh. Bira published his paper on the spreading and comparative study of this sutra in Japan and Mongolia during his stay in Japan in 1993.

The sutra of "Golden Light" was very popular in Asia being translated in Chinese, Sogdian, Khotaenese, Japanese, Manchu and other languages. It was included in the Tibetan Buddhist canon of Kanjur in 3 versions, translated into classical Mongolian and included into Mongolian Kanjur. The separate exemplars of this sutra were published very often in Tibetan and sold in the bookstores of many Buddhist monasteries in Mongolia and Tibet. According to Ts. Damdinsures, the longest Mongolian version (31 chapters) was translated from Tibetan in the 17th century, a medium Mongolian version (29 chapters) was translated from Tibetan and Uigur by Sherab Senge in the beginning of the 14th century. The shortest Mongolian version (21 chapters) had two Mongolian translation; one of them was similar to the version of Sherab Senge whereas the other was an independent translation of Jaya pandita Namkha Rgyamtsho from the 16th century. This Oirat translation by "clear script" was widely known in Western Mongolia.

The sutra of "Golden Light" in modern Mongolian of 10 parts divided into 29 chapters. The first chapter deals with the names of bodhisattvas and sharavakas, kings of nagas and asuras, all those who came to hear the words of Buddha. The second chapter focuses on the three bodies of Buddha. The fourth chapter contains the verses heard in a dream with the sounds of a drum.

The following chapters describe a number of rites how to meditate and ask protection and prosperity from various dakinis such as Sarasvati, Kelenburi, Shirikhini, Vasundari etc. Other chapters deal with the four guardian god-protectors, especially Vaishravana, the god of wealth and richness. There are interesting Buddhist legends there, a lot of verses on morality and teaching which deserve a separate study. The Buddhist mantars are given in Tibetan letters and Cyrillic. A number of loan words from Sanskrit and Tibetan makes it difficult to read and understand the meaning of sutra for contemporary readers armed only with the knowledge of the modern Mongolian language. It is, therefore, desirable that an index of Buddhist terms is amended to the future editors. Nevertheless, our credits belong to the Mongolian scholars who published the sutra of "Golden Light" in modern Mongolian for the benefit of all readers in Mongolia and abroad.

Халоупкова Лызжима
(Чехия)

О значении сутры «Золотого света» в Монголии

Сутра «Золотого света» является одной из самых популярных буддийских сутр в Монголии и Бурятии. Чтение этой сутры обязательно во всех буддийских монастырях в Монголии верующие заказывают чтение этой сутры за определённую сумму денег например в каталоге буддийских монастырей г. Улан-Батора в 2000г. тариф за чтение сутры «Золотого света» колеблется тот 100 до 300 тугриков. Эту сутру рекомендовал читать Цзонхава для пробуждения веры и становления на путь болдхисатвы с помощью десяти пирамид. Для простых людей было важно её практическое значение, так как они верили, что чтение отдельных глав помогает преодолевать все препятствия, освобождает от всех злодеяний, болезней и бед, приносит счастье и благополучие для каждого человека в отдельности, для семьи и для государства в целом. Но главная её ценность заключается в том, что помогает сохранить и получить богатство, избежать стихийных бедствий, как пожары и наводнения, защитить урожай, деревья, плоды и всё живое на земле. Летом 2000 г. дидхамбо-лама Дондукбаев Цэрэн в Агинском монастыре в Бурятии сообщил мне о том, что сутру «Золотого света» дают на хранение тем семьям, которых постигло несчастье, болезни и не могут иметь потомков. Из этого вытекает вывод о том, что верующие в Монголии и Бурятии до сих пор высоко ценят и уважают эту буддийскую сутру и верят в её чудодейственные силы в качестве охранного фактора.

Большой интерес у читателей вызывает перевод и издание этой сутры на современном монгольском языке, сделанный монгольским учёным Г. Чанцал, Л. Дуламсурэн при участии хамбо-лама Ч. Дамбажав из монастыря Дашчойлон в Улан-Баторе. О монгольских кололофонах этой сутры «Золотого света» опубликовал статью академик Ц. Дамдисурэн о расширении и изучении этой сутры в Монголии и Японии написал акдемик Ш. Бира во время своего пребывания в Токио в 1993 г.

Сутра «Золотого света» очень популярна в Азии на китайском, согдийском, уйгурском, хотанском, японском и маньчжурском. Находится в тибетском Канджуре в 3-х версиях, была также переведена на классический монгольский язык и находится в монгольском Канджуре, отдельные экземпляры этой сутры печатались многократно в крупнейших монастырях Монголии и Бурятии. Согласно академику Ц. Дамдинсурену, самая длинная версия (29 глав) была переведена с тибетского в начале 17-го века, средняя версия (29 глав) была переведена с тибетского и уйгурского переводчиком Шераб Сэнгэ в начале 14-го века. Короткая версия (21 глава) имеет два монгольских перевода, один похожий с вариантом Шераб Сэнгэ и самостоятельный перевод от Дзая-пандиты намхаи Жамцо с середины 14 века. Этот перевод «ясным письмом» был широко известен в Западной Монголии.

Сутра «Золотого света» состоит из 10 частей и 29 глав. В первой главе перечисляют имена многих тысяч бодисатв, шраваков, девов и асуров, царей нагов и якшаксов, отшельников гор, рек и лесов, людей, богов, которые пришли слушать учение Будды Победоносного. 23 глава повествует о продолжительности жизни Будды Шакьямуны, 3-я глава посвящена телам Будды. 4-я глава содержит стихи, которые были услышаны во сне при звуках барабана. Эти слова Будды звучат набатом в ушах верующих и помогают преодолеть, совершаемые телом, языком и в мыслях, освобождают от плохой судьбы, смерти, бедности и всех несчастий. «Исповедь» (4-я глава) и «Прекращение существования кармической скверны» (5-я глава) этой сутры были включены как важные тексты в качестве приложения к «Лам-риму» Цзонхавы в новом русском переводе издательства Нартанг, СПб, 1994-2000 гг.

Следующие главы сутры посвящены более сложным вопросам буддийского учения о том, как проводить медитацию, просить помощь и защиту у разных буддийских божеств, как дакини Сарасвати, Кэлэнбури, Ширихини, Васундари и др. Специальные главы посвящены мехаранзам – охранным божествам 4 сторон света, божеству Вайшраване, покровителю домашнего очага, от которого зависит богатство и благополучие в семье. В сутре «Золотого света» встречаются интересные буддийские легенды, много поручений в стихотворной форме, которые ждут своего специального исследования. В современном монгольском переводе сохранены звучания тантр, записанные тибетскими буквами и азбукой. В самом тексте много заимствованных слов из санскрита и тибетского языка, которые затрудняют чтение оригинала. В дальнейшем желательно подготовить указатель важнейших буддийских понятий и терминов. Тем не менее мы благодарны монгольским коллегам, которые подготовили перевод и издали сутру «Золотого света» на современном монгольском языке, тем самым сделали её достоянием для многих благодарных читателей в Монголии и Бурятии.

GOUSAROV V.I.
(Russia)

The Arab world: economic results of the century

To the beginning of the XX-th century the Arab world consisted of the extremely backward agrarian countries, which were in the colonial dependence of different grade on the West-European Powers and the Ottoman Empire.

Henceforth during the XX-th century three events of great importance had the great influence upon the subsequent socio-political and economic development of the every arab country. They were: the first world war and its consequences; the second world war results and the achievement of the state independence.

The overwhelming majority of the arab countries gained the political independence during 1950-ies and 1960-ies and turned out in the center of those socio-economic and political processes, which constantly are changing the face of the modern world. The peoples of the arab countries joined actively as the subjects of the world history in the solution of the general human problems, regional und subregional ones, including the problems power economy, of raw materials of the food stuffs, of ecology, of poverty and many others.

For the solution of these problems the arab countries used very different methods, approaches and models of the development, often changing and alternate them.

The statistical figures of the UN for the year 2000, published in the 2002, testify, that the countries of the arab world entered into the XXI-st century with the extremely different results of the socio-economic development in the previous century. This difference is so great, that gives the basis to attribute some of them to the most dynamical developing states, and others – to the less developed and poorest countries of the world.

The leading positions in the arab world of the per capita gross domestic product took Qatar, Kuwait and the United Arab Emirates. The outsiders of the socio-economic development of the arab world remainde Yemen, Sudan, Mauritania and Iraq. They belong to the zone of the so cold fourth world – the «billion of poverty and misery».

The processes of globalization are influencing today rich, middle developed, poor and poorest arab countries in different way. The one of the real display of the globalization in the arab world is the liberalization of the economy, which has started in many countries of the region. The liberalization reforms reflect the inevitable and increasing influence of such modern trends of the world development as the scientifically – technical progress, the informatization, the inculcation of the newest technologies. In advance of all in this respect is the emirate Dubai, which may become, according to may available estimations, already in the nearest years of the new century an example of the economic development in the arab world.

Гусаров В.И.
(Россия)

Арабский мир: экономические итоги века

В начале XX в. арабский мир состоял из крайне отсталых аграрных стран, находившихся в разной степени колониальной зависимости от западноевропейских держав и Османской империи.

В дальнейшем на протяжении XX столетия три важнейших события оказали огромное воздействие на последующее развитие каждой из арабских стран, причем не только социально-политическое, но и экономическое, а именно: первая мировая война и ее последствия; вторая мировая война и ее результаты; и достижение

государственной самостоятельности. Подавляющее большинство арабских стран завоевало политическую независимость на протяжении 1950-х и 1960-х годов и оказалась в центре тех социально-экономических и политических процессов, которые постоянно меняют картину современного мира. Народы арабских стран активно включились в качестве субъектов мировой истории в решение общечеловеческих, региональных проблем, в том числе таких, как энергетическая, сырьевая, продовольственная, экологическая проблемы бедности и многих других. Для решения этих проблем арабские страны за годы независимости использовали самые разные методы, подходы и модели развития, нередко меняя их и чередуя.

Опубликованные в 2002 г. статистические данные ООН за 2000 г., свидетельствуют, что страны арабского мира вступили в XXI век с крайне дифференцированными итогами социально-экономического развития за предыдущее столетие. Эта дифференциация настолько велика, что дает основание относить некоторые из них к наиболее динамично развивающимся государствами, а другие – к наименее развитым и беднейшим странам мира.

Лидерами арабского мира по ВВП на душу населения были страны-экспортеры нефти: Катар, Кувейт и ОАЭ. Аутсайдерами социально-экономического развития арабского мира остались Йемен, Судан, Мавритания и Ирак. Они входят в зону так называемого четвертого мира – «миллиарда бедности и нищеты».

Процессы глобализации воздействуют сегодня в разной степени на богатые, среднеразвитые, бедные и беднейшие арабские страны. Одним из реальных проявлений процессов глобализации в арабском мире можно считать меры по либерализации экономики, которые начали осуществляться во многих странах региона. Эти реформы отражают неизбежное и усиливающееся воздействие таких современных тенденций мирового развития как научно-технический прогресс, информатизация, внедрение новейших технологий. Впереди других в этом отношении находится эмират Дубай, который, по многим имеющимся оценкам, уже в ближайшие годы нового века может стать образцом экономического развития в арабском мире.

GOUSSEINOVA D.
(Moscow)

Some Aspect of Stage Performance in Mysterios "Ta'zie" Theatre

The popular religious theatre "ta'zie" occupies the special place within traditional Moslem art and has continued to be phenomenon of art culture. According to the historical chronicles "ta'zie" appeared in the 10th century A.D. in Bagdad (Iraq). Though, starting with the XVI century, Iran is the country where "ta'zie" had the greatest success, there are no doubts, that due to religious and historical events

жет : один на сцене, другой в зрительном зале. Подобно возможно при соблюдении некоторых условий: верность заданному историко-религиозному сюжету, художественным принципам народных зрелищных форм и привычных зрителю «знаковых» моментов в представлении сюжета.

GORBATKINA G.A.

(Russia)

**The main tendency of using folklore
in modern Turkish literature**

The treatment to folklore is the main conformity of development in modern world literature.

There are plots, forms, and artistic-imitative manners of folklore in writing literature of every country. But scales and forms of this process are various in different epochs and different countries. This process has acquired special universal character in 20 century.

Artists of word, who are living in the West and in the East, apply to culture's roots of their people, folklore, moral and aesthetic value, which people has carried through centuries.

Modern Turkish writers are using folk sources widely. But their method of approach and point of view is different.

The author of this work tries to pick out the main tendency of using folk material in modern Turkish literature. Conception of method allows picking out next position.

1. The writer uses separate elements of folklore on the standard of plots, forms, and artistic manners. This tendency is characterized in the literature of all countries in the Middle East. But this tendency finds original personification in the literature of each country. It is observed in works of majority Turkish writers.

2. Considering the plot, which had been presented during many centuries; progressive modern writer remakes and over thinks it. He fills forms; which is liked by people, with new maintenance, makes new humane ideas, and which connected with our epoch, in them, and gives them back in new shape. Forms of heroes have become integral part of national consciousness, and they help to the artist of word to reach modern humane ideals as in moral and aesthetic sphere as in social and political sphere to this consciousness.

The most talented and progressive writers of Turkey (like Nazim Hikmet, Aziz Nesin, Yashar kemal) could make organic synthesis of tradition and new in their works. The combination of modern world outlook and the best traditions of folklore is the main peculiarity in their creative. We think that this way is the most fruitful for progress of the modern literature.

3. The modern writer shows the old plot not stepping back from tradition and fills it with new episodes, but the most important thing is the deep, psychological characteristics of heroes. (Yashar Kemal "Ap-

pearance Keroglu"). It is not record and stylization (as in the ballad of Yahya Kemal "Black eye"). It is interpretation by modern artist of word, who owns art of psychological analysis. It is a new unusual form of mastering folk legacy.

The national story-tellers were bringing into works some special things, which they have used in their individual creative. This individual creative was formed in the special epoch's condition, and so the lines of epoch, problems were found in folk works.

Connecting through centuries with masters of folklore modern writer makes his own version of epos, original "nazire" leaning on their works.

4. Modern progressive writers do not apply to works of folklore, but also to classical literature. The problem of keeping culture's treasures which had been accumulated during centuries has special actual question for last years. Artists of word are based on stable foundation of national folklore and classical literature in spite of globalization; they also are trying to fight against standardization of culture. They make people not to forget classical works of passing epochs. So, Aziz Nesin had stated the famous poem "Leyli and Mejnun", which had been written by Fizuly, like the national Turkish 'destan'; poetry fragments alternate with prosaic fragments in this 'destan'. So, the poem, which had been written by Fizuly (15 century) is very difficult for understanding of modern people, but it becomes accessible for wide circles of readers and finds a new life in new conditions.

Горбаткина Г.А.

(Россия)

**Основные тенденции использования фольклора
в современной турецкой литературе**

Обращение к фольклору – одна из основных закономерностей развития современной мировой литературы.

Использование сюжетов, образов, художественно-изобразительных приёмов фольклора присуще письменной литературе любой страны. Но масштабы и формы этого процесса различны в разные эпохи и в разных странах. Особенно универсальный характер приобрёл этот процесс в XX веке. Художники слова Запада и Востока всё чаще обращаются к корням культуры своего народа, в том числе к фольклору, к тем нравственным и эстетическим ценностям, которые народ пронёс через века.

Современные турецкие писатели широко используют фольклорные источники. Но их подход к фольклору и осмысление его различны.

В настоящей работе автор стремится выделить главные тенденции использования фольклорного материала в современной турецкой литературе. Концептуальный подход к этому явлению позволяет выделить следующие компоненты.

1. Писатель использует **отдельные элементы фольклора** на уровне сюжетных коллизий, образов, художественных приёмов.

Эта тенденция характерна для литератур всех стран Ближнего и Среднего Востока. Но в литературе каждой страны эта тенденция находит своеобразное воплощение. Она прослеживается в произведениях подавляющего большинства турецких писателей.

2. Обратившись к сюжету, бытовавшему в фольклоре долгие века, прогрессивный писатель современности **перерабатывает и переосмысливает** его. Он наполняет образы, любимые народом, новым содержанием, воплощает в них новые гуманные идеи, продиктованные нашей эпохой, и возвращает народу в обновлённом виде. Образы героев, ставших неотъемлемой частью национального сознания, помогают художнику донести до этого сознания современные гуманистические идеалы и в нравственно-эстетической, и в общественно-политической сферах. Такой процесс переосмысления фольклорных сюжетов и образов прослеживается в творчестве писателей как Запада, так и Востока.

Наиболее талантливым прогрессивным писателям Турции (Назым Хикмет, Азиз Несин, Яшар Кемаль) удалось создать в своих произведениях органический синтез традиционного и новаторского. Сочетание современного мировоззрения и лучших традиций фольклора – определяющая особенность их творчества. Этот путь представляется нам наиболее плодотворным для развития современной литературы.

3. Современный писатель излагает древний сюжет не отступая от традиции, но обогащает его новыми эпизодами, а главное – глубокими психологическими характеристиками героев (Яшар Кемаль «Появление Кёроглу»). Это не запись эпоса и не стилизация (как в балладе Яхья Кемаля «Дурной глаз»), а интерпретация его современным художником, владеющим искусством психологического анализа. Это – новая, своеобразная форма освоения фольклорного наследия.

Во все времена народные сказители вносили в исполняемые произведения что-то своё, свойственное их творческой индивидуальности. Эта индивидуальность формировалась в условиях определённой эпохи, и таким образом черты эпохи, её проблемы находили выражение в произведениях фольклора.

Переключаясь через века со своими предками – творцами фольклора, современный писатель создаёт свою версию эпоса, своеобразное «назире» на их произведения.

4. Прогрессивные писатели современности обращаются к произведениям не только фольклора, но и классической литературы. Проблема сохранения сокровищ культуры, накопленных веками, приобрела в последние десятилетия особую остроту и актуальность. Под натиском глобализации, борясь против стандартизации культуры, нивелирования её национальных особенностей, художники опираются на прочный фундамент национального фольклора и классической литературы. Они стремятся не допустить утраты, забвения классических произведений прошедших эпох. Так, Азиз

Несин изложил прославленную поэму Физули «Лейли и Меджнун» в форме народного турецкого дестана, в котором стихотворные фрагменты чередуются с прозаическими. Таким образом поэма Физули (XV век), сложная для восприятия современного человека, становится доступной широким кругам читателей и обретает новую жизнь в новых условиях.

GLUSHKOVA Nataliya

(Russia)

About Japanese-Canadian successful relationship

1. Among contribution factors current and perspective Japanese-Canadian relationship are as below.

2. The use of Japanese-Canadian history studying, because it has been lasting for more then 130 years.

3. The great role of Japanese-Canadians in the modern multicultural public sphere of Canada (the Arts and literature).

4. The long-termed Japanese investment Funds in Canada (Ontario, British Columbia, Marrytimes that are Canadian states).

5. Japanese-Canadian joined in gas, oil, mining.

6. Canada and Japan rely on each other as partners in their relationship with USA.

7. By 1990 year Japan was very close to "isolation" again (like it was till "Meji Revolution" 1868) because the ties between Japan-Europe-USA were not strong. By the opinion of the former ambassador of Japan to Canada Mr. Kitamura Hiro the image of Japan was not truth for Europeans.

8. After EXPO-70 held in Osaka and after economic agreement in 1981 year Japanese-Canadian connection strengthened. And as result major banks got the chance to have the representation in both countries.

Глушкова Наталья
(Россия)

О перспективах успешного японо-канадского сотрудничества

1. О факторах взаимодействия и перспективах японо-канадских отношений.

2. Необходимость изучения истории японских канадцев, т.к. она насчитывает более 130 лет.

3. Роль японских канадцев в современной многокультурной сфере Канады (Искусство и литература).

4. Долгосрочные японские инвестиционные фонды в Канаде (Ontario, British Columbia, канадские штаты).

5. Совместная японо-канадская добыча газа нефти и полезных ископаемых.

6. Япония видит свои углубленные отношения с Канадой, у которой с Европой давние крепкие контакты. (Канада в 1992 г. приняла план по Европе, по которому усиливала свои отношения с ЕС. Поскольку правительство Канады еще в 1989 г. приняло так называемое решение "Тихий океан 2000" (Pacific 2000) по интересам Канады к странам Ю-В Азии, по которому финансировалось расширение изучения культуры, языка, рынков стран этого региона, то по мнению Японии "Канада своим примером показывает Европе, как важны любые экономические, политические, образовательные и психологические усилия". В мае 1992 г. Канада приняла Canada Bill. Благодаря этому документу Канада меняла свои принципы экономической и инвестиционной активности, хотя политическая система Канады, по мнению японских дипломатов того периода была не очень открыта к процессам глобализации.)

7. Канада и Япония отводят друг другу ведущую роль в построении благоприятных для себя отношений с США.

8. К 1990 г. японским внешним контактам грозила опасность изоляции, что было связано с недостаточным трояственным взаимодействием Япония-США-Европа, по мнению бывшего посла Японии в Канаде господина Китамура Хиро, с несправедливым имиджем Японии в глазах европейцев.

9. В связи с усилением канадо-японского сотрудничества после проведения ЭКСПО 1970 г. в городе Осака и после подписания в 1981 г. между Японией и Канадой банковского соглашения разрешившего крупнейшим банкам обеих сторон учреждать на взаимной основе зарубежные филиалы и дочерние компании.

ВВЕДЕНСКАЯ Э.И.

(Россия)

Театральный опыт гаудия-вайшнавов рубежа XX-XXI веков как одна из моделей современного религиозного театра

В истории развития вайшнавского театра мы можем наблюдать несколько точек соприкосновения и взаимовлияния театра и вайшнавской культуры.

Основополагающий трактат классического театра «Натьяшастра» Бхараты Муни, датируемый III-II вв. до н.э., затрагивает вопросы происхождения и глубинной сути таких искусств, как музыка, танец, драма, театральная архитектура и оформление сцены. И согласно «Натьяшастре», поклонение Вишну (объект медитации вайшнавов) – неотъемлемая часть театрального представления.

Одновременно с классическим развивался народный театр, до сих пор представленный в Индии самыми разнообразными формами. Театральные представления, посвященные Кришне и его аватаре (воплощению) Господу Раме – древнейшие среди подобных

форм. И особое значение для кришналиты и рамалиты имеет вклад вайшнавов XVI в. В XV-XVI веках произошли важные события в истории Индии, которые сыграли свою роль в развитии литературы и театра страны. Этот период отмечается историками как эпоха возрождения традиции бхакти (Традиция бхакти – прогрессивное вайшнавское течение, концентрирующееся вокруг идей любви и чистого преданного служения Господу вне зависимости от каст и сословий), новой волны вайшнавского движения, и связан с именем Шри Чайтаньи (в нашей литературоведческой и театроведческой традиции используется бенгальский вариант произношения и написания его имени: Чойтонно Деб). Шри Чайтанья и Его учение оказали непосредственное влияние на литературу и театр Индии. В сфере литературы мы можем отметить невероятный расцвет поэзии в традиции бхакти. А в истории развития театра стоит подчеркнуть несколько значимых моментов.

Во-первых, выход мистерийной драмы за пределы храма обусловлен проникновением в мистерийный театр прогрессивных идей бхакти. Именно Шри Чайтанья призвал верующих выйти на улицы и площади для прославления Имени Господа и Его игр.

Во-вторых, его ближайшие ученики оставили нам в наследство немало пьес, которые рождались под впечатлением тех представлений, в которых принимал участие Шри Чайтанья.

В-третьих, его последователи значительно обогатили народные представления о Кришне и Раме. Так, например, они нашли места подлинных игр Господа Кришны, когда Он пребывал на земле, и добавили к танцевальной народной драме дополнительную часть, повествующую о тех событиях жизни Господа, которые ранее не были представлены в кришналите. Кроме того, основой театральных представлений о Раме стала «Рамаяна» Туласи даса (Тульсида-са), чье творчество развивалось под влиянием идей бхакти.

И, наконец, необходимо отметить тот факт, что теория раса, преданного служения, запечатленная Шри Рупой Госвами, берет за основу теорию раса «Натьяшастры», о которой говорится, что последняя как раз и была слабым отблеском изначальной теории взаимоотношений между человеком и Богом, в дальнейшем забытой или завуалированной в трактате об искусстве Бхараты Муни.

Каково же современное театральное искусство вайшнавов?

На протяжении последних двадцати лет возникают и распадаются различные театральные коллективы. В каждой крупной общине ежемесячно на суд зрителей выносятся то или иное представление, на крупные праздники и фестивали неизменно приглашаются театры, состоящие из актеров-преданных. Театральную культуру гаудия-вайшнавов несомненно можно причислить к моделям современного религиозного театра.

Вайшnavы наших дней придают большое значение проповеди посредством театра, а также театральной культуре своего дви-

жения (театральные труппы постоянно приглашаются на храмовые праздники, духовные учителя всячески вдохновляют существующие театральные коллективы, инициативы, проекты).

Описывая театральные практики вайшнавского движения в наши дни и их характерные особенности, мы рассматриваем основные формы религиозного театра гaudia-вайшнавов: школьный театр, общинный театр, театр проповеднических центров, театр странствующих трупп.

Система художественных принципов и особенности вайшнавского религиозного театра складываются в результате взаимодействия традиционной санскритской драмы и новых проповеднических сценариев. Большой значение в данном ключе имеет использование мифа как сюжетной основы, а также особенности сценического бытования вайшнавских театральных коллективов.

Театральный опыт вайшнавов наших дней является одной из самых интенсивно развивающихся практик в сфере современного религиозного театра. На протяжении последних двадцати лет мы наблюдаем неоднократные попытки создания профессионального театра. Например, в начале 2004 г. в Нью-Йорке возникла профессиональная труппа преданных, принимающих философию вайшнавов и желающих распространить духовный опыт гaudia-сампрадайи. Таким образом, мы являемся свидетелями становления вайшнавского театра за пределами Индии и распространения ее духовной культуры в западном мире, в том числе и посредством театрального искусства.

BUGROVA Maria

(Russia)

The role of Great Britain in the "opening" process of China by the West in the 2nd part of the 19th century

In the middle of the 19th century the western powers (first of all Great Britain and France) made an attempt to "open" China and triggered off "opium wars". The Qing Government by the Order of 1757 prohibited all foreign trade activity along the seacoast (with the exception of Guangzhou region) with the purpose of limitation of increasing the west countries' trade activity in China. The Central Government established "Gonghan" Corporation or so-called "Kohong" which was responsible for this kind of activity and consisted of 13 Chinese trade companies led by merchant-guarantors. The practical realization of the mentioned innovations was that all foreign transactions in Guangzhou should be executed through authorized Chinese merchants. The mentioned order wasn't convenient for foreign states, which had an active development of economy, required new sell markets and sources of raw materials. In this respect, the Englishmen saw new perspectives to pursue their profitable foreign course and penetrate into the inner regions of China.

The liquidation of the "Kohong" corporation was one of the results of the "opium war" in 1842. In 1854 this corporation was substituted by a new Chinese Maritime Customs' organization in Shanghai. New kind of foreign commissioners led by General Inspector took an active part in the work of this organization. Their activity was so efficient that subsequently the mentioned pattern was used in other treaty ports. Historically there were "Local customs" in 29 points of Qing empire played the role of collectors of local trade dues in China. The most scientists interpreted the establishment of "Chinese Maritime Customs" as Great Britain's aspiration to institute its absolute control over Chinese markets. The system of Maritime Customs had to ensure the full collection of dues in treaty ports owing to innovations and convince Chinese authorities to open inner regions of China for penetration not only english but foreign capitals. The guaranteed revenue should form substantial part of Central Government's budget. China had regularly received foreign loans under the guarantee of Maritime custom's revenue. England, as an initiator of establishment a new Chinese custom service, provided its dominating position in the Far East, trying to reorganize state structure of China.

There weren't any models of diplomatic relations between China and West till 1861, when the Tsongli Yamen was created, for the reason that China was closed for the western world. However under the influence of western countries there was arisen a necessity to form constantly functioned mechanisms for guarantee strong positions of foreign powers not only in trade, but in chinese state institutes. The Englishmen raised a problem of transformation Chinese society, its transferration from traditional way to the way of progress. That's why it was necessary to create considerable class of chinese merchants supporting foreign traders. To form such system of dependent relations when chinese merchants were vitally concerned in the dominance of Great Britain over western powers in China. Step by step, Great Britain obtained concessions from Chinese Government. The paradox of British policy was to the effect that exploiting the position of Chinese Maritime Customs, applying more effective western mechanisms of financial control, directing China into the way of technical progress, Britain essentially favored not development but weakening of the Qing empire, what finally led to its collapse in the Sino-Japanese war of 1894-95.

Бугрова Мария Сергеевна
(Россия)

Роль Великобритании в «открытии» Китая Западом во 2 половине 19 века

В середине 19 в. западные державы (в первую очередь Англия и Франция) предприняли попытку «открыть» Китай, начав «опиумные» войны. Еще в 18 в., с целью ограничения возрастающей торговой активности западных стран в Китае, цинское правительство указом 1757 г. запретило всю иностранную торговлю

вдоль китайского побережья, за исключением района Гуанчжоу. Контроль над ним со стороны Китая был возложен на корпорацию «Гунхан» (или Кохонг), состоявшую из 13 китайских фирм, во главе с купцами-гарантами. Практическая реализация нововведений заключалась в обязательности совершения всех торговых операций в Гуанчжоу через китайских уполномоченных. Сложившаяся ситуация не устраивала иностранные государства, экономика которых активно развивалась, требуя освоения новых рынков сбыта и источников сырья. В этом отношении Китай под властью слабеющей цинской династии, открывал перед англичанами новые перспективы для проведения выгодного им внешнеполитического курса и проникновения во внутренние районы Китая.

Одним из результатов «опиумных» войн была отмена в 1842 г. корпорации «Кохонг». В 1854 г. в Шанхае ее заменила новая организация «Китайских Морских таможен», активное участие в работе которых принимали иностранные комиссионеры во главе в Генеральным Инспектором. Деятельность данного учреждения оказалась настолько эффективной, что впоследствии по его образцу были созданы аналогичные таможенные отделения в других открытых портах. Исторически в Цинской империи существовали «Местные таможи», функционировавшие в 29 городах и выполнявшие функции сборщиков налогов внутри страны. Создание же «Китайских Морских таможен» трактуется большинством исследователей как стремление Великобритании установить единоличный контроль на рынках Китая. Однако система Морских таможен, благодаря нововведениям, обеспечила собираемость налогов в договорных портах, и тем самым убедила китайские власти открыть в дальнейшем внутренние районы Китая для иностранного, а не только английского капитала. Получение гарантированного дохода составило значительную часть бюджета центрального правительства Китая. Под гарантию таможенного дохода оно в дальнейшем получало регулярные займы от великих держав. Англия как инициатор создания новой для Китая эффективной таможенной структуры обеспечила себе доминирующее положение на Дальнем Востоке, пытаясь реорганизовать государственную структуру Китая.

В Китае до 1861 г., когда впервые был создан Цунлиамынь, в силу «закрытости» Поднебесной империи, не существовало механизмов ее дипломатических взаимоотношений с западом. Под влиянием же западных держав возникла необходимость поддержания постоянных отношений с Китаем и создания механизмов, которые обеспечили укрепление позиций запада не только в торгово-предпринимательских, но и в государственных институтах Китая. Англичане ставили перед собой задачу трансформации китайского общества, перевода его с традиционного на путь капиталистического развития. Для этого необходимо было создать в нем большой проанглийски настроенный слой собственников. Создать такую систему зависимых отношений, при которой китайский торговец, а в

его лице и цинское правительство, были заинтересованы в британском доминировании над другими западными державами в Китае. Шаг за шагом, от одного договора к другому Великобритания добивалась уступок со стороны китайского правительства. Парадоксальность ее политики состояла в том, что, используя контроль над Китайской Морской таможней, внедрив более эффективные западные механизмы управления финансами, направив Китай на путь технического прогресса, она в значительной мере способствовала не усилению, а ослаблению Цинской империи, приведшему в конечном итоге к ее поражению в Японо-китайской войне 1894-95 гг.

**БЕКМАХАНОВА Н.Е.,
НАРБАЕВ Н.Б.**

Прикаспий и Приаралье: современные проблемы экологии

Прикаспий и Приаралье сегодня привлекают внимание мировой общественности и ученых как регионы, представляющие экологическую угрозу планетарного масштаба. Нами будут затронуты экологические проблемы прежде всего касающиеся пяти прикаспийских государств – России, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Ирана. Выработка экологической политики, решение проблем сохранения природной среды, изучение возможностей перехода к ее устойчивому развитию в будущем для указанных регионов невозможны без изменения системы общественных ценностей, прогнозирования экономического и цивилизационного развития, объединения межгосударственных усилий, решения социальных проблем.

В 1999 г. на региональной конференции министров по окружающей среде, проходившей на озере Иссык-Куль, было принято совместное заявление о подготовке Центрально-Азиатского регионального плана действий по охране окружающей среды и созданию регионального экологического центра. Казахстан возглавляет Регионального экологического центра. Казахстан возглавляет руководящий комитет Каспийской экологической программы, в которой участвуют 5 прикаспийских государств, Всемирный банк, ГЭФ, ПРООН, ЮНЕП и ТАСИС. Россия, Казахстан, Туркмения, Иран и Азербайджан являются постоянными участниками форумов по охране окружающей среды, членами Комиссии устойчивого развития ООН, а также участниками соглашений на двусторонней основе и региональном уровне. Между названными государствами налажен обмен информацией, контроль и выработка совместных подходов к решению проблем предотвращения загрязнения, сохранения биологического разнообразия Каспийского моря. В настоящее время идет подготовка международного Соглашения по этому вопросу. Перспективным является сотрудничество России, Казахстана и Узбекистана по охране и сохранению животного мира в Каспийской низменности, занесенного в национальные Красные

книги, по разработке совместных мероприятий по борьбе с браконьерством, а также по организации трансграничных особо охраняемых природных территорий, защите их от пожаров, проведении совместных мероприятий по охране лесов от возбудителей болезней. Страны СНГ сотрудничают в области совместных геолого-географических исследований в секторах Каспийского моря.

Экологические проблемы связаны с открытием большой нефти на шельфе и в прибрежной зоне Каспийского моря, а также заливом Кара-Богаз-Гол.

Сохранение биоразнообразия флоры и фауны находится в прямой зависимости от состояния окружающей среды. Активная эксплуатация биологических объектов уже превысила воспроизводящие возможности природы. Это привело к деградации биогеоценозов и сокращению видового состава не только в море, но и в Прикаспии. В отдельных случаях эти процессы необратимы. Растет число видов животных и растений, которые могут исчезнуть. Жесткому антропогенному прессу подверглись саксаульные и пойменные леса (тугаи), которые использовались для выпаса скота и под сельскохозяйственные угодья. Этот процесс продолжается, что ведет к резкому сокращению лесных площадей в регионе.

Достижение экологической безопасности в Прикаспийском регионе возможно только в результате проведения социально-экономических преобразований, обеспечивающих переход государств региона к устойчивому развитию, способствующему улучшению экологической среды. Для этого необходимо: сбалансированное использование природных ресурсов; создание условий для экологической безопасности; сохранение разнообразия флоры и фауны; экологическое просвещение населения. Это станет возможным, если все государства Прикаспия будут осуществлять экологический контроль, проведут полную ревизию состояния окружающей среды, составят государственные кадастры источников загрязнения и карты их размещения, установят систему лимитов загрязнения для государств, национальных территориальных единиц и отдельных предприятий.

Проблемы Приаралья имеют свою специфику. Циклические колебания уровня водной поверхности Аральского моря, в том числе длящийся несколько десятилетий цикл понижения его уровня, дополнились негативными процессами в экономике Приаралья, в частности, с развитием в бывших советских республиках – Казахстане, Туркмении, Узбекистане – монокультуры хлопка. Это требовало большого забора воды, резко уменьшило сток крупнейших водоисточников региона – Сырдарьи и Амударьи в Аральское море, привело к обезвоживанию и засолению почв обширных территорий плодородных сельскохозяйственных угодий.

Были созданы многочисленные фонды по спасению Арала в республиках Центральной Азии. Их деятельность была полезна для привлечения внимания международной общественности к пробле-

мам региона. Часть собранных по всему миру средств ушла на проведение конференций, семинаров, содержание персонала фондов, а часть, что следует из публикаций в прессе, была использована не по назначению. Положение населения в районе бедствия продолжает оставаться серьезным. Нужна организация и контроль за адресной помощью нуждающимся жителям региона; выделение государственных средств на здравоохранение, на охрану детства и материнства.

ARSLAN Mehmet

(Russia)

The power attitudes (relations) between Turkey and Russia:

regional and geopolitical aspect

In last the time in the world international trade of power resources is essentially increased. Such trade renders the most direct influence on change of character of the international division of labour between Turkey and Russia, as first is the large importer of energy raw material, and second is large exporter, and the geographical situation of both countries opens wide prospects for transit trade in petroleum and gas.

Now Turkey receives from Russia 14 milliard cubic metre of natural gas through territory of Ukraine, Moldova and Bulgaria. With the opening of the gas pipeline "Blue Stream", at the end of 2002 which passes through the bottom of the Black sea, Turkey will receive 16 milliard cubic metre and will become, the, second importer of the Russian natural gas after Germany. Except for Russia, Turkey has signed the agreements on purchase of natural gas (on 20-25 of years) with Turkmenistan, Azerbaijan, Algeria, Nigeria, and Iran. Total volume of natural gas, which Turkey will receive according to these agreements, will reach 67,2 milliard cubic metre per one year.

Turkey imports 17, 6 milliard cubic metre of natural gas, including 11,6 milliard cubic metre from Russia. With input of complete capacity of the "Blue stream" project Turkey will become the second largest market for the Russian natural gas after Germany.

The bilateral relations should pay attention to the fact the Russian natural gas Turkey beginning to prefer petroleum from Russia. If in 2000 delivery the Russian petroleum is occupied only fifth place in import of petroleum in Turkey, in 2001, Russia has risen to the second position. On the data of senior management on petroleum of Turkey, from 23,2 million tones of crude petroleum purchased country in 2001, 4,5 million tones or 19,7 % of all volumes were necessary on Russia.

Last years with increase of the amount of courts which are basing through straits, the situation in Bosphorus and Dardanelles comes to the near to a critical level, when the straits can not provide pass of

courts any more. The agreement of Montreux (1936) about a free mode of navigation through straits does not correspond to the new at conditions any more the present time.

Together with it on the data of the International Power Agency, in the Caspian region the established stock of petroleum is 5,4 -million tone, and estimated stocks – 13-20 million tone. If it will be possible to add to this make this to add 6,7-million tone of stocks of petroleum from Russia, in the long term greater volume of transportation of petroleum will go through the straits.

For today there are following basic routes for transportation of petroleum from this region: through territory of Turkey on an oil pipeline to a tank – Ceyhan (1); from Novorossiysk in Burgas (Bulgaria), further up to port Alexandroupolis on Aegean the sea (Greece), and also from Odessa up to port Gdansk (Poland) (2); from Novorossiysk on the Black sea, through straits Bosphorus and Dardanelles (3). Parts of the third route are the oil pipelines to a tank – Novorossiysk, tank – Supsa (petroleum from Azerbaijan's), Tengiz – Novorossiysk (petroleum from Kazakhstan's, and also petroleum extracted in different regions of Russia).

As the straits Bosphorus and Dardanelles are on a limit of throughput, in the future transportation of petroleum in large volume (through straits) on routes of Tengiz – Novorossiysk, tank – Novorossiysk, it is represented to a tank – Supsa problematic, where only for last 20 years have taken place 167 large accidents. Probably, through straits Bosphorus and Dardanelles the petroleum should be taken in that volume, which does not create danger of ecological accident, that is approximately 40 million tone per one year.

If to compare them from the economic and ecological point of view, the line to a tank – Ceyhan is more preferable. Therefore, we consider (count) that other volume at mutual economic benefit both for Turkey, and for Russia can to pump through territory of Turkey to port Ceyhan.

As the economy of Russia depends on export of natural resources, co-operation with Turkey, through which territory there comes a part of the basic routes of their transportation in Europe, for Russia it is extremely important. Such co-operation also is favourable Turkey.

On the other hand, if in the near future Russia can not solve a problem of an exit to the new markets and to find new ways for transportation of fuel and energy resources, she can lose modest today's place in world (global) economy. Therefore Russia should not give back at the decision of such questions in accordance with political and geopolitical conjuncture to get economic benefit, as it was earlier, and to work extremely for economic benefit. In this freed Turkey and Russia should work together and to accept mutual profitable of the decision.

Арслан Мехмет

(Россия)

**Энергетические отношения между Турцией и Россией:
региональный и геополитический аспект**

В последняя время в мире существенно увеличивается торговля энергоресурсами, которая оказывает самое непосредственное воздействие на изменение характера международного разделения труда между Турцией и Россией. Российская Федерация является крупным импортером энергосырья, а Турецкая Республика крупным его экспортером, и географическое положение обеих стран открывает широкие перспективы для транзитной торговли нефтью и газом.

В настоящее время Турция может получать из России до 14 млрд. куб. м природного газа через трансбалканский газопровод пролегающий через территорию Украины, Молдавии и Болгарии. По открытому в конце 2002 г. газопроводу «Голубой поток», который проходит по дну Черного моря, Турция будет получать еще 16 млрд. куб. м и станет, таким образом, вторым импортером российского природного газа после Германии. Кроме России, Турция подписала соглашения на закупку природного газа (на 20–25 лет) с Туркменией, Азербайджаном, Алжиром, Нигерией, Ираном. Суммарный объем природного газа, который Турция будет получать в соответствии с этими соглашениями, составит 67,2 млрд. куб. м. в год.

В 2002 г. Турция импортировала всего 17,6 млрд куб. м. природного газа, в том числе из России – 11,6 млрд куб. м.

В последние годы в двусторонних торговых отношениях обращает на себя внимание на тот факт, что вслед за российским природным газом Турция начала отдавать предпочтение и нефти из России. Если в 2000 г. поставки российской нефти занимали всего лишь пятое место в импорте нефти в Турцию, то в 2001 г., Россия поднялась на вторую позицию. По данным главного управления по делам нефти Турции, из 23,2 млн т сырой нефти, закупленной страной в 2001 г., 4,5 млн т, или 19,7% всего объема, пришлось на Россию.

В последние годы с увеличением количества судов, проходящих через проливы, пропускная способность Босфора и Дарданелл приблизилась к критическому уровню, когда проливы уже не могут обеспечивать проход судов. Договор Монтрё от 1936 г. о свободном режиме судоходства через проливы уже не соответствует условиям настоящего времени.

Вместе с этим по данным Международного энергетического агентства, в Каспийском регионе установленные запасы нефти составляют 5,4 млрд т, а оценочные запасы – 13-20 млрд т. Если к этому добавить 6,7 млрд т запасов нефти в России, в перспективе речь может идти о большем объеме перевозок нефти.

На сегодняшний день существуют следующие основные маршруты для транспортировки нефти из этого региона: через

территорию Турции по нефтепроводу Баку–Джейхан (1); из Новороссийска в Бургас (Болгария), далее до порта Александруполис на Эгейском море (Греция), а также из Одессы до порта Гданьск (Польша) (2); из Новороссийска по Черному морю, через проливы Босфор и Дарданеллы (3). Частями третьего маршрута являются нефтепроводы Баку–Новороссийск, Баку–Супса (нефть из Азербайджана), Тенгиз–Новороссийск (нефть из Казахстана, а также нефть, добываемая в разных регионах России).

Поскольку проливы Босфор и Дарданеллы находятся на пределе пропускной способности, в будущем транспортировка нефти в большом объеме (через проливы) **по маршрутам Тенгиз–Новороссийск, Баку–Новороссийск, Баку–Супса** представляется проблематичной, т.к. только за последние 20 лет произошло 167 крупных аварий. Вероятно, через проливы Босфор и Дарданеллы нефть должна провозиться в том объеме, который не создает опасности экологической катастрофы, то есть примерно 40 млн т. в год.

Если сравнить их с экономической и экологической точки зрения, трасса Баку–Джейхан предпочтительнее. Поэтому, мы считаем, что остальной объем при взаимной экономической выгоде, как для Турции, так и для России может перекачиваться через территорию Турции к порту Джейхан.

Поскольку экономика России зависит от экспорта природных ресурсов, сотрудничество с Турцией, через территорию которой приходит часть основных маршрутов их транспортировки в Европу, для России крайне важно. Для Турции такое сотрудничество также выгодно.

С другой стороны, если в ближайшем будущем Россия не сможет решить проблему выхода на новые рынки и найти новые пути для транспортировки топливно-энергетических ресурсов, она может лишиться и скромного сегодняшнего места в мировой экономике. Поэтому Россия не должна при решении таких вопросов отдавать предпочтение политической и геополитической конъюнктуре в ущерб экономической выгоде, как это было раньше, а действовать исключительно из соображений экономической выгоды. В этом плане Турция и Россия должны действовать вместе и принимать обоюдовыгодные решения.

ANTOSHCHENKO V.I.

(Russia)

Family genealogies and ancestral worship in Vietnam

Family genealogy fix in a written form religious norms and instructions concerning worshiping spirits of kin or family ancestors.

According to the social status of kin/family, genealogies are classified as follows: 1. "jade" (*ngoc*), "precious" (*bao*), "golden-mirrorlike" (*kim giam*), "diamond-lotuslike" (*kim toa*) genealogies of governors and

emperors – *ngoc pha*, *bao diep*, *ngoc khe*, *ngoc diep*, *kim toa thuc luc*, etc.; 2. genealogies of outstanding military and laureate kins – *gia pha*, *the pha*, *the he*, etc.; 3. common people's genealogic lists – *tong pha*, *tong chi*, etc. "Jade" genealogies of security spirits which are the subject of worship in nation-wide scale, owners of temple titles "the great governor" (*dai vuong*), typically are close to the first group.

The genres of such sources verify very much. The most widespread are the following: 1. family (*gia pha*), kin (*toc pha*), generations' (*the pha*), branches' (*phai pha*, *tong pha*, *chi pha*) genealogies in full sense; 2. family histories – *thuc luc*; 3. genealogic continued records amended by descendants – *pha ky*, *tuc bien*, *su tich*, *luoc thuat*; 4. patrimonial/family legends – *pha truyen*; 5. precepts /literary heritage of ancestors – *di cao*, *di van*; 6. genealogical stele inscriptions (*gia pha bi ky*). In Northern-Vietnamese peasant families and in Southern Vietnam the simplified variants of genealogies are used: lists of remembrance days of ancestors (*ky nhat*) and genealogic schemes (*tong do*). Biographies of ancestors' spirits (*than tich*), records of acts (*su trang*), texts of personal inscriptions (*su nghiep bi*) and other kinds of family and patrimonial editions of separate ancestors' biographies (*nien pha*, *ly lich*, *tieu su*, etc.) – all can be allocated as sections in genealogies or as separate works in the appendix.

Vietnamese genealogy could include the following structural elements: 1. introduction (*le ngon*, *pha tu*, *bien thuyet*, etc.); 2. patrimonial legend, description of the first ancestor (*pha ky*); 3. list of ancestors' names (*toc he*); 4. acts of ancestors (*ky su*); 5. description of regular sacrifices (*cung gio*); 6. description of the patrimonial worship hall (*tu duong*); 7. description of burial places (*mo phan*); 8. lists of patrimonial (*toc dien*), cult (*huong hoa*) and commemorative (*ky dien*) lands; 9. list of main commemorative feasts (*ky nhat*); 10. texts of major prays (*van te*); 11. additional materials. An obligatory set of elements did not exist, and the final part of genealogy could be a combination of various texts with different contents, concerning the ancestors: verses, double-phrased statements, scheme of the main worship altar, letters, forewords to literary works, assignment decrees, treatises, communal and patrimonial charters, lists of laureates and deserved subjects, stele inscriptions, epitaphs, genealogies of related ("external") kins, plans of communities, documents of patrimonial archives (lists those donated for needs of the patrimonial cult, bills of sale, mortgage, liabilities, etc.).

Family genealogies' data allow to determine a number of specific features of ancestral worship on the kin/family level in Vietnam. Those are:

- non-absolute character of patrilineage and rather high role of women in the performance of the cult and in the inheritance of the ancestors' property: genealogies specify both the given birth boys, and the given birth girls (supplementary); daughters inherited property of parents in equal with sons shares; the senior wives after dying day

took place on ancestral altar beside their husbands, keeping thus in their names surnames of parental families; widows have the right to address to spirits of ancestors with a pray while the successors are under age;

- non-absolute character of a right of primogeniture: in case of sonlessness in the main branch there is a full handful of alternatives for adopted sons and younger brothers' sons to inherit patrimonial cult and property; in Southern Vietnam the status of the chief of a kin isn't transferred to the senior son automatically by birth, but through assignment by the elders of a kin "according to deserts", therefore the parental house and worship attributes pass, as a rule, to the son with whom aged parents live;

- a high degree of horizontal mobility of adopted sons: the probability to return to consanguineous parents is kept; surnames of native parents are often preserved in their names; they could enter into genealogic lists only under the age of 6; their ancestral tablets could be accommodated on altars only 2 generations after the dying day;

- rather high endogen degree of Vietnamese kin: the tradition of acting governors to marry natives of the families ruling before; encouragement of marriages between cousins by external (parent) line; the big sums of repayments for the bride for the natives of other communities; gradual (after 2-3 generations) change of the status within a commune for outside kins;

- a strict rule of 5 generations to define patrimonial relationship: 5 levels of mourning on died relatives (from 3 months to 3 years); constant number of ancestral generations (4) on an altar (except for the cult of spirits of ruling family died emperors); impossibility for descendants of the 5-th generation to inherit the cult lends; the sanction to marry each other for the relatives in the 5-th kindred by internal (fatherly) line.

Антощенко В.И.
(Россия)

Семейные генеалогии и культ предков во Вьетнаме

Семейные генеалогии представляют собой письменную фиксацию религиозных норм и предписаний обычая поклонения духам предков рода или семьи.

По общественному положению рода/семьи выделяются: 1. «нефритовые» (нгок), «драгоценные» (бао), «золото-зерцальные» (ким зам), «алмазно-лотосовые» (ким тоа) генеалогии правителей и императоров – нгок фа, бао диен, нгок кхе, нгок диен, ким тоа тхык люк и др.; 2. генеалогии известных военных и лауреатских родов – за фа, тхе фа, тхе хе и др.; 3. простонародные генеалогические списки – тонг фа, тонг тьи и др. К первому типу примыкают «нефритовые» генеалогии почитаемых в общегосударственном масштабе охранных духов, обладателей храмовых титулов «великий правитель» (дай выонг).

Разнообразна жанровая принадлежность источников данного вида. Наиболее распространёнными являются следующие: 1. собственно генеалогии семьи (зя фа), рода (ток фа), поколений (тхе фа), ветвей (фай фа, тонг фа, тьи фа); 2. семейные истории – тхык лук; 3. генеалогические записи-продолжения, составленные потомками – фа ки, тук биен, шы тить, лыок тхуат; 4. родовые/семейные предания – фа чуен; 5. заветы/литературное наследие предков – зи као, зи ван; 6. стелы-генеалогии (зя фа би ки). В северо-вьетнамских крестьянских семьях и в Южном Вьетнаме используются упрощенные варианты генеалогий: перечень дней поминовения предков (ки нят) и генеалогические схемы (тонг до). Жизнеописания предков-духов (тхан тить), записи деяний (шы чанг), тексты персональных стел (шы нгип би) и прочие виды семейно-родовых редакций биографий отдельных предков (ниен фа, ли лить, тиеу шы и др.) могут быть выделены как отдельный раздел в генеалогии или как самостоятельное произведение в приложении.

Вьетнамские генеалогии могут включать следующие структурные элементы: 1. введение (ле нгон, фа ты, биен тхует и др.); 2. родовая легенда, описание первопредка (фа ки); 3. список имен предков (ток хе); 4. деяния предков (ки шы); 5. описание регулярных жертвоприношений (кунг зо); 6. описание поминального храма рода (ты дыонг); 7. описание захоронений (мо фан); 8. списки родовых (ток диен), культовых (хыонг хоа) и поминальных (ки диен) земель; 9. перечень главных дней поминовения (ки нят); 10. тексты важнейших молитв (ван те); 11. дополнительные материалы. Обязательного набора элементов не существовало, а заключительная часть генеалогии могла представлять собой комбинацию различных по содержанию текстов, имеющих отношение к предкам: стихи, парнофразные девизы, схема главного поминального алтаря, трапизма, предисловия к сочинениям, указы о назначении, трактаты, общинные и родовые уставы, списки лауреатов и заслуженных подданных, эпитафии, генеалогии родственных («внешних») родов, планы общин, документы родового архива (спски пожертвовавших на нужды родового культа, купчие, закладные, долговые обязательства и т.д.).

Изучение семейных генеалогий позволяет определить ряд специфических черт вьетнамского культа предков на уровне рода/семьи. Таковыми являются:

- неабсолютный характер принципа патрилинейности и относительно высокая роль женщин в вопросах отправления культа и наследования имущества предков: в генеалогиях указывались как рожденные мальчики, так и рожденные девочки (дополнительно); рожденные мальчики, так и рожденные девочки (дополнительно); дочери наследовали имущество родителей в равных с сыновьями долях; старшие жены после смерти занимали место на алтаре предков наравне с мужьями, сохраняя при этом в имени родительский фамильный родовой знак; вдовы имели право обращаться к духам

предков с молитвой в период несовершеннолетия наследников;

- неабсолютный характер принципа майората: в случае отсутствия сыновей в главной ветви имелся широкий выбор возможностей наследования родового культа и имущества – приёмными сыновьями, сыновьями младших братьев; в Южном Вьетнаме вообще практикуется не автоматическая передача статуса главы рода старшему сыну по рождению, а назначение старейшинами рода «по заслугам», в результате чего родительский дом и культовые атрибуты переходят, как правило, к тому сыну, с которым жили престарелые родители;

- высокая степень горизонтальной мобильности приемных сыновей: сохранение вероятности возвращения к единокровным родителям; нередкое сохранение в имени фамильного знака родных родителей; внесение в генеалогические списки только с 6-ти лет, размещение поминальных табличек на алтаре по истечении 2-х поколений;

- относительно высокая степень эндогамии вьетнамского рода: традиция брать в жены действующему правителю уроженок ранее правящих родов; поощрение браков между двоюродными братьями и сестрами по внешней (материнской) линии; большие суммы выкупов за невесту для уроженцев другой общины; постепенное (через 2-3 поколения) изменение внутриобщинного статуса пришлого рода;

- строгое правило 5-ти поколений для определения родственных отношений: 5 уровней траура по умершим родственникам (от 3-х месяцев до 3-х лет); постоянное число поколений (4) предков на алтаре (кроме культа духов умерших императоров правящего дома); невозможность наследовать культовые земли потомкам в 5-м поколении; разрешение заключать браки между родственниками в 5-м колене по внутренней (отцовской) линии.

ALEXEEVA T.I.

(Russia)

Anthropoecological Study in Central Asia

Anthropological aspects of ecology in Central Asia were studied. Expedition of the Moscow university and the Soviet-Mongolian expedition provided investigations in Altai-Sayan highland and in Mongolia during 16 field seasons (1976-1991).

Central Asia was studied as a model territory of adaptive processes in human populations. It is characterized by variability of ecological niches, genetic and cultural similarity of local peoples.

Programme of the research included study of morphological and physiological patterns of populations, processes of growth, development and ageing, genetic and demographic patterns of Central Asian inhabitants.

From the geographical point of view, Central Asia has strongly continental climate and different ecological niches. Desert, steppes, high altitude, highland taiga, lacustrine hollows were inhabited since antiquity. The most continental climate is for Mongolia typical, which is the most continental land in the world because of high hypsometric location and large distance from seas and oceans.

Economical and cultural activity of aboriginal population in Central Asia reflects long history of adaptive process, which developed different in various ecological niches. The main economical type is cattle-breeding (with exception for Shortsy). Besides, Khakasses use agriculture and highland Shortsy use hunters and fishing.

6000 individuals were studied, among them – 2500 subadults in age 7-17 years. Other individuals were adults in age 18-50 years.

The population of Altai mainly belongs to South-Siberian type. The population of Tuva belongs to the Central Asian type (Katang variant), the population of Mongolia – to the Central Asian type. For the South-Siberian type is the more presence of Caucasoid component more typical. This component is connected with influence of ancient population, belonged to Pamir-Fergana type.

The main factor in Central Asia, which creates patterns of body built and metabolic processes, is the cold stress. But every ecological niche in Central Asia has each specific, reflecting in morphophysiological features.

Some variants of adaptive variability are in Central Asia presented: the steppe one, as taiga and highland. The most clear continental traits are for Gobi desert inhabitants typical.

Study of subadults discovered patterns of growth in different ecological niches.

Алексеева Т.И.

(Россия)

Антропоэкологические исследования в Центральной Азии

Антропологические аспекты экологии Центральной Азии изучались в течение 16 полевых сезонов экспедицией Института антропологии МГУ на территории Алтае-Саянского нагорья и антропологическим отрядом в составе Советско-Монгольской комплексной экспедиции в Монголии (1976 – 1991).

Центральная Азия рассматривается как модельная территория для изучения процессов адаптации человеческих популяций к среде обитания, так как характеризуется разнообразием экологических ниш, генетической близостью и сходством хозяйственно-культурных особенностей народов, их населяющих.

Программа включала исследование морфологических и физиологических характеристик популяций, процессов роста, развития и старения, генетических и демографических особенностей центральноазиатского населения.

В географическом отношении Центральная Азия – регион, характеризующийся не только резко выраженной континентальностью, но и значительным разнообразием экологических ниш. Пустыня, степи, высокогорье, горно-таежные районы, озёрные котловины обитаемы с глубокой древности.

В наибольшей степени континентальность выражена в Монголии, которая является самой континентальной страной мира из-за высокого гипсиметрического положения и удалённости от морей и океанов.

Хозяйственно-культурная деятельность коренного населения Центральной Азии отражает историю длительного многовекового адаптивного процесса, обусловившего освоение различных экологических ниш, весьма разнообразных по воздействию на организм человека. В большинстве изученных групп, за исключением шорцев, основным типом хозяйства является скотоводство, у хакасов, кроме того, развито земледелие, у горных шорцев – рыболовство и охота.

За 16 полевых сезонов было обследовано более 6000 человек, из которых 2500 составляют дети и подростки в возрасте от 7 до 17 лет, остальные – взрослое население от 18 до 50 лет.

Исследованное нами население Алтая относится преимущественно к южно-сибирскому типу, Тувы – к центрально-азиатскому, а именно, к катангскому его варианту, Монголии – к центрально-азиатскому.

Различие между этими типами заключается в удельном весе европеоидной примеси, который выше в южно-сибирском. Европеоидный компонент связан с влиянием древнейшего населения, относящегося к памиро-ферганской расе.

На территории Центральной Азии, основным фактором, определяющим черты строения тела и уровень обменных процессов, является холодный стресс. В то же время каждая экологическая ниша характеризуется своей спецификой, отражающейся в морфофизиологических особенностях популяций, обитающих в ней.

На территории Центральной Азии выявляются несколько вариантов адаптивной изменчивости: на фоне выраженных континентальных черт, которые в наиболее чистом виде присущи населению гобийской зоны, прослеживаются особенности степной, таежной и высокогорной адаптации.

Исследование детской части популяций выявило специфику ростовых процессов в каждой экологической нише, определяющую адаптивный морфофункциональный комплекс коренного населения Центральной Азии.

В докладе демонстрируются графики и карта-схема антропо-экологических связей на территории Центральной Азии.

**ALEKSEEV V.A.,
ALEKSEEVA N.G.**
(Russia)

Ecological problems presented by tectonic activity in Asia

Asia where lives the majority of the population of the planet is a region of intensive tectonic activity. Large earthquakes and volcanic explosions occur here. Besides these episodic catastrophes, throughout at the sites of tectonic activity there persist substance flow and electromagnetic radiation, which are emitted by the Earth and brings the potential threat for human health. Namely, these emissions include: 1) carrying off a great body of submicronic aerosols saturated with heavy metals and microelements; 2) flows of radioactive radon and thoron gases; 3) organic component with benzapiren; 4) low-frequency electromagnetic waves radiation.

Here, We present our results of studying the above-listed emissions. During 1980- 2000 yrs the in-the field observations were performed in Central Asia, Kamchatka, Kuril Islands, Sakhalin, also as in the Caucasus and the Crimea. It was seen that the emissions nearer fault are often one-two orders of magnitude more intensive than away fault and give rise to the real danger of environment contamination. This effect is worthy of especial notice since, generally speaking, it persists under common and does nothing but enhances during episodic events of activation of faults.

The level of the danger depends on local geologic circumstances. For example, the estimation derived on the basis of snow-survey data shows that the substance emission intensity during the fumarol gas activity of a volcano of Kamchatka turns out to be increased more than ten-fold. In a geochemistry sense, active faults are origins of deep-underground matter flows. Snow-survey of the Spitak earthquake area reveals that at a crack of seismic fracture the concentration of particles enriched with microelements is well above the concentration measured away the crack site.

By comparing the tectonic activity in the regions of our it-the field work performed with the activity in other regions, it is possible to extend, throughout the whole territory, our conclusions regarding the space and temporal distributions of the emissions. This results in regionalization of the level of corresponding environmental threat. We separate out zones of treat caused by faults producing earthquakes, by magma volcanism, by mud volcanism.

This knowledge is of particular value for Asia. Here, 506 volcanoes manifest themselves, 52.5% of world's number of eruptions are due to them. Most of the volcanic matter produced by an eruption is known to fall out near the volcano. At a distance about 80 km, volcanic ash of the particle dimensions less than 0.01 mm deposits and

just this fraction contains the greatest concentrations of metals and benzapiren. Forming the microelemental composition of soil depends directly on seismic and volcanic activity in the region, therefore the ecological significance of tectonic activity is evident.

Further, earthquakes also as mud volcanism provide an supply microelements in combinatoin with fine-fraction particles for soil. The plants are sorbents and indicators of these flows. Thus, lichen of epicenter part of an earthquake in Tadzhikistan had high microelements (uranium and thorium among them) concentration greater than the background one by a factor of 3-5. We reveal that the 3.4- benzapiren concentration near mud volcanoes in Turkmenistan and far exceed those in ashes of magma volcanoes and amount up to 1075 н/г. (v. Keimir, Turkmenistan) and 17,8 (v. Pugachevskii, Sakhalin). Thus, threat of natural pollution of 3.4- benzapiren makes itself evident throughout vast expanses (let us take into account that faults with mud volcanoes exist in Turkmenistan, China, Taiwan, Iran, Pakistan, India, Burma, Japan, Indonesia, Malaysia, New Zealand, Sakhalin).

Three tectonic maps of Asia are presented, they show regions of deep faults producing earthquakes; of magma volcanism; of mud volcanism.

Алексеев В.А.,
Алексеева Н.Г.
(Россия)

Экологические проблемы тектонически активных районов Азии

Азия, где проживает большинство населения планеты, является регионом активной тектонической деятельности. Здесь часто происходят сильные землетрясения и извержения вулканов. Кроме этих эпизодических катастроф, в районах тектонической активности проявляют себя потенциально опасные для человека истекающие из земли потоки вещества и электромагнитного излучения. Здесь имеются: 1) вынос большого объема субмикронных аэрозолей, насыщенных тяжелыми металлами и микроэлементами; 2) вынос радиоактивных газов радона и торона; 3) вынос органических соединений, в том числе бензапирена; 4) генерация низкочастотного электромагнитного излучения.

Настоящая работа представляет результаты проведенного нами в период с 1980 по 2000 г. исследования названных потоков в большом числе мест наблюдения (в Средней Азии, на Камчатке, Курильских островах, Сахалине, а также на Кавказе и в Крыму). Как оказалось, названные факторы в области геологических разломов часто достигают такой интенсивности, которая создает реальную экологическую опасность – тем более заслуживающую внимания, что действует она там практически постоянно, лишь увеличиваясь в периоды активизации разлома.

Так, оценки, проведенные на Камчатке методом снегосъемки, показали, что вынос вещества при фумарольной деятельности вулкана возрастает более, чем на порядок. В геохимическом смысле активные разломы являются источниками поступления глубинного вещества. Снегосъемка в районе Спитакского землетрясения (Кавказ) показала, что на трещине сейсмического разрыва содержание частиц, обогащенных микроэлементами, гораздо выше, чем в снеге вне зоны трещины.

Сравнивая тектоническую активность районов, где были проведены измерения, с активностью других районов, можно распространить на всю территорию полученные выводы о пространственном и временном распределении эмиссий. Соответственно, можно провести районирование экологической опасности, создаваемой потоками вещества и излучения. Мы выделяем опасные зоны с разломами, где происходят землетрясения; а также зоны магматического и грязевого вулканизма.

Эти сведения особенно важны для Азии. Здесь находится 506 вулканов, на которые приходится 52,5 % мировых извержений. При извержениях вулканов большая часть вулканического материала оседает вблизи от вулкана. На расстоянии примерно 80 км оседает пепел с размером частиц менее 0,01 мм, и именно эта фракция содержит наибольшие концентрации металлов и б/п. Формирование микроэлементного состава почв напрямую зависит от сейсмической и вулканической активности района и отсюда очевидно экологическое значение тектонической активности.

При землетрясениях и грязевом вулканизме также происходит вынос микроэлементов в составе мелкодисперсных частиц. Растения являются сорбентами и индикаторами этих потоков. Лишайники в эпицентральной части области землетрясения в Таджикистане содержали высокие концентрации микроэлементов, в их числе урана и тория, превышающие фоновые значения в 3-5 раз. Наши исследования показали, что на грязевых вулканах Туркмении и Сахалина концентрации 3,4-бензапирена (б/п) намного превышают его концентрации в пеплах магматических вулканов и достигают 1075 н/г. (Кеймир, Туркмения) и 17,8 (Пугачевский, Сахалин). Таким образом, опасность сильного загрязнения среды природными потоками 3,4-бензапирена распространяется на обширные территории (учтем, что разломы с грязевыми вулканами имеются в Туркмении, в Китае, на о. Тайвань, в Иране, в Пакистане, Индии, Бирме, Японии, на островах Индонезии, Малайзии, Новой Зеландии, на о. Сахалин).

Представлены 3 тектонические карты Азии, на которые нанесены районы, глубинных разломов, связанных с землетрясениями, районы с магматическим вулканизмом, и районы с грязевым вулканизмом.

**ALEKSEEV V.A.,
PROKOPENKO L.I.,
ALEKSEEVA O.V.**
(Russia)

Dynamics of state of children health at increasing seismic activity

in the ecologically clean regions of Turkmenistan

Anthropogenic pollution and geochemical processes as environmental factors greatly contribute to increase of morbidity among population. Children are the most suitable contingent for studying ecologically condition health disorders since they are more sensitive to the variations of environment parameters, less affected by harmful habits and less exposed to the direct influence of the industrial processes. Over many years (1971-1990), We studied the morbidity of children living under conditions of the enhanced seismic activity (on a plain in the south-west part of Turkmenistan, with the high incidence of earthquake: at least every several years). There are no industrial enterprises and intensive agriculture. Therefore, We deal only with the exposure to the natural factors.

The frequencies of allergy, respiratory virus disease, destructive pneumonia and sepsis were taken into account. The counter-analysis of the data of seismic activity energy shows that the above-listed frequencies rise as this energy increases during several years before the beginning of the earthquake, next in turn. (The mortality does not vary).

Relationship between the aerosol fluxes characteristic for zones with higher tectonic activity and the children morbidity is suggested since among components of the aerosols are included heavy metals and benzapiren. The continuous inhalation these natural pollutants by a child adversely affects his health, the immune system being disturbed the most. This impact can lead to increasing the morbidity but has not direct mortal consequences.

The relationship suggested gives an insight into why the gradual increase of morbidity manifest itself at rise of seismic activity energy: generally, seismic event occurs after gradual development of copious amount of microfractures providing exits for the aerosols.

On the other hand, the morbidity of children turns out to be, in a sense, an indicator of the presence of a body of aerosols in air. Since after an earthquake, the level of the morbidity are decreased, We can conclude that the underground supplies of gas (which contains fine fraction particles with aerosols) appear to be exhausted after the event of an earthquake. (The results of degassing burst at time of the earthquake are carried away by wind during one-two decades and do not affect the morbidity variations on the studied time scale which is about years.)

Алексеев В.А.,
Прокопенко Л.И.,
Алексеева О.В.
(Россия)

**Динамика состояния здоровья детей
при нарастании сейсмической активности
в экологически чистых районах Туркмении**

Антропогенное загрязнение среды и результаты действия определенных геохимических процессов вносят значительный вклад в развитие заболеваемости населения. Для установления экологически обусловленного расстройства здоровья дети являются наиболее подходящим контингентом, так как они чутко реагируют на изменения окружающей среды, наименее подвержены влиянию вредных привычек и производственных факторов. Нами представлены результаты многолетнего (1971-1990гг.) изучения заболеваемости детей, проживавших в условиях повышенной сейсмической активности с частыми землетрясениями (по крайней мере, раз в несколько лет) на равнине в юго-западной части Туркмении). В этом районе не было промышленных предприятий и интенсивного сельского хозяйства, так что на здоровье здесь действовали только природные факторы.

Проводилась оценка частоты аллергических заболеваний, ОРВИ, деструктивных пневмоний и гнойно-септических воспалений у детей. Встречный анализ данных энергии сейсмической активности показал, что в течение нескольких лет до начала очередного землетрясения частота заболеваний резко возрастала. При этом показатели смертности оставались без изменения.

Предполагается связь детской заболеваемости с аэрозольными потоками. Среди химических компонентов потоков определенное значение могут иметь тяжелые металлы и бензпирен, вдыхание которых, в первую очередь, иммунной системы ребенка. Постоянное вдыхание ребенком этих природных поллютантов неблагоприятно влияет на состояние здоровья ребенка, прежде всего, затрагивая его иммунную систему. Такого рода воздействие способно приводить к увеличению заболеваемости, но не имеет прямого влияния на смертность.

Предполагаемая связь объясняет, почему постепенное увеличение заболеваемости соответствует росту энергии сейсмической активности: вообще говоря, заметное сейсмическое событие происходит после постепенного развития множественных микротрещин, обеспечивающих выход аэрозолей наружу.

С другой стороны, уровень заболеваемости детей, оказывается, в некотором смысле, индикатором присутствия того или иного количества аэрозолей в воздухе. Поскольку заболеваемость уменьшается с началом землетрясения, можно сделать вывод, что подземные запасы газа, содержащего мелкодисперсные частицы с аэрозолями, оказываются опустошенными землетрясением. (Результаты выброса газа при землетрясении уносятся ветром в течение одной-двух декад и не сказываются на изменениях заболеваемости с характерное временем около года, которые мы изучаем.)

МАРШЕВСКИ Мариуш,
КОРАЛЕВСКИ Якуб
 (Poland)

Crimea: migrations and ecology

The purpose of this paper is to present issues related to new ecological problems of the return of Tartar repatriants to their homeland. Social and environmental issues discussed herein have been observed in the Crimean since the middle of 2002.

The main data sources are: analysis of Crimean press, interviews with local inhabitants, press and discussion materials available in the internet. The paper is aimed at drawing one's attention to ecological problems related to Tartars' migration within the Crimean Peninsula, as well as to their possible consequences.

- according to some researchers, one of the reasons why Soviet authorities did not allow the Crimean Tartars to return to their homeland after 1956 was the intention to preserve unique nature of coastal zones of the Crimean (particularly as a resort area for the establishment);

- in the early stage of migration during perestroika (before 1988), the Tartars were not allowed to return to coastal zones for similar reasons; therefore, large numbers of Tartars settled in steppe areas;

- although in the later stages (after 1991) the Tartars were allowed to settle throughout the Crimean, there were no idle lands where such settlements were possible;

- in the early stage of migration, the most important issue for the Tartars was the question of solving the basic existence problems (lack of houses, water supply, jobs, means of subsistence) and administrative difficulties (residence and nationality registration, active/passive voting rights); under such circumstances, the Tartars illegally seized idle land for construction of housing estates;

- solution of these problems marked the beginning of the next stage of repatriants' integration into the Crimean society; this period can be looked at as a time of economic stabilization of the Crimean Tartar community;

- aspirations of the educated related to the desire to improve one's financial status caused a growing migration of the Tartars to coastal zones, which are free from unemployment (at least in the peak season);

- another wave of illegal land seizures followed (however, more and more frequently seized were areas of unique natural importance); these seizures were aimed at creation of commercial facilities with view to bring means of subsistence and improve living standards;

- these processes accelerate natural degradation of the Crimean Peninsula.

Маршевски Мариуш,
 Коралевски Якуб
 (Польша)

Крым: миграции и экология

Данная статья из раздела новейшей истории является попыткой постановки вопросов, связанных с новыми экологическими проблемами, возникшими в результате возвращения татарских репатриантов на родину. Общественно-природные явления, о которых идет речь в нашей работе, начали возникать в Крыму начиная со второй половины 2002 года.

Основными источниками, использованными в работе, остаются анализ крымской прессы, опрос населения Крыма, материалы СМИ, размещенные на сайтах Интернета.

Целью статьи является привлечь внимание к экологическим проблемам и их возможным последствиям, связанным с миграциями татар в пределах Крымского полуострова.

- некоторые исследователи считают одной из причин, по которым советские власти и после 1956 года не разрешали крымским татарам возвращаться на родину, желание сохранить уникальную природу крымского побережья прежде всего в качестве зоны отдыха для советской номенклатуры

- в период первой волны миграции (после 1988 года) во время перестройки по схожим причинам татарам было запрещено возвращаться на побережье; татары массово селились на степных территориях

- в более поздний период (после 1991 года) татарам было разрешено селиться по всей территории Крыма, где, однако, уже не было свободного для проживания места

- на начальной стадии миграции главной проблемой крымских татар являлось решение социальных вопросов (нехватка жилья, воды, работы, средств к существованию) и административных (прописка, гражданство, активное и пассивное избирательное право); в то время татары нелегально занимали малопригодные для строительства жилых районов территории

- решение этих проблем привело к следующей стадии интеграции репатриантов в крымское сообщество; этот период можно рассматривать как начало стабилизации экономической ситуации в крымско-татарском обществе

- ожидания образованного общества, связанные со стремлением улучшить свое материальное положение, являются причиной возрастающей миграции татар на побережье; эта территория продолжает оставаться пространством, где отсутствует безработица (по крайней мере во время туристического сезона)

- началась очередная волна нелегального захвата территории (теперь это уже не малопригодные для проживания места, а, довольно часто, участки, где сохранилась уникальная природа Кры-

ма), целью которого является создание татарами коммерческих структур в целях получения прибыли и улучшения их жизненного уровня

- эти процессы влекут за собой дальнейшее нанесение ущерба природе Крыма.

ENDŌ Takatoshi

(Japan)

The order and structure of lineage model in northern Song China

The main focus of this paper will be on the charitable estate in Suzhou 蘇州 established during Song dynasty by Fan Zhongyan 范仲淹. I shall argue that the charitable estate was an important means for elites to survive in the intensely competitive society that emerged after the Tang-Song transition. It was, however, not the only method for their survival but one of the various methods such as the exchange of letters and ceremonial occasions, the financial aid for children's education and the help in finding positions. Accordingly the lineage model formed in the mid-eleventh century was the result of the daily exchanges among elites.

Those who took the lead in forming the model, however, were not the local elites but the elites who moved from their home to the capital Kaifeng 開封. The lineage model in the Northern Song China, I shall argue, had more idealistic significance for the elites in Kaifeng than realistic meanings for the local elites in Suzhou. The migration of elites during the mid-Song dynasty also had an important influence on the forming of their lineage models. In this paper I shall examine the character of the migration in this century and the relation between the migration and the lineage model.

HIRATA Shioki

(Japan)

Politicians diaries: politics in private sphere in southern song Lin'an.

Heretofore, study of Song political history mainly focused on official documents and records. These materials can provide us with the results of important political decisions but not the processes behind such decision-makings. For this reason, I will look at diaries entitled *Siling lu* 思陵錄 by Zhou Bida 周必大 a famous literati and a powerful politician during the Southern Song. By doing so, I will clarify two points. First, how the emperors and his attendants, eunuchs or high-ranking officials interacted when they proceeded with political decision makings. Second, based on the locations mentioned in the diaries, I will map out the political spheres in Southern Song Lin'an 臨安. The purpose of my paper is to reveal the actual facets in politics of the time.

ICHIKI Tsuyuhiko

(Japan)

Elite self-consciousness and learning in Zhu Xi

Before the modern age, the self-consciousness of Chinese local elites (*shi* 士) was based on their cultural awareness and pride. At the same time, in their immediate social context, it was based on the recognition of their distinction from those without social status.

In Zhu Xi's 朱熹 textual legacy, we often find references to *shi min* 民 (*shi* and the people). When speaking from a theoretical perspective, Zhu Xi did not distinguish between *shi* and the people. But when discussing reality, he distinguished *shi* from the people, and argued that learning causes the difference between *shi* and the people.

Neo-Confucian ideas were attractive to local elites. Neo-Confucianism offered them the vocabulary to articulate their latent class identity. As Neo-Confucianism spread gradually, the elite self-consciousness articulated by Zhu Xi was imprinted in the minds of local elites.

This paper investigates the meaning of Zhu Xi's discourse on learning as it relates to elite self-consciousness.

TANG Jian

(USA)

Shifting between Maroon Glacé and Sapphire Blue as a miracle in world art archaeology: Chinese bronze technology in high Ming and perpetuation of prosperous social life in 1420s

This research is about a world unique and magnificent color-shifting imperial bronze vessel with eight casting picturesque panels depicting high Ming prosperous social life. According to the attested historical records from Ming court official Lu Zhen 明呂震 this vessel was specially cast as a treasure tributes to Xuan De 宣德 Emperor (1399-1435) for his national ritual ceremonies in the Forbidden City. After 432 years, in 1860 sack of Beijing, a British soldier had it from Yuan Ming Yuan 圓明園.

Casting between 1426-1428 of the early Xuan De years, this bronze vessel is the only authentic color-shifting specimen existing in the world. It is China's national treasure. The octagon body is supported on four feet that are in the shape of abstract dragons. The flared top of the octagon body is round implying the Heaven. The flared top with flat and squared rim is in sharp-cornered octagon symbolizing the Earth. Amidst cast intricately eight base-relief picturesque panels depicting in great detail eight important aspects of Ming social life in peace and prosperity. The crispy casting art and finest lyric quality reach the highest level that no existing bronze specimens in world history can be compared with. Even a scholar-official's eyebrows, the folds on curtains and tassel under lantern are clearly seen from a tiny window less than 1/8 in² or 1/2cm². Surrounding the body are eight

stylized cloud-thunder forms vertically cast as sectional dividers. They symbolize absolute divinity, Affixing on two sides are the two ring handles issuing from two ferocious sphinx heads representing inestimable military power. The body was gilded in natural splashing. Six inscription panels repeated loudly Wan Sui Le 万岁乐 Viva Happy encircled by frame and divine flora. On the bottom cast an authentic imperial seal mark with six characters in classical style. Four fierce dragons in Xuan De imperial style are running around the seal to form a closed crown.

The paper will focus on five aspects and indicate the following: [1] Taking the patina of warm and soft maroon glacé in normal daylight as base footing of the color, Tang documented in 1995 of his 1993 discovery that the color of this bronze vessel visibly changes along certain continuum in spectrum under different lighting conditions regardless background colors, In the darkest possible lighting, it becomes bright and beautiful sapphirine blue on distinguishable gradations. The ancient books reinforced such mythic color-shifts as the vital parameter to the authenticity, but very few people have seen that until the myth is realized on this artifact. [2] The analysis shows that the bronze was synthesized from at least forty kinds of rare metals and chemicals with secret metallurgical quantities, and was composed in certain orderings, frequently smelted for twelve rounds for ultimate refinement. The technology and formula were lost immediately in 1429. [3] The significance of this specimen also lays in the fact that the highest technological standards perpetuated newly achieved bronze technology during the Ming in comparison with splendid bronze technology from the Shang (1750BC). Although literati largely ignored bronze of later dynasties, this epochal artifact updated the zenith of Chinese bronze technology to High Ming. [4] The intricate picturesque panels depicting Ming social life refresh the celebrating achievements shown from other artifacts. They are invaluable to their landmark position in art history, lyric aesthetics, and cultural reconstruction, and also to the functional analysis of technology and belief in ecosystem in relation to the rise and fall of dynasties. [5] The motivation for color-shifts was to constantly diffuse the divine power generated from supreme rituals where the Emperor communicates with the ancestors via continuous inflections of the initial footing of the bronze in different lightings, and communicates with the gods via changes of frequency levels of the shifts to the infinity.

CLARK Hugh R.
(USA)

**The emergence of a genealogical tradition
in Minnan (Fujian) during the early Song Dynasty**

Most analyses of the early modern genealogical tradition link its origins with the efforts of Fan Zhongyan 范仲淹, Ouyang Xiu 欧阳修, and Su Xun 蘇洵 in the mid-eleventh century. The present paper will

argue instead that the genealogical tradition arose in local contexts possibly as early as the late 9th – early 10th centuries.

The specific focus of my paper will be on the Minnan 閩南 region of southern Fujian 福建. I shall argue that the century of the Tang-Song interregnum was critical to the emergence of the local genealogical tradition. As was true in so many areas of south China, this century saw the arrival of large numbers of immigrants who had been uprooted by the turmoil that had wracked central and north China since the middle of the 800s. The sudden arrival of so many challenged the indigenous local elite to find ways to define their identity. This, I shall argue, is what prompted them to initiate formal genealogical record keeping. In the paper I shall examine that indigenous local elite in their pre-interregnum context, the impact of the interregnum century on that elite, and the elite's response in the form of genealogies.

HAN Seung-Eok
(South Korea)

**L'art du zen en Corée et le
patrimoine culturel spirituel**

La culture asiatique, notamment extrême-orientale sont, de manière prépondérante, des produits de trois esprits : c'est le taoïsme, le confucianisme et le bouddhisme zen. Depuis des millénaires, les artistes de ce triangle de pensée et de perspective humanistes se sont engagés de toutes leurs forces dans les problèmes de la vie. Leurs visions ou sentiments se coulent tout spontanément dans l'art de l'écriture idéographique et dans l'art de méditer.

L'art du zen en Corée est étroitement lié à la spiritualité 'd'un seul trait' ou 'd'un seul jet'. Le patrimoine culturel spirituel en Corée originellement est l'expression de l'esprit du Tao. Il semble évident que l'art se dise et réalise en une suite de visions et de sentiments prêts à recevoir la nature du Tao. Son art médite profondément la signification des mots et des paroles inconcevables ou insaisissables du Tao et trace sur le papier vierge. Il est important de dire que l'esprit du zen a été également considéré, à toute époque en Extrême-Orient, comme un combat de l'esprit et un réformateur usant du pouvoir de la déconstruction. Les buts et les actions de ces destructions sont de faire disparaître tous les dogmes et concepts philosophiques ou métaphysiques, et tous les systèmes théoriques que nous ne connaissons que par l'analyse et la logique de la pensée humaine. Mais, si renouvratrice que la négativité de l'esprit du zen soit, comme modernité de l'acte artistique, elle n'est en aucun cas identifiable à la nature du zen.

C'est la raison pour laquelle l'art coréen tend à éveiller des résonances profondes à l'âme et à la conscience des artistes. C'est dire que la perspective et l'idée intérieures ou pénétrantes dans l'oeuvre esthétique, plus spécifiquement poétique de l'esprit du Tao ne cherchent pas à décrire ou à peindre une chose, ni un sentiment personnel

des artistes, mais à évoquer des états d'âme illuminés, leurs souffles spirituels, leurs énergies créatrices surprenantes du Tao. Tels sont les traits les plus caractéristiques de l'art coréen à travers le sens introspectif de l'intuition des mots et des choses. Car c'est un art donnant une profonde impression ou méditation et une perception de grande simplicité. Il s'agit là de la symbolique de l'art du zen qui reconstitue sa beauté et son esthétique simplifiées et bien naturelles à travers chaque motif, chaque lumière, chaque couleur et chaque rythme. Les multiples explications détaillées aux yeux des artistes du zen, arrêtent et empêchent leur puissances de signification suggestive et leur regard intuitif de se concentrer sur le vrai sens de l'esprit du Tao et celui de l'être, et les dispersent.

Le sens du Tao est spontanément et purement souffle et espace créateurs pour les poètes coréens. Il est la source de l'inspiration artistique d'où procède l'élan révélateur du souffle vital de la vie. Dans la poésie coréenne, il s'agit, depuis longtemps, de l'état d'âme illuminé, état du "satori" dans l'énergie et le souffle intimes de l'Univers, où se révèle l'essence par excellence spécifique de l'esprit du Tao. Dans l'art de vivre et de traduire en écriture le "soi-même", un poète est un guide et un médiateur de l'esprit du satori, autrement dit, l'éveil de l'illumination, en termes typiquement chinois "keou" qui signifie l'ouverture du satori. C'est ainsi que cet idéogramme peut être considéré comme une vision et un regard intuitifs dans la nature des choses, en dehors de la compréhension logique ou analytique. L'idée du satori, en tant qu'entraînement réel du zen, insiste sur la totalité, le vrai sens de la vie. Il s'agit là, de montrer à travers la subtilité des nuances et la délicatesse d'esprit les imperceptibles variations du Tao avec ses infinis mouvements.

La littérature coréenne, proprement dite "littérature de voyage dans le paysage de l'éveil" est, dans tous les sens, des coeurs et des sentiments humains, les plus spécifiques de leur Etre et de leur vision de l'Univers du Tao. Elle cherche toujours à découvrir une "balance barométrique des âmes, des coeurs et des imaginations". Elle renoue effectivement avec le guide mental et spirituel, en témoignant d'une communication et d'une communion authentiques entre l'homme et l'être le plus profond. C'est la raison pour laquelle cette poésie est une quête spirituelle et qu'elle a pour mission d'illustrer cet esprit de l'éveil au Tao, et de s'inscrire dans notre coeur et notre âme.

Sans oublier cette signification symbolique et cette simplicité intuitive de son art correspond tout spontanément à la création poétique en Asie. De sorte que l'art de méditer contient un langage poétique du Tao. C'est en ce sens qu'il faut se mettre à l'écoute du poétique, d'où vient la vision descendante ou pénétrante que se fait le langage du Tao. Son langage se dirige vers l'intérieur, où il passe dans le coeur et l'esprit. C'est ainsi qu'il faut partir du taologique. Il est alors permis de dire qu'il est avant tout le langage du Tao. Effectivement, l'esprit du zen a des affinités intuitives et mystiques

très étroites avec la poésie. Par elle, l'art coréen vise à effacer son identité, et à oublier sa propre présence pour rejoindre la communion profonde avec l'Univers du Tao.

PODALKO Petr R

(Japan)

Russian emigrants in Japan and their contribution to the development of the modern Japanese culture (1st half of XX century)

Emigration from Russia to Japan, which temporarily reached a figure of several thousand people of different social strata, was a kind of phenomenon that the Japanese had never experienced before. But in spite of some special restrictions made by (lie local authorities, in the mid-1920s there were about a few thousands of Russian emigrants living in this country, who were unable to return to their homeland and could rely only on themselves. There were three main periods, or "waves", of emigration to Japan after the Revolution: 1917-1923, 1924-1940, 1945-late 1950s (one should not make a mistake by mixing them with three or, sometimes, four "waves" of the emigration from Russia to the West in XXth century). Of course, compared with the hundreds of thousands of Russians who finally settled in the West, the numbers of refugees in Japan was small. Yet, in spite of it, the Russians played a significant role in the "westernization" of Japan in 1920-30s, and their contribution to the process especially in spheres such as food, light industry and trade was as great as their contribution to Japanese culture in such activities as ballet, modern dance, classical music, teaching of foreign languages, and others. As a result, in spite of various difficulties and conditions being even unfriendly sometimes, of the Russians in Japan showed many examples of their ability to accommodate to a different cultural environment and gave a few brilliant examples of methods of integrating foreigners into Japanese society.

Подалко П.Э.

(Japan)

Русская эмиграция в Японии в первой половине XX века и ее роль в становлении и развитии современной японской культуры

Культурная жизнь довоенной Японии развивалась во многом в русле традиций «вестернизации», начало которой было положено в период т.н. «демократии Тайсё» (1912-1925). В это время возникло множество различных школ и направлений западного искусства, однако отсутствие в стране соответствующих педагогических кадров побуждало обращаться за помощью к иностранным специалистам, значительное число которых составляли «белые» русские эмигранты.

С начала 1920-х гг. в Японии проживало несколько тысяч эмигрантов из России. Докладчик выделяет три «волны» русской эмиграции в Японию в XX веке (1917-1923, 1924-1941, 1945-1950-е гг.), две из которых относятся к рассматриваемому периоду. В то же время, масштабы и динамика численности российской эмиграции в Японию несопоставимы с тем, что происходило в Европе и Америке. В качестве причин, объясняющих этот феномен, следует назвать как защитные меры японского правительства, так и отсутствие исторических навыков совместного проживания русских и японцев, сложности трудоустройства иностранцев в Японии в условиях экономического спада, наличие языкового и культурного барьера и др. И вместе с тем, немногочисленные на первый взгляд представители творческой интеллигенции (главным образом, музыканты и балетмейстеры) внесли значительный вклад в подготовку первого поколения японских мастеров западного искусства.

Среди прочих сфер деятельности русских эмигрантов можно выделить такие, как преподавание иностранных языков, мелкое предпринимательство, торговлю. Некоторые из них впоследствии смогли достичь известного успеха, расширить производство и выйти на японский рынок (преимущественно в пищевой отрасли), при этом сумев не только вписаться в японское общество, но и добиться в нем достаточно высокого положения. При этом ряд эмигрантов, не поселяясь в Японии навсегда, вели торговлю через филиалы и представительства компаний, расположенных на материке,

В целом можно утверждать, что русская диаспора в Японии, несмотря на свою малочисленность, сумела стать заметным явлением в экономической и культурной жизни страны. Это тем более удивительно, что, не имея исходно в своих рядах личностей мирового уровня, и будучи (в отличие от европейской и американской ветвей эмиграции) лишены реальной поддержки со стороны международных и местных организаций, при полном отсутствии предшествующей национальной диаспоры, эмигранты в Японии могли по сути рассчитывать исключительно на собственные силы.

ИСОГАЙ Кенъичи

(Japan)

**О среднеазиатском документе
по оживлению мертвой земли
начала XVII в.**

Хранящийся в ЦГА РУз под инвентарным номером ф,323, оп.1, ед.хр.144 и неправильно классифицированный в качестве вакфной грамоты документ касается оживления мертвой земли (ихья ал-мават) — т.е. распашки новых земель — осуществленного Пайанда Би Аталиком в 1614г. Причиной неправильного местонахождения данного документа в фонде вакфных грамот является, по всей вероятности, тот факт, что упомянутый документ состав-

ляет неразделимое целое с одной вакфной грамотой, хранящейся в том же фонде под инвентарным номером ф,323, оп.1, ед.хр.7 и оформленной тем же Пайанда Би Аталиком, в которой оживленная земля обращена в вакфное имущество.

По мусульманскому праву, оживленная земля становится собственным имуществом (милк) оживившего (мухьи) и его право может передаваться другим лицам такими путями, как куплей-продажей, наследованием, дарением и т.п. Вполне возможно, что документы по оживлению мертвой земли, свидетельствующие о праве оживившего, теряли свое значение после того, как право собственности оживившего на оживленную землю передавалось другому лицу и вероятно по этой причине, такого рода документов мало дошло до нас. Следует полагать, что в сохранении выше указанного документа по оживлению, решающую роль играло его сопровождение упомянутой вакфной грамотой, которая по своей сущности требует долгосрочного сохранения.

Названный документ разделен на две части. Первая часть состоит из текста чисто юридического характера, который официально гласит заключение оживления мертвой земли. Текст этой части строго соответствует содержанию китаб ихья ал-мават — т.е. главы, специально посвященной объяснению правил оживления мертвой земли —, помещенного в ханафитских юриспрудческих сочинениях.

А вторая часть излагает историю самого оживления, записанного в первой части и сделанного Пайанда Би Аталиком. Хотя конец этой части и утерян — поэтому нам не удалось узнать ее полное содержание — можно полагать, что изложенная история дошла до кульминации, когда речь идет о неожиданном появлении двух ключей из камня, разрушенного при прорытии канала. Этот эпизод сразу напоминает подобную историю о Коране, о которой появились двенадцать ключей также из камня, когда Муса ударил его палкой согласно с повелением Бога. Вторая часть, включает в себя указанный чудесный эпизод, по все вероятности, специально добавлена для того, чтобы похвалили деятельность Пайанда Би Аталика во вкусе жития святых, популярного в то время.

Причину приложения второй части объясняет тот факт, что ханафитского толка считает оживление мертвой земли делом личного характера, проводимое посредством частного капитала. Если оживление Пайанда Би Аталика считается частным предприятием, то естественно, что к основной части документа добавлена отдельная часть, в принципе состоящая из похвалы предпринимателя этого предприятия.

Следует отметить, что с точки зрения ханафитского толка мусульманской юриспруденции, также считается личным предприятием создание религиозных и образовательных учреждений — т.е. мечетей и медресе —, содержащихся за счет вакфных имуществ, которые формируются только из частных (милковых) имуществ.

То, что мусульманское право придает личный характер даже таким общественным, с современной точки зрения, предприятиям, как распашка новых земель и создание религиозно-образовательных учреждений, показывает нам индивидуалистический профиль традиционного мусульманского общества в Центральной Азии.

AL-GOHARI Osamah

(Saudi Arabia)

**Conformity V.S. Diversity:
deconstructing oriental influences
on Russian architecture**

Russia due to its geographical location between the West and the East produced unique Architectural Styles.

It is sort of amalgamation between the West and the East. It is the fusion of Western styles and those of the Orient i.e. the East. The purpose of this paper is to trace the Oriental influences on Russian Architecture at large. Examples will be selected from the Classical and Modern era.

ALTANTSETSEG Noosgoi

(Mongolia)

**Монголо-китайские отношения
в эпоху глобализации**

Монголо-китайские отношения на протяжении длительного исторического времени приобретали разные формы.

Если в эпоху династии Юань, входившей в состав Монгольской империи в XIII-XIV вв., монголы установили свое господство над Китаем, то в XV-XX вв., Монголия и Китай обе находились в составе Маньчжурской империи.

Из многочисленных народностей и обширных территорий, завоеванных маньчжурскими властями, лишь монголы /ради уточнения следует заметить, составлявшие, ее малую часть/ в начале XX века смогли приобрести свою полную независимость. Концепция "Монголия -потерянная территория Китая" о непризнании Монгольской независимости тайно или явно выступала существенным фактором в монголо-китайских отношениях. Особенно в 1960-80-е годы прошлого века, в период "холодной войны" между СССР и КНР, выплеснулись наружу территориальные претензии к Монголии со стороны Китая.

Как нам известно, ведущей тенденцией развития современных международных отношений стала глобализация. Глобализация – объективно ведет к более взаимозависимой, взаимодополняемой модели мира, к тесным интеграционным процессам на уровне регионов и субрегионов.

Политика Китая в отношении Автономного района Внутренняя Монголия /АРВМ/ и китайских монголов, т.е. проживающих вне территории этого района, всегда привлекала пристальное внимание Монголии. Имеют место коренные различия в подходе Китая и Монголии к истории, языку, культуре и религии монголов. В частности, в то время, как монголы возносят Далай-ламу как воплощение "живого Бога", и от всего сердца стремятся к встрече с ним, то Китай -напротив, постоянно выражает официальный протест при возникновении вопросов посещения Далай-ламы в Монголию.

Наряду с этим КНР в политическом и экономическом аспекте проводит дальновидную, прагматичную политику. Одним из проявлений хотя бы является то, что в состав официальных делегаций КНР в Монголию все чаще начали включаться представители из Внутренней Монголии. Торговля Монголии с АРВМ ведется через более чем десяти пограничные пункты. Например, адреса предприятий услуг и коммерческих учреждений пограничного города Эрлянь написаны на монгольском языке кириллицей, что создаёт благоприятные условия для привлечения монгольских предпринимателей и туристов. Также пограничные участки Внутренней Монголии и город Эрлянь теперь будут превращены в зону свободной торговли, что, несомненно, принесет выгоду не только частным монгольским компаниям, но и станет взаимовыгодной формой сотрудничества соседних двух государств. Хотя правительство Монголии уделяет особое внимание инвестициям и экономическому сотрудничеству с другими странами, в период глобализации, близость территории, успех китайской экономики и прагматические шаги внешней политики Китая играют существенную роль во внешней политике Монголии.

НИМЕСТУЛЛАХ,

(Таджида)

Миграция турок на Балканы

Ещё за долго до того как турки пришли в Малую Азию, несколько раз в течение веков они приходили в Европу под такими именами как авары, гунны, команы, печенег. Тюркские племена делали набеги и переселялись как на Балканский полуостров, так и дальше вглубь европейского континента. В периоды, когда турки ослабевали, они не покидали эти места, а смешивались с народами, как жившими здесь до них, так и с пришедшими позже, при этом принимая их язык и религию и, таким образом, полностью утрачивая свою идентичность. После завоевания Малой Азии тюрками-сельджуками, в результате войн в Мериче (1385) и Косове (1389), и особенно после завоевания Константинополя почти весь Балканский полуостров вошёл в состав нового государства – Османской империи, которая управляла этим регионом в течение 4-5 веков. При этом турки (турки) в большом количестве переселялись на Балка-

ны. К концу периода Османского правления, в результате сильной пропаганды в сфере национализма, экономики и пр., на Балканах произошли сильные столкновения, после которых балканские нации одна за другой обрели государственную независимость, и турки, жившие на Балканах, стали в некоторых случаях покидать насиженные места и возвращаться на свою историческую родину – в Малую Азию. Такие миграции происходят и по сей день. В настоящем докладе даётся обширная информация об этих миграциях, их причинах, времени, когда они происходили, а также о проблемах, с которыми сталкивалось население в балканском регионе.

ORSINI-SADJED Sirna

(France)

'Aziz-e Nasafi (XIII-ème s.):

Métaphysique de la semence (notfe)

'Aziz-e Nasafi, penseur éminent de l'Iran médiéval, fut originaire de Nakhshab (Nasaf), dans l'actuel Turkestan. Transconfessionnel, ce maître spirituel consacra l'ensemble de ses écrits à l'étude de nombreuses doctrines religieuses et philosophiques. Nasafi traite chaque sujet doctrinal par la pluralité des points de vue qu'il manie sous couvert de familles ou adeptes (*ahl-é*) rattachés à de différentes écoles de pensée dont il se garde cependant de nommer.

Ses écrits à portée spirituelle visent particulièrement la procréation, l'exemple didactique par excellence pour décrire la création. La notion de la "semence" occupe le centre son ontologie et de son épistémologie. Nasafi a trouvé dans la "semence" une modèle architectonique de démonstration et d'argumentation, qui est le modèle d'un principe unitaire de construction naturelle et biologique. Elle constitue le champ fondateur, champ du Livre sacré. Le procès de la génération de l'homme et des plantes, ou du Monde, monde hiérarchisé, commence et culmine avec la "semence". La semence comme Tout ou Unité de toutes les manifestations multiples...

Notre communication s'en tient à montrer que, bien que par homonymie, et s'agissant d'une spéculation sur le microcosme et le macrocosme, cet auteur cosmopolite, au schéma de la hiérarchisation des mondes, parvient à placer le *notfe* à l'endroit du Jabarut ou le monde de la Déité, selon Henry Corbin.

KOBAYASHI Ensho

(Japan)

A Case of "Mahāyānization" of an Early Sutra:

The Mahāvastu (Chatravastu) as Prototype for the Vimalakirtinirdeśa, and the Śūtnigamasamādhi

The study of Mahāyāna sutras, especially texts dating from the earliest period, raises issues related to the background of their thought

and doctrines, and to the materials used in the process of their composition. In the course of my own research on the *Gandavyūha-sūtra*, I have successfully identified two or three occurrences of pre-Mahāyāna materials that have been incorporated into this scripture and were "Mahāyānized" during this transformation process.

In this paper I shall use the same approach and working hypothesis to examine pre-Mahāyāna sources that have been incorporated into Mahāyāna sutras, reporting in particular about my findings related to the Buddha-Land Fascicle (*Buddhakṣetrapariśuddhi-nidāna-parivartah*) in the Vimalakīrti Sutra (*Ārya-vimalakīrti-nirdeśa nāmā mahāyāna-sūtra*). I will in particular discuss how the Cāttra-avadāna or "Story of the Parasols" included in the Māhāvastu (*Chatravastu*) is deeply related to the drama that unfolds in the *Sutra of Vimalakīrti*, in terms of ideas, inspiration, and of its general plot.

As evidence for recognizing a relation between these two texts, one cannot fail to notice that the two miracles of the parasols and of the Buddha pressing the ground with his toe constitute a set in this fascicle of the *Sutra of Vimalakīrti*. It is important because these two miracles later converge with the central theme of the sutra represented by the "illness" of Vimalakīrti.

I shall also examine the following issues; 1) The link between Vimalakīrti's illness, the epidemic in Vaiśālī, and its rescue by the Buddha; 2) The model and the background for Vimalakīrti's name; 3) The historical event that may lie behind the legend; 4) The relationship with the Śūramgama samādhi.

Conclusion: The main sutras of early Mahāyāna are based on pre-Mahāyāna materials, a transformation process that can be described by supposing the "Mahāyānization" or the addition of a "Mahāyāna dimension" to the original sources.

TOKUNAGA Muneo

(Japan)

Some remarks on the Itihāsas in the Mahabharata

— A study of the textual development of the Śāntiparvan

It is a common understanding of epic scholars that the Mahabharata of Kṛṣṇa Dvaipāyana developed from a heroic poetry of a relatively smaller size into the present form of ca. 75,000 verses (Critical Edition) or into the "Dharmaśāstra" of 100,000 verses, which is traditionally called Śatasāhasrī Sarnhitā. It is therefore of special importance, in terms of textual development of the Mahābhārata, to investigate "why" and "how" such a huge amount of didactic material entered the Great Epic. In this paper I will make a report of one of the results I obtained from this investigation.

The Mahabharata is not only a heroic poetry or a great "Dharmaśāstra." It is also a rich source of independent episodes of

various sorts that were prevalent in ancient India. Interestingly, the majority of these episodes (*itihāsa*-s) are found in the *Śānti*- (Book 12) and the *Anuśāsana Parvan* (Book 13) of the *Mahābhārata*. They are quoted, presumably in modified forms, with the opening phrase: *atrāpy udāharantīmam itihāsarṇ purātanam* inside the discourse of Bhīṣma on the *Rāja*-, *Mokṣa*-and other Hindu Dharmas of the epic period. I will explain the background for these *Itihāsa*s and show why they concentrate in the text of Bhīṣma's discourse. Simultaneously, I will try to distinguish these *Itihāsa*s according to style, contents and context with the intention of exploring the layers of the didactic section of the *Mahābhārata*.

HOYT Frederick G.
(USA)

**Three rocky mountain states confront
the Philippines in 1898 soldier letters reveal the truth**

Idaho, Montana, and Wyoming responded enthusiastically to McKinley's call for volunteers in April 1898. Emotional farewells were tendered them as they left for local rendezvous where they trained briefly and soon headed for San Francisco. After more training, they embarked on makeshift troop transports for the long voyage to the Philippines to punish the hated Spanish imperialists. ("Remember the Maine, to hell with Spain!")

The one break in this long trip was at Honolulu where the American settlers treated them like conquering heroes with virtual freedom of the city. Enthusiastic reports in mainland papers concerning the royal Hawaiian reception given their "soldier boys" certainly ensured the quick annexation of the islands by America a few weeks later.

Spain's dispirited defense of Manila and their quick surrender on 13 August 1898 was followed by a subtle change in American attitudes towards both the Spanish and the Filipinos, the abused people they had ostensibly come to save from imperial oppression. Soon their letters revealed increasing respect for the "Dons" and what they had suffered from the Filipinos, and rapidly growing dislike of the "natives." Many weeks before open hostilities erupted between the Americans and the Filipinos on 4 February 1899 this clash could have been predicted from their letters home in which their former oppressed "amigos" were increasingly called pejorative names.

The fighting itself was graphically described in their many letters, usually with scant praise for the Filipinos, their strategy and tactics, their fighting ability, or their leaders. In these letters the Americans freely reported on activities that would become controversial later: foraging and souvenir hunting, military arson, treatment of prisoners and the wounded, attacks on religious facilities, etc. Seldom did they seem to feel that any explanations or justifications were necessary.

The quite speedy defeat of Filipino forces under Aguinaldo meant that the volunteers from these three adjacent states were withdrawn from the fighting and were joyfully on their way home by mid-1899. The mum tap and mustering out at San Francisco were routine so they were soon homeward bound. Their home cities greeted them as conquering heroes with not a single sign of protest against them or their activities reported. Neither was there even a significant minority among them in favor of keeping the Philippines, although a few stayed to pursue business interests.

There were no significant differences among the veterans from these adjacent states. Only minor details varied their strong hostility to Filipinos and their culture, or the role Rudyard Kipling had so gratuitously assigned them as bearers of "the white man's burden" to the Orient.

JEONG Pyo Hong
(Japan)

The superpowers and the Korean peninsula

After the Iraq War, the United States and China have cooperated or restrained each other's international agendas. The Korean Peninsula remains the last Cold War arena since the collapse of the Soviet Union. After the Afghanistan War, North Korea's Nuclear and Missile Program remains an important issue in the world politics. The four great powers concerned with the Korean Peninsula have cooperated against terrorism, but have held national interest in check on the Korean peninsula. Peace in East Asia and Northeast Asia is connected directly with events there. The two Koreas want eventual reunification, but without the four great powers, especially the United States and China, it will be impossible. Peace on the Korean peninsula, or reunification, can be realized only when the interests among the North, the South, U.S., China, Japan and Russia comes to a simultaneous agreement.

As a member of the "axis of evil," the North apparently possesses nuclear weapons. I will examine the following issues in this paper in terms of international relations theory. Why does the North need nuclear weapons? How can the six powers make North Korea dismantle its nuclear weapons program? How can conservatives and progressives in the South reach consensus on their North Korea policy? How can the North and the South start on the path to reunification without war? How can the two Koreas as internal powers and four great powers as external powers achieve mutually satisfactory aims? How can the external powers satisfy their needs in the peninsula? Could the two Koreas reunite by themselves? Can Northeast Asian economic integration lead the two Koreas toward unification? Will the six-nation talks be successful in the negotiations for resolving North Korea's nuclear crisis?

MURAKAMI Shinkan

(Japan)

Origin of the Mahāyāna – Buddhism

It can safely be supposed that in about the first century several new scriptures (sūtras) were gradually created and compiled into large volumes of the Mahāyāna Scriptures (sūtras). For as early as at the latter half of the second century a number of the Mahāyāna-sūtras (*Aṣṭāahasrikā Prajñāparamitā*, *Pratyutpanna-samādhi-sūtra*, *Akṣobhya-vyūha-sūtra*, *Sukhāvatī vyūha*, etc.) were for the first time translated into Chinese by Lokakṣema, in the capital city Loyang of the Han dynasty. And then almost half of the Mahāyāna-sūtras (except *Śatasāharikā Prajāpāramitā* and most of the esoteric Buddhist sutras) were translated till up to the beginning of the 6th century, when the first extant bibliographical book (*Ch'u san-tsang chi-chi*. 7.55, No.2145) was written by Seng-yu (445-518). However, earliest archaeological evidences of the Mahāyāna-Buddhists (inscriptions that record *Mahāyānika*, or *Mahāyāna-yāyin*, etc.) can hardly be discovered until up to the beginning of the 6th century in Indian sub-continent. There is a great discrepancy between these two kinds of records. And it is a problem to solve this puzzle. Who created the Mahayana-sūtras? What kind of religious movement and what kind of mentality created these sutras? In conclusion, some traditionally ordained monks should be main authors of these sūtras, and these authors should be many and so productive as to create scriptures several times as voluminous as all the Pali Canonical texts in a few centuries.

СТРЕЛКОВ А.М.

(Россия)

**Эсхатологическая мифология
в буддийской легенде о Шамбале**

Легенда о Шамбале занимает важное место в буддийской культуре Южной и Центральной Азии. Буддийские представления о Шамбале исходят из базовых текстов Калачакратантры и развиты в ряде индийских и тибетских сочинений, специально посвящённых этой стране.

Структура и содержание буддийской легенды о Шамбале, реконструированной нами по её основным источникам – краткой Калачакратантре, комментарию на неё «Вималапрабха» и посвящённым Шамбале работам Панчен-ламы Лобсан Балдан Ешея, указывают на её эсхатологический характер. Шамбала Калачакратантры, со всей её историей и описаниями, «выстроена» ради одного мотива – мотива эсхатологической битвы, в ходе которой её грядущий правитель Раудракалки (тж. Раудра, Калки, Чакри) и его войско разобьют силы млеччха, олицетворяющие всё косное и злое, и вновь установят в этом мире совершенную эпоху – Крита-югу.

В ходе анализа названных источников выявлено, что в основе эсхатологии буддийской легенды о Шамбале лежат следующие мифологические структуры: 1) мифологема Рудра-Шивы – Шива в его функции хозяина времени и разрушителя мира в конце цикла бытия в ипостаси Рудры проявляется в эсхатологическом царе Шамбалы Раудракалки; 2) учение о десяти аватарах Вишну – вторая мифологическая «составляющая» эсхатологического правителя Шамбалы – X-ая аватара Вишну Калки; Хануман – сподвижник Рамы и предводитель его войска – полководец войска Шамбалы; восемь последних царей из списка одиннадцати царей Шамбалы, следующих за Раудракалки, носят в той же последовательности имена восьми аватар Вишну; 3) мифологема Харихары (Вишну-Шива) – это бинарное божество, появившееся в конце I тыс. н.э. как результат компромисса между вишнуизмом и шиваизмом, выступает в текстах Калачакратантры в паре с Раудракалки как его божественный союзник (мифологический двойник) в битве с млеччха; 4) мифологема конеголовой аватара Нараяны – «вышедший из моря», «сверкающий как молния», «знающий речь» конь Раудракалки (зооморфный двойник правителя Шамбалы) – выходящий в конце времён из морской пучины эсхатологический огонь «Кобылья пасть» (Вадава-мукха), воплощение Нараяны; 5) концепция четырёх юг в калачакринском преломлении, сохраняющем качественное описание юг, но изменяющем их временные рамки.

Исследование легенды о Шамбале позволяет изучить мифологические представления в Калачакратантре, её традиционную хронологию и концепцию временных циклов. Наличие в легенде индуистских мифологем и существование в самом индуизме представлений о Шамбале ставит вопрос об исследовании в контексте Калачакратантры и легенды о Шамбале взаимодействия и взаимовлияния буддийской и индуистской культур. Легенда о Шамбале даёт обширный материал для изучения средневековой эсхатологической мифологии Индии и Тибета и эсхатологических представлений в общетеоретическом плане.

TSUCHIYA Haruko

(Japan)

**Fa Hsien's route to To-li on the Indus:
the Darel Valley Field research
in Northern Pakistan 2000-2003**

This paper highlights the fieldwork tracing Fa Hsien's route from Pamir to and through the Darel Valley currently part of the northern areas of Pakistan. This work was conducted during 2000-2003 as part of Tsuchiya/Amjad field research.

Fa Hsien, a Chinese pilgrim of the fifth century A.D., visited Darel as the first country he reached after traveling through Pamir. A colossal image of Maitreya Buddha at Darel was the center of adora-

tion, drawing pilgrims from many corners of the Buddhist world. Fa Hsien's itinerary seemed to have focused on reaching the Darel Valley, bypassing Gilgit, known as a center of Buddhism in the region. The present field research has already brought to light a new route from Pamir hitherto unknown to scholars. Out field research investigated this route scientifically for the first time.

The field research in the Darel Valley, first of its nature conducted ever since Aurel Stein made his exploration in 1913, took eight years to initiate due to the difficulty ensued by the inherent tribal feuds prevailing in the valley.

By the field work in the Darel Valley and its vicinity from 2000 to 2002, the two prominent sites have been identified: Rajikot, a fortress city on a massive hill, and Pouguch "university" site, a religious establishment on a plateau. Rajikot's spacious scale, impregnable stone walls, and a siphoned system of water supply from Kootogah River, indicate wealth and power which dominated the fortress. Legends tell of the presence of a powerful ruler at Rajikot who could conceive a grand plan of a temple with a colossal image of Maitreya. The legends about Pouguch "university" she, on the other hand, strikingly correspond to the description written by Fa Hsien, a colossal wooden image, a place of worship and learning, pilgrimage from four corners of the Buddhist world.

The 2003 field work covered the area connecting the Singal and the Darel Valleys, a no man's land as far as the none-Dareus are concerned. The last exploration has proven that the access to the Darel Valley from the Singal Valley would be passable for an adept traveler like Fa Hsien. Also, it was found that the Darel Valley had their unique defense system placing Darband . a defensive gate, at the head of the valley, protecting a large fortress at Rajikot in the middle, and placing the so-called "university" site, a possible religious establishment, at Pouguch near the mouth of the Valley.

STARODUB Tatiana
(Russia)

The concept of space in the Medieval Islamic visual arts

The subject of this paper is the problem of Islamic art phenomenon of the treatment of space.

The orientated toward cardinal points, square plan of "drawn" early mosques had formed closed prayer space that clear expressed Muslim ideas of unity both of the religion commune and the universal centre. Islamic speculation of the closed ritual space as a spiritual symbol and a model of the universal centre had found its architectural form first time in construction of Qubbat as-Sakhra – the Muslim holy building in Jerusalem. In medieval Muslim artist's mind the space of Universum could not be depicted as well as God, meanwhile the idea of

space in meaning the world order can be expressed as a rich in a sacral sense ornamental milieu or a structure by esoteric decorative art language. In Muslim artist interpretation, any psychological perceptible or religion realizable spatial milieu or a structure is both as a microcopy and as a part of macrocosm and hence it is only a cell, which forms universe's texture. Such an artistic realizable space-milieu or a space-structure could be depicted in scheme as an element of the flat line composition (or as the whole one) that could be finished or be continued in any point. We characterize it as a flat, two-dimensional, orientated, centralized, interminable, filled and multi-layer space.

Another side of the same problem is the Islamic art interpretation of the space-and-time connections. Whether manifested (zāhir) or concealed (bātin), these connections were submitted to sacral Islamic idea and could be expressed by esoteric language art in a specific form. The structure of any work of Islamic art (in its different versions) is always based on certain principles of reiteration, similarity and symmetry as co-coordinated with Muslim conception of endlessness and timelessness of the universe space. However the concept of time in the medieval Islamic Art has no precise definition and manifestation in the means of art proper. Therefore, in formula of space-and-time as the category of Islamic Art the idea of space finds the visual (zāhir) interpretation in two-dimensional constructions while the idea of time stays concealed (bātin).

Стародуб Т.Х.
(Россия)

Изучение специфики пространственных построений и концепции пространственно-временных связей в произведениях исламского пластического искусства.

Ориентированный по странам света квадратный план ранних «нарисованных мечетей» формировал замкнутое молитвенное пространство, которое отчетливо выражало мусульманскую идею единства и религиозной общины, и вселенского центра. Исламское понимание замкнутого ритуального пространства как духовного символа и как модели вселенского центра впервые получило архитектурное выражение в сооружении Куббат ас-Сахры – мусульманской святыни в Иерусалиме.

В представлении мусульманского средневекового художника пространство универсума не изображаемо так же, как не изображаем Бог, но идея пространства в значении миропорядка может быть выражена эзотерическим языком декоративного искусства как насыщенная сакральным смыслом орнаментальная среда или структура. Любая психически воспринимаемая или религиозно осознаваемая пространственная среда или структура в осмыслении мусульманского художника является и микрокопией и частью макрокосма и оказывается, поэтому, не более чем ячейкой или клеткой, формирующей текстуру ткани вселенной. Такое про-

странство-среду или пространство-структуру можно представить схематично, как чертёж элемента, фрагмента или раппорта орнаментальной композиции, развитие которой может быть завершено или продолжено в любой точке. Мы определяем такое пространство как плоскостное, двухмерное, ориентированное, централизованное, многослойное, заполненное и бесконечное.

Другая сторона той же проблемы – интерпретация исламским искусством пространственно-временных связей. Явные (зāхир) или скрытые (бāтин) эти связи подчинены религиозной исламской идее и могут быть выражены эзотерическим языком искусства в специфической форме. Структура любого произведения исламского искусства (в различных его видах) всегда основывается на принципах многократного повтора, подобия и симметрии, согласуясь с мусульманской концепцией бесконечности и вневременности вселенского пространства. Однако концепт времени в исламском пластическом искусстве не имеет точного определения и не демонстрируется собственно художественными средствами. В логико-смысловой связке «пространство и время» идея пространства находит визуальную (зāхир) интерпретацию в двухмерных построениях, в то время как идея времени остается не выявленной (бāтин).

ШКОПОРОВ Н.Б.

(Россия)

«Бхагавад-Гита» и современная психология

Известно, что психологическую теорию Я еще предстоит строить. И греко-римские основания уже не представляются для этого достаточными. Поэтому взглянем на Восток, подразумевая во многом известную, благодаря, например, усилиям Л.Н. Толстого, «Бхагавад-Гиту» (БГ).

Психологизм БГ нередко связывается с 14-й, 16-й и 17-й главами (и как бы в силу этого – и с 18-й), раскрывающими действие материальной природы на индивида, и те или иные свойства последнего, божественные или демонические. Вполне соглашаясь с психологией как наукой состояний и свойств, мы в то же время не можем в ней не видеть и науку сущностей.

Поэтому с этой точки зрения необходимо обратиться в первую очередь к шлоке 8.3, где говорится, что «... Брахманом называют нетленное живое существо, а индивидуальное «Я» (адхьятма) – это его вечная природа» (БГ, с. 536). Эта природа проявляет себя в том, что человек, который «черпает удовлетворение только в своем истинном «Я», ... обладает чистым, божественным сознанием» (БГ, 2.55, с.163). Благодаря которому, добавим, человек может «постоянно пребывать в духовном трансе» (БГ, 2.53, с.161).

Предсказуемое возражение состоит в том, что в психологии мы привычно изучаем нечто совершенно иное. Хотя Я и мыслится

как занимающее центральное положение в системе психического, в силу идентичности, достигаемой посредством направленности на объекты, приносящее удовлетворение, Я проявляет себя как аспект психической деятельности в форме самосознания, т.е. переживания единства «Я и Мое».

Тем не менее, нельзя не признать, что если Я есть природа субъекта, то Я означает присутствие последнего. Но что это значит в современной психологии, где не придается важного исследовательского смысла данному актуальному исследующему Я, а отдается предпочтение Я другого. Можно ли сказать, что то Я не присутствует для нас? Заметим, что то присутствие происходит как бы внешне, как присутствие тела. По словам Б.Г., «одна и та же душа не может находиться в сердце каждого» (БГ, 6.29., с. 358). Мы не в состоянии пережить чужое Я непосредственно, но лишь заключаем о нем по аналогии, основываясь на проявлениях облекающего его тела.

В конечном итоге, ориентируясь на другое Я, люди «посвящают себя (далеко не всегда успешным – Н.Ш.) философским размышлениям» (БГ, 33., с. 185), тогда как тот, кто стремится постичь свое Я, «благодаря чистоте ума (поскольку, как уже говорилось, сознание является чистым) обретает способность видеть(курсив наш – Н.Ш.) свое истинное Я, и оно становится для него источником радости и счастья» (БГ, 6.20-23, с.350). Потому, скажем в завершении, что он получает «живой опыт постижения природы своего Я» (БГ, 9.2, с. 470)

ЯН Ен Хи

(Россия)

Отношения между Россией и КНДР: безопасность на корейском полуострове

Традиционно Россия в глазах северокорейского народа расценивалась как дружественная страна-союзник. Однако, после холодной войны, именно с началом дипломатических связей Москвы с Сеулом, их дружба охладела.

В России с перестройкой её внешних политических отношений произошли коренные перемены. Её дипломатия стала носить прагматический характер как на Западе, так и на Востоке. А это стало оказывать сильное влияние на внешнюю политику Северной Кореи.

Пхеньян, который потерял своего верного друга, практически оказался в полной политической и экономической изоляции в новом мире, в результате этого болезненно реагировал на каждый новый шаг сближения Москвы с Сеулом.

В связи с этим Пхеньян настаивал свой собственный внутренний и внешний политический режим: активно начал вступать в контакт с США и европейскими странами. В октябре 1994г. в Же-

не было завершено подписание северокорейско-американского рамочного соглашения, которое стало правовой основой для урегулирования как самого ядерного вопроса КНДР, так и для движения по пути решения других проблем корейского полуострова. Однако невыполнение обязательств соглашения со стороны США заново вызвало угрозу в этом регионе. В результате чего здесь остро соприкоснулись геополитические интересы крупнейших стран – США, России, Китая и Японии.

Естественно, в политике России в отношении Кореи происходили изменения. Следовательно, по мнению автора, в современных условиях начала XXI века чрезвычайно актуальным и интересным с политической точки зрения является исследование изучения интересов России в решении Корейской проблемы, ее дипломатического отношения с Республикой Корея и КНДР, её потенциальные возможности влияния на события в этом регионе.

Можно предположить то, что дальнейшее развитие взаимоотношений этих стран будет иметь немаловажное влияние на безопасность в корейском полуострове.

Целью данного исследования является попытка анализа изменившихся дипломатических отношений России по отношению к Северной Кореи и её роли в безопасности на корейском полуострове.

SAVELIEV Roald V.
(Russia)

The new Russian foreign policy and Russian-Korean relations

Russia current foreign policy is coordinated to a greater extent than in the past with its domestic political and economic interests. After inheriting the practice of foreign relations that prevailed when Evgeny Primakov headed the Foreign Ministry and the Russian government, Vladimir Putin's leadership has gone a step further by basing its foreign policy on pragmatic goals and dynamism in achieving them.

Now, relations with foreign partners are built in such a way as to extract as much of the practical benefit from them as realistically possible, as well as reduce the risk of foreign military political pressure on this country to the minimum after its general and security was diminished following the forced reduction in the armed forces. At the same time, Russia's foreign policy concept has been given a new lease of life, and not only the so-called "Western", but also the "Eastern" aspects, or vectors, as they are sometimes called, have been clarified. Such terms may be perceived just as a semantic exercise on the part of officials responsible for international problem solving. But from a different angle, it is possible to see the serious intentions of the incumbent president and government, without disregarding the West, to rationalize Russia's policy in international affairs by means of more

dynamic contacts with the East, especially with the countries of Asia and other regions that are willing and inclined to support and develop mutually advantageous relations with Russia.

Two main trends have manifested themselves in international development. One of them is characterized by the natural desire to establish "a multipolar world", while the other to secure a priority right in global and regional problem solving. But a few geographical regions in the world where the economy is still stable, where public consensus is still on, and where interstate conflicts have gone for good and all. Flash points of tension against this background may prompt some countries to defend their isolated interests by confrontation of force and national egotism. Suchlike features are certainly manifest in Northeast Asia, first and foremost, on the Korean Peninsula, where relapses of the past have developed into a long-term standoff between the North and South; the two hostile sides can put an end to that if reconciliation is accepted not only by the ruling elites on either side of the 38th parallel, but also by a significant portion of the population in both Korean states.

Russia is watching the situation that has developed on the peninsula and is taking steps to bring about a real reduction in tension in this important region. Russia also considers it necessary to build equal relations consecutively with North and South Korea.

Савельев Р.В.
(Россия)

Внешняя политика России в современных условиях и Российско-Корейские отношения

Сегодня можно отметить, что нынешний внешнеполитический курс России в большей, чем ранее, степени увязывается с ее внутриполитическими и экономическими интересами. Унаследовав практику отношений с другими странами, которая стала преобладающей в бытность, когда МИДом и правительством управлял Е.Примаков, администрация президента В.В.Путина, пошла дальше, положив в основу своих действий за пределами страны прагматические цели и динамизм при их достижении.

Как следствие, во внешних делах более четко обозначены соответствующие приоритетные направления. Теперь имеется вынужденность выстраивать взаимоотношения с иностранными партнерами таким образом, чтобы извлечь реально возможную практическую выгоду из связей с ними и в не меньшей степени уменьшить риск от внешнего военно-политического давления на страну в условиях, когда вслед за вынужденным сокращением численности российских вооруженных сил уменьшилась ее общая и военная безопасность. Одновременно стала реальной обновленная концепция внешней политики Российской Федерации и уточнены не только т.н. "западное", но и "восточное" направления или, как некоторые называют "векторы" российской внешней политики. В появлении

этих терминов можно усмотреть чисто словесную эквилибристику чиновников, ответственных за решение международных проблем. Однако при ином подходе можно увидеть серьезные намерения, не сбрасывая со счетов Запад, более рационально и чаще корректировать российский курс в международных делах за счет не менее активных контактов с Востоком, особенно с теми странами, которые готовы и склонны к поддержанию и развитию обоюдновыгодных отношений с Россией.

С началом второго тысячелетия в международном развитии обозначились две основные тенденции. Одна из них характеризуется естественным стремлением к утверждению "многополюсного мира", другая – желанием лидеров некоторых крупных стран обеспечить себе приоритетное право при решении общемировых и региональных проблем. Все это происходит в условиях, когда в мире остается не так много географических регионов, где бы стабильно развивалась экономика, сохранялось общественное согласие, ушли в прошлое конфликты на межгосударственном уровне. Возникающие на этом фоне всплески напряженности подчас порождают у отдельных стран желание отстоять свои изолированные интересы на путях силового противостояния и национального эгоизма. Можно отметить, что сходная ситуация сформировалась в Северо-Восточной Азии и в первую очередь, на Корейском полуострове, где рецидивы прошлого трансформировались в долголетнее противостояние Севера и Юга, отказаться от которого враждующие стороны смогут только, если настроения к примирению воспримут не только их правящие элиты, но и значительная часть населения обеих Корейских государств. В России учитывают ситуацию, которая сложилась на полуострове и предпринимают шаги к реальному снижению напряженности в этом нестабильном регионе. Считается необходимым последовательно выстраивать равноправные отношения как с Севером, так и с Югом Кореи.

SUSLINA S.S.
(Russia)

Modern economic model of the Republic of Korea and globalization: problems and chances.

Modern economy of the Republic of Korea is covered by globalization quite widely and profoundly. Evaluating in general almost a half-century period of formation and development of the economic model of South Korea we can ascertain today, that its vital resource, though is not used up completely, requires essential inflow and cardinal updating. The South Korean model does not represent an individual and isolated phenomenon. On the contrary, it, being one of the founders of the new-industrial movement and typologically reflecting the essence of this phenomenon, occupies advanced position among the newly industrialized countries (NIC).

The Republic of Korea is one of the pioneering NICs, which searches for alternatives to the neoliberal project of post-industrialization under the IMF scenario. It considers a way out is not in opposing of etatism to the market mechanism, but in their rational combination, in the development of a civil society and its initiatives. At present stage South Korea's economy is a comprehensive and typical portrait of Asian "newly industrialized model", which involves development of national economy with primary orientation to the external market.

In the RK a significant part of all the features attributed to globalization becomes apparent. A high rate of growth of foreign trade which for the last decade two-three times exceeded the rate of growth of its GDP, increasing volume and inflow of the direct foreign investments and growth of the international securities operations testify quite mature degree of globalization of its economy.

Some characteristics of globalization were not quite obvious still, or were not developed at all in South Korean present-day reality. At the same time the South Korean experience gives a sufficient base for enrichment of the globalization conception with some new additional characteristics.

Clarification of a question, what is globalization for the South Korean economy depends strongly on the analysis of mechanism of globalization. Under the hypothesis that the main result of work of this mechanism is supposed to be the globalized world economy, one can determine the scope of influence of the RK and other NICs on this process. The Republic of Korea in general may pretend in the future to the role of a country-system, that is a state, which with a purpose of realization of its geoeconomic interests creates an independent system of internationalized reproductive units (nucleuses). Components of these units are national transnational structures, through which the state delegates realization of national interests in geoeconomic space. However for this purpose it needs a serious transformation of the national economy and designation of some appropriate line of strategic behavior on the international arena.

Суслина С.С.
(Россия)

Современная экономическая модель Республики Корея и глобализация: проблемы и шансы.

Современная экономика Республики Кореи достаточно широко и глубоко охвачена глобализацией. Оценивая в целом почти полувековой период становления и развития южнокорейской экономической модели, сегодня можно констатировать, что ее жизненный ресурс, хотя не исчерпан полностью, нуждается в существенной подпитке и кардинальном обновлении. Южнокорейская модель не представляет собой единичного и изолированного явления. Напротив, она, являясь одним из основоположников новоин-

дустриального движения, типологически отражая суть этого феномена, занимает передовые позиции среди новоиндустриальных стран (НИС).

Республика Корея в числе первых НИС ведет поиск вариантов, альтернативных неолиберальному проекту постиндустриализации по сценариям МВФ. Выход она видит в плоскости не противопоставления этатизма и рыночных механизмов, а их рационального сочетания друг с другом, в развитии гражданского общества и его инициатив. На современном этапе южнокорейская экономика является комплексным типажным портретом азиатской «новоиндустриальной модели», предполагающей развитие национальной экономики с преимущественной ориентацией на внешний рынок.

В РК проявляется значительная часть всех тех признаков, которые приписываются глобализации. О достаточно зрелой степени глобализации ее экономики свидетельствуют высокие темпы роста внешней торговли, которые за последнее десятилетие в два-три раза превышали темпы роста ее ВВП, нарастающий объем и приток прямых иностранных инвестиций и рост международных операций с акциями.

Некоторые признаки глобализации пока или недостаточно, или вообще не проявились в южнокорейской действительности. Вместе с тем, опыт Южной Кореи дает достаточные основания для обогащения концепции глобализации новыми, дополнительными признаками.

Выяснение вопроса, что несет глобализация южнокорейскому хозяйству в значительной мере зависит от анализа самого механизма глобализации. Исходя из того, что главным результатом работы этого механизма должна стать глобализированная мировая экономика, определяется и потенциал воздействия РК и других НИС на этот процесс. РК в принципе может в будущем претендовать на роль страны-системы, то есть государства, которое в целях реализации своих геэкономических интересов формирует самостоятельную систему интернационализированных производственных ядер. Их звеньями выступают национальные транснациональные структуры, которым государство делегирует реализацию национальных интересов в геэкономическом пространстве. Однако для этого ей необходимы серьезная трансформация национальной экономики и выработка соответствующей линии стратегического поведения на внешней арене.

CHIA Ning
(USA)

**The search for unity in a highly diverse empire:
reading the Qinding Lidai Guanzhi Nianbiao
of the Ch'ing Dynasty (1636-1911)**

From ancient times until the present, people in many parts of the world have sought political unity in the ethnically and culturally diverse areas. This research paper explores such an endeavor in the

case of the Qing Dynasty in East Asian history. One particular historical document has offered us the viewpoints of the ruling Manchus regarding the unity and diversity of the Qing Empire. This document is the *Qinding Lidai Guanzhi Nianbiao* (钦定历代职官表), imperially commissioned table of Official Positions through All the Dynasties, which was compiled under the supervision of the Qianlong Emperor (r. 1736-1795) during the 1780s.

For more than a century after the Manchus established themselves under the dynastic name of the Qing in 1636, the Manchu court constantly dealt with the matter of integrating different peoples under the Manchu authority. These peoples included the majority Han Chinese in China Proper and the non-Chinese groups which inhabited the vast inland frontier regions in Inner and Khalka Mongolia, Tibet, and Chinese Central Asia (the "Inner Asian" regions in the terminology in the US Chinese studies). Essentially according to their ethnic and cultural, as well as economic, characters, these peoples had been divided into various political entities before the Manchu military conquest over them. Even after the final integration of all of them by the middle of the Qianlong reign, these peoples still retained their strong ethnic, cultural, and political consciousness, and any tendency on their part toward political segregation constituted a serious political threat to the Qing court. The *Qinding Lidai Guanzhi Nianbiao* was written after the Qing final integration to justify the Qing imperial unity over the diverse population.

In this historical document, the Qing unity was rationalized by an institutional connection between the Qing dynasty and all the previous dynasties in Chinese history. The unbroken thread throughout all the dynasties embodied the same institutional system for both the Ching and traditional Chinese cultures, in terms of official titles, positions, offices with specific responsibilities and functions, etc. This tradition included the non-Han dynasties established by the forefathers (whether by blood or by their Inner Asian origin) of the Qing non-Chinese population along the inland frontiers, such as the Liao (947-1123) founded by the Khitans, the Jin (1123-1226) by the Jurchens (the blood ancestor of the Manchus), and the Yuan (1279-1368) by the Mongols. The Qing officials' titles, positions and government offices which had no predecessors in previous dynasties were also appended to this connection. The examples include the Lifanyuan (The Department of Administreating the Outer Regions) – a Manchu-created governmental agency for the frontier affairs, the Zongrenfu (The Court of the Imperial Clan) and the Neiwufu (The Imperial Household Department) – the special bureaus never having existed in the previous dynasties, and the officialdom for the Eight Banners – a military, social, and administrative system distinctly Manchu of the Qing. The institutional connection legitimately linked the Manchus, who composed less than 2% of the Qing population, to the majority Han Chinese by the imperial political culture, and also bonded the Manchus directly to the non-Chinese population in the frontier zones by the same, or the simi-

lar, arrangements in the Chinese government and dynastic history. The institutional relations between the Qing and the other dynastic governments continued to develop political unity and power.

Of particular note, when the accounts concerned the Qing administrative methods in the non-Chinese societies, the *Qinding Lidai Guanzhi Nianbiao* reveals the ruling Manchus' clear recognition of the variety of administrative methods based on these peoples' ethnic, political, social, cultural and economic differences. These administrative methods were crucially important in consolidating the Qing political integration after the military actions. By the recognition of peoples' differences, the Qing court utilized different systems to govern the non-Chinese societies according to the cultural traditions and socio-economic situations. The examples are found in the Manchus' Banner System, which was implemented among the Mongols; the Beg system, among most of the Muslim population; and the special religious system, among the Tibetans. Each of these systems was distinct from the administrative system of the Han Chinese. It is obvious in this document concerning the institutional history that the ruling Manchus did not create serious conflicts in political unity by its diverse means of administration. When the Qianlong Emperor developed the Qing political unity so efficiently, he also clearly understood the need for recognition of diversity and the necessity to govern according to peoples' various traditions and lifestyles.

Historically, the *Qinding Lidai Guanzhi Nianbiao* affixed the Manchus themselves to the Chinese civilization through a long-standing institutional tradition starting from the Western Zhou Dynasty (11th century – 771 B. C.), with the non-Chinese dynasties as the internal part. Pragmatically, it attached the Manchu-Chinese imperial organism with the non-Chinese peoples in the multi-administrative systems. This historical document thus leads us to view the Manchu view of the Qing political unity through a history-centered rationale showing a diverse system of governance rather than a narrowly focused one; This system allowed diverse administrative systems, which were more practical in different sectors of the Qing empire.

In many different ways, the historical experience of the Qing Empire may help us to think about the central issue of this international conference: "Unity in Diversity."

SHLYKOV Pavel
(Russia)

**Charitable and pious foundations (wakfs) and
their role in economic and socio-politic life
of the Ottoman society in the XVIth century.**

The present work is the result of studying the functioning of wakf in the socio-politic life of the Ottoman society and analysing its importance for economic. The main sources upon which our study was based are Ottoman official documents: the kanunnames of the eyalet

of Diyarberir (1518), the sancak of Amid (Diyarbekir), Erzinjan etc., the kanunname of Erzinjan's wakfs and other statutes; tax registers (*tahrir*), the records of kadi's courts and the legal documents establishing pious foundation (*wakfiye*). In addition we use historical chronicles of the XV-XVIIth centuries, Ottoman socio-politic treatises (*risale*), narrative materials, journals and notes of some geographers and travellers.

1. Wakf wasn't a single homogenous institution. It was a complex variety of different customs grouped under the rubric of wakf. It's possible to say that wakf became a sort of "catch-all" category which served to absorb diverse practices of charity and inheritance into the Muslim's daily life and into shariat itself.

2. The type of beneficiary defines the wakf. A charitable wakf (*khayri wakf*) – wakf, which revenues were pledged to public or charitable recipients. A family wakf (*ahli wakf*, *dhurri wakf*) – wakf which beneficiaries were a wakif's own family members and his future descendants. A shared wakf (*mushtarak wakf*) – wakf, which revenues were shared between a public or charitable recipient and a wakif's own family members.

3. Wakf developed according to the needs of epoch and society and was only regulated by shariat. Muslim jurists admitted that wakf was capable of being changed and even must be changed if its former purposes no longer benefited the community. And it shouldn't be considered as innovation (*bida*). In the Ottoman empire the most typical traits of the wakf were: 1) its widespread vertical and horizontal use throughout all socio-economic strata of society; 2) its capacity to adapt to individual, group and state needs; 3) its longevity – not only of the institution itself but also of the abundant individual wakfs (although, of course, many also disappeared).

4. Wakf's property was declared inalienable, but it can't be referred to "dead". Wakf documents make clear that wakf properties were subject of the same economic forces as non-wakf properties, wakf was the object of different economic operations, outside the legal mechanism of *istibdal*, established by shariat.

5. In XVI century wakfs in the Ottoman empire became the most important owners of movable as well as immovable properties in town and its hinterland. Apart from mosques, mesdjids, madrasas etc. wakfs owned a large number of revenue producing objects. In the beylerbeylik of Diyarbekir in the XVIth century wakfs' revenue was 2.652.061 akche, at that time it was 6% of total budget of the region.

6. The socio-politic significance of wakfs was in gratuitous doing religious, educational and municipal services. Since the Ottoman state for the most part didn't concern public services as it's duty, construction and maintenance of not only mosques, madrasas, imarets, but also karavansarays, bedestans, bazaars, bridges, roads, water systems were organised under the wakf system as a source of income. In the beylerbeylik of Diyarbekir 1371 people were directly employed in wakfs, i.e. wakfs payments maintained lives of 6.855 people (a family).

ily consists of 5 people). In the XVIth century it was equivalent to the population of medium-sized cities. Thus we can speak about wakf as a factor making for demographic growth of East Anatolia.

7. Analyzing wakfs we can speak about duality of its functions. On the one hand through the system of wakfs people got concrete services. On the other hand wakfs made for the Osmanisation of new territories, legitimisation of the power of the Ottoman administration etc. Taking into account this fact the functions of wakfs, or rather the results of their activities are possible to divide into two groups according to the criterion of materiality/non-materiality. The first one is all charitable activities of wakfs. The second – providing connections between administration and subject population, strengthening the legitimacy of the first; smoothing over the differences between social strata; forming favourable socio-economic climate determined migration and demographic growth of population.

Шлыков П.
(Россия)

Вакфы и их роль в экономической и социально-политической жизни османского общества в XVI в.

В работе представлены результаты исследования функционирования вакуфных институтов в социально-политической жизни османского общества и анализ значения вакуфов для экономики. Основными источниками служили османские актовые документы: канун-наме эялета Диярбекир (1518 г.), санджаков Амид (Диярбекир), Эрзинджан и т. д., канун-наме вакфов Эрзинджана и др. законоположения; налоговые реестры (*tahrir*), протоколы кадийских судов и вакуфные грамоты (*vakfiye*). Дополнительно использовались исторические хроники XV-XVII вв., османские социально-политические трактаты (*risale*), материалы эпистолярного жанра, дневники и заметки географов и путешественников.

1. Вакф не являлся структурно однородным институтом, а представлял собой целый комплекс разнообразных обычаев, объединенных под одним понятием. Поэтому можно говорить о том, что вакф стал всеобъемлющей категорией, служившей для поглощения разных традиций благотворительности и наследования и для встраивания их в повседневную жизнь мусульман и шариат.

2. В зависимости от того, на что шли доходы от вакуфной собственности, выделяют несколько типов вакфа. Благотворительный вакф (*хайри вакф*) – вакф, доходы от имущества которого шли на общественные и благотворительные нужды. Семейный вакф (*ахли вакф*, *дхури вакф*) – вакф, получателями доходов которого были члены семьи учредителя вакфа (*вакифа*) и его будущие потомки. Поделенный вакф (*муштарак вакф*) – вакф, доходы от собственности которого шли частью на благотворительные цели, а частью – семье вакифа.

3. Вакф развивался в соответствии с требованиями эпохи и социальной обстановки и лишь регулировался шариатом. Мусульманские юристы признавали, что, если прежние цели и задачи создания вакфа переставали приносить пользу обществу, то он может и должен модифицироваться, и это не следовало рассматривать как «нововведение», «ересь» (*бида*). Для Османской империи характерными чертами вакуфов были: 1) широкое распространение во всех социально-экономических стратах османского общества; 2) способность удовлетворять индивидуальные, групповые и государственные нужды; 3) длительность существования института вакфа вообще и отдельных вакуфных учреждений (хотя, конечно, многие вакуфы исчезали).

4. Вакуфная собственность провозглашалась «неотчуждаемой», однако ее нельзя относить к категории «мертвой». Документы показывают, что вакуфная собственность была включена в экономическую жизнь наравне с любой другой, невакуфной, и являлась объектом различных экономических операций, выходящих за пределы установленной шариатом системы иштибал.

5. К XVI в. вакуфы Османской империи становятся крупнейшими владельцами недвижимого и движимого имущества в городе и его хинтерланде. Помимо мечетей, медрес, медресе, завие и т. п., в собственности вакуфов находилось большое число объектов, приносящих доход. В бейлербействе Диярбекир в XVI в. доход, полученный вакфами, достигал суммы в 2.652.061 акче, что составляло в то время около 6% от общего бюджета региона.

6. Социально-политическая роль вакуфов заключалась в безвозмездном оказании религиозных, образовательных и муниципальных услуг. Поскольку Османское государство чаще всего не считало выполнение общественных работ своей обязанностью, то строительство и поддержание в надлежащем состоянии не только мечетей, медресе, системы имаретов, но и каравансараев, бедестанов, базаров, мостов, дорог, ирригационных систем осуществлялось на доходах от вакуфной собственности. В вакфах бейлербейства Диярбекир было непосредственно занято 1371 человек, т. е. за счет выплат вакфов поддерживалось существование примерно 6.855 человек (семья из пяти членов), что по меркам XVI века эквивалентно населению среднего города. Таким образом, можно оговорить о вакуфах как о факторе, способствовавшем демографическому росту в восточно-анатолийских районах.

7. При анализе роли вакуфов в османском обществе можно говорить о дуальном характере их функций. С одной стороны, через сеть вакуфов населению оказывались конкретные услуги. С другой стороны, вакфы способствовали османизации новых территорий, легитимизации власти османской администрации и т. д. Учитывая это обстоятельство функции вакуфов, а вернее – результаты их деятельности, можно разделить по критерию материальности/нематериальности. К первым мы относим всю благотворительную де-

тельность вакуфов. Ко вторым – обеспечение связи между управляющими и управляемыми, укрепление легитимности первых; сглаживание в какой-то степени различий между социальными слоями; формирование благоприятного социально-экономического климата, определяющего миграционные процессы и демографический рост населения.

СИБАГАТОВ Ф.Ш.

(Россия)

Отражение коранических сюжетов в башкирской литературе

Степень влияния Корана, коранических сюжетов на обогащение тюркоязычных и фарсыязичных литератур еще не разработана в отечественном литературоведении. Если учесть то, что до 20-х гг. XX в. башкирская литература ориентировалась в основном на Восток, то нетрудно предположить глубину и широту этих взаимоотношений. Эти традиции в большей или меньшей степени сохраняются и в наши дни.

Коран – один из крупнейших памятников мировой литературы. «Повествовательные отрывки, сказания, рассказы занимают большое место в коранических текстах всех хронологических периодов. Даже в самых ранних сурах ... есть намеки на какие-то легенды» (М.Б. Пиотровский). Они собраны либо в одном месте, как «Сурату-ль Йусуф» [12:1–111], либо разрозненно рассыпаны по многим сурам – сотворение, история Адама и его жены, Иблис и его изгнание из рая, история Кабила и Хабила, Ибрахимъ и Исмагила и т.д. Они получили широкое распространение как в мировой, так и в башкирской литературе.

Например, «Киссаи-Йусуф» Кул-Гали (XIII в.) основывается на сюжете одной суры. Автор здесь не отходит от сюжетно-композиционной линии. В некоторой степени его можно назвать первым тюркским стихотворным переложением Корана. В наши дни эту традицию продолжают башкирские поэты М. Ямалетдинов и Р. Бикбаев.

В киссе М. Гафури «Адам вэ Иблис» (1910) в сюжетно-композиционном плане использованы 4 коранические легенды. Автор с первых строк рисует картину сотворения мира, его грандиозность и величие. Завершив описание мироздания, плавно переходит к другому сюжету – о сотворении первочеловека – Адама, об Иблисе и изгнании его из рая. На данном сюжете основывается также поэма Ш. Бабича «Газазил» (1916) и пьеса Ф. Галимова «Меджлес» (1993).

М. Гафури старается не отходить от сюжетов легенд. Он точно следует, в некоторых местах даже приводит отрывки из Корана, а монолог Иблиса, просившего Аллаха сохранить ему жизнь, полностью совпадает с сурой «Аль-Хиджр» [15: 32–40].

Завершается кисса легендой о Кабиле и Хабиле. Здесь автор также не отходит от сюжета; в некоторых местах идет не только пересказ, так же цитаты из Корана. В конце произведения повествование через незаметные мостики-переходы соединяется с настоящим.

Для Ш. Бабича важнее идея-тематика, только потом – сюжетная последовательность. Поэтому произведение начинается с середины легенды – обращения Бога к ангелам с требованием подчиниться первочеловеку. Далее автор фантазирует о начале разврата среди людей. Изгнанный из рая Иблис решил отомстить Адаму и его жене. В Коране сказано, что он соблазнил их плодом, но конкретно не названо каким. Ш. Бабич, в отличие от М. Гафури отходит от сюжета, взяв только идею-тематику легенды, приводит оригинальную трактовку. По его мнению, грех пошел не от плодов запрещенного дерева, а от волосинок Иблиса: он соблазнил людей рассказом об их божественном происхождении. Попад в внутрь, они начали раздваиваться и таким образом повлияли на психику человека. Второй момент, который отличается от коранического, это – сюжетный отрывок, связанный с мотивом «живой воды» – «абе-л хайят». Этот мотив редко встречается в башкирской литературе, в основном – в народном творчестве.

«Газазил» охватывает большой промежуток времени – с момента изгнания Иблиса из рая до наших дней. Коранический сюжета изгнания Иблиса из рая до наших дней. Коранический сюжет гармонично вплетается с авторской фантазией: Иблис превращается в обычного человека, приходит телеграмма к автору с приглашением в гости и т.д.

В пьесе «Меджлес» легенда выполняет функцию пролога и постепенно вводит читателей в последующие действия, проводит параллель между мифологией и современностью.

Таким образом, коранические легенды оказали заметное влияние на сюжетно-тематическое обогащение башкирской литературы.

ЖАКУПОВ Р.Л.

(Россия)

On the problems of ethnographic studying the Russian East

The native oriental studies has two major directions of activity, are to mentioned as two global objects of studying. The first – the foreign east, the second – Russian. It is obvious, that the first direction develops more actively, dynamically and causes, because of well known reasons, the greater interest. Speaking about prospects of ethnographic oriental studies for Russia, it is possible to allocate a number of vital issues.

First of all, continuation of the fundamental complex researches of ethnic history of peoples of the Russian east started only in 1930th years is necessary. Their ethnographic studying is far from being com-

социально культурным условиям среды их жизни, оценку успешности этой адаптации по физическому и психическому здоровью, долгожительству и другим показателям». С этим необходимо, безусловно, согласиться. Но, нам кажется, не только позитивный опыт взаимодействия человека и природы должен быть предметом исследований, но и негативный. Как мы можем избежать ошибок в будущем, не вспоминая ошибки прошлого?

Именно этому аспекту уделяют серьезное внимание ученые разрабатывающие проблемы социоестественной истории – нового направления общественных наук. В период его утверждения ученые обращали больше внимания на социальный аспект взаимодействия человека и природы, хотя никогда не отрицали того, что человек действует в рамках этнических сообществ разного уровня (в том числе цивилизаций, государств, суперэтносов). Главные действующие субъекты социоестественной истории – «человек хозяйствующий» и «вмещающий ландшафт». Философия социоестественной истории подразумевает, что «действия Человека хозяйствующего определяются не одним экономическим или иным интересом, но его духовной сферой – представлениями о мире и о себе». (Кульпин Э.С., 1994.)

Духовная жизнь индивида протекает именно под воздействием этничности. И, не случайно в социоестественной истории этнос прочно занял позицию центрального объекта. Теперь, как нам кажется, предметная область социоестественной истории и этноэкологии в целом совпадает. Именно поэтому мы полагаем, что положительный теоретический опыт обеих дисциплин в настоящее время должен быть объединен. Поводом к тому, как не парадоксально, оказывается постепенный отказ современников от этнографической проблематики (увлечение этнополитологией, этносоциологией современности) и в частности спад интереса к этноэкологии.

Представляется исключительно важным, сохранение достигнутого в этой специфической области этнографии, что по обозначенным выше предпосылкам может сделать именно социоестественная история. Объединение как эмпирического, так и теоретического опыта социоестественной истории и этноэкологии будет способствовать дальнейшим успехам обеих дисциплин развивать еще одну их сильную методологическую сторону – комплексное изучение проблем, выявление экономических, социальных, культурных (в том числе и психологических) причин возникновения и развития кризисов в природе и обществе. Кстати, в этнографии в целом, социоестественная история может почерпнуть огромный фактологический историко-культурный материал для философского его осмысления.

(2) Задачах этнографического изучения российского Востока

Отечественное востоковедение имеет два важнейших направления деятельности, можно сказать два глобальных объекта изучения. Первый – зарубежный восток, второй – российский. Оче-

видно, что первое направление развивается более активно, динамично и вызывает, в силу известных причин, больший интерес. Говоря о перспективах этнографического востоковедения, можно выделить ряд существенных проблем.

Прежде всего, необходимо продолжение начатых лишь в 1930-е годы фундаментальных комплексных исследований этнической истории народов Российского Востока. Этнографическое их изучение далеко не завершено, в то время, как реальные его возможности становятся все более скудными. Традиционная культура, быт, языки этих народов, как один из важнейших источников для понимания их прошлого, находятся на грани полного исчезновения. Интересным объектом для изучения являются новые этнические общности, возникшие и развивавшиеся в новое время, в результате столкновения и взаимодействия оседло-земледельческих и кочевых народов запада и востока. Еще больше возникших в это же время общностей, идентифицируемых как этнографические группы тюркских, финно-угорских, славянских, палеоазиатских народов, но обладающих исключительным культурно-языковым своеобразием. Есть так называемые малые этнические группы – осколки ранее существовавших народов, не успевших ассимилироваться в составе новых крупных (родственных по языку) этносов. Изучение всех этих общностей, не только раскрывает сложную постоянно меняющуюся картину этнической истории и взаимодействия народов Северной Евразии, но позволяет использовать этот материал для моделирования этногенетических процессов не только прошлого, но и будущего. В числе проблем, имеющие исключительно практическую направленность, этнодемографические процессы на обширном пространстве азиатской России в исторической ретроспективе и современности. Прогностический аспект данной проблемы приобретает сегодня стратегическое значение.

В реализации обозначенных выше задач, перечень которых далеко не полный, видится одна существенная сложность. Она объективна и восходит к самой истории отечественного востоковедения. Но, так или иначе, сегодня в российском востоковедении основные институты и школы сосредоточены в центре России. С распадом СССР от отечественного востоковедения естественно отпали крупные его составляющие, создававшиеся на протяжении долгих десятилетий. Полного разрыва, конечно нет, но нет и необходимой координации усилий, единого плана. А усиление уровня самостоятельности азиатских стран СНГ, видимо, будет приводить к постепенному отдалению друг от друга этих школ.

Поэтому, кажется весьма актуальной задача расширения образовательных программ в области востоковедения на территории России, в известных университетских центрах Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока. Это забота не только Министерства науки и образования и Президиума РАН, но и задача непосредственно ИВ и его отделений, а так же ведущих столичных вузов

связанных по своей специфике с востоковедением. Предпосылок к успешной реализации этой задачи достаточно: комплексный характер отечественного востоковедения, которое, возникнув как лингвистическое, очень быстро консолидировало и другие направления гуманитарных наук; курс на интеграцию деятельности академической и вузовской науки, провозглашенный некоторое время назад. Необходимо транслировать эту специфику востоковедения в регионы, усилив именно востоковедческую лингвистическую, источниковедческую и историографическую подготовку специалистов особенно этнологов. А объединение усилий науки и образования в системе гуманитарных наук особенно важно в области востоковедения.

ДАГБАИН Б.Б.

(Россия)

Восток-Запад:

проблема Дальневосточной миграции

Проблемы сотрудничества между регионами России и Китая обусловлены особенностями их внутреннего развития. Со стороны Китая: ограниченность природных ресурсов, низкая стоимость и огромные ресурсы рабочей силы, постепенное освоение высоких технологий, растущий экспортный потенциал, наращивание военной мощи и все более масштабное негативное воздействие на глобальную экологическую обстановку.

Восточным регионам России характерны богатые природные ресурсы, высокий научно-технический потенциал и слабо развитая, несбалансированная экономика, низкая плотность населения и, как следствие, ограниченность трудовых ресурсов.

Это заставляет особо рассматривать демографическую проблему. Проблема миграции китайцев на территорию России приобрела актуальность в 1990-х гг. Демографическая проблема является важнейшим неэкономическим фактором в межрегиональных экономических связях и безусловно носит стратегически важный для страны характер. Так, общее население России составляет менее 150 млн., в то время как в Китае живет более 1,2 млрд. человек. Огромная разница демографического потенциала еще более очевидна при сравнении населения Сибири и Дальнего Востока с приграничными провинциями Китая. В 1993 г. всего в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке проживало 17 млн. человек, а в трех Северо-Восточных провинциях Китая – 102 млн. человек.

В целом разительный контраст между численностью населения восточных регионов России и Северо-Восточного Китая потенциально может превратить демографическую проблему в крупнейшее препятствие к развитию двусторонних связей. Однако решение этой пока лишь потенциальной проблемы, на наш взгляд,

заключается в реализации позитивной стратегии развития, основанной на сбалансированном и гибком подходе к демографическому дисбалансу.

Он основан на воплощении в жизнь девиза "иммиграция для развития", согласно которому для решения проблем восточных регионов и наращивания экономического потенциала России считается целесообразным оптимально использовать рабочую силу из КНР. Реализация концепции экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока потребует не только инвестиций, но и трудовых ресурсов, так как существующие резервы рабочей силы совершенно недостаточны для этого.

Сбалансированная миграционная политика, основанная на рациональном использовании трудовых ресурсов Китая, может в обозримом будущем превратиться в одну из движущих сил экономического развития Восточной Сибири.

ЗУЕВ С.В

(Россия)

Индуизм в России: развитие вайшнавских общин за последние десять лет

На протяжении многих столетий, начиная с Афанасия Никитина, два огромных многонациональных государства – Россия и Индия – были связаны многими нитями отношений. Прежде всего в торгово-экономической и культурной сферах. Уже в середине 17 века индийские купцы, торговавшие в России, построили в Астрахани индуистский храм, где поклонялись Кришне. В 1788 г. в России была впервые переведена, издана и начала распространяться одна из самых известных священных книг индуизма «Бхагавад-гита». Плану академика Ольденбурга по переносу индуистского храма из Бомбея в С.-Петербург (в начале 20 века) помешала начавшаяся Первая мировая война.

Вайшнавизм (вишнуизм) является наиболее многочисленным и влиятельным течением индуизма, насчитывающим более 600 млн. последователей. Основателем основных сампрадай (ветвей) вайшнавизма являются известные ачарьи (выдающиеся гуру) Рамануджа, Мадхва, Нимбарка, Вишнусвами и Чайтанья. На Западе и в России представлена Гаудия-вайшнавская сампрадая (Чайтанья) в форме религиозных общин вайшнавов Общества сознания Кришны.

Первые общины вайшнавов появились в России в 1971 году после визита в Москву выдающегося проповедника, ачарьи-основателя ИСККОН (Международного общества сознания Кришны) Бхактиведанты Свами Прабхупады.

После периода политических репрессий в годы доминирования атеистической идеологии в Москве в 1988 году была за-

регистрирована первая религиозная община вайшнавов. В 1992 году зарегистрирован Центр обществ сознания Кришны в России (ЦОСКР), ныне объединяющий около ста зарегистрированных общин вайшнавов практически во всех регионах страны. Анализируя деятельность ЦОСКР на протяжении последних 20 лет, можно отметить постепенное развитие и утверждение древней культурно-религиозной традиции вайшнавов в России.

В период 1994-98 гг. основной организационной формой развития религии вайшнавов в России были храмы и монастыри (ашрамы), в которых проходила основная богослужебная практика и теологическая подготовка верующих. К основным формам религиозной деятельности гаудия-вайшнавов традиционно относится молитвенная практика (индивидуальная, в форме произнесения Святых Имен Бога на четках {джапа}, и совместная, в форме коллективного пения и прославления {харинамы} имен Господа {киртан}). В канон гаудия-вайшнавской религиозной традиции входит также регулярное изучение и слушание священных писаний, поклонение Божеству (арчана), участие в религиозных праздниках, практическое служение, благотворительность.

С 1999 года и по настоящее время в рамках вайшнавских организаций, входящих в ЦОСКР, наблюдается этап структурных изменений. В первую очередь это связано с формированием, помимо храмов, общин вайшнавов, стабилизацией численного состава и акцентом на развитие небольших приходов – нама-хатт.

Также изменился в общинах возрастной состав верующих: увеличилось количество людей среднего и старшего возраста. Большое внимание в общинах уделяется формированию семей. Активно развивается система религиозного воспитания и образования. В Москве создан Вайшнавский Университет, который готовит священнослужителей, администраторов, руководителей общин.

В нескольких городах России действуют ведические гимназии, где дети членов общин получают одновременно светское и духовное образование.

Большое место в деятельности вайшнавских общин занимает социально-благотворительная работа. В частности, наиболее известна в России благотворительная программа «Харе Кришна – Пища жизни», цель которой – бесплатно кормить вегетарианской пищей пенсионеров, детей, студентов, беженцев. Также действует программа по реабилитации наркоманов «Возвращение к жизни» и программа помощи пребывающим в местах лишения свободы.

В 2004 году Правительство Москвы выделило участок земли для строительства вайшнавского храма. В рамках храма также предлагается небольшой культурный центр, где посетители смогут ближе познакомиться с философией, культурой, наукой и искусством Индии.

ИДРИСОВ Э.Ш.

(Россия)

**Эволюция потестарно-политических отношений
кочевых сообществ Евразии
(на примере Нижнего Поволжья)**

Исследование политического развития кочевых сообществ на современном этапе избавлено от прежде распространенного конструирования по аналогии с оседло-земледельческими народами. Рядом отечественных и зарубежных ученых доказано, что кочевники имели свой альтернативный путь выстраивания политических отношений.

При господстве племенной организации, потестарной по сути, для поддержания своего авторитета вождям кочевых объединений приходилось прибегать к внутренней редистрибуции престижных товаров, получаемых извне (Крадин Н.Н. М., 2002). Особое значение имела сакрализация власти правителя (Скрынникова Т.Д. М. 1997, Трепавлов В.В. М., 2000). Реальной формой политической идеологии служило выведение фиктивных генеалогий (Марков Г.Е.М., 1976).

В то же время, при благоприятных внешних условиях у кочевников возникала потребность в государственном оформлении. Успешная военная экспансия укрепляя единство кочевых племен, централизовала аппарат их управления, разрешала нараставшие внутренние противоречия (Марков Г.Е. М., 1976). Но условия экстенсивного скотоводства ставили пределы социального развития кочевников, и многие поступательные процессы в их среде были обратимыми, либо вели к разложению кочевничества (Хазанов А.М. М., 1975).

Постоянным фактором истории России были взаимоотношения с кочевыми народами. Тотальная монгольская экспансия в XIII в. и образование золотоордынского ига повлияли на характер возникавшего Единого государства с центром в Москве (Вернадский Г.В. М., 1997). В дальнейшем, в процессе вхождения кочевнического в состав Российского государства, был пройден путь от прямого вовлечения в двусторонние контакты до разных степеней зависимости с последующим прямым включением в состав державы (Викторин В.М. Спб. 2002).

После присоединения в середине XVI в. Поволжья к России возникло тесное соседство с кочевыми народами, жившими вокруг или переселявшимися сюда вновь: ногайцами, калмыками, туркменами, казахами. Главным и первым из центров взаимоотношений России с ними как раз и являлся Астраханский край.

При управлении кочевыми народами центральные и местные российские власти (воеводство, губерния, правление наместников) делали ставку на традиционные потестарные институты кочевников, сохраняя их внутреннюю самостоятельность. Но взаимоотношения правовой системы России и традиционного (обычно-право-

вого) уклада кочевников шли по направлению увеличения влияния первой, Особенно, с периода Нового времени и развития капиталистических отношений кочевники все больше вовлекались в сферу влияния своих соседей, наблюдалось усиление аккультурационных процессов в их среде, деформация их общественной организации (Крадин Н.Н. ВИ 2001 №4).

Ханская власть по всюду заменялась «наместнической», или «султанской», «бийской», а в середине XIX в. отменили и ее, В течение XIX в. были ликвидированы рабство и все формы зависимости; эмеков у юртовских ногайцев в 1811 г., «консы» и «кулов» у казахов и калмыков после реформы 1892 г. А прежняя низшая степная аристократия вообще к концу века потеряла ранее признаваемые права и привилегии, становилась равной перед законом со своими бывшими подвластными людьми Например, с 1811 по 1835 потомки прежних всевластных мура и батыров у ногайцев были зачислены в государственные крестьяне (Викторин В.М, Спб., 2002),

В современном контексте особое значение приобрел анализ влияния потестарно-политических традиций на сложение этнополитических культур народов, имеющих кочевое прошлое. Наблюдается не только идеализация прошлой «героической эпохи», но и реминисценция кочевого сознания, в частности, апология родоплеменных пережитков.

ДАНИЛОВ С.В.

(Россия)

Структура и динамика социальной организации кочевых обществ Центральной Азии

Социальная организация кочевых обществ Центральной Азии служила предметом пристального внимания исследователей с самого начала изучения региона. Изучались формы семейно-брачных отношений, система родства, родоплеменной состав, рассматривалась структура государственных образований созданных центральноазиатскими кочевниками.

Изучение археологических памятников центральноазиатских скотоводов эпохи бронзы и раннего железа дает очень приблизительное представление об их социальной структуре. И только с появлением письменных источников, с хуннской эпохи, появляется возможность реконструкции социальной организации кочевых обществ.

Основой социального строя кочевников являлась парная семья, прослеживаемая от хунну до монголов.

Следующей за семьей таксономической единицей в социальной структуре является род, существование которого является универсальным и зафиксировано у всего человечества на всех этапах его истории, независимо от типов хозяйства. Наиболее подробно отражение становления родовой структуры центральноазиатских

кочевников сохранилось в письменных источниках монголов. Хотя мы не знаем всех деталей общественного устройства центральноазиатских кочевников, но, по всей видимости, низшие, семейные-родовые звенья социальной организации кочевников Центральной Азии значительно не отличались друг от друга, несмотря на их хронологические и, возможно, этнические отличия.

Говоря о появлении следующего за родом таксономического подразделения, определяемого исследователями как племя, отмечаем, что об изменениях в социальной структуре, отражавших процесс становления племени, в источниках по истории центральноазиатских кочевников содержится немного сведений. Наиболее полно процесс объединения родов отражен в Сокровенном сказании. Роды объединялись перед лицом общей опасности угрожавшей самому существованию людей, причем неважно была ли это экологическая катастрофа или военная угроза. Консолидация происходила и во время набегов на соседей и походов на более отдаленные территории. То есть причины объединения родов были самыми разнообразными.

Таким образом, мы видим, что в кочевых обществах происходило постоянное развитие социальной структуры.

Время их существования, начиная с приходом к власти хуннского шаньюя Модэ (209 г. до н.э.) и заканчивая падением династии Юань (1368 г.), суммарно достигает около 1577 лет. На время существования хуннского государства приходится около 300 лет. Владычества жужаней продолжалось около 150 лет. Время существования тюркских каганатов, включая периоды разделения и временного прекращения каганской власти продолжалось около 190 лет. Уйгурский каганат просуществовал 90 лет. Созданная киданями империя Ляо правила 220 лет. Монгольская империя, созданная Чингис-ханом, если считать временем ее падения гибель династии Юань, существовала около 160 лет. То есть на время, когда в центральноазиатских степях существовали крупные политические объединения, приходится приблизительно 1200 лет. Таким образом, годы, когда в степях отсутствовали мощные политические объединения, насчитывают примерно (1577-1200=377) около 400 лет. Конечно, эти цифры весьма условны, но в то же время дают общую картину распределения в центральноазиатских степях периодов существования так называемых «кочевых империй» и периодов существования так называемых «кочевых империй» и периодов существования централизованной власти. приходится на периоды существования централизованной власти.

Дальнейшее развитие социальной организации приводило к формированию более сложноорганизованного общества, сопровождавшегося появлением в довольно краткий отрезок времени новых социальных групп населения. В период перехода общества к кочевым империям наблюдается создание военной организации основанной на десятичной системе, расширение

территории, появление округов и административного управления. Изменяется структура экономики общества, появляются новые отрасли хозяйства.

Однако кочевые империи в силу различных обстоятельств распадались, разрушалась и социальная организация, происходил системный кризис. Население в подавляющем большинстве переходило к занятиям скотоводством, социальная структура и организация общества в этот период опускалась до уровня родового строя. Однако в периоды «междоцарствия», в недрах кочевых сообществ, созревали предпосылки усложнения социальной структуры и при удачном стечении множества обстоятельств, отдельные из них из них достигали уровня кочевой империи.

ДОБРОДЕЕВ С.Ю.

(Россия)

Экономико-географические аспекты интеграции Дальнего Востока

Политические преобразования в странах дальневосточной части Азии (РФ, Монголия, Япония, оба Китая и обе Кореи), тенденция мировой хозяйственной интеграции, обусловили трансформацию экономических отношений в регионе. Отчетливее стали различаться их природные основания, усложнились их антропогенные аспекты. В этой связи немалый интерес представляет изучение системообразующих географических факторов, воздействующих на экономические и политические процессы. Комплексное взаимодействие природных (геология, рельеф, климат, биосистемы) и антропогенных (хозяйство, инфраструктура, демография) обуславливает необходимость новых подходов и механизмов решения проблем интеграции.

Тектонически регион российского Дальнего Востока располагается на взаимопроникающих частях Сибирской и Китайско-Корейской платформ и неоднородных зонах складчатости, ограниченных дугами и разломами со стороны Тихого океана, на который он ориентирован. Уже на этом уровне проявляются обстоятельства, влияющие на формирование тенденций социально-политического и экономического взаимодействия. При взгляде, центрированном на Восточно-Европейской платформе, Дальний Восток предстает далекой окраиной, обращенной еще дальше – в океанические пространства. При восприятии же федеративном, предполагающем множественность центров, Дальний Восток оказывается неотъемлемой частью крупной области – Северо-Восточной Азии (СВА) со сложными и неоднородными условиями хозяйственной деятельности. Именно при втором подходе закладывается база самостоятельного экономического развития региона.

Широтная природно-климатическая зональность здесь противоречиво связана с меридиональной поясностью. При моделировании глобального потепления зональность сменяется поясностью

с ядром степных пространств в Якутии. В текущих климатических условиях различия между Евразией и СВА сглажены. Континуальность тундр, лесов и тайги от Скандинавии до Тихого океана, безусловно, становится фактором единообразия экономического освоения территорий. Своеобразный "угол", образуемый приморской (меридиональной) тайгой в сочетании с поясностью Маньчжурии и приамурской (широтной) тайгой, подчеркивает особое положение бассейна Амура и прилегающих земель непосредственно тихоокеанского стока. Бассейновое укрупнение сходящихся Амура, Сунгарии и Уссури, которое связывает юг российского Дальнего Востока и Маньчжурию, отделяя последнюю от Китая с другим бассейновым укрупнением Хуанхэ, Янцзы и Меконга. "Промежуточное" положение буфера между Евразией (Россией) и Восточной Азией (Китаем) делает этот субрегион притягательным для третьих стран из-за относительной ослабленности его связей с первыми двумя.

Популяционные ареалы расселения усложняют влияние географических факторов на экономическую интеграцию, порождая шлейф эколого-экономических проблем. Конфигурация заселения весьма неоднородна. Наиболее освоена территория вдоль рек, побережий, трасс. Автохтонное население численно явно уступает аллохтонному. Острота проблемы усугубляется мощной нелегальной миграцией на российский Дальний Восток. Смягчить ситуацию могло бы сохранение и увеличение коренных этнопопуляций, их более активное включение в политическую и экономическую жизнь региона.

Слабость российской хозяйственной и транспортной инфраструктуры жизнеобеспечения Дальнего Востока усугубляется концентрацией извлекаемых отсюда экономических и, особенно, финансовых ресурсов в европейскую часть страны. Рядом же находятся мощные центры деловой и хозяйственной активности в Китае, Ю.Корее и Японии. Следует отметить, что усиление экономического присутствия третьих стран вроде Японии, Ю.Кореи и США на российском Дальнем Востоке имеет помимо хозяйственной политическую ценность, хотя бы отчасти уравновешивая давление Китая. Т.о. к прежним, сугубо политическим проблемам интеграции на Дальнем востоке добавляются новые взаимосвязанные экономико-географические противоречия в областях демографии, ресурсобеспеченности, экологии и охраны окружающей среды и др. Решение этих насущных вопросов возможно на условиях их комплексного рассмотрения и применения новых подходов для их решения. В целом, здесь вполне допустимы сложные многосубъектные системы экономического хозяйствования. Для интегрального развития экономики Дальнего Востока также необходимы встречные движения стран региона в политическом русле в направлении укрепления мер доверия. Быстрый рост их экономик, заинтересованность в природных ресурсах РФ, ее научном и технологическом потенциале, транспортных и коммуникационных возможностях – делают возможным масштабное экономическое сотрудничество между ними по пути интеграции.

MAJUMDAR Rani,
HASAN S. Zahid
(India)

**Elements of mysticism
in Srivara's Kathakautuka**

In the fifteenth century a lesser known Kashmiri poet Srivara composed a poem called Kathakautuka during the reign of Muslim ruler.

Mohammed Shah, who ascended the throne in 1481 A.D. It is a Sanskrit rendering of the famous Persian poem Yusuf-Zulaikha written by Nuruddin Abdur Rehman Jami, popularly known as Mulla Jami. The Sanskrit translation was rendered soon after the original was composed.

Mulla Jami was one of the most learned Sufis and mystic poets of Persia. His poem is based on the famous story of Joseph and Potiphar's wife as narrated in the holy Quran and the holy Bible. But Mulla Jami has modified the story giving a mystic touch to the story.

Zulaikh, Potiphar's wife tries to seduce Yusuf (Joseph) but in vain. She keeps pining for him and ultimately after vicissitudes of life, hardest trials and penance she obtains Yusuf. This is the human love that leads to divine love. In this way Jami's story represents Islamic mysticism. Srivara was well versed in Persian and Arabic language and literature, as is stated in the colophons of each canto of the Kathakautuka. Therefore, being influenced deeply by Jami's poem he translated it faithfully into Sanskrit and while doing so, Srivara, a devout Kashmiri Shaiva, blended beautifully the elements of Sufism with Kashmiri Shaivism. The aim of the present paper is to highlight: 1. Zulaikha's love-lorn state represents the Sufi concept of human love. In Srivara's poem raga and anuraga etc. are the words frequently used for the purpose. This human love, after purification leads to divine love. This is the unity of jivatma and paramatma of Vedanta. Zulaikha denounces the worldly pleasures and performing severe austerities becomes pure.

2. Yusuf known as Ai-Sadiq, the just and pious youth is the chosen one of Allah, the Almighty. He is an angle built of five elements. These five elements corresponds with the five elements of Sufism.

3. Sanskrit version contains several interesting sub-stories related to the creation of the universe, the family tree of Yusuf and the congregation of Sufis saints, siddhas and auliyas. Some of these stories are also found in the Bible and the Quran.

Thus, comparing the important incidents of both the Persian and Sanskrit poems it will be shown that Kathakautuka is a unique and rare confluence of mysticism and Shaivism.

COHEN Amnon
(Israel)

**The Jewish Community Of Ottoman Jerusalem:
Was it really segregated?**

The conceptual dividing line between the all-inclusive Muslim community of believers and "the protected people" conveys, quite naturally, a basic element of segregation. Jerusalem, where the temple

Mount underwent gradual upgrading over the four centuries of Ottoman rule, witnessed a systematic ban of its Jewish inhabitants from entering that holy site. The question we address in this context is: how meaningful were these religious restrictions in terms of actual, real life there and then?

The archives of the Jewish communities that lived in Jerusalem and enjoyed, under the *millet* system, an autonomous life of their own, are unfortunately unavailable. The hundreds of volumes of European travellers' reports who visited Ottoman Jerusalem, their rich and in many cases quite detailed information notwithstanding, shed very dim light over this question. Nor do the diplomatic correspondence, or the mercantile archives, of the major European powers, provide us with a satisfactory answer. The best, and in most cases the only, source to consult for this, and related questions, are the proceedings of the Shar'i court.

True, the Jews preferred to live in close proximity to one another. But reading through the many real estate transactions concluded and preserved in the court archives, they emerge as one demographic element within general neighborhoods, often sharing even the same buildings.

The guild system provides not only a much more vibrant, dynamic picture, but also a very clearly cut, quite convincing yardstick: the Jews of Jerusalem were equal partners in many a guild, sometimes – though seldom, indeed – even reaching the higher echelon of its structure. We shall introduce several examples to the effect of the Jewish participation in the economic life of Jerusalem during the XVIth-XIXth centuries. They were, indeed, looked down upon by their Muslim neighbors and masters from a religious, as well as a political perspective. In terms of daily life, however, their self-inflicted social segregation had little effect, if any, on their performance in Jerusalem. They saw themselves, and were regarded by everyone else, as an integral part of the fabric of the local society.

CAMPBELL Joel R.
(Japan)

**The Beginning of History:
Post-9/11 Northeast Asian Great Power Relations**

The world has seen massive changes in the Asian security environment since the September 11 Incident. What was once a simple East-West divide has transformed into a splintered, multi-lateral game of alliances and arrangements of convenience. Globalization of Asian economies has brought new challenges to the state, such as nuclear proliferation, environmental disasters and piracy undermine the carefully constructed international consensus. In this new milieu, the great powers still have important roles to play as the constellation of security and economic issues has shifted over the past three years.

PANCHENKO K.A.

(Moscow)

Cristian East studies in Russia in 90th XX - XXI centuries

The present paper is devoted to the Christian East studies in Russia during the last 15 years. The paper presents the survey of reasons of an interest to the Christian East in the Russian Oriental studies and common mind. The history of the Christian Orient researches in Russia in the 19th-20th centuries and factors which determined. The Raise of the Russian studies of Christian Orient during the last decade.

We shall describe the present state of the main branches of the Cristian East studies, and particularly, researches of the arabic Cristianity, specific methods and interests of Russian scolars and perspectives of further development of the Christian East studies.

MEDNIKOVA M.B.

(Moscow)

**Population of the Eastern Aral region
in the 1st millenium BC. - 1st millenium AD.:
Social differentiation on anthropological data**

The Jetyasar archaeological culture existed in the lower Syrdarja waterbasin from the middle of 1st millennium BC. till the 8th century AD. Its archaeological sites were investigated by the Choresm expedition of the Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, under supervision of L.M.Levina. Desert and relatively unsettled today the eastern Aral region took an important place on the map of antique world. There were the northern parts of the Great Silk way here. It was also the point of trade contacts between cattle-breeders of the Eurasian and agriculturists of Central Asia.

Archaeological studies discovered that bearers of the Jetyasar culture inhabited fortified settlements and built sophisticated irrigating waterways. In conditions of arid climate they seemed to use natural resources the most effectively (Andrianov, Levina, 1979). A most specific pattern of Jetyasar population was the widespread artificial head deformation. Various techniques have been used these groups. In spite of a lot of strongly deformed skulls, craniometric analysis have shown a mixed Euro-Mongoloid origin of Jetyasar population, (Kijatkina, 1993). Odontological research also indicated metisation in Jetyasar groups (Rykushina, 1993). Methodical level of physical anthropology makes study of human remains an important instrument for complex investigation of historical process. Traditional ethnogenetic study can be added by bioarchaeological reconstructions of life style, based on analysis of physiological stress under social and environmental influence. Our research of skeletal remains in Jetyasar groups included palaeodemography, morphology, reconstruction of occupation, palaeopathology (Buzhilova, 1995; Buzhilova, Mednikova, 1995; Mednikova, 1993, 2003; Mednikova, Buzhilova, 1993, 1996, 1997; Buzhilova,

Mednikova, 1999). It was estimated that Jetyasar society was various not only by its anthropological content. Mixed origin of groups was accomplished by social and professional differentiation, that resulted in life longevity and health conditions. The most high social level might have nomadic warriors originated from the steppe zone (an example: buried males from Kosasar-2 necropolis).

The study pointed out the high level of negative influence during childhood in different Jetyasar groups. But physiological stress had not influenced demographic and health features in Kosasar-2 population. In contrast, other representatives of Jetyasar culture lived in more uncomfortable conditions, which gave no compensatory effect for childhood stress (an example: Tompakasar population). These differences are more clear in female groups, who seemed to belong to the common ethnogenetic substrat of the aborigine origin. The Kosasar women demonstrated the peak of mortality in 30-39 years, although 77,8 % of them had indications of growth disruptions in the childhood. Females of synchronous and neighbouring Tompakasar population had shown the same level of growth arrest (Harris lines frequency - 72,7%). But the peak of mortality in the group was more earlier, in 20-29 years.

Медникова М.Б.

(Москва)

**Население Восточного Приаралья
в I тысячелетии до н.э. - 1 тысячелетии н.э.:
социальная дифференциация
по данным палеоантропологии**

В бассейне нижней Сырдарьи с середины I тысячелетия до н.э. по VIII в. н.э. получила развитие джетыясарская археологическая культура, памятники которой были исследованы Хорезмской экспедицией Института этнографии АН СССР под руководством Л.М.Левиной. Пустынное и относительно безлюдное в наши дни, Приаралье занимало важное место на карте древнего мира. Здесь пролегал северный участок Великого Шелкового пути и возникали торговые контакты между скотоводами-степняками и традиционным земледельческим населением Средней Азии.

Археологические исследования позволили установить, что носители джетыясарской культуры жили в укрепленных поселениях, строили сложные ирригационные сооружения. Они вели комплексное хозяйство, максимально используя природные ресурсы в условиях аридной зоны (Андрианов, Левина, 1979). К своеобразным традициям джетыясарского населения можно отнести широкое распространение обычая искусственной деформации головы, при чем применялись разные способы деформирующего воздействия. Несмотря на обилие деформированных черепов, и, следовательно, невозможность в полной мере использовать краниметрический метод, удалось установить, что в этногенезе джетыясарского населения приняли участие представители южного европеоидного, дру-

того европеоидного и монголоидного расовых компонентов (Киятина, 1993). Одонтологические исследования подтвердили метисное происхождение джетыасарского населения (Рыкушина, 1993). Однако методическое развитие физической антропологии позволяет в настоящий момент считать изучение останков представителей археологических культур ценнейшим инструментом разностороннего познания ушедшей действительности. К традиционному исследованию вопросов происхождения народов добавились биоархеологические реконструкции образа жизни в палеопопуляциях, в основе которых – анализ физиологического стресса под воздействием факторов социальной и природной среды.

Наши исследования скелетных останков древних обитателей Восточного Приаралья носили комплексный характер и включали анализ палеодемографии, морфологии, палеопатологии, реконструкцию уровня физических нагрузок (Бужилова, 1995; Бужилова, Медникова, 1995; Медникова, 1993, 2003; Медникова, Бужилова, 1993, 1996, 1997; Buzhilova, Mednikova 1999). Они позволили установить, что джетыасарское общество было неоднородным по антропологическому составу. Эта неоднородность, отчасти, вызванная различным происхождением джетыасарских общин подкреплялась социальным расслоением, профессиональной специализацией и отражалась на продолжительности жизни и состоянии здоровья разных групп населения.

Наиболее благоприятные бытовые условия и высокий социальный статус, скорее всего, имели воины-скотоводы, выходцы из степной зоны, к которым, по-видимому, принадлежали некоторые погребенные в джетыасарском могильнике Косасар-2. Обследование выявило высокую степень неблагоприятного воздействия в детском возрасте в разных группах джетыасарского населения. Вместе с тем, физиологический стресс не сказался на продолжительности жизни и состоянии здоровья группы, погребенной в могильнике Косасар-2. Возможно, в отличие от этого населения, другие популяции джетыасарской культуры (например, группа Томпакасар) находилась в условиях, усугублявших негативное воздействие стресса, испытанного в детстве. Особенно наглядно эти различия проявились между женщинами, погребенными в близлежащих и приблизительно синхронных некрополях Косасар-2 и Томпакасар, и по многим показателям, принадлежавших к единому антропологическому субстрату местного среднеазиатского происхождения. Для женщин косасарской выборки характерна более высокая продолжительность жизни (пик смертности в 30-39 лет). При этом, по результатам рентгенографического обследования, в детстве 77,8% из них испытали негативные эпизоды, приведшие к временной остановке процесса роста. В палеопопуляции Томпакасара частота индикаторов стресса (т.н. линий Гарриса) была даже несколько меньше (72,7%). Вместе с тем пик женской смертности в этой группе отмечен значительно раньше, в 20-29 лет.

YONDEMLY Fuat

(Турция)

2. Змея как символ здоровья и ее противоречивые стороны

Змея как никакое другое существо на свете заключает в себе противоречивые качества. В статье уделяется внимание не только роли змеи в медицине, но и ее противоречивым сторонам.

Змея, напоминая яд и противоядие, является символом здоровья и жизни, в тоже время она же является символом болезни и смерти.

По сходству форм змеи и фаллоса, змея была символом мужского полового органа, но в тоже время и символом женского полового органа за способность расширяться при заглатывании жертвы.

Змея за необычность своей формы, скрытность и таинственность была символом Души и Божества. В Античной Греции скульптура бога Зевса была изображена в облике змеи. Во многих верованиях змею принимали за Дьявола. Так в Христианском исповедании змея является как символом дьявола так и символом пророка Иисуса.

Змею использовали как для колдовства и наведения порчи так и для их снятия.

Из змей готовили кремы, мази и эликсиры, с помощью которых избавлялись от нежелательных волос, а так же использовали для укрепления и усиления роста волос, для усиления умственных способностей и плюс к этому использовали и продолжают использовать как афродизиак.

KULPIN Eduard

(Russia)

PIETKIEWICZ Krzysztof

(Poland)

Gold Horde and Great Lithuanian

Between two social – ecological crises in a history of East Europe – in Gold Horda and Moscow empire – the powerful state of medieval Europe – Great Lithuanian have been arisen on ancient Russia lands. Until now the evolution of processes in Great Lithuanian was considered outside of processes in Gold Horda, though on closer examination the evolution of two states appear to be interconnected.

The weakening of the Slavs after the Mongolian invasion, promoted fastening of an authority of first Grand Duke of Lithuanian Mendouvg (assassinated in 1263), on adjacent Black Russia. The main territorial acquisition of Great Lithuanian in XIV were at the expense of Russian princedoms, which were in vassalage from Gold Horda. So the weakening of Gold Horda promoted strengthening of an authority of Lithuania above Russian princedoms.

Кульпин Э.С.
(Москва)
Питкевич Кишиштоф
(Польша)

Золотая Орда и Большое княжество литовское

Между двумя социально-экологическими кризисами в истории Восточной Европы – в Золотой Орде и Московском царстве – на землях древней Руси возникло могущественное государство средневековой Европы – Большое княжество литовское. Эволюция процессов в ВКЛ до сих пор рассматривалась вне процессов в Золотой Орде, хотя при ближайшем рассмотрении процессы двух государств оказываются взаимосвязанными.

Ослабление славян после монгольского нашествия, способствовало закреплению власти первого Великого князя литовского Миндовга (убитого в 1263 г.), на соседнюю Черную Русь. Основные территориальные приобретения Великого княжества Литовского в XIV в. были за счет русских княжеств, находившихся в вассальной зависимости от Золотой Орды, Ослабление Золотой Орды способствовало укреплению власти Литвы над русскими княжествами.

MARCHENKO V.T.

(Russia)

Population of Russia – polyethnic system with the centuries-old history of formation

The term "the polyethnic system" means "developing integrity of a great number of ethnic groups".

The application of the systemic approach in practice of reconstruction of historical pictures of development of nations has hardly begun under a natural shortage of authentic material.

Overcoming misunderstanding of the conservatively thinking historians and generalizing historical materials in view of the laws of the systemic approach, it is possible to come to the conclusions which are hardly impugnable, on the one hand, and supplemental to what was received in traditional historiographic works, on the other hand.

The impasse, which the denial of systemic approach leads to, was seen by the famous popularizer of the annals the historian Lev Gumilyov. To tell the truth, he understood this idea only in his declining years after creating highly disputable theory of occurrence and development of ethnic groups.

Perhaps, the collection "Eurasia as polyethnic system" (M., 1993, editor V.T. Marchenko) was one of the first publications of a new direction in Russia. In brief, but convincing clauses of this collection many authors – candidates and the doctors of sciences – came up with an idea of systemic character of the population of Northern Eurasia (territory of CIS), developing in the direction of strengthening and growth of interethnic ties.

The attempt of creation of the modern concept of North-Eurasian superethnic group was undertaken in series of the subsequent publications: "About a history of great-power spirit in Russia" (V.T. Marchenko, 1995), "Supernation" (V.T. Marchenko, 1996), which called appreciable interest, in particular, on convention of a "Congress of the Turkic peoples" (the term by Gumilyov) and on the international psychological congress devoted to memory of Vygotskiy (1996).

Taking into account the limitation of the present theses it is impossible to present essence of the above-stated works. Only the brightest and important features of a method of research can be marked here.

The first is that the systemic approach requires to take into account all circumstances of life and factors of interaction of ethnic groups while uniting them into dynamic system: besides political, economic, social, ethnic factors there are geographical, climatic, religious, anthropological and integrative-linguistic factors and so on.

Second is that the search of systemic approaches in all this variety lies in finding of developing internal links in the system of polyethnic groups. It is remarkable that the theory of self-organizing of systems also allows to forecast the not found links and, thus, to complete general characteristics of system.

And, at last, third is that self-organizing and self-reproducing system is not a conglomerate; its disintegration is always connected with explosion or it is unreal in principle.

Марченко В.Т.

(Россия)

Население России – полиэтническая система с многовековой историей формирования

Термин "полиэтническая система" означает "развивающаяся целостность множества этносов".

Применение системного подхода в практике реконструкции исторических картин развития наций при естественном недостатке фактологического материала едва лишь началось.

Преодолевая непонимание консервативно мыслящих историков, и обобщая исторические материалы с учетом законов системного подхода, можно получить выводы, трудно оспоримые, с одной стороны, и дополняющие многое из того, что было получено в традиционных историографических трудах, с другой.

Тупик, к которому ведёт отказ от системного подхода, увидел ещё знаменитый популяризатор летописей историк Лев Гумилёв. Правда, это открылось ему уже на склоне лет после построения им весьма спорной теории возникновения и развития этносов.

Пожалуй, одной из первых публикаций нового направления в России был сборник "Евразия как полиэтническая система" (М. 1993г., редактор В.Т.Марченко). В кратких, но убедительных статьях этого сборника многие авторы – кандидаты и доктора

наук проводили мысль о системном характере народонаселения Северной Евразии (территория СНГ), развивающегося в направлении укрепления, возрастания многосторонности его межэтнических связей.

В ряде последующих публикаций: "К истории великодержавного духа в России" (В.Т.Марченко, 1995г.), "Сверхнация" (В.Т.Марченко, 1996г.), вызвавших значительный интерес, в частности, на съезде "Конгресса тюркских народов" и на международном психологическом конгрессе, посвященном памяти Выготского (1996г.), была предпринята попытка создания современной концепции североевразийского суперэтноса (термин А.Н.Гумилева).

С учетом ограниченности объема настоящих тезисов представить суть вышеуказанных выступлений нельзя. Здесь могут быть отмечены лишь наиболее яркие и значимые черты метода исследования.

Первое состоит в том, что системный подход требует учитывать все обстоятельства жизни и факторы взаимодействия этносов при объединении их в динамическую систему: кроме политических, экономических, социальных, этнокультурных, еще и географические, климатические, религиозные, антропологические, интегративно-лингвистические и др.

Второе состоит в том, что поиск системности во всем этом многообразии заключается в нахождении развивающихся внутренних связей системы полиэтнуса. Примечательно то, что теория самоорганизации систем позволяет прогнозировать еще не обнаруженные связи и таким образом, достраивать общие характеристики системы.

И, наконец, третье в том, что самоорганизующаяся и самовоспроизводящаяся система – не конгломерат: ее распад всегда сопряжен со взрывом, или же он нереален в принципе.

MALKONDUEV H.H.

(Nalchic)

Karachay-Balkar poem of the 19th century about Joseph the Fine

The motives about Joseph the Fine loaned from "Bible" and "Koran" and early oriental texts since 13th century began penetrating into the extensive Turkic-language geographical areals having been spread particularly by means of arabographical writings.

Traditionally the subjects and motives of hagiographical literature were adopted by many ethnic cultures. So, nowadays there are a lot of authorised poems about Joseph the Fine of poliam character in Tatar, Bashkir, Azerbaijani, Uzbek, Turkmen, Turkish, Nogai, Crimean-Tatar and Kumik cultures.

In Karachay-Balkar spiritual literature the poem about Joseph the Fine is connected with the name of Daud-Hadzhi Shavaev (1800-1892) who got religious-philosophical education in the Arab countries and, according to the archiv documents of the 19th century, spoke Arabian, Persian and Turkish languages.

The poem contains the basic canonical subject and narrative elements: Joseph's magical dream; a conflict between the brothers; slavery; the Gods protection; the life in Misir (Egypt); the false accusation of temptation (Zuieiha); the years in a dungeon; decoding the "sacred formulae – pharaoh's mysterious dream; the freedom and the status of Egypt's ruler; seven abundant and seven hungry years; Goseph's meeting with his brothers in Egypt where they arrived to buy grain.

In the poem there is a topical line about Zuieiha, introduced by Firdousi and which is absent in the biblical and koranical texts. The manuscript is written in expressive and highly poetical language, contains some arabisms and archaisms. We come across a dozen of motives, absent in other Turkic-language versions. This fact testifies to the originality and unique character of the Karachay-Balkar poem, existing in the oral and written traditions.

Малкондурев Х.Х.

(Нальчик)

Карачаево-Балкарская поэма XIX века об Иосифе Прекрасном

Заимствованные из «Библии», «Корана» и ранних восточных литератур мотивы об Иосифе Прекрасном с XII века начинают проникать в обширные пространственно-географические ареалы тюркоязычного мира, распространяясь в основном арабографической письменностью в списках.

В виде авторских поэм полиамного характера, каноническим принципом которого является переложение на родной язык сюжетов и мотивов традиционной агиографической литературы, тексты об Иосифе Прекрасном бывают в татарской, башкирской, азербайджанской, узбекской, туркменской, турецкой, ногайской, крымско-татарской, кумыкской среде.

В карачаево-балкарской духовной словесности поэма об Иосифе Прекрасном связано с именем Дауд-Хаджи Шаваева (1800-1892), получившего религиозно-светское образование в странах Арабского Востока и владевшего по преданиям арабским, персидским и турецким языками. Это подтверждается и рядом архивных документов XIX века.

В поэме присутствуют основные сюжетно-повествовательные элементы, носящие в литературе канонический характер: волшебный сон отрока Иосифа; конфликт с братьями, приведший к продаже его в рабство; покровительство Иосифа Всевышним; жиз-

ни в Мисире (Египте); по ложному обвинению жены хозяина двора (Зулейхи), где он жил, будто бы Иосиф хотел ее соблазнить, многие годы он проводит в темнице; за умение отгадывать «священную формулу» – таинственность сна фараона, он получает свободу и вскоре становится фактическим правителем Египта; наступление семи изобильных, а затем семи голодных годов, встреча Иосифа в Египте с братьями, прибывшими покупать зерно.

В поэме присутствует сюжетный элемент, привнесённый Фирдоуси о Зулехе, отсутствующей в «Библии» и «Коране».

Произведение написано красивым поэтичным языком, содержащим ряд арабизмов и архаизмов. В нем имеются десятки сюжетных элементов, отсутствующих в других тюркоязычных, что говорит о его самобытности, бытующей в рукописи и устной речи.

TOSHIKO Sato

(Japan)

Pound's and Waley's English translations of a Japanese Noh-Kagekiyo

Since the first English translation of a Noh Kagekiyo was accomplished in the West by Marie C. Stopes and Joji Sakurai in 1913, Ezra Pound and Arthur Waley translated the Noh Kagekiyo and published under the titles of 'Noh' or Accomplishment (1916) and The No Plays of Japan (1922) respectively. Both translations are most popular and widely read in the Western countries now.

It is the purpose of my paper that I examine the said two translations of Kagekiyo, comparing closely with the original Japanese text and determine how good their translations are in the light of Western translation theory.

BUI Supassorn

(Thailand)

Program in Communication Arts at Sukhothai Thammathirat Open University and the advantages of distant education

A School (or faculty) of Communication Arts was established at Sukhothai Thammathirat Open University in 1978 among other 10 schools such as School of Liberal Arts School of Educational Studies, School of Law, School of Economic, School of Science and Technology, etc.

Communication Arts is concerned with the application of different types of media used to relay news, transfer knowledge, and provide entertainment. But most importantly, communication arts is useful in developing and nurturing a better understanding between the people and the government, and among the people themselves. Good commu-

nication promotes development, and increases knowledge and mutual understanding.

Previously, program in Communication Arts were only available in conventional universities but not in the distance education mode. Upon consideration of the following reasons, Sukhothai Thammathirat Open University decided to establish the School of Communications.

1. The School of Communication Arts was established to develop human resources and meet the national demand for personnel in the field of mass communication. The Fifth Development Plan for Higher Education specified that a School of Communication Arts be established at Sukhothai Thammathirat Open University. This project was given high priority.

2. The University already employs the distance education system using various types of educational technologies and STOU is fully equipped with the basic facilities necessary to provide instruction in Communication Arts.

The objectives of the Program in Communication Arts are:

1. To produce graduates and develop human resources in the fields of journalism, radio, television, film, advertising and public relations.
2. To promote research in communication arts.
3. To disseminate knowledge on communication arts to the general public.

The four-year bachelor's degree program, together with the three-year bachelor's degree program, received the approval of the Ministry of University Affairs on 20 March 1984.

The program requires at least 24 courses or 144 credits comprising the following:

- A. General Foundation Courses 5 Courses
 - B. Core Courses 11 Courses
 - C. Area-specific Courses 6 Courses
 - D. Free Elective Courses 2 Courses
- The distance education system provides.

The University, in cooperation with related educational institutions and central and regional government agencies, have arranged various types of educational service centers which include:

- Regional Study Centers
- Provincial Study Centers
- Special Study Centers
- STOU Centers
- STOU Regional Distance Education Center
- Graduate Educational Resource Centers

The University arranges and sends educational materials and various printed media to individual students through the postal service.

The University arranges examinations at one or more locations in every province of the country to provide students with economical and convenient services.

**JUNGHARE Indira Y.,
PRASAD Ravi**
(USA)

Jung and Shankara:

The Collective Unconscious and the Brahman

It is a well-known fact that Carl Gustav Jung, a reputed psychologist, was influenced by Indian philosophical thought and spirituality, the method of introspection, and various kinds of Yoga. Consequently, he used some Indian techniques and practices in healing his patients. Jung's concept of the *Collective Unconscious* seems to bear similarities with *Brahman*, one of the foundational principles in Shree Shankara's philosophy of non-dualism. The *Collective Unconscious* is nearer to the Indian attitude of introversion and hence to the "God inside", which seems to be comparable to the "Pure Consciousness", an aspect of *Brahman*, the Supreme Self. The paper will compare and contrast these concepts, their psychological and spiritual implications, and their use for understanding the power of the undiscovered Self.

PINTO Ana Fernandes
(Portugal)

**Portuguese sources and
Japanese history**

This paper presents an overview of Portuguese's Sources about Japan from the 16th and 17th centuries. For almost a century, since the arrival of Saint Francis Xavier in 1549 to the Tokugawa interdiction, the Sakoku edict of 1639, Europeans visited Japan. The first fifty years of intercourse were due to Portuguese merchants and missionaries working for the Portuguese Crown. Portuguese authorities were made responsible for the evangelisation of Japan, which explains the fact that Portuguese missionaries were the only Europeans living permanently in Japan during that period. By the end of 16th century Portuguese were no longer the sole Europeans to deal with Japan: mendicant Orders were established in the archipelago, and Dutch and English traders started trading with Japan. By the establishment of Mendicant Orders (Franciscans, Dominicans and Augustinians) the missionary monopoly enjoyed until then by the Jesuits was broken. By the arriving of Dutch and English traders to Japan, Portuguese lost their trade monopoly and, moreover, their arrival enabled the *Bakufu* to persecute the missionaries and Christians without economic consequences because they did not associate trade with evangelisation. Due to this active and unique role of Portuguese authorities in the evangelisation of Japan, Portuguese sources are a fundamental documentary record for the study of 16th and 17th Japanese centuries. In a first moment missionaries sent extend reports and letters from Japan in a way to inform the religious authorities in Europe and Goa so they could establish missionary strategies. In a second moment, after the

coming of Mendicant Orders and other Europeans, missionaries not only kept informing the authorities about the events in Japan but, moreover, developed and intense typographical production in Europe by which missionary orders tried to impose their own interests, and explain the progressive *bakufu*'s hostile attitude towards Christianity. In both cases those reports, letters and inclusively historical narratives and grammars provided extend information about political, religious, linguistic and social organisation of Japanese society. For all these reasons it is impossible to study Japanese 16th and 17th centuries without scrutinise Portuguese Sources.

ALVES Jorge Santos
(Portugal)

**The Malay Sultanates as Theme
for 16th Century Portuguese Sources**

The knowledge of several dimensions of the historical nature of Malay sultanates, from late 15th to late 16th centuries, relies, in one way or the other, upon the information of Portuguese sources. This information is undoubtedly crucial to reconstruct the spatial dimension, the political mechanisms, social and economic organization or the religious life of such sultanates in the pre-colonial period. However, these very same sources may be hazardous to historians in case one does not try to disassemble, to deconstruct, their discursive logic. The case of the sultanate of Malacca, generally considered as a "model" for pre-colonial Malay sultanates, is what concerns Portuguese sources, an excellent example of this problem. Not only because of the number of Portuguese sources related to it, but because of their nature. That is why Malacca is the main study-object for this paper.

SAYYID A.S.
(Pakistan)

Pakistan:

Oriental historiography on religion and politics

Pakistan established on 14 August 1947 is now fifty seven years old. Before independence from setting their foot on Indian soil, the West was interested in ruling this area according to their secular perceptions. After assuming state authority this train of thought accelerated considerably. In the post 1947 era this yardstick was not abandoned despite recognizing Pakistan as an independence state. Instead a two prong modus-operandi was enforced to exhort the successive governments in Pakistan to adopt Western socio political norms and production of scholarly works by the Western experts on this theme to convince those at the helm of affairs to turn it into a modern, secular state. Some of the noted orientalists who produced different works included Abbott (1968), Binder (1963), Callard (1968), Gangkovsky and Polonskaya (n.d.). Hardy (1972), Esposito (1987), Me Donough

(1978), Piscatori (1984), Rosenthal (1965), Smith (1957, 1954), Taylor (1984), Williams (1975, 1972), Wilcox (1977), Weinbaum (1977), Wolpert (1993) and Ziring (1980, 1997). The value judgment of the works produced by writers both from the Western hemisphere or those from the communist block hardly made any secret about their secular and communist outlook and depicted the cold war rivalries which dominated the world till the elimination of Soviet Union. None the above works, therefore, enjoyed general acceptance by the Pakistani readers, the reason not being their origin but extremely poor historiographical skills.

The paper analyses the the above oriental scholarship from 1947 till 2002 when the last national elections were held in Pakistan under the military government of General Parvez Musharraf. The writings of orientalist will be evaluated most specifically from the view point of source material, presentation and themes.

The thesis running through the paper commends the overall effort of orientalist to analyse Pakistan's politics but expresses dismay over the preconceived notions which have been given prominent expression instead of an objective analysis. Lacking in the dictates of history writing, the oriental research needs to be understood very carefully to find the ultimate truth and the real issues. A major question in accepting the authenticity of Western scholarship remains the absence of source material available in Urdu, the national language of Pakistan. Secondly building a thesis on Pakistan's politics by ignoring the role of religious parties in the framing of 1956 and 1973 Constitutions, the fall of General Ayub, spearheading countrywide movement against Prime Minister Zulfikar Ali Bhutto and Prime Minister Benazir Bhutto, their solidarity with General Zia, the setting up of Islamic Democratic Alliance and voting Nawaz Sharif to power and finally their overwhelming victory in the 2002 national polls represents biases, and not an objective attempt to understand the forces of history. The paper will help in improving the quality of Western research.

QURESHI, M. Naeem

(Pakistan)

**The Russian Connection
of the Indian *Muhajirin*,
1920-1924**

In the summer of 1920, some 60,000 Muslims of British India fled to the neighbouring Afghanistan as a protest against the Allied designs to dismember the Ottoman Empire, with which they had historical and religious ties for centuries. Thinking that India had become *darul-harb*, they had taken recourse to the tenets of Islam that prescribe *hijrat* or *jihad*. However, after the initial flurry, the *hijrat* movement collapsed, primarily because it was a miscalculated and an ill-organized venture that had ignored political and economic realities. It was given a *coup de grace* by the Afghans who were unable to cope with

the influx of such large numbers. As a result, about seventy-five per cent *muhajirin* returned to India. Others either stayed in Afghanistan or scattered to Turkey and Russia. A large number perished through exhaustion and disease.

This paper will study the activities of those *muhajirin* who, in the autumn of 1920, moved from Afghanistan to the Russian Turkestan where the revolutionary government was believed to be sympathetic to the oppressed people of Asia and Africa in their struggle for national liberation. On arrival in Tashkent, the *muhajirin* were well received and given ideological orientation under the supervision of M.N. Roy, a member of the Central Asiatic Bureau of the Communist International, who had been especially dispatched from Moscow for this purpose. The majority of the *muhajirin* being devout Muslims, found Bolshevism unattractive and returned to India at the first opportunity. Those who responded to the overtures were given military and political training at the school known as the Indusky Kurs. A significant result of this exercise was the formation, in October 1920, of an emigre Communist Party of India, which was later affiliated to the Communist International. But the dissensions among the Indians and the preoccupation of the Russians with their own problems prevented any further development in this direction. There was also a change in Soviet strategy and indirect penetration was considered more appropriate than direct intervention. In the middle of 1921, the Tashkent military school was shut down and the *muhajirin* were taken to Moscow. There, they were given advanced training at the Communist University of the Toilers of the East (KUTV). Since the Russian leaders at the time were not particularly inimical to national communism, the emphasis at the University was on allying Islam, nationalism and Marxism. After training, around 1922, the *muhajirin* were sent back to India to spread communist doctrines among Indians. But they were caught by the Indian government and tried and convicted on charges of conspiracy and subversion at the Peshawar and Cawnpore Bolshevik conspiracy cases (1922-24). Though the Marxist *muhajirin* seemed to have accomplished little in their immediate objective, they subsequently provided good leaders to the socialist movements in South Asia.

**JAWAN Jayum A.,
AGUS Yusoff Mohammed**
(Malaysia)

**Federalism in Multi-Ethnic Malaysia managing
a Plural Society:**

Achievements, Challenges and Future Prospects

The Federation of Malaysia was formed about forty years ago in 1963. During the early years of independence, tensions and conflicts abound that tested the integrity of the Federation. In the first decade of its existence, Singapore left the federation in 1966. This was followed by tense relations with the states of Sabah as well as with Sarawak. In

1966, emergency was instituted to bring Sarawak in line with the national aspiration of the nation. Three years later, ethnic tension broke loose in 1969. Since then, the next thirty years was not without tension and friction was the nation sought to balance the interests of its multi-ethnic community. However, despite all that, the Federation endured. More importantly, political stability prevailed; economic progress had brought about benefits to its multi-ethnic community. These lead to some degree of success in maintaining social harmony.

This paper addresses three major issues. First, the challenges of managing a plural society that has competing demands from its multi ethnic and multi cultural society. How and why have Malaysia been success in managing its plural society when many others have failed? Second, the paper discusses the achievement of the nation, despite enormous challenges that it has to face. Lastly, the paper discusses persisting issues and challenges that the country still need to focus on in order to sustain its political stability, socio-economic progress and social harmony.

ZAHAREMKO I.A.

(Belarus)

**National traditions
of Russian school of oriental studies
(Natives of Belarus – researchers of the East)**

We reveal the methodological approach to study the East in the Russian school of the oriental studies in our research work.

The author worked out conception of the development traditions in knowledge of the Orient, it is based on the interconnected the national Russian cultures & the cooperation orientologists with the World center of oriental studies.

This research demonstrate the valuable contribution of Belarusian researchers of the East into the exploration of the region & into the development of World oriental studies. It is considered to be a Belarusian initiative to bring closer cultures & nations Of the East & West. This work represents a concept of studying the Far East countries.

Захаренко И. А.

(Беларусь)

**Национальные традиции
русской школы востоковедения
(Уроженцы Беларуси – исследователи Востока)**

В докладе раскрываются методологические подходы к изучению Востока в Российской востоковедной школе.

Разработанная автором концепция формирования традиций в познании Востока строится на взаимосвязи национальных культур России, а также на взаимодействии востоковедов с мировыми центрами ориенталистики.

Проведенное исследование показывает вклад белорусских исследователей Востока в мировую ориенталистику и выступает как инициатива Беларуси по сближению народов и культур Запада и Востока.

ИВАНОВА С.Ю.

(Россия)

**Международные отношения в условиях глобализации и
этнического возрождения.**

Кризис науки о международных отношениях состоит в том, что радикальные изменения в мире, их глобальный характер и долговременные последствия оказались во многом неожиданными даже для ученых.

Современная мировая историческая ситуация характеризуется ускоряющимися процессами глобализации, которые сопровождаются резким ростом транснациональных институтов и процессов, которые в принципе должны ослаблять национальную государственность. Этот процесс охватывает всю планету и характеризуется культурным и материальным "сжатием" мира, усилением осознания его целостного единства.

Единство всемирно-исторического процесса – очевидная реальность. Наличие качественно различных цивилизаций и этнических культур, чрезвычайно сложный диалог между ними не опровергают этого факта. Помимо существенных различий между мирами, есть реальность взаимодействия этих этнических культур. Единство человечества проявляется не столько во внешней схожести, сколько на внутреннем, сущностном уровне, а именно в том, что все человеческие общности развиваются по сходным законам.

Главной особенностью современного состояния политического облика мира является то, что в нем нет ярко выраженного политического центра. Сегодня, по мнению многих исследователей, мир стоит перед трудной фазой геополитических перегруппировок. Идет эволюция ценностного ядра государственных идеологий ряда крупнейших регионов земли, все в большей степени осознается взаимозависимость стран. Путь изоляционизма становится немыслимым ни организационно, ни экономически, ни политически ни для какой, даже наиболее самодостаточной страны.

С точки зрения социологии, человечество, также все большим числом ученых, представляется как глобальная, а не парциальная группа. В ней присутствует не механическая, а органическая солидарность, превращая данную группу в сложнейшее системное целое.

Помимо процессов конвергенции в современном мире, о которых было сказано выше, идут процессы дивергенции, в частности нарастание национализма, сепаратизма, почвенничества, все большее число народов, населяющих планету, вступают в полосу этнического возрождения.

Есть социальный факт – этническое возрождение, протекающее как в развивающихся странах, так и в развитых. Его истоки – в некоторых объективных факторах, возникающих на фоне частичной дезинтеграции внутри большого общества.

Прибегая к функционализму Г.Спенсера, отметим, что интеграция и распад – естественные процессы развития мирового сообщества. Внутри единого общества, каркас которого составляет мировая система суверенных государств, происходит возникновение новых сообществ. Можно проследить тенденции развития полиэтничности, плюрализма, мозаичности на уровне структурных рамок этой системы. Указанные тенденции вызваны к жизни либеральной традицией давшей взлет индустриализму и постиндустриализму.

К числу внешних причин, повлиявших на оживление процесса этнического возрождения, можно отнести распад двухполюсной системы международных отношений. Одним из его составляющих было исчезновение с карты мира СССР и самоликвидация системы союзных с ним государств. Это способствовало реанимированию взаимных претензий вековой давности, причем, подобные процессы в одной стране служили стимулом для оживления аналогичных процессов в другой.

Дополнительным фактором активизации негативной стороны этнического возрождения (обострения этнополитических, этнорегиональных и этноконфессиональных конфликтов) можно считать ухудшение условий существования сотен миллионов людей на периферии промышленно развитого мира. Подобные конфликты нередко представляют собой своеобразную сублимацию социальной напряженности, вызванной падением уровня жизни, неравным доступом к общественному богатству, обнищанием. Сложность процесса этнического возрождения состоит в том, что содержащийся в нем потенциал включает в себя как позитивные моменты (в плане созидания новых, более демократических структур в обществе), тайги негативные, конфликтные стороны. Социокультурный код этнической группы, специфическая система ценностей, особые модели социального взаимодействия и поведения являются факторами, влияющими на политическое и экономическое развитие большинства государств и во многом определяют их внешнюю и внутреннюю политику.

ЖЕБИК Александр
(Россия)

Ядерный кризис в Корее и интересы безопасности России

Корейский полуостров всегда входил в сферу национальных интересов России, которые заключаются в обеспечении мира и стабильности в районах, расположенных по периметру ее границ, поддержании добрососедских отношений взаимовыгодного сотруд-

ничества с сопредельными государствами. Обострение ситуации в Корее, а тем более военные конфликты на полуострове неизбежно отрицательно сказывались на безопасности России, вынуждали ее предпринимать дополнительные меры по ее укреплению. Поэтому России вряд ли нужно стесняться того факта, что у нее есть свои, вполне законные интересы на Корейском полуострове. Уже в силу только одного географического фактора эти интересы ничуть не менее значимы и обоснованы, чем у стран, отделенных от Кореи морями и даже океанами. В контексте указанных национальных интересов России рассматривает и ситуацию, которая сложилась на Корейском полуострове вокруг ядерных программ КНДР. Оба ядерных кризиса в Корее – 1993-1994 гг. и нынешний – вызваны, в первую очередь, попытками США утвердить свое доминирование на всем Корейском полуострове. Такая линия США объясняется тем, что в настоящее время, как и в начале 90-х годов прошлого века, продолжение процесса нормализации в Корее, неизбежно поставило бы под вопрос мотивы продолжения американского военного присутствия на Юге полуострова, лишало бы американцев аргументов, оправдывающих создание ПРО ТВД в США и национальной ПРО. Ликвидация КНДР не только завершила бы процесс пересмотра итогов Второй мировой войны на Дальнем Востоке, но и означала бы "переигровку" Корейской войны 1950-1953 года. Выход американских вооруженных сил с их высокоточным оружием нового поколения на сухопутную границу с Китаем и с Россией, привел бы к кардинальным изменениям в военно-политической обстановке в этом регионе и во всем АТР. Позиция Москвы заключается в том, что обеспечение безъядерного статуса Корейского полуострова, соблюдение там режима нераспространения оружия массового уничтожения при безусловном сохранении в этом регионе мира, безопасности и стабильности, отвечает интересам корейского народа и всего человечества. Россия выступает за политико-дипломатическое урегулирование кризиса. В Москве твердо убеждены в том, что, например, военным путем проблемы разоружения и укрепления режимов нераспространения не решить. Если первая корейская война окончательно похоронила антигитлеровскую коалицию, то второй крупномасштабный конфликт в Корее может окончательно добить едва начавшуюся утверждаться, а затем подорванную нападением США на Ирак антитеррористическую коалицию и "подарить" миру новое издание "холодной войны". История международных отношений на Дальнем Востоке за последние полвека достаточно убедительно продемонстрировала, что прочный мир и стабильность в регионе могут быть обеспечены лишь при условии достижения разумного компромисса и учета законных интересов безопасности всех расположенных там государств. Вряд ли иной подход к решению существующих в регионе проблем, в том числе корейской, может встретить поддержку со стороны России.

DOBROVOLSKAYA M.V.

(Russia)

**Human palaeodiet:
biological adaptations and
cultural traditions in the Asia**

Ecological investigations have demonstrated its significance for the modern human health improvement and saving. Biological adaptations to the different environmental conditions were formed during the long successions of the generations. Therefore palaeoecology (scientific direction investigates historical dynamics of the human adaptive patterns) is extremely actual (Историческая экология человека, 1998). A food is an element of the culture in respect to humanities. The nutrition patterns can be considered as the special way of environmental adaptation, as human ecology investigations have demonstrated (Алексеева, 1986). The palaeodiet patterns reconstructions let us to renew the ancient cultural traditions and biological adaptations chronology.

Archaeological sites of the Jomon culture investigation have made for diet structure reconstructions of the local population. The age of these sites amounts about 10 000 years. The food allowance of the ancient Japan inhabitants included various sea invertebrates, a fish, the plants. The same nutrition structure was described for the Neolithic population of the Okhotskoe sea shore (Vostretsov, 1998). The both groups are characterized by the low amount of terrestrial vertebrates meat.

Written evidence notes the same diet structure of the medieval population of the South China (various invertebrates, the fish, the algae, the rice). The terrestrial vertebrates meat occupies the insignificant part of the whole ration (Стужина, 1972).

Cardinally another nutrition structure was typically for the ancient Middle East. The research of the skeletal remains from Mesolithic and Prepottery Jericho (PPNA) archaeological sites (Levant) have permit us to reconstruct the local diet structure. The age of investigated objects amounts about 6000-10000 years. The gazelle skeletal remains was predominant species among another biological species remains. This situation is typically for the hunter-gatherers community. The diet of the Early Neolithic population included the big part of the meat food too. Modern Iraq – Iran territory is especially important for the early farming research. Unfortunately the data to the Early Neolithic period is very few. The information about human bone tissue chemical content note a large part of the animal proteins and the low share of the plant food [Rathbun, 1984].

Stable isotope investigation of the skeletal materials from Neolithic Catalhöyük (Turkey) indicated the main role of the protein diet component (Richards, et al., 2003). This result is extremely important. Catalhöyük site is one of the most famous agricultural center of the Middle East.

Accordingly the diet traditions were formed on the base ancient nutrition adaptations. These adaptations age dates from Mesolithic period hunter-gatherers existing. Local diet traditions loss can bring about the numerous metabolic diseases. The preservation of the local diet tradition is the extremely important problem for the territories with the stable and traditional economy and life style. According archaeological data many regions of the Asia have the diet traditions living through millenniums.

Добровольская М.В.
(Россия)

**Питание человека в древности:
биологические адаптации и
культурные традиции в Азии**

Исследования по экологии человека уже доказали свою ценность для сохранения и улучшения здоровья современного населения. Биологические приспособления человека к различным экологическим условиям, которые мы наблюдаем сегодня складывались в ряду поколений. Поэтому именно палеоэкологические исследования, изучающие историческую динамику адаптивных особенностей человека, чрезвычайно актуальны для современной науки (Историческая экология человека, 1998). С позиций культурологии, (Историческая экология человека, 1998). С позиций культурологии, пища – элемент материальной культуры. Как показали исследования экологии современного человека, особенности питания можно считать способом адаптации к окружающей природной среде (Алексеева, 1986). Реконструкция особенностей питания древнего населения позволит нам воссоздать хронологию сложения древнейших культурных традиций и биологических адаптаций.

Исследование археологических памятников культуры дзёмон о. Хонсю помогло воссоздать характер питания местного населения, обитавшего на побережье около 10 000 лет тому назад. В состав рациона древнего населения Японии входили различного рода морские беспозвоночные, рыба, растения. Сходная структура питания реконструирована для неолитического населения побережья Охотского моря. И в том, и в другом случае мясо наземных млекопитающих составляет незначительную долю рациона.

Письменные свидетельства указывают на то, что в позднем средневековье (XIII в.) структура питания населения южного Китая также была представлена рыбой, различными беспозвоночными, морским водорослями, конечно же, рисом (Стужина, 1972). Мясо продолжает занимать скромное место среди широкого разнообразия растительных и животных пищевых источников.

Совершенно иная структура питания характерна для другого региона – Передней Азии. Исследования скелетных материалов мезолитической Натуфийской культуры и прекерамического Иерихона Леванта позволили составить некоторое представление о своеобразии типа питания охотников-собираателей Передней Азии 10

000 – 6000 тыс. лет тому назад. На поселениях Натуфийской культуры и РРКА стабильно присутствуют и преобладают кости газели. Для мезолитического Натуфийского населения отмечены величины Sr/Ca соотношения, отвечающие смешанной растительно-мясной пище, при переходе к неолиту (PPNB) наблюдается Территория современных Ирака и Ирана – центральные для решения проблем происхождения производящего хозяйства. К сожалению, сведения, по которым мы можем судить о своеобразии этого населения, типе его питания крайне фрагментарны [Rathbun, 1984]. Определения Ca/Sr соотношения в скелетных тканях индивидов из неолитических памятников Гандж Дарех (5,03) Хаджи Фируз (6,7) дают основания предполагать, что рацион неолитического населения территории Ирана включал, в основном, мясо наземных млекопитающих, растения же были представлены в небольшом количестве.

Исследование изотопного состава скелетных останков людей из ранне-неолитического памятника Чатал-Гюк также указывают на преимущественно мясное питание (Richard 2003). Этот результат особенно важен, так как переднеазиатский регион – очаг древнейшего земледелия.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что древнейшие традиции питания формировались на основе экологического окружения в древних обществах охотников-собираателей представляя собой древнейшие адаптации человечества.

Стабильные пищевые традиции безусловно приводят к формированию специфических биохимических физиологических особенностей (как это доказано для традиций употребления алкоголя, различных видов молочных продуктов). Поэтому можно говорить о новом адаптивном значении традиционных форм питания. Утрата этих традиций в индустриальном и постиндустриальном обществе может явиться причиной развития ряда де-адаптаций. Таким образом, сохранение традиций питания, особенно для регионов, в которых традиции питания поддерживаются на протяжении тысячелетий (как большинство регионов Азии) является важной задачей и путем предупреждения развития многочисленных заболеваний обмена веществ.

ZHUKOVA Irina
(Russia)

(1) The Intellectual Japanese Drama of the XXth century second half

The Japanese singeki-playwrights of the XX th century second half have created the original intellectual drama studying the development of the West and Japanese modern theatre and depicted the needs of own nation.

The most important person of the West theatre for the post-WWII remained Shakespeare who influenced on Kinoshita Dzyundzi

writing aesthetics and minwageki (minwageki = new singeki plays with the use of Japanese folklore motifs) and on Akira Kurosawa films.

The experience of Bernard Shaw and the women protest in his plays have been analyzed by Kinoshita Dzyundzi, Tanaka Tikao, Yamadzaki Masakatsu because of changes in the post-War reality of Japan.

The most of plays by Koyama Yusi, "the Japanese Chekov", and by Tanaka Tikao, "the Japanese Dostoevsky", both grew up on the folk Japanese sibaï theatre (sibaï – the poetic theatre of pictures) are the classics of the post-War singeki.

The background of "The Party for Two Sweethearts" (1956) by Y. Koyama, "The Head of St. Maria" (1959) by T. Tanaka, "The Legends of Giants" (1960) by K. Abe are the thoughts of WWII tragedies and life after the war, of every person behaviour on the behalf of nation and its peaceful and fruitful future.

In the sixties of the XXth century the remarkable Japanese genre of the mental documentary and biographical drama had appeared. ("The Japanese Man by the name of Otto", 1961, by D. Kinoshita – about the informer to the intelligence officer Rihard Zorge and "Dzeami", 1963, M. Yamadzaki – about true facts of dramatic love of Great Noh Theatre playwright Dzeami that influenced on the 101 psychological masks' creation by him). Since 1963 French "Dzeami" prime theatre critics agreed that the Japanese dramatist Yamadzaki Masakatsu is the founder of intellectual World drama and Theatre of the XXth century.

Singeki drama of the last fifty years' period is the mirror of the Japanese mentality and relations' changes and the responsibility of the nation for the past and future ("The Blind Young Man", 1968, of Mishima Yukio).

At the same time the tradition Kyogen and Kabuki theatre been also developing into New Kabuki when to the traditions' contrast the audience watched the individual characters in the so called "kindzyogeki" plays.

On the way of emotional relations between characters singeki dramatists showed the importance of intelligence, understanding and taking care among people ("The Chekov Family", 1998, Yagi Syuichiro).

(2) About new formula of tanka and haiku, the Japanese poetic classic genres at the dawn of the XXI century

In the process of translation of the Japanese verse into English and of the Anglophone haiku into Japanese the scholars in Japan advise the haiku syllabic form as 8-8-8 semantic syllables in Japanese but not as 5-7-5; for tanka – in English 21 phone-syllables but in Japanese the total syllables will remain 31.

In Canada the native poets who write tanka in English do them in 19 and 22 syllables and haiku – from 13 or 15 to 14 or 18 syllables. But Canadian Japanese poets make tanka in 37 syllables and haiku

as 8-8-8 or in 17 syllables. The Japanese poets make tanka in English in 22 or 29 syllables and haiku – in 13 syllables.

In Yugoslavia haikuists get texts in 13 or 17 syllables and in Australia, New Zealand and Singapore, Romania – in 12 syllables. But in India, Sweden, Norway and Netherlands haiku in English have 13 syllables; in USA haiku are from 11 to 14 syllables.

The tankaists and haikuists make their texts in English following its classic philosophy and the poetic methods typical to the Japanese traditional genres but keeping in mind the multi informative modern imagery in the XXI century.

Жукова И.В
(Россия)

**(1) Интеллектуальная и психологическая
драма Японии
второй половины XX века**

Интеллектуальная драматургия театра сингэки («новая драма») в Японии XX в. оформлялась в результате изучения психологических шедевров русской и в соотношении с европейской теорией композиции и конфликта с национальными истоками зрелищной и музыкальной эстетики, с классической литературой.

Поэтому опыт европейских драматургов необходим для поддержки самостоятельного развития японской драмы сингэки. Так Шекспир являлся вечным центром притяжения японского послевоенного театра: Если в японских пьесах довоенного реализма (Кубо Сакаэ, Киносита Дзюндзи и т.п.) отображено движение истории, а не человека в нём, то после войны важным стало мастерство Шекспира проникать в психологию героев и умение оттенять или гармонизировать их эмоциональное состояние через описание или функцию пейзажа, поэзию речи героев даже злодеев. Шекспир явился примером для создания монологов в системе сценического партнёрства на японской сцене и в японских радиопьесах. Шекспир же явился тем примером практика, который своим сочетанием народной музыки и близости героев природе, становился почти японским: ведь естественная стихия природы и человеческих страстей часто являлись причиной конфликта или гармонии в японской классической литературе, поэзии, изобразительном искусстве, а главное – отражали вечный процесс потерь и приобретений в человеческих отношениях. По всей Японии шли пьесы Шекспира в 60-70е годы XX века, как впрочем и на сценах мира.

В японской драматургии послевоенного реализма и в радиоэфире США, Юго-Восточной Азии с конца 40-х годов мгновенно завоевали популярность минвагэки Киносита Дзюндзи, являвшегося по образованию специалистом английской литературы эпохи Возрождения.

Опыт интеллектуальной драмы Шоу и бунт женского самосознания также исследованы Киносита Дзюндзи. Но для японских

драматургов: Кояма Юси, профессионального музыканта, и Танака Тикао, буквально выросшего на поэтическом театре Бертольда Брехта, (творчество обоих сложилось своеобразно ещё в довоенное время) опыт мировой драмы – лишь база.

“Бал для двоих” Кояма Юси показывает, как складываются разные судьбы героев всех поколений и всех социальных слоёв в Японии в период после войны – в 60-е годы. Русский читатель может удивиться тому, как в Японии в условиях ускоренного капиталистического развития, благодаря несгибаемой воле японских женщин, стойкости и мужеству любящих сердец, душевной деликатности и романтической музыкальности героев Добро в обыденной жизни, а не на полях боевых сражений, побеждает Зло, косность. Война и жизнь в Японии после поражения в ней – лейтмотив размышлений чеховских героев на японской почве: быть в своём “футляре” обоченного семейного круга или выстраивать и самовоспитание и воспитание собственных детей в активной интеграции в мир, набирающий бешенную скорость экономического и промышленного развития. “Японский Чехов” Кояма Юси и “японский Достоевский” Танака Тикао, как их называет японская критика, представлены во втором томе книги своими пьесами впервые; пьесы Танака Тикао “Голова девы Марии” и построена в духе поэтического театра, получившего распространение в Европе и Японии ещё до войны, хотя в ней герои, пережившие последствия японской трагедии Хиросимы и Нагасаки, решают гуманистические и философско-религиозные вопросы в обществе, отвернувшемся от тех, кто волею судеб и нездоровья нуждается больше, чем кто-либо в социальном и человеческом внимании к себе. Творчество обоих драматургов требует ещё своего перспективного изучения в отечественной японистике, но в историю японского театра оба вошли пьесами, упомянутыми выше и впервые переведёнными на русский язык.

Интересно, что даже историко-документальная и историко-биографическая драматургия в Японии в сравнении с документальным драматическим сценическим жанром в СССР, странах социализма или капиталистических странах Европы всегда оставалась, прежде всего, драматургией психологии японской нации, её меры ответственности перед прошлым и настоящим, перед будущим национальной и мировой культуры (“Японец по имени Отто” Киносита Дзюндзи (о препятствующей роли японской интеллигенции фашизации гражданского сознания, которая и явилась причиной работы в группе Рихарда Зорге) и “Дзэами” Ямадзакис Масакэ (о трагической любви драматурга театра Но – Дзэами, вызвавшей оцепенение и холод его души, выразившиеся в уходе от реальной жизни в мир психологических театральных масок, которых он спроектировал более ста для своих пьес и спектаклей по ним. Именно таким образом театр Но выплеснулся в народный театр простых японцев, цитирующих его пьесы в своих народных праздниках, именно таким

его знают иностранные зрители). Французская критика увидевшая пьесу "Дзэами" в 1963 году единодушно высказалась, что Ямадзаки Масакацу открыл настоящую интеллектуальную драматургию и театр.

Размышления о том, каковы настоящие отношения между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми, сравнение поколений родителей довоенной и послевоенной психологии в их отношении к детям в Японии всегда ищет в своём творчестве Мисима Юкио. Его короткая, но ёмкая пьеса-приговор переломным моментам в национальной психологии "Слепое сердце" (в оригинале "Слепой юноша"), является ключом-отгадкой всего зашифрованного определённой программой терзаний и размышлений творчества Мисима Юкио и как прозаика, и как драматурга.

Большая часть японской послевоенной драматургии создана в жанре семейной драмы, так как тема семьи – наиважнейшая для японского народа и как атмосфера самосовершенствования и любви, и как система преемственности морально-этических, исторических и культурных ценностей. Пьеса "Легенда о великанах" Абэ Кобо – размышление о реалистичном гражданском и человеческом равнодушии не только в обществе, но и в самых простых семьях накануне и в период второй мировой войны, возмущение моделью агрессивного национализма, ставшей основой системы народного образования с октября 1890 года. Страх мужчины-карьериста подержать родного сына, дезертировавшего из армии, где над солдатами издевались, общая паника сельчан быть уличёнными в сострадании как соучастники дезертиру, меркантильное поведение японской крестьянской женщины во вред отношениям с собственным сыном – результат государственного воспитания, как и идеология камикадзе в годы войны.

До глубины души трогает японцев биография русского писателя Чехова в пьесе "Семья Чехова" Яги Сюитиро, который слишком рано стал единственным, кто обеспечивал всю семью взрослых, и не познавшим настоящего мужского счастья. (Об этом в Японии довольно много исследовательской литературы, в которой каждый новый японский автор непременно называет Чехова "мой Чехов").

Выводы. Интеллектуальная и психологическая японская драматургия второй половины XX века каждые десять лет отражала изменения в национальной истории и судьбах японцев и с выходом двухтомника «Антологии японской драматургии второй половины XX века» в 2003-2004 годах, надеюсь, многое меняет в понимании и восприятии как всемирной истории, так и места Японии в ней.

Интеллектуальная и психологическая драма «сингэки» в Японии второй половины XX века, оставаясь в традиции поэтического театра, явила миру «японского Чехова» (Кояма Юси) и циклы пьес о Чехове (Яги Сюитиро), «японского Достоевского» (Танака Тикао), основоположника интеллектуальной мировой драмы (Ямадзаки Масакацу), радиопьесы-минвагэки на основе японского фолькло-

ра Киносита Дзюндзи способствовали объединению народа в Японии и пониманию его за океаном. Даже историко-документальная и историко-биографическая драматургия в Японии в сравнении с Западом всегда оставалась историей психологии японской нации, её меры ответственности перед прошлым и будущим национальной и мировой культуры. (Абэ Кобо). Особенность пьес этого периода в том, что, независимо от тем и высоты проблем, они созданы в жанре «семейной драмы».

(2) О новых определениях танка и хайку

в японской поэтике в начале 21 века и

всемирная практика англопишущих поэтов хайку и танка

На основе переводческой работы японской поэзии на английский язык, а также англоязычных хайку на японский поэт-переводчик хайку Джуди Ёнэока, работающий в содружестве с переводчиком Ричардом Гилбертом, считают, что сегодня для хайку наиболее фундаментальной силлабической формой является не 5-7-5 морфем-слов, а 8-8-8. (См. их статью "От 5-7-5 к 8-8-8" в ж-ле №19 "The Tanka Journal", 2002, Tokyo).

В теоретическом и практическом споре по поводу формы танка в переводе с английского на японский и наоборот особенно важно учитывать, что результатом любых усилий перевести английский текст в 20-21 фоновослог, например, сонетов Дж. Китса, на японский язык будет 31-морфема-слог, т.к. все слоги японского языка – семантические морфемы. Это мнение Эйсуке Сики, основанное на ряде подобных экспериментов. Он считает, что для англо-пишущих поэтов и англо-говорящих читателей танка по-английски должна составлять 21 фоновослог, поскольку это наиболее практически приемлемый мост к пониманию и переводу английского текста танка на японский язык, а японская танка всегда будет в форме 31 семантического слога, что обусловлено различными законами функционирования двух языков. (См. тот же ж-л, №№1-7, 18, 19, Токио. 2002).

Если, например, исследовать танка и хайку канадских англопишущих поэтов, то Марианна Блюгер приблизилась к канонам жанра танка, создавая тексты в 19 и 22 фоновослогов и в 24, 25 фоновослога (редко в 27); тексты хайку М. Блюгер – от 13 до 15 фоновослогов и от 14 до 18.

Канадская поэтесса хайку по-английски Уинона Бэйкер создаёт тексты, ограничиваясь фоновослогами в количестве от 15 до 17 и от 12-13 до 18.

Японские канадцы пишут танка по-английски в 37 фоновослогов, а японские поэты в Японии пишут хайку по-английски, как правило, в 13 фонем-слов; танка- в 22 или 29 фоновослога.

В Югославии хайку по-английски составляют в 2003 году 13-, 15, 17 фоновослогов; в Австралии, Новой Зеландии и Сингапуре текст англоязычных хайку – в 12 фоновослога, а в Румынии от 10 до 12.

Форма англоязычных хайку поэтов из Индии, Швеции, Норвегии и Нидерландов – в 13 фонем-слогов английского языка.

Хайку американских поэтов в связи с различиями произношения и другими особенностями литературного английского городов соответственно составляют текст: в Чикаго – от 11 до 14 фонослогов; в Калифорнии – от 11 до 13, в Нью-Йорке – от 12 до 14 фонослогов.

Англоязычные поэты танка и хайку стараются создавать тексты с учётом их эстетики и приёмов, однако удачнее других японская критика признаёт произведения канадских поэтов, которые при этом совмещают приёмы танка с приёмами написания хайку.

АСАДОВ Фарда

(Азербайджан)

Проблемы интеграции Запада

в зеркале конфликтов в мусульманском мире.

Авторы и сторонники идеи цивилизационных конфликтов как важнейшего фактора развития, доминирующего в современную эпоху, исходят из целостности Западной цивилизации как неоспоримой данности. В эпоху после Холодной войны самым глубоким конфликтом считается противостояние Запада и мусульманского мира. Однако противостояние с социалистической системой в период могущества СССР также рассматривалось как процесс мобилизации ресурсов Запада перед угрозой социалистического Востока, и у каждой из противоборствующих сторон были свои союзники в мусульманском мире.

В настоящем исследовании делается предположение о природе конфликтов в мусульманских странах и о противостоянии с мусульманским радикализмом как проблеме интеграции Запада. Изучение аргументации идеологов единой западной цивилизации позволяет обозначить две модели, или две тенденции консолидации западной цивилизации: система во главе с государством-лидером и система интегрированных управленческих структур при постепенном сокращении роли национальных правительств.

Однако совершенно очевидно, что в современной системе экономических и политических отношений интеграционные процессы в Западном мире становятся проблемой глобального значения. Интересно провести оценку ситуации Холодной войны и начала крупномасштабных конфликтов на Ближнем Востоке с точки зрения развития и динамики отношений двух моделей западной интеграции.

Признание наличия двух альтернативных моделей предполагает и наличие арсенала и методов их взаимодействия и борьбы. Конфликты усиливают значение военного потенциала в процессе консолидации и безусловно дают преимущество предполагаемому государству-лидеру – США. Особым индикатором явилась первая

война в Заливе, которую многие аналитики расценили как преобладание фактора военного превосходства США над экономическим потенциалом Европы.

Было бы неправильно расценивать взаимодействие двух тенденций западной интеграции исключительно как фактор нагнетания противостояния и напряженности в мире. Поле для интеграционных процессов на Западе было создано укреплением экономической базы западных обществ и высокими технологиями, демократическими методами политического управления, либеральными принципами регулирования экономики и развитием механизмов общественного контроля.

Страны остального мира, будучи вовлечены в противоборство двух тенденций составляют арену глобального и сложного взаимодействия различных интересов и тенденций и обретают возможность ускоренного решения таких своих проблем, как авторитаризм управления, масштабная коррупция, непрофессиональное управление ресурсами, гарантии человеческих свобод. Однако для обеспечения такого позитивного эффекта глобального процесса интеграции необходимо усиление влияния современных принципов жизнедеятельности западного общества – принципов демократического управления и общественного контроля – не только в процессах внутри Западного общества, но и применительно к взаимодействию Запада и остального мира.

Таким образом две тенденции западного интеграционного процесса и их противоборство являются нормальным историческим развитием, перерастающим в глобальный процесс. Эти две тенденции не только противоборствуют, но и взаимодополняемы в интересах более широкого взаимодействия. Особенностью современного глобального процесса можно признать присутствие механизмов саморегуляции в виде демократических институтов. Важнейшей гарантией позитивного эффекта этого процесса для западных обществ является признание их общественных ресурсов в качестве равноправных партнеров соответствующих западных демократических институтов. Иными словами, партнерами и факторами, равноправно действующими в этом глобальном процессе, должны быть наряду с правительствами, международными организациями и гражданским обществом на Западе, также и институты гражданского общества в остальном мире. Глобальное взаимодействие институтов гражданского общества становится важнейшим фактором регулирования и стабилизации конфликтов различных интересов западных и незападных политических сил, правительств и экономических групп. И наконец, немаловажно отметить, что понимание Западной интеграции и ее проблем как важнейшего фактора глобальной исторического процесса опровергает концепцию цивилизационных конфликтов как основной закономерности современных международных отношений.

ДЖАМБИНОВА Р.А.

(Россия)

**Литература и фольклор
как две эстетические системы**

Эта проблема издавна привлекала внимание исследователей, как и науки о литературе в целом. Роль фольклорно-эпических и письменных литературных традиций в разных жанрах калмыцкой литературы рассматривались литературоведами Калмыкии. Следующий этап изучения проблемы? типология, подходы к ней в национальном литературоведении уже определились. Актуальность ее очевидна в условиях поиска своих корней и истоков, национальных ценностей, осознания непрерывного духовного развития народа, развития идеи преемственности в художественном творчестве.

1. Нами предпринята попытка специального рассмотрения органичного вхождения фольклорного мышления и изобразительной системы в реалистические произведения, т.е. специфики национальной поэтики на всех этапах развития прозы XX века. На наш взгляд, роль национальной художественности по-разному проявляется даже в пределах одного произведения (М. Нармаев "Черноголовый журавль" (1972-1983).

Такая закономерность во многом характерна для калмыцкой литературы в целом. Хотя, как показывают наши исследования, этот процесс, при всей своей общности, имеет и существенные различия. Так, характер поэтики фольклора в повествовательных структурах в 80-е и 90-е годы во многом отличается от 60-70-х и тем более – от 20-30-х годов. Общая закономерность использования и трансформации фольклорной поэтики проявляется в двух основных направлениях (по принципу типологического сходства и различия). В центре же процесса – художественная мера, которая зависит от многих факторов принципиального характера. Однако, продвигаясь в глубины народного мышления, писатели (поэты и прозаики) отказываются от некоторых непродуктивных для современного искусства механизмов фольклорного мышления.

2. Сегодня заметна тенденция углубления в "текст" национальной литературы, что ведет к осмыслению национальных истоков, почвы, национального менталитета. Нами поддерживается концепция рефлексивного традиционализма, предложенная академиком С.С. Аверинцевым. В ситуации нового времени продуктивным является более глубокий и разносторонний взгляд на "национальные образы мира", отраженные в литературе.

Литература Калмыкии XX века создается вне фольклорной стихии, но на глубинной основе традиции. Объективное представление о формировании, становлении и развитии литературы может возникнуть лишь при исследовании проблемы взаимодействия литературы и фольклора, его способов и принципов, т.е. выяснения критериев художественности, что и ведет к изменению системы. Именно тогда возможно говорить о новаторстве в литературе.

Как известно, традиции и новаторство – основополагающие понятия при рассмотрении парадигмы художественности. Приоритет принадлежит тем авторам, которые проявляют интерес к особенностям национального миропонимания народа. Не случайно они широко обращаются к мифологии, фольклору и эпосу, одновременно с освоением опыта российской и мировой литератур. Целенаправленно используя и переосмысливая в своем творчестве художественно-образительные средства фольклора и эпоса, многие писатели освоили и закрепили фольклорно-эпические традиции национальной художественности как стилевую черту зрелой прозы. Индивидуальный стиль этих писателей способствует сегодня изменению художественной нормы.

Закономерность связи их творчества с народными представлениями о мире, традициями, обычаями, сложившимися в эпической памяти народа, его национальном самосознании ярко выразились в их романном творчестве 60-90-х годов.

Такого рода стилевая закономерность сложилась не вдруг; она связана с последовательно сменявшимися этапами развития прозы. Фольклор как первооснова художественного сознания народа, сам, являясь народной литературой, и сегодня обогащает ее художественный мир во многообразии его составляющих.

Фольклорно-эпические традиции сказываются на особенностях типизации, формах идейно-художественной реализации авторской идеи, национально-определенной позицией автора, которая формируется временем, национальной традицией и авторской индивидуальностью, становится сегодня решающим фактором концепции художественной литературы.

Таким образом, процесс взаимодействия фольклорных и литературных традиций сыграл особую роль в развитии калмыцкой литературы, художественный мир которой вбирает в себя образы, проникнутые народной ментальностью, свойственной мировосприятию народа, а истоки восходят к его богатому фольклорному и эпическому наследию.

САРТИКОВА Е.В.**Образование как фактор "выживания"
малочисленного народа
в современных условиях**

Потребность в исследовании названной темы диктуется объективными условиями развития малочисленных народов в российском государственно-политическом, экономическом и культурном пространстве. Глубокий кризис, переживаемый Россией в сфере межнациональных отношений, с чрезвычайной остротой ставит как задачу изучения уникальной по своей сложности специфики российских народов, так и анализа политико-мировоззренческих меха-

низмов в целях понимания природы этого кризиса, а также поиска выхода из него в том числе и на основе исторического опыта.

Речь идет о необходимости выработки "концепции выживания" малочисленных народов в современных нивелирующих условиях. Отсутствие такой концепции лишает современную национальную политику России компаса, превращает ее в противоречивый процесс разрозненных сугубо прагматических действий по "гашению" острых, "неожиданно" возникающих конъюнктурных ситуаций.

При выработке новых концепций почти всегда камнем преткновения становится вопрос о наличии смыслового соответствия между информационным запросом автора и возможностью получения адекватного ответа на него. Применительно к теме исследования ответ может быть только отрицательным, если оставаться в рамках традиционного подхода к истории народного образования. Поэтому, кстати, избранная проблема не ставилась в науке, хотя ее актуальность бесспорна.

Чтобы понять вышестоящий вопрос, перечислим факторы, обеспечивающие сохранение (выживание) малочисленного этноса, указывая в каждом случае информационную базу исследования. Воспроизводство малочисленного этноса обеспечивается:

- компактностью его проживания. Разобщение народа угрожает его существованию. Надежной основой для анализа является в данном случае демографическая статистика – дореволюционная и советская. В ней есть пробелы, но в целом она создает достаточно полную картину.

- национально-культурной автономией, легче всего достижимой в условиях национальной государственности. Здесь можно воспользоваться сравнительно-историческим анализом наиболее существенных документов конституционного характера.

- адаптацией народа к условиям существования в многонациональном государстве. В связи с этим анализируется двуязычие как билингвизм, письменность (смена алфавитов) и другие вопросы. Источники и литература дают здесь достаточную основу для обобщений.

- способностью малочисленного этноса к нахождению своего места (ниши) в решении общегосударственных задач. Это возможно лишь при опоре народа на свой специфический опыт, благодаря которому он вырабатывает профессиональные навыки и умения, необходимые для "обмена деятельностью" с другими народами и прежде всего с народом – создателем общей государственности. Воспроизводство же и совершенствование этих навыков и умений по мере общего роста цивилизации все больше зависит от развития системы общего и профессионального образования.

Из всей совокупности анализируемых общероссийских функций калмыцкого народа, имеющих практическое значение (и, соответственно, функций народного образования) упомянем две, имеющие давнюю традицию: животноводческая специализация в

экономике и роль в защите южных границ России. Естественно, в системе образования и воспитания учитывались эти функции.

Такова в целом содержательность обстоятельств, образующих механизм "выживания" малочисленных этносов в составе большого многонационального государства. Совершенно очевидно, что народное образование является одним из важных факторов рассмотренного выше сложного механизма.

Таким образом, в центре внимания автора образование населения как общепринятое человеческим сообществом средство "подключения" к мировому цивилизационному процессу. Этот процесс оценивал всю систему по тому, как данное ею образование, знания позволяют овладевать возможно большим числом умений и навыков и демонстрировать их через накопленные знания.

ALQUWAIZANI Mohammed

(Saudi Arabia)

Orientalism(s):

The Ahistoricity of a Historical Concept

Most of the variations concerning the scope of orientalism arise from the different approaches to defining the term: from Said's ahistorical discursive process, to Kathryn Tidrick's strong historical conceptual evolution.

Criticism of orientalism has taken a new turn with Edward Said's Orientalism, but one should not limit oneself to his perspective in studying the field. Therefore, there is a need for investigating an approach to orientalism that frees itself from the Saidian binary opposition. The pre-Saidian period in the criticism of orientalism is characterized mainly by religious overtones that link orientalism to missionary activity. Said's politicization of the term has turned attention to other forms of writings about the Orient (non-literary writings) in order to establish their relationship to and influence on colonialism. After Said's Orientalism there were two approaches to orientalism: to see it, like Said, as a unified discourse that aims at subjugating the other textually before it is subjugated by the colonial system, or to see it as a term that does not constitute a single meaning or implication, encompassing all attempts to represent the Other (mainly the Orient). This latter school of criticism does not overemphasize the connection between orientalism and colonialism, but rather questions Said's definition of orientalism by accounting for authors that do not fit Said's definition, framework, or treatment of orientalism.

Arab authors (such as Muhammad al-Bahi, Ibrahim al-Labban, Ahmad al-Shurbasi, Najib al-Akiki, Mustafa al-Siba'i, and many others) posit that orientalism is closely linked to the historical East-West animosity, and therefore, is doomed to be always plagued by the power relations between the two worlds. Others, (such as Taha Hussein and Jaber Asfour) maintain that the field is characterized by a will to know that (despite its falling sometimes under the strong grip of imperialism)

is not to be confused with the politics of the East-West relations, and must be studied as a pure scholarly attempt to "discover" the orient, an attempt that must be capitalized upon to further cultural dialogue and hybridity.

I do not merely wish to discuss the differences in defining the term orientalism, but rather to relate these differences to the more important theoretical question of the historicity of the concept.

The paper aims at discussing/problematising the following questions:

- What are the theoretical limitations of both concepts (historicity and ahistoricity)?
- How does each view represent itself in the larger discussions of the orientalist archive?
- Based on the historicity question, what discursive models are offered as prototypes for a distinct critique of orientalism in the West and among Arab authors?
- What frameworks are provided by Third-World critics for the criticism of orientalism?

MYRZALIEVA Nadira
(Kyrgyzstan)

North-South Division in Kyrgyzstan

In 2002 the actions by members of the Aksi community were helping to shape and construct social and political thought throughout the Southern region. I intent to illustrate how the developments in the Aksi community and political opposition leadership, whose specific goal was removing the current president, Askar Akaev, exemplifies what Castells refers to as project identity. First, I will give a brief historical description leading up to today's current political crisis. Second it is important to address Castells's theoretical framework on identity construction. Third, I will address the issue of division-how Kyrgyzstan's Northern and Southern regions are becoming more segregated.

On March 17 2002, security forces clashed with protestors in Aksi leaving five dead and injuring 61. According to Alisher Hamidov, currently a Muskie Fellow graduate student at the Joan B. Kroc Institute of Peace Studies at Notre Dame University, the specific cause for the Aksi confrontation is Beknazarov's arrest in January, human rights advocates say. Many believed the parliament member's jailing was politically motivated, spurred by Beknazarov's fierce criticism of a government plan to transfer territory to China to settle a lingering border dispute. Further, to explain recent episodes of activism in the Northern capital of Bishkek, which included daily marches and gatherings of opposition leaders and protestors, human rights reporters claimed "the bloodshed is the culmination of months of government attempts to curtail freedom of expression".

Just as America will never be the same after September 11, Aksi

won't either. Castells describes project identity "when social actors, on the basis of whichever cultural material are available to them, build a new identity that redefines their position in society and, by doing so, seek the transformation of overall social structure". I hypothesize leaders of the opposition movement and participants of the protests identity is being reconstructed, not on the basis of civil societies, but as continuation of communal resistance. The search for meaning takes place in the reconstruction of defensive identity around communal principles.

Before the Aksi events took place, division between the North and South already existed. Many residents of southern Kyrgyzstan feel that Akaev's government favors the northern political clans. Failure of the government to charge those responsibilities for the murders in Aksi has further increased tension between the regions and prompted mass protests in the capital city. Opposition newspapers were daily reporting how police are illegally detaining and arresting marchers; one report even claimed people were being questioned if they spoke in a southern dialect. The dialogue is becoming even more separatist. At that times there was a petition being discussed by the opposition leaders that proposes Jalalabat, Batken and Osh Oblasts (the Southern regions) collectively becoming Southern autonomous region.

Methods

The majority of my research analysis will come from primary and secondary sources. Primary sources will include: interviewing Aksi residents and political leaders from the community. Secondary resources will include examination of newspaper articles, furthermore, I intent to investigate photos of the protesters and victims that have suffered during this period. I intent to read all of the necessary articles to further establish the link between Castells's writings on project identity and the Aksi social movement.

Conclusion.

The future of Kyrgyzstan's political structure is being decided upon each day. The next presidential elections will be held in 2005. It remains to be seen how present social activism/movement will influence the government's current position and policy. However, one thing we can say is-Kyrgyzstan has never witnessed before, on such a grand scale, a demand for change. The world is constantly being recreated, as well as Kyrgyzstan.

GUIMARAES Angela
(Portugal)

Constitutionnalisme au Portugal

Le principe de la monarchie constitutionnelle a ... par le Roi Jo...o VI, suite ... la revolution liberale de 1820, dirige par des ... lites civiles et militaires. La premiere Constitution portugaise a t ... proclamé en 1822. ...

Dans leur lutte, les partisans du constitutionnalisme portugais ont reçu l'appui d'autres groupes révolutionnaires d'autres pays comme la France, l'Angleterre, la Grèce, l'Espagne, l'Italie... La guerre civile qui se déroule au Portugal entre les constitutionnalistes et les absolutistes déclenche des réactions assez fortes dans tous les pays d'Europe occidentale.

PELEVIN Mikhail

(St. Petersburg)

Early Afghan poets in Mughal India

Authentic manuscripts in the Afghan language as well as reliable information from other sources point to the fact that among pioneers of Pashto written poetry was Arzani Khweshkay (d. after 1601/02) who descended from a family of Afghan settlers in India and around 1560 appeared in Eastern Pashtunistan to join Roshani religious movement. Collection of his verses largely written after the poet had returned back to India is now considered to be the first Divan in Pashto.

In the second decade of the XVII-th century a part of the Roshani community emigrated to India where its chiefs acquired jagir lands to the north-east of Agra along the Ganges and established their administrative center in a small town of Rashidabad. There emerged a productive literary circle which included a number of talented men of letters with the poet Mirza Khan Ansari (d. 1630/31) at the head. Noteworthy contribution to early Pashto writings is to be found in the works of Rashidabad's residents Dawlat Lohanay (d. after 1658), Karimdad Bangash (d. after 1646/47) and ?Ali Muhammad Mukhlis (d. after 1648). The latter asserts that his close relatives wrote poetry too but only short specimens of their verses are available now. Outside Rashidabad literary circle stayed Wasil (d. after 1648) who provided the author of Dabistan-i mazahib, probably an Indian Zoroastrian, with material on Roshani beliefs. Generally abstract by nature Roshani mystical poetry has few signs of presence of Indian realities in it. As a rule these are mainly Indian toponyms which show geographical boundaries of life and travels of the poets. However among standard Sufi meditations one may occasionally come across critical remarks on Hindu festival Holi, reproaches to an unnamed Jat, a touching account of massacre during a war campaign of the Mughals in Deccan in 1630, or enumeration of local plants and agricultural products.

Scarce facts from the predominantly religious verses of other early Pashto poets who lived in their homeland and did not belong to the Roshani community indicate that at least one of them – 'Abd al-Karim (d. 1661/62), a follower of the Chishtiyya brotherhood, – visited Ajmer and Agra, Chishti centres in India, where he composed some pieces of his alphabetic poem (alif-nama).

Much more explicitly Indian experience is reflected in the secular and extremely personal lyrics of the tribal chief Khushhal Khan

Khatak (1613-1689). During the Shahjahan's reign Khushhal several times had come to India to perform military services as a Mughal vassal, but in 1664 after Aurangzeb ascended to power he was charged with disloyalty, arrested and imprisoned in a Jaipur fortress for more than a year. Poet's positive impressions of former journeys to India in a rank of imperial officer resulted in two odes – a short historical sketch of Delhi and praises to an emperor's summer palace, – while later his feelings of a humiliated prisoner were expressed in a much greater number of poems which contain curious observations about daily life at the Mughal court and in the prison.

ЕЛИХИНА Ю. И.

(Россия)

Московские серебряные печати из коллекции Гос. Эрмитажа

В коллекции Эрмитажа хранятся 16 монгольских серебряных печатей XVII – начала XX века. На печатях содержатся подписи на китайском, маньчжурском и монгольском языках. Подобные печати хорошо известны по публикациям, но в научный оборот до сих пор не введены. Такие печати выдавались монгольским чиновникам (сайдам), управляющим хошунами (дзасакам), их помощникам (дзахирагги) и хутухтам. Хутухтами в монгольской традиции называли и светских и духовных лиц. Серебряные печати представляют собой памятники письменности, истории и культуры монголов XVII – начала XX века.

IMAMUTDINOVA Z.A.

(Moscow)

Phenomenology of the Musical Rhetorics of Qur'an

The tradition of the Qur'an recitation is considered in an aspect which is new for both the Russian and foreign science that of musical rhetorics. An idea of the Islamic musical rhetorics is introduced (as opposed to the Moslem one); a methodology of analysis is elaborated. The Qur'anic musical rhetoric figures are classified: 1) according to verbal rhetoric figures (as systematized and interpreted by the Arab/Persian medieval science – *'ilm al-balāgha*) and 2) by specific musical parameters.

Имамутдинова Зия

(Москва)

О феноменологии музыкальной риторики Корана

В докладе традиция мелодизированного чтения Корана рассматривается в новом как для российской, так и зарубежной науки ракурсе – **музыкальной риторики**.

Существующие работы по проблеме «Коран и музыка» – немногие монографии и статьи зарубежных исследователей (Н,

Farmer, H. Touma, al-Faruqi, K. Nelson, др.), российских специалистов (А. Джумаева, Т. Джани-заде, Г. Сайфуллиной, В. Юнусовой) – освещают общие вопросы отношения Корана/ислама к музыке и характеризуют по-разному стилевые особенности коранического чтения: интонационность, ритмику, синтаксис.

В докладе дается обоснование понятию **исламской музыкальной риторики** (введенное впервые в кандидатской диссертации и монографии автора данного сообщения), противопоставляемое *мусульманской*, разрабатывается методология анализа. Под исламской подразумевается музыкальная риторика **Корана**, сводящая воедино многообразие этно-региональных традиций (мусульманской – риторика в светских формах музыки в *дар-аль-исламе*/мире ислама).

Феноменология исламской музыкальной риторики определяется изначально сакральной спецификой собственно исламской риторики, т.е. текстуальными особенностями Корана. Наука риторики/ 'илм ал-балāга в исламе исходит во многом из теории и 'джаз – «неподражаемости» Корана (см. работы Д.В. Фролова). Анализ поэтических фигур и троп из Корана стал основой важнейшего для арабо-персидской поэтической традиции учения *бади'* (учение о фигурах), которое входит, наряду с 'илм ал-ма 'ани (учение о значениях) и 'илм ал-байан (учение об изъяснении), в науку риторику.

Работы отечественных (А. Крымского, И.Ю. Крачковского, др.) и зарубежных (J.H. Garcin de Tassy, J. Wansbro-ugh, Хадайя Элиас Абдуль-Масих) востоковедов, переводы (Н.Ю. Чалисовой с персидского, содержащие ценнейшие комментарии) позволяют судить о своеобразии исламской риторической науки. Основопологающие у арабов труды ас-Саккаки (ум. 1229), ал-Джурджани (ум. 1078), персоязычный трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии» (XII век) Рашида ад-Дин Ватвата ярко демонстрируют отличие предмета исламской риторики от античной, в частности, в вопросах формы. Учение о форме в риторике греков и римлян было призвано обеспечить структурную отточенность и кульминационную направленность речи (столь важные в суде, определяя жизни). В арабо-персидской традиции внимание фокусируется на мельчайшей композиционной единице – бейте; происходит растворение проблем крупной формы, не выливающиеся в трактатах в отдельные, самостоятельные разделы. В докладе развивается мысль об обусловленности этого композиционными особенностями Корана, в котором определяющую роль играют принципы вариантности и вариативности, идеи поступательности и процессуальности.

Таким образом, с позиций исламской риторики в данном исследовании основной и самостоятельной задачей оказывается выявление музыкально-риторических фигур и их классификация. В качестве **музыкально-риторических фигур** в Коране выступают мелодические формулы, отличающиеся характерной выразительностью, соединяющиеся со словом и независимые от него.

Музыкально-риторических фигуры разделяются – соответственно собственно риторическим фигурам – на: 1) *смысловые*, 2) *«украшающие»* и 3) *сочетающие эти функции* («прекрасные имена Аллаха»).

Музыкально-риторические фигуры классифицируются по музыкальным параметрам: характеру интонационного рисунка, наличию (соответственно знакам **ат-таджвида** – науки и искусства чтения Корана) либо отсутствию распева, по расположению в аятах (наименьшая кораническая композиционная единица), функциям в сурах (главах) и Коране в целом. Формируемые при интонировании музыкальные смыслы дополняют и по своему «комментируют» кораническое Слово. Музыкальные формулы вовлекаются в систему текстуальных повторов – словесных, создавая свою систему связей, усиливают либо ослабляют звучание сквозных рифм. Такое движение музыкально-риторических формул создает особый план, привнося дополнительно специфические орнаментальные качества в арабскую просодию и воплощая в Звучании идею «неподражаемости» Корана.

Музыкально-риторические нормы, диктуемые в настоящем арабскими и египетскими чтецами Корана и проистекающие, в частности, из макальной стилистики, адаптируются в различных культурах, что рассматривается в докладе на примере Урало-Поволжской тюркской традиции (татар и башкир).

DMITRIEV Sergueï

(Russia)

**La capital de Han Antérieur d'après de
"L'Ode de la capital Occidentale"
(Hsi chingfu) de Tchang Heng (78-139)
et les données archéologiques**

Des problèmes de la ville de l'époque des Hans sont assez peu abordés dans l'historiographie européenne. Cependant, les fouilles qui avaient été conduites pendant les derniers cinquante ans par les archéologues chinois, ont donné beaucoup d'information précieuse sur les aspects différents de l'existence de la ville à cette époque.

Les travaux à Ch'ang-an étaient, en générale, terminés vers la fin des années 1950. Ch'ang-an qui avait été fondée par Han Kao-tsu (Liu Pang) en 202 av. J.-C. était la capitale principale de la Han Antérieure et la capitale secondaire de la Han Postérieure. Heureusement, les dynasties médiévales (à l'exception, peut-être, de Wei), qui installaient leurs capitales aussi à Ch'ang-an, n'avaient pas ni temps, ni possibilité pour des grands travaux de construction, et les bâtiments de l'époque des Hans, en générale, n'étaient pas remplacés par les plus tardives. En 582, Yang Chien (Wen-ti), le premier empereur de la dynastie Sui, a fondé la nouvelle capitale, Ta-hsing (plus tard rebaptisée Ch'ang-an), vers le sud-est de Ch'ang-an ancienne, et la ville qui était déjà presque

abandonnée et ruinée, a terminé sa existence. Donc nous avons une possibilité unique d'étudier la structure de la capitale impériale telle qu'elle était au début de notre ère.

Il nous semble intéressant de vérifier et compléter les données archéologiques par l'information d'une source écrite, «L'Ode de la capitale Occidentale» (Hsi chingfu) d'un célèbre savant, poète et philosophe de l'époque de la Han Postérieure, Tchang Heng (78-139). Les traductions existantes (allemande, faite par Erwin von Zach, et anglaise de David Knechtges) considèrent l'ode comme une œuvre littéraire, et ne tentent pas l'analyser comme une source historique. Cependant, Tchang Heng donne une information unique sur l'histoire et les causes de la construction de tel ou tel bâtiment, ou sur la vie quotidienne de la capitale et de la cour impériale, dont des fouilles archéologiques ne peuvent pas dire beaucoup de choses.

En utilisant ces deux sources différentes, nous essayerons d'analyser des composants principaux et des traits particuliers de la structure de la capitale, qui, formée précisément à l'époque des Hans, influençaient beaucoup la théorie et la pratique de l'urbanisme en Chine.

Дмитриев С.В.
(Россия)

**Западноханьская столица в свете
«Оды о Западной столице»
(Си цзин фу) Чжан Хэна (78-139)
и археологическим данным**

Проблемы ханьского города сравнительно слабо затронуты в европейской историографии, в то время как раскопки последних пятидесяти лет, проведенные китайскими археологами, дали обширный материал относительно различных аспектов существования городов в ханьское время.

В частности, к концу пятидесятых годов XX в. в целом были завершены работы в Чанъани, основанной ханьским Гао-цзу (Лю Баном) в 202 г. до н.э., которая была главной столицей при Западной династии Хань и второстепенной – при Восточной Хань. По счастью, средневековые династии (кроме, возможно, Вэй), которые также размещали свою столицу в Чанъани, не имели ни времени, ни возможностей для большого строительства, и ханьские здания в основном не были замещены более поздними. В 582 году уже почти полностью заброшенный и разрушенный город окончательно прекратил своё существование после постройки Ян Цзянем (Вэнь-ди), основателем династии Суй, к юго-востоку от древней Чанъани новой столицы Дасин (позже переименованной в Чанъань). Поэтому у нас есть редкая возможность проанализировать структуру имперской столицы в том виде, в котором она сложилась к рубежу эр.

Данные археологии нам кажется небезынтересным проверить и дополнить информацией письменного источника – «Оды о Западной столице» (Си цзин фу) знаменитого ученого, философа и

поэта восточноханьской эпохи Чжан Хэна (78-139). Существующие переводы (немецкий – Эрвина фон Цаха и английский – Дэвида Кнехтджеса) рассматривают оду как литературное произведение, и не стремятся проанализировать её как исторический источник. Между тем, Чжан Хэн даёт уникальную информацию, которую не могут дать археологические раскопки – об истории и причинах постройки того или иного здания, о повседневной жизни столицы и императорского двора.

Используя эти два принципиально разных источника, мы попытаемся проанализировать основные особенности и компоненты столичной структуры, которая, во многом сложившись именно в период Хань, оказала огромное влияние на последующую историю градостроительства в Китае.

ДУГАРОВ В.Д.
(Россия)

**Монголия – Россия в трудах ученых
Восточной Сибири в XX в.**

Периодизация и этапы изучения российско-монгольских отношений для исторической науки в Восточной Сибири, имеет характерные для востоковедной науки России подходы и принципы, и, в то же время, исходя из приграничного положения региона, свои особенности.

Самобытная и оригинальная восточносибирская монголоведная историография, включает в сферу своего рассмотрения исторические процессы, уходящие своими корнями в глубокое прошлое, опирающаяся на мировую школу историков – археологов под руководством А.П. Окладникова, мы же (В. Дугаров), отправной точкой отсчета определим, этап евразийского средневековья, как период дореволюционного монголоведения.

1) XIII-XV в.в. период захватов Чингизидов, и включения русских территорий в евразийскую парадигму развития, выделяется особо.

2) XV-XVII в.в. неправомерно называемой в российской исторической науке «темным», связан с разрывом контактов между Русью и Монголией, но Восточно-Сибирский регион продолжает активно контактировать с Монголией.

3) с конца XVII в., со времени правления Петра-1 и образования Академии Наук, до последних годов XVIII в. – отмечен сбором документов славянской истории и культуры, касающихся взаимоотношений с азиатскими странами, отбором и классификацией восточных рукописей, записывается большое количество изустных фольклорных памятников, как на русском, так и на языках народов Востока. Период характеризуется аккумулярованием светско-теологических знаний о восточных народах, в том числе и монголоязычных.

4) конец XVIII в. – до – середины XIX в.: характеризуется формированием многонационального по своему составу академического отряда монголоведов. Отмечаем, что российское монголоведение создавалось преимущественно трудами русских ученых. В этот период начинают функционировать первые учебные заведения по подготовке кадров востоковедов в России и Сибири, формируется Казанская школа монголоведения: О.М. Ковалевский, А.В. Попов, В.П. Васильев, Д. Банзаров, Г. Гомбоев, А.А. Бобровников и др. Период характерен формированием основ классического дореволюционного монголоведения, появлением первых кадров – монголоведов из представителей монголоязычных народов.

5) середина XIX в. до 1917 г.г., связан с концентрацией востоковедной науки в стенах Петербургского университета, и связан с именами: Б.Я. Владимирцова, К.Ф. Голстунского, А.М. Позднеева, В.А. Котвича, А.Д. Руднева и др., расширением исторических светских знаний у народов Восточной Сибири. Завершается процесс формирования дореволюционного классического монголоведения. В этот период активно работает РГО и его филиал (ВСОРГО) в Иркутске, имеющий свою периодизацию: 1) 1851-1860 г.г.; 2) 1860-1890 г.г.; 3) 1900-1917 г.г. Российская система организации востоковедной (монголоведной) науки функционирует, как гибкая и сложная, наиболее приспособленная к потребностям практического имперского востоковедения. В русской науке, в деятельности ее восточно-сибирских исследователей, складываются два направления о Востоке и Монголии: 1) «взгляд изнутри», доброжелательный и пылкий (Г.Н. Потанин), 2) «внешних наблюдений» отчужденный и высокомерный взгляд европейца (Н.М. Пржевальский).

Насыщенной является историография российско-монгольских отношений XX века, в котором Россия пережила 4 революции (1905 г., дважды – в 1917 г., 1991 г.), а Монголия – 3 революции (1911 г., 1921 г., 1990 г.), которые были тесно связаны между собой в евразийском пространстве.

По-мнению, ученого Института Востоковедения РАН д.и.н. Грайворонского В.В., условно выделяются три основных периода в истории российско-монгольских взаимоотношений в XX веке:

1) 1900-1921 г.г., т.е. с начала века и до победы народной, национально-демократической революции в Монголии.

2) 1921-1990 г.г., или так называемый «социалистический период».

3) с 1990 г., переходный период, продолжающийся до настоящего времени. Новую трактовку взаимоотношений России и Монголии выдвигают восточно-сибирские ученые: Б. Батуев, Б.В. Базаров, В.Ц. Ганжуров, Е.М. Даревская, А.Б. Жабаева, Ю.В. Кузьмин, Е.И. Лиштованный, Б.С. Санжиев, Г.А. Санжиев, Ш.Б. Чимитдоржиев, Д.Б. Улымжиев и др.

В последние годы XX столетия произошел отказ от целостной концепции истории советско-монгольских отношений по строительству социализма в наших странах, основанный на монополии марксистско-ленинской идеологии и методологии, возможности некапиталистического пути развития ранее отсталых народов к социализму, ярким примером которого выступала МНР.

Начавшийся советский период монголоведения, для Восточно-Сибирской историографии имеет свои особенности, связанные с революционными событиями в России, Монголии и Китае. Формируется широкий диапазон мнений по «монгольскому вопросу», намечаются различные подходы в его решении, свидетельствующие об усложнившейся борьбе в возникшем, по-нашему мнению (В. Дугаров), в конце XVII в. геостратегическом треугольнике «Россия – Монголия – Китай». Ареной развернувшейся борьбы являлась Монголия.

Кровопрлитные исторические события были тесно связаны с общемонгольским национально – демократическим движением, в основе которого, в значительной степени, были идеи «панмонгольского движения» направленные для борьбы с китайским и мировым империализмом, образования единого государства монголоязычных народов. Историография этого вопроса подразделяется на периоды:

1) 20-30 гг. – связан с борьбой против «буржуазных националистов», как в Советском Союзе, так и Монголии, получает свое развитие россия-центристский взгляд на историю Евразии.

2) вторая половина 30-х – середина 50-х годов, происходит сокращение работ по национальному движению, в историографии преобладает ярлык «панмонголистов, японских шпионов, диверсантов и т.д.», особенно по отношению к представителям восточно-сибирского края и монголоязычных народов.

3) вторая половина 50-х – конец 80-х годов, характеризуется выходом фундаментальных работ по проблеме СССР – МНР, совместные региональные сборники сотрудничества народов Восточной Сибири и МНР, «торжествует» в историографии классовый подход и принципы нерушимой братской дружбы советского и монгольского народов, сохраняются цензурные и архивные ограничения.

4) 90-е годы XX в. широкий дискуссионный характер приобретают вопросы и проблемы кочевниковедения, образования кочевых цивилизаций и империй, значения и влияния монгольского государства чингизидов на историю евразийских народов, в том числе и на Русь, выделяются имена: А.А. Абаевой, Н.В. Абаева, Ц.П. Ванчиковой, Б.Р. Зориюева, П.Б. Коновалова, Н.Н. Крадина, Т.Д. Скрынниковой и др.

Особого развития и философско-исторического осмысления приобретают идеи евразийства, в значительной степени овладевающие умонастроением широкого круга ученых региона.

Перед современным монголоведением, как российским, так региональным восточно-сибирским, в научном содружестве с монгольскими обществоведами, стоит насущная задача написания непредвзятой истории взаимоотношений наших стран, с учетом приобретенного опыта минувших событий, национального самоопределения наших народов, объективно оценивающая современную геостратегическую «ось»: Россия – Монголия – Китай.

ZHANTIEV D.R.

(Russia)

Studies of Islam in Russia. Political aspect

The present is paper devoted to the studies of Islam in Russia during the last 15 years. The reasons of an interest towards Islam in Russian Oriental studies are observed together with the main trends in current Russian studies of Islam and the main factors (including political) which determine and influence them. Some specific branches of these studies in Russia will be described, including Islam in Russia, together with specific methods, perspectives and difficulties which Russian scholars use and meet in their researches of Islamic institutions and movements.

Жантиев Д.Р.

(Россия)

Исследования ислама в России (90-е гг. XX в. – нач. XXI в.)

Политический аспект

В докладе рассматриваются основные направления исследований Ислама в России за последние 15 лет, раскрываются причины особого интереса отечественных востоковедов к данной тематике, а также основные факторы (в том числе и политический), влияющие на их исследования. Особое внимание будет уделено методике, перспективам и трудностям исламоведческих исследований в России, будь то изучение исламских институтов или религиозно-политических движений под знаменем Ислама.

ZHUKOV Konstantin

(Russia)

Emile J. Dillon, Russian Orientalism and the Eastern Question

A native of Dublin, Emile Josef Dillon (1855-1933) first went to Russia in 1877. In 1879 it was the Imperial Chancellor Gorchakov, who accepted him as a suitable candidate for the special School of Oriental Languages maintained by the Ministry of Foreign Affairs. In that institution, he was expected to be trained for two years for Russian diplomacy or the consular service in the East. However, Dillon matriculated in the Faculty of oriental Languages in St. Petersburg where he frequented lectures on Sanskrit, Zend, Ancient and Modern

Persian, Armenian, Hebrew, and Arabic. There he became acquainted with professor Vasily Grigoriev, a famous Russian Orientalist, who also was Director General of the Censor's Department. From 1881 to 1885 Dillon studied and then worked as Professor of Comparative Philology at the University of Kharkov. Having studied the Armenian language under Professor Patkanian at St. Petersburg, Dillon polished his Armenian in Venice. In 1886 Dillon was appointed to be the St. Petersburg correspondent of the "Daily Telegraph". As its correspondent he wrote a lot on the Armenian Question in the Ottoman Empire (especially in the years 1895-1896). The paper deals with both Dillon's university years in St. Petersburg and his subsequent work as journalist, especially his manner of covering the topics related to the Eastern Question.

КАЦЕР Ж.У

(Россия)

Исторические источники о существовании индуизма на территории России

Нынешняя «индийская» волна в многоцветной духовной палитре России имеет давние и прочные корни, в первую очередь, связанные с относительным географической близостью наших стран, давними торговыми, политическими и культурными контактами. О бытовании индуизма в России свидетельствуют сотни источников, к сожалению, до сих пор недостаточно обработанных, систематизированных и прокомментированных.

Первые свидетельства о проникновении индийских религиозных представлений на территорию России относятся еще к 7 в. до н.э. Это – металлические зеркала, обнаруженные в захоронении алтайской царицы-амазонки, о которых сообщает петербургский индолог Я. Васильчиков. Об определенном сходстве российских и индийских духовных обрядов еще до официального принятия христианства на Руси свидетельствуют записки арабского посла из Багдада 9 в., который отмечал, что «русы и синдийцы» очень схожи. Он описал обряд захоронения вождя руссов в Булгарах, прямо на судне, с обрядом «сати», т.е. самосожжением вдовы.

«Меккой» индуизма в России с самого момента своего возникновения стала Астрахань (в годы Золотой орды известная как Хаджи-тархан). По некоторым источникам, уже в 12 в. существовавший там индуистский храм вайшнавского толка находился в одном и том же квартале с христианскими церквями. Характерно, что во время погромов, устроенных Степаном Разиным, именно астраханцы, среди которых было много последователей «божественной религии» Акбара, считавших Мухаммеда и Кришну ипостасями единого Бога, спасли индийцев от расправы и поселили их в своих слободах. При восстановлении индийского подворья в Астрахани храм тоже был восстановлен по всем индийским канонам, о чем свидетельствуют путешественники с севера – как русские, так и иностранные.

«Пик» индуизма в России приходится на эпоху Петра 1, который в 1722 г. издал указ о веротерпимости именно в отношении индусов, вошедший в сборник официальных законов России. Это произошло на 70 лет раньше, чем в США была принята знаменитая Первая поправка к Конституции. Именно при Петре 1, по его личному указу в 20-х гг. XVIII в. в Сибири началось систематическое изучение индуизма акад. Мессершмиттом, консультировавшимся с купцами-делийцами из Иркутска.

В последней трети XVIII в. богослужения в астраханском храме посещал русский акад. П.С. Паллас, который и сделал вывод о преобладании в Астрахани вайшнавизма. Наглядным подтверждением тому являются и недавно обнаруженные гравюры русского видописца Емельяна Корнеева (начало XIX в.), где изображен типично вайшнавский ритуал пуджи в астраханском храме. В архивах Санкт-Петербурга сохранились и вайшнавские священные писания, переписанные астраханскими индийцами.

Исторический опыт позволяет говорить о положительном влиянии индуизма, который способствовал превращению Астрахани из разбойного в один из самых веротерпимых городов России. Свидетельством благожелательного интереса к индуизму в России того времени стало и то, что под патронажем Екатерины II была издана Бхагавад-гита, вошедшая в круг чтения русской общественности. Наконец, показательно и то, что в план путешествия цесаревича Николая 1890-91 гг. основным объектом вошла Индия. Сопровождал будущего монарха известный русский индолог Эспер Ухтомский, Они посещали индуистские храмы, которые, как свидетельствуют дневники, произвели на обоих сильное впечатление своей близостью к христианству. Взойдя на российский престол, Николай II даже собирался открыть в Санкт-Петербурге индуистский храм, чему помешала начавшаяся Первая мировая война.

КИМ Рехо
(Россия)

Убийство королевы Мин.

Новая версия о сеульском инциденте 8 октября 1895 года

Об этой корейской трагедии написано немало книг как в исторической науке, так и в области художественной литературы. Интерес к этой теме перешагнул национальные границы. В 1988 г. в Японии вышла книга Цунода Фусако «Тайное убийство королевы Мин», выдержавшая за короткий срок несколько изданий. В 1993 г. в Париже издан роман Жульеты Морио «Дворец в заоблачных высях. Жизнь и смерть королевы Мин». В 1994 г. известный корейский писатель Ли Мунёль написал музыкальную драму «Лисья охота» и посвятил ее столетию со дня гибели королевы. Трагическая судьба королевы Мин вновь и вновь привлекает внимание корей-

ских историков. Коллективный труд «Дело об убийстве королевы Мин» (Сеул, 1993) стал очередной попыткой приоткрыть завесу над загадочной гибелью королевы.

Прошло целое столетие после того трагического дня, но споры вокруг этого инцидента не утихают по сей день. Не установлено до сих пор точное время гибели королевы, не известно, как это произошло на самом деле. Спорят и о том, кто был главным зачинщиком и виновником убийства. Цунода Фусако, автор книги «Тайное убийство королевы Мин», например, утверждает, что преступление совершено по «личной» инициативе японского поверенного в делах в Корее генерала Миура Горо, причем без ведома своего правительства. Точка зрения Цунода подвергается критике со стороны корейских исследователей, обвиняющих правительство Японии в непосредственном участии в провокационном убийстве корейской королевы.

До недавнего времени исследователи данной темы опирались в основном на японские и американские источники, реже на корейские. Но с той поры, как документы, хранящиеся в архиве России, стали достоянием гласности, были введены в научный обиход ранее неизвестные свидетельские показания очевидца событий – русского поданного А. Середина-Сабатина, бывшего на службе корейского короля Коджона. Он был единственным среди европейцев очевидцем кровавой драмы, разыгравшейся в корейском дворце. Значение его свидетельских показаний трудно переоценить.

Письменный отчет Середина-Сабатина, несомненно, обладает достаточно высокой степенью достоверности. Несмотря на известную неполноту и недосказанность, он представляет ценнейший документ, восстанавливающий события того дня.

Из рассказов Середина-Сабатина особое внимание привлекает поведение придворных дам в тот роковой час. Описанное Сабатиным, существенно отличается от изображенного в произведениях разных авторов. Оно необычно с точки зрения «нормальной» психологии. Сабатин застал женщин в состоянии полной прострации. Если бы королева была еще жива, имела шанс для спасения, то вряд ли придворные дамы находились бы в состоянии шока, полного безразличия к окружающему. Не было истерии, крика, т.е. обычного в таких случаях «спонтанного ответа организма». Психологический анализ поведения придворных дам представляет, возможно, один из путей установления времени гибели королевы от рук «пришельцев».

Королева Мин представляла главную помеху для японцев на их пути к захвату Кореи. Она была в центре корейской внешней политики, суть которой сводилась к лаконичной формуле «инья ко-пиль» («Ближе к России, подальше от Японии»). Путем физического устранения королевы японское правительство пыталось добиться реализации своих политических планов.

The results of the cross-cultural study of 15 societies of nomads show that among the nomads and pastoralists, approximately three-four levels of cultural (and political) complexity can be identified. The simplest societies are segmentary acephal tribe. The next stage is the secondary tribes, confederations of tribes, simple chiefdoms. Even more developed structure is characteristic of the complex and super-complex societies. The last societies are presented on a substantial scale by the nomadic empires as well as quasi-imperial polities of somewhat lesser size (like Tatar khanates after the collapse of Golden Horde), independent and semi-dependent khanates of nomads in Modern time. Those nomadic empires which included the agrarian population are most complex.

The average cultural complexity of typical nomadic empires is approximately at the same level as that of so called complex chiefdoms of the settled-agrarian societies or, at the most, polities being on the threshold of the state system establishment. From my point of view, it would be more correct to call the similar societies of nomads as the super-complex chiefdoms.

The evolution of pastoral nomads have some feature. The first feature lies in the relatively high level of the record system and written language development among nomads. On the whole, it is second only the Mediterranean region. When the conclusions of some investigations according to which such indication as the written language is not always related to the already existing state system. The second peculiarity lies in difference between political centralization and social stratification. The index of political integration of both nomadic pastoralists and nomadic empires was one order of magnitude higher than the index of stratification (2.4 and 1.7; 4.0 and 2.1 respectively). This give all grounds to assume that, on the whole, processes of political centralization in the nomadic societies have passed slightly ahead of development of social stratification. Possibly, this was caused by the absence of the stable sources of accumulation and storage of considerable productive resources in the nomadic societies, peculiarities of ecology, thereupon, one could be deprived of the whole of livestock right away.

KRZHIZHEVSKIY Mikhail
(Russia)

People of Asia in Samarskaya Oblast

According to the latest statistical data, 150 nationalities live on the territory of Samarskaya Oblast now. In the region there are dozens of national and cultural associations, traditional festivals are regularly held, newspapers and magazines in different languages are issued. The most multitudinal peoples of the Olast (Russian, Chuvash, Tatar, Mordva) have been living here for already a number of centuries. During the past decades the national composition of the region has

increased considerably due to the people who have come here from different parts of Asia (Siberia, Far East, Middle Asia, etc.) For instance, only several Koreans lived in Samara region in the first quarter of the XXth century and now the quantity of Korean community is more than 1000 people. In Samara a regional non-government organisation "Association of Koreans" has been founded. In the Oblast there also Tad-jik, Kazakh, Kurd national and cultural associations.

Representatives of the Southern and South-Eastern Asia (India, Pakistan, Viet Nam, Thailand) study in Samara higher educational institutions at present, some of the stay in Samara to work.

The countries of Southern and South-Eastern Asia have a complex polyethnic structure of the population. Special studies show that the people from these countries who live in Samarskaya Oblast keep their ethnic consciousness (for example, people from Pakistan feel their belonging to Punjabi, Buluchi, Pushtun and other ethnic communities). The ethnic membership of the people from Asian countries has been taken into consideration while making statistical data.

Кржижевский М.В.
(Россия)

Народы Азии в Самарской области

Согласно последним статистическим данным, на территории Самарской области проживает около 150 национальностей, В крае функционируют десятки национально-культурных объединений, проводятся традиционные праздники, выходят в свет периодические издания на разных языках. Наиболее многочисленные народы области (русские, чуваш, татары, мордва) живут здесь уже на протяжении ряда столетий. В течение последних десятилетий национальный состав края значительно увеличился за счёт мигрантов из различных регионов Азии (Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и т.д.). Так, если в первой четверти XX в. в Самарском крае проживало лишь несколько корейцев, то сегодня численность корейской диаспоры превысила тысячу человек. В Самаре создана региональная общественная организация «Ассоциация корейцев». В области работают также таджикское, казахское, курдское национально-культурные объединения.

В настоящее время в университетах Самары проходят обучение представители народов Южной и Юго-Восточной Азии (Индии, Пакистана, Вьетнама, Таиланда и т.д.), некоторые из них остаются после учёбы в нашем городе.

Государства Южной и Юго-Восточной Азии имеют сложную полиэтническую структуру населения. Проведённые исследования показывают, что мигранты из этих стран, живущие в Самарской области, сохраняют своё этническое самосознание (например, выходцы из Пакистана осознают свою принадлежность к пенджабской, пуштунской, белуджской и другим этническим общностям). Этническая принадлежность мигрантов из азиатских стран учитывалась при составлении статистических данных.

ЗАВИДОВСКАЯ Е.А.

(Россия)

**Пути развития китайской литературы
конца 1980-90х гг.**

Рассмотрение и анализ состояния литературного процесса в Китае последних 12-15 лет можно проводить с нескольких точек зрения: социально-политической, исторической и эстетической.

При взгляде на литературу последнего десятилетия с точки зрения ее роли в идеологической системе и ее влияния на общество, мы можем обнаружить следующие тенденции:

1. Происходит формирование лагеря независимых авторов, которые не являются членами Союза писателей и больше зависят от законов рынка, чем от государства. Независимые писатели Чжу Вэнь и Хань Дун в 1998 г. опубликовали результаты опроса 50 молодых авторов, где те заявляют о своем «разрыве» с мейнстримом (государственной культурой). Наблюдается потеря связи литературы и читателя по причинам потери ей способности к отражению насущных и актуальных для общества проблем, что можно трактовать как результат разрыва ценностей идеологии и народа;

2. Коммерциализация всех сфер жизни общества, развитие новых информационных технологий и индустрии развлечений отодвигают литературу на задний план. Серьезная проблемная литература вызывает все меньший резонанс в обществе, что связано с разворачиванием гедонистической потребительской цивилизации рыночного общества. Наблюдается конфликт массовой и «чистой» литературы. «Чистая» литература для выживания в условиях рынка все чаще прибегает к коммерчески выгодным темам и приемам, формируется постмодернистская ситуация слияния высокой и массовой литературы.

В контексте взаимодействия исторических периодов развития литературы мы можем наблюдать следующую динамику. Разнообразие китайской литературы этого периода позволяет говорить о ее колебании между полюсами: модернизм (и элементы постмодернизма) – реализм – традиция (местная специфика, почвенничество). Реализм выступает в Китае как метод, противопоставленный традиции и критикующий ее. Реалистическая литература в Китае исторически выполняет просветительскую и идеологическую роль, провозглашая ценности гуманизма, свободы и достоинства личности, в период 40-80 гг. реализм становится единственным официальным методом в искусстве. Модернизм в китайской литературе получает выражение в виде текстуального и языкового экспериментирования, отражает новый взгляд на реальность, содержит идею противостояния официальному реализму. Активное развитие модернистских приемов можно наблюдать в литературе конца 80х гг. («авангардная проза» Ма Юаня, Гэ Фэя, Юй Хуа, Сунь Ганьлу и др.), немаловажным оказалось влияние переводной иностранной литературы. Литература 90-х гг. отходит

от формализма, но при этом обогащает выразительный ареал реализма модернистскими приемами.

Традиционные приемы и методы повествования пользуются вниманием авторов этого периода. На наш взгляд, традиционная поэтика и тропика способствует реализации эстетических задач литературы. Обращение к традиционной эстетике нередко оказывается связанным с идеями почвенничества и сохранения самобытности страны (например в творчестве Ван Цзэнци, Цзя Пинва, Ли Жуя и др.). В связи с этим важно отметить, что разделение литературы города и деревни по-прежнему актуально для Китая, отсюда можно выделить закономерность превалирования модернистских и заимствованных приемов в «городской литературе» (например, в творчестве «позднерожденных» авторов Шу Пина, Ли Давэя, Цзю Хуадуна, Син Гэ, Дун Си и др.) и сохранения приверженности реализму и традиционной поэтике в почвеннической литературе.

В литературе 90-х гг. можно выделить два направления: историзированное и лишенное всякой исторической памяти. К первому относятся авторы, стремящиеся по-новому осознать и написать историю Китая, особенно интересны попытки создания «новой официальной истории» и нового народного эпоса у Лю Чжэньюна и Янь Лянькэ, Ли Эра, тут отражается индивидуальное выражение смысла и законов истории в условиях ослабления идеологического дискурса. Творчество «позднерожденных» авторов, напротив, оказывается оторванным от исторического прошлого, объектом их интереса становится непосредственное «здесь и сейчас», общество и личность в процессе перехода к новой системе. Отказ от прошлого и традиции тут можно трактовать как максималистское стремление высвободить творчество от всяческих сковывающих факторов.

ЗАЙНУЛЛИН Г.Г.

(Россия)

**Манаджаты казанских татар
(на арабском и татарском языках)**

В мире, пожалуй, не найдется такой литературы, которая существовала бы изолированно и развивалась. Татарская литература, как и другие родственные тюркские литературы, испытала в период своего становления и развития значительное культурное влияние народов Востока – арабов, персов, индийцев и других. Какую роль сыграли в этом процессе арабская и персидская литературы достаточно широко изучено татарскими учеными-просветителями.

Среди татар Поволжья нашли распространение арабо-персоязычная научная и художественная, а также богословская литература. Потребность в такой литературе у татар была огромной. Однако проникновение было естественным и не насаждалось со стороны кем-либо. Известно, что Ислам проник в Волжскую Булгарию без войн и без меча.

Огромный пласт татарской культуры – ее духовная литература – остается малоизученной. Мы не ставим перед собой цели охватить всю богословскую литературу. Как известно, часть татарского народа, а это более 150 тысяч человек, исповедует христианскую религию. Мы постараемся осветить ту часть татарской духовной литературы, которая взаимодействует с Исламом.

Наиболее популярным жанром духовной литературы среди татар является «мунаджат» – мольба о прощении содеянных грехов. Исполнялись они как на татарском, так и на арабском языке. Есть мунаджаты, посвященные жизнедеятельности пророка Мухаммада, его сподвижникам, героизму отдельных полководцев-мусульман, Один из таких мунаджатов называется «Мархаба» (хвалебная, славящая пророка ода). Татарский стиль исполнения мунаджатов отличается от арабских макамов. Хотя слова на арабском языке, а мелодия же, близкая татарскому слушателю – протяжная, основана на пентатонике.

Мархаба, йа нуре айни, мархаба, мархаба, йа мархаба! Мархаба джаддуль Хусейни, мархаба, мархаба, йа мархаба!

(Приветствуем тебя, свет очей наших, привет, привет, привет! Приветствуем тебя, о дед Хусейна, привет, привет, привет')

Среди тюркских народов, исповедующих Ислам, только Казанские татары исполняют такие духовные песнопения.

Мунаджаты у татар в основном исполнялись без музыкального сопровождения. Хотя известно, что в городах и селениях, где были музыканты (сазчылар), мунаджаты исполнялись и под скрипку, а также и под кубыс. Мы слышали несколько таких исполнений в отдаленных селениях Закамья Татарстана, в Самарской области Российской Федерации, а также в г.Коканде республики Узбекистан.

Мунаджаты, салаваты – благословения Всевышнему, Его пророкам исполнялись как в месяцах Рамазан, Маулюд (месяце рождения Мухаммада), а также и на поминках умерших родных и близких. По этому случаю приглашались гости (женщины отдельно от мужчин), сначала зачитывалась соответствующая молитва, затем гостей угощали разными яствами и после этого только исполнялись мунаджаты с мольбой о прощении грехов.

Существует ошибочное мнение, что мунаджаты исполняются только женщинами. Это не так. В застольях, где присутствовали мужчины, женщины не могли громко произносить даже молебные слова. В таких меджлисах мунаджаты исполнялись исключительно только мужчинами. В последние дни месяца Рамазан мужчины обычно собирались в мечеть на молитву, в конце которой исполняли «Аль-вида» (прощальные славословия месяцу поста). Делалось это не очень громко. «Аль-вида» имеет множество мелодичных вариантов. Татары, проживающие в Финляндии, Швеции, Турции исполняют ее весьма своеобразно. Нам также известны весьма

грустные плачи-причитания, распространенные среди жителей Закамья республики Татарстан, мотивы которых, как ни странно, очень схожи с мотивами духовных песнопений, распространенных среди суданских арабов. В них слышны и ирландские мотивы.

Богословская литература далеко не однородна. После 70-летнего «молчания» не то что заговорить, но даже научное осмысление такого богатства – далеко не простая задача. Это возлагает на исследования большую ответственность выполнения огромных задач.

На этом текстовую часть выступления заканчиваю и позвольте предложить вашему вниманию его музыкальную часть (в записи) в сопровождении государственного струнного квартета Республики Татарстан.

ZORINA A.V.

(Russia)

Hymns (stotra) in classical Tibetan literature

Hymns (stotra) is one of the genres of Classical Tibetan literature which were brought to Tibet from India. More than 200 stotra texts were translated from Sanskrit and are now found in the Tibetan canon. Fifty-four hymns devoted to Buddha comprise a whole volume of the Tengyur while others (devoted to different Tantric yidams such as Tara, Heruka, Hayagriva, etc.) are scattered throughout the Cyud section of the Tengyur. Besides, there are a few hymns ascribed to Buddha himself- these, of course, are found in Kagyur. These texts provided source material for Tibetan poetry, producing a large number of original Tibetan hymns (bstod-pa) used during religious services. For this reason, I shall be discussing the translated hymns, as well as their influence on Tibetan authors.

ZUBKOVA Lubov

(Russia)

Dravidian studies in the Netherlands: knowledge to be used

This paper presents a brief survey of diverse research work done in the Low Countries relating to South India (and partly Ceylon) in historical perspective. It aims at defining the nature of researchers' interest in the mentioned area in the context of respective contemporary life. It's peculiar that no attempt to analytically summarize the acquired knowledge has yet been made in the Netherlands and that the present reviewer is an 'outsider' coming from a different scientific milieu, if not from a different discipline.

After the discovery of the eastern sea route around Cape Horn the Dutch as a maritime nation were fascinated by the wonders of India and felt attracted to her exotic culture, especially since 1605 when

However the gained knowledge is not wasted, being pretty much used in various non-academic activities.

(Россия)

Ранние монголы и проблема Эргунэ-куна

582

Выяснение содержания названия монгол позволяет приподнять завесу над ранней историей монголов. Поскольку до периода династии Тан название монгол в источниках не встречается и до этого времени ни один средневековый этнос Центральной Азии

монголами себя не называл, то более чем очевидно, что в Эргунэ-куне были предки нынешних монголов и там началось сложение основ современного монгольского народа, который появился на исторической арене вслед за жужаньским. Данный вывод означает, что исход предков монголов в Эргунэ-кун состоялся в начале второй половины I тыс.н.э. После разгрома древними тюрками жужаньского каганата часть жужаней, которая идентифицируется с родом чино (в "Сборнике летописей" нукуз), в течение достаточно длительного времени находилась за пределами своей родины, в Эргунэ-куне, внедрившись в среду шивэйских племен. Проживая там по р.Мангу, чиновцы получили от своих соседей прозвище *мангол* – "люди, живущие по реке Мангу", которое позже, сохранив свое смысловое значение, превратилось в этноним *мангол*.

С получением прозвища *мангол* чиновцы стали постепенно забывать свое бывшее жужаньское происхождение и осознавать себя новой этнической общностью по названию *мангол*, которое китайские хронисты записывали как мэнью. Покинув Эргунэ-кун теперь уже монгольский по своей этнической принадлежности род чино ориентировочно в конце VIII в. поселился у истоков Онона. На этом завершился эргунэ-кунский период средневековой истории монголов.

ZHANATAEVA Ulbosyn

(Russia)

Social consequences of economic reforms in independent Kazakhstan

Economic reforms provide financial basis for the realization of social policy. The world experience shows that only economic reforms contribute to successful realization of the social reforms.

The existence of the planned economy itself had no historical perspectives, that's why to republic began to modernize in economy after getting independence.

Since 1991 Kazakhstan has been caring out economic reforms. However the reforms of economics haven't been positive for the life of the population.

Radical reforms led to unexpected results: the living conditions of people became worse.

Market economic can't resolve all the social problems. On the one hand only market economics really make possible responsible attitude towards property and work and make economic serve satisfy people's requirements. On the other hand market being a raged economy system can't lead the successful society in which "a free development of each person is a condition for a free development of all the nation."

That's why the reinforcement of the State's role in regulation of social relations is necessary. The basic function of the State is realization of constructive social policy with the effective system of social assistance.

The market relations suppose not only of the state the active position but of the person himself. A person appears as the object and the subject of social policy and everyone who works should take care of his welling. It is the state which has to create necessary conditions for working people; it should to render the assistance to people who can't support themselves.

In other words social policy must be different for different subjects.

Жанатаева Улбосын

(Россия)

Социальные последствия экономических реформ в суверенном Казахстане

Экономические реформы при рациональном их проведении создают материальную базу для реализации задач социальной политики. Как свидетельствует мировой опыт, именно эффективные экономические преобразования способствовали успешному осуществлению преобразований в социальной сфере.

Сохранение плановой системы управления экономикой не имело исторических перспектив, поэтому после обретения независимости в республике необходимо было, в первую очередь, модернизировать экономику, перевести ее на рыночные рельсы. С 1991 года в Казахстане активно осуществляются экономические реформы. Однако вопреки ожиданиям экономические реформы, начавшиеся в республике, не улучшили условия жизни населения.

Радикальные преобразования в экономике привели к неожиданным результатам: к резкому ухудшению положения большей части граждан.

Рынок не мог и не может решить все проблемы. С одной стороны именно «рыночные отношения действительно создают объективные предпосылки для хозяйственного, ответственного отношения к собственности и труду, повышают реальную заинтересованность в их эффективности, обеспечивают поворот экономики к интересам потребителя, пытаются полно удовлетворить весь спектр человеческих потребностей и интересов. С другой стороны, будучи жесткой экономической системой, рынок не создает автоматически благополучного общества, в котором «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

Вследствие этого в период становления рынка необходимо усиление роли государства в регулировании социальных отношений. Основной функцией государства, всех ветвей власти в это время является реализация конструктивной социальной политики с эффективной системой социальной защиты населения. В отличие от командно-административной системы управления, рыночные отношения предполагают активные действия не только государства, но и самого гражданина. Последний становится не только объектом, но и субъектом социальной политики. Трудоспособный

гражданин, получая достойную заработную плату, должен самостоятельно заботиться о своем материальном благополучии. В свою очередь, государству надлежит, во-первых, создать необходимые условия (законодательно, организационно) для занятого населения. Во-вторых, оказывать социальную помощь уязвимым категориям населения. Иными словами, социальная политика в отношении различных ее субъектов должно быть дифференцированной.

ZHUKOVA Anastasiya

(Russia)

**About the principles of tradition music
in the Japanese cartoons' composition
and imagery**

The importance of the solo sound in the imperial orchestra (7c); the meditation philosophy for the sound taking (17c); the periodical change of the music phrase after the pause; the sound image and its graphic imprint (17c) and the pictographic Japanese writing (9c) depict the way of thinking of the Japanese people in sinto religion, traditional music, Noh theatre and became the basis for the cartoon composition and its imagery in Japan of the XX c. The Japanese cartoon films of the thirties and post-War Second one before Kurosawa films of the fifties showed the search for the European composition understanding in the singeki theatre, prose and cinema. The first Japanese sound cartoon films of the 1937/1938 illustrated the differences of the Western and Eastern rhythms also and gave the impulse to the audio recording production.

Жукова А.В.

(Россия)

**О принципах традиционной музыки в композиции
и изобразительности мультипликации Японии**

Значимость отдельного звука в придворном оркестре (с 7 в); философия медитативного мига при звукоизвлечении (с 17 в); принцип периодичной сменяемости звуковой фразы паузой и лишь после неё новой звуковой структурой; изобразительность самого звука и его иероглифического вертикального обозначения (с 17 в) и сама японская письменность (с 9 в) отражают мышление японца в религии синто, традиционной японской музыке, театре Но и составляют основу композиции и образности мультипликации Японии XX в. Мультфильмы 30-х и послевоенные до 50-х, (до фильмов А.Куросава), иллюстрировали поиск понимания композиции в драматургии сингэки, литературе и кинематографе. Первые звуковые мультфильмы подготовили развитие коммерческой звукозаписывающей индустрии 1937/1938 г. и рисованной документалистики, пропагандировавшей японскую музыку европейского типа, демонстрируя различия темпоритмов Запада и Востока.

EZHOV G. P.

(Russia)

**Water resources and
water balance in the IRR.**

Some specialists believe that fresh water will become one of the major global strategic resources in the XXI century and the questions of there usage, storage and sharing among different states can acquire first-rate importance.

The problem of rational usage of the water supplies, which are of one disposal, is gaining importance every year. It is especially true for countries with arid climate that most part of Iran belongs for. Iran has on average 252 mm of rain annually, but to practice land cultivation this level shouldn't reach below 500 mm a year.

The national water supplies are used for agricultural. Industrial and peoples needs besides energy production. Out of 335 bln m³ of rain which Iran gets annually 225 bln m³ evaporate and only about 110 bln m³ are used for different needs including 73 bln m³ for needs of agriculture, industry and urban population. If you aim to provide for the country with the population of 70 mln you need the fund of irrigated land of 10-11 mln hectares in which case agriculture will need to be supplied with up to 85 bln m³ of water. As it can be difficult to provide such quantities of water for agricultural needs only, the fulfillment of the food programme at the expense of the local producers is not realistic.

Taking into account a sharp rise of urban population (there were 496 towns in the country in 1986 with 54% of the national population, in 1996 their number reached 614 with 61% of the population) one can clearly see that Iran is beginning to suffer from fresh water shortage. The country can use several ways to settle this problem:

- Water freshening,
- Up grading the quality of the water,
- Expansion of large tracts of forest and forest-plantation,
- Bring evaporation ratio down.

Conclusion

- in spite of the fact that there up to 2500 different rivers on the territory of Iran, the majority of them can not be used due to different reasons.

- sharp rise of population is not accompanied by adequate rise of fresh water supplies which already put Iran into position where water shortage will tell not only on cattle breeding and farming but also on urban living

- impossibility of raising meet and corn production (that constitute the main food components of the population) makes the country dependant on import of these goods

- irregular settlement of water sharing in border rivers (mainly the Harirud and Hilmand) can lead to serious political and even armed conflicts.

Ежов Г.П.
(Россия)

Водные ресурсы и баланс воды в ИРИ

Некоторые специалисты утверждают, что в XXI веке пресная вода станет одним из важнейших стратегических ресурсов нашей планеты, и вопросы ее использования, сохранения и раздела между отдельными странами могут приобрести первостепенное значение.

Проблема рационального использования имеющихся в распоряжении человека запасов пресной воды с каждым годом становится все актуальней. Особенно это относится к странам с аридным климатом, который господствует на большей части территории Ирана.. В Иране выпадает в среднем 252 мм осадков в год, тогда как для ведения устойчивого земледелия количество осадков должно составлять не менее 500 мм в год.

Водные ресурсы страны используются для удовлетворения нужд сельского хозяйства, промышленности, городского населения и выработки электроэнергии. Из 335 млрд. куб. м осадков, ежегодно выпадающих на территории Ирана, 225 испаряется, а используется всего около 110 млрд. куб. м., в том числе на удовлетворение нужд сельского хозяйства, промышленности и городского населения 73 млрд. куб. м.

Чтобы обеспечить всем необходимым страну с населением в 70 млн. человек, нужен фонд орошаемых земель в 10-11 млн. га, и в этом случае только для нужд сельского хозяйства ежегодно потребуется до 85 млрд. куб. м воды. Поскольку обеспечить получение такого объема воды только для нужд сельского хозяйства представляется затруднительным, выполнение программы обеспечения страны продовольствием за счет внутреннего производства представляется нереальным.

Если к тому же учесть быстрый рост городского населения (в 1986 г в стране было 496 городов, в которых проживало 54% жителей страны, а в 1996 г. насчитывалось уже 614 городов, где было сосредоточено 61,3 % всего населения), то становится ясно, что Иран начинает испытывать затруднения в пресной воде и для решения этой проблемы Иран может использовать несколько различных способов:

1. Опреснение воды.
2. Улучшение качества существующей воды.
3. Расширение лесных массивов и лесопосадок
4. Уменьшение испаряемости

В заключение можно сделать следующий вывод:

1. Несмотря на то, что на территории Ирана насчитывается до 2500 различных рек, подавляющая их часть не может быть использована по различным причинам.

2. Быстрый рост населения не сопровождается адекватным увеличением запасов пресной воды, что уже подвело Иран к черте, за которой нехватка воды будет сказываться не только на земледелии и скотоводстве, но и на жизни городского населения, которое также быстро увеличивается.

3. Невозможность увеличения производства зерна и мяса (основных компонентов питания населения) делает страну зависящей от импорта этих товаров.

4. Неурегулированность вопросов деления вод пограничных рек (главным образом Харируда и Гильменда) может привести к серьезным политическим и даже военным конфликтам.

DODYKHUOEVA Leila R.,
REISNER Marina L.
(Russia)

Nasir-i Khusraw :

The concept of poetic creation

The authors analyse the poetry of the one of the foremost poets of the Iranian world as a written discourse on religious and moral subjects. This discourse is delivered in Nasir-i Khusraw's poetic heritage ("qasidas") as an instruction or exhortation. Nasir-i Khusraw's discourse contains specific basic key terms that are analysed in this paper from the viewpoint of meaning and contextual usage ("poet", "prophet", "Good word" (Sohan-i Nik) and others).

Nasir-i Khusraw contends that the text of his poetry is of the divine origin similar to the text of the Quran and needs an approach analogous to that of the Scripture. Like the Quran texts, his poetry needs an esoteric allegoric commentary – "ta'wil".

In his poetry, Nasir-i Khusraw uses Quranic passages and images, texts of hadith, and episodes of sacred Muslim history.

The correlation between the concepts "poet" – Nasir-i Khusraw himself – on the one hand, and the concept of "prophet" on the other, is based on a Quranic sura "Poets". Nasir-i Khusraw uses the scheme of a debate between the Prophet Mohammed and a group of tribal poets who opposed him trying to define the Prophet as an ordinary poet without a divine dimension.

Nasir-i Khusraw affirms the divine origin of the "Good word" (Sohan-i Nik) concept and traces the genesis of the concept back to a divine source.

Nasir-i Khusraw's premises argue that the poet has a prophetic mission, and that his poetry propagating "Good word" has a prophetic goal. In other words there is a congruency between the distinct roles of poet and prophet.

ДЖАГАЕВА О.А.

(Россия)

**Россия и Монголия:
проблемы культурного сотрудничества
после дезинтеграции СССР и**

монгольской демократической революции 1990 года

1. Культурное российско-монгольское сотрудничество имеет давние исторические традиции, обусловленные такими факторами как географическая близость, тесные приграничные связи, смешанные браки, наличие русской диаспоры в Монголии, регулярные взаимные поездки и т. д. Все это способствовало взаимопониманию и духовному сближению народов двух стран.

2. После победы Монгольской народной революции 1921 г. Советский Союз оказывал Монгольской Народной Республике разностороннюю помощь и содействие в самых различных отраслях культурного строительства, начиная от создания национальной системы народного образования, высших и средних учебных заведений и кончая Монгольской академией наук. Переход со старо монгольской письменности на кириллицу существенно способствовал ликвидации безграмотности, облегчил Монголии знакомство с лучшими образцами русской и западной переводной литературы. Большое количество национальных кадров средней и высшей квалификации было безвозмездно подготовлено в советских вузах и техникумах.

3. Монгольская демократическая революция 1990 года, распад СССР и образование Российской Федерации коренным образом изменили общие условия сотрудничества России и Монголии. Переход на расчеты в валюте, необходимость выплаты крупной монгольской задолженности перед РФ как правопреемником Советского Союза, прекращение российской стороной субсидирования монгольской экономики и социальной сферы – все это негативно отразилось на всех направлениях российско-монгольского сотрудничества, в том числе привело к свертыванию культурных программ. Вместе с тем такое положение открыло путь к активному влиянию в Монголии других культур – китайской, японской, южнокорейской.

4. Российско-монгольское сотрудничество было восстановлено и активизировано уже на иных, чем ранее принципах, закрепленных в новом Договоре о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией (1993). В статье 14-й этого Договора по поводу культурного сотрудничества сказано: «Стороны будут расширять и укреплять связи в области культуры, искусства, науки, исторического наследия, образования и информации. Они будут содействовать установлению прямых связей между высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими центрами, учреждениями культуры, расширению об-

мена книгами, периодической печатью, кинофильмами, театральными постановками, теле- и радиопрограммами и поощрять изучение языков Сторон». Большое влияние на оживление двусторонних культурных связей сыграл официальный визит президента РФ В.В. Путина в Монголию осенью 2000 года.

В результате состоялось подписание межправительственных соглашений о сотрудничестве в области культуры, науки, высшего образования и здравоохранения, соглашение о подготовке кадров. Кроме того, были заключены протоколы о сотрудничестве между российскими министерствами культуры, образования, здравоохранения и комитетом кинематографии и монгольскими компетентными ведомствами. В июле 2002 г. была подписана «Программа сотрудничества Правительства РФ и Правительства Монголии в области науки и культуры на 2003-2006 гг.».

5. На современном, новом этапе развития отношений, на который вышли сейчас Россия и Монголия, формируется и новая структура их культурного взаимодействия: на более широкой основе развиваются культурные связи различных регионов Монголии и России; целенаправленнее становится научное сотрудничество, которое все более ориентируется на такие проблемы, как диалог двух культур, монгольская кочевая цивилизация. Важно отметить, что РФ и сейчас оказывает безвозмездную помощь Монголии по ряду направлений культурного взаимодействия, в частности, в подготовке национальных кадров, и масштабы этой помощи увеличиваются. Так, правительство РФ согласилось увеличить число бесплатных стипендий для монгольских студентов в РФ с 150 до 200 в 2004 году. Новая Монголия предприняла ряд шагов, чтобы вернуться к старо монгольской письменности, но эта сложная задача пока не решена окончательно, тем более что возникла новая идея – перейти с кириллицы уже не на старо монгольскую письменность, а на латиницу. Но в обоих случаях стране потребуются огромные средства для подготовки преподавателей, издания учебников и т.д. При этом огромный массив литературы, созданный на кириллице, постепенно станет недоступен. Сокращение преподавания русского языка в Монголии также может притормозить культурное влияние России в этой стране, что приведет к усилению культурного влияния в этой стране других государств.

6. Соответственно, и той, и другой стороне следует активнее проводить в жизнь собственные решения о культурном сотрудничестве, закрепленные в договорах и соглашениях. Особое внимание, на наш взгляд, требует вопрос о научном сотрудничестве, о распространении в Монголии русского языка, а также о дальнейшем проведении Дней культуры России в Монголии и Дней Монголии – в России. В России следовало бы возобновить практику перевода и публикации лучших произведений монгольской художественной литературы.

LEBEDEVA N.A.

(Russia)

**Creation of the North – Eastern China
literature history (1919-1949)****in the context of modern literary criticism issues**

Division into periods is the most important problem on creation the history of literature.

Dynastic principle was traditionally used in China, but it was not distributed to the literature of XX century. The dynastic period has been reduced up to the several decades corresponding to political period of the state development. The criterion of literary process division into periods became the stage of revolutionary movement. There are four periods, which are allocated in the 50 years' histories of the modern Chinese literature: 1.1919-1921; 2.1921-1927; 3.1927-1937; 4.1937-1940.

There is a historical stage inside which genre takes place – specific and personal gradation as a key part in the works published at the end of the century. Thus as inside the unit about the writer his separate products can be allocated, and inside genre fragments writers are allocated.

The principles using at the analysis of the regional literature are the same both in the national literature and in regional literature, and the research to the full reflects the situation of literature studying of the whole country. The histories of the North – Eastern China literature confirm that. The first (1989), is still constructed by a traditional principle of close coordination of literary process with historical and political events, there are three stages: 1.1919 – 1931; 2.1931-1945; 3.1945 – 1949.

The second work (1996) already uses a literary genre as a principle of the organization of a material. A story, a novel, an essay (sanwen), poetic genres, plays are allocated in this book.

The Soviet literary critics V.F.Sorokin, N.T.Fedorenko, L.Z.Ejdlin was followed to the principle of indissoluble connection of the literature and ideology in a combination to the problem, genre and portrait approach in the books on a history of the Chinese literature.

This problem is actively discussed in the Russian literary criticism of last decade.

Some researchers consider, that new representations about literary process have already appeared in 60-70 years in Bakhtin, Lotman, Knabe, Toporov, Gurevich's works. Their common feature is the change of time and spatial parameters in which the literature is investigated, and also searches of synthesis immanent and social – historical "mechanisms", which determines changes in literary – historical process.

Toporov's idea about "cycle" is interesting, the concept "unit" of a cycle as a part of a cyclic circuit where curtailing of the previous structure and beginning of new » and where it is possible to see is combined « how connection of separate cycles is carried out is entered. The gist of

this approach is in displacement of accents from the "finished" periods to transitive.

Bakhtin considered that genre's history of the literature is the most effective. The priority of the genre approach makes traditional tendencies «peripheral and historically small-minded», emphasizes indivisibility of destinies of literature and language, which unity just and is shown in a genre, examines study a history of literature as change and struggle of genres.

The genre approach enables to consider the literary phenomena in general interaction. It is very perspective for the concept of history of literature in comparative aspect.

The third idea is a choice between poetics and cultural science on creation the history of literature. It means the choice between the text and the concept.

The histories of literatures combining principles of idea's history and genre poetics have already been published within last years in Russia, as well as abroad.

Creating the first history of the North – Eastern China literature (1919-1949) in Russian, we basing on tradition should take into account new challenge of time.

ЛАПИНА З.Г.,**ШИЛИН К.И.**

(Россия)

**Экология культуры Востока (ЭКВ):
экологическая культура будущего**

Словосочетание «экология культуры» ввел в научный оборот ак. Д.С. Лихачев. Под «экологией» (oikos – дом, жилище, местопребывание, двор и logos – слово, понятие, учение) обычно понимается наука, «изучающая взаимоотношения организмов друг с другом и со средой их обитания» (Кр. филос. энциклопедия., М. 1994 г., с. 534), т.е., прежде всего, биологическая наука. Ее задача – «существенно улучшить биологические и социальные условия развития человека и всего живого на Земле» (там же с. 535). Уже этим определением экология объединяет живую природу с человеком=обществом. Эта тенденция к гармонии усиливается в понятии «экология культуры», ибо культура – предельно широка и выходит за пределы науки и даже включает её в себя.

Разброс мнений по поводу понятия «культура» (почти 500 ее определений) огромен. Термин «культура» (от латинского culture) означает «улучшение, совершенствование чего-либо» без определения четкого контекста действия. Предполагается, что человек как его субъект – источник изменения мира. Но наращивание знания как умений и навыков при отсутствии духовности, нравственности таит потенциальную угрозу обрести в нем страшное оружие, что и случилось на пути превращения культуры в цивилизацию.

Восточное, более глубинное, понимание культуры проглядывается в притче о Будде. Учитель, наблюдая за трудом искусных землевладельцев, наставлял своих учеников следовать их примеру: возделывать ниву чувств ради созидания узора культуры как неременного условия роста зерна духа.

Культура – это мудрость, дошедшая до нас как послание древних грядущим поколениям о том, что человек – микрокосм, изоморфный макрокосму=природе, рожден для достижения ее цели и что высшее назначение человека – жить по законам Вселенной, созидать саму ткань жизни.

ЭК в контексте культурологии направлена на выявление экологических потенций культуры в их логической целостности ради их дальнейшей эволюции.

Цивилизация – в отличие от культуры в ее современном бытии, – антиэкологична и даже эко-катастрофична. А значит, выход из идущей эко-катастрофы следует искать скорее в культурах Востока – с их особой логикой и мудростью, которая исторически и логически изначально антично=западной рацио-эгоистичной ее формы – философии и ее экофобной «триады»: диалектики=гносеологии=логики.

Культура Востока изначально=сущностнее и перспективнее естествознания и техно-цивилизации Запада. Ибо Восток непосредственно выводит себя из Жизни Природы, полагая все живым, а Запад полагает в качестве своего «фундамента»=базиса экономику, производственные (товарно=рыночные) отношения. Они же, по Марксу, суть отрицание Жизни, а потому системосозидающими отношениями в принципе быть не могут.

ЭКВ – это качественно новая сфера живого знания, создаваемого на основе синтеза культур Востока-Запада-России, а также прежде разьединенных религии-искусства-науки.

По своим функциям как стратегия совершенствования творческой личности ЭКВ возрождает былое (на Востоке) гармоничное единство человека-с-Живой Природой. Соответственно переосмысливается, гармонизируется западная цивилизация. Россия – в лице сообщества гуманитарной и особенно востоковедной интеллигенции способна гармонично объединить эти два процесса, духовно совершенствуя себя во имя этой поистине великой миссии.

Восток представляет для этого фундаментальные основания. Снимая цивилизационно=западный «перекосяк» и ассимилируя то, что можно экофильно-гармонично креативизировать, мы и создаем – в виде Экологии культуры Востока – Стратегию (само)совершенствования творческой индивидуальности на почве эко-синтеза культур как Творца Жизни.

KUZNETSOVA-FETISOVA Marina
(Russia)

New archaeological data from Yinxu
(The Ruins of Yin)

Yinxu was the last capital of the Shang-Yin dynasty (XVI-XI cc BC), and it is situated at the territory of present-day Henan province, near city Anyang. In 1928 organized archeological dig started, and were continued hitherto. Recently there were made several very interesting discoveries, enriching our knowledge of the level of development of Chinese society in XIV-XI cc BC.

One of the most important was a discovery of tomb No. 54 in Dec. 2000 –Feb. 2001. This was only the second discovery of rich undisturbed burial all through the history of excavations in this area. Wonderful state of the preservation of the complex gives additional value to this tomb, and let the researcher study the bones and partly wooden materials from it.

The archaeologists excavated a section of an ancient road, 9 m in width and 280 m in length. The road is divided into three parts. Chinese scientists claim that it is the first discovery of an ancient road of such a big size, date from Shang-Yin dynasty.

In the eastern part of Yinxu was unearthed site of ancient settlement, consisted of complexes of semi-earth houses. The complexes are oriented on the axis north-south, and date from XII c BC. In some of the houses were found remains of earth-filled benches – chuan, probably designed for rest; the calculations based on the number of benches, give the approximate figure of the population of this site – 100-150 people.

Southwards from village Jiaqiaocun, at the western outskirts of Yinxu, were found remains of great-scale dwelling area, total area is 50.000 square meters. It dates from middle-late Shang-Yin period. Total number of houses is more than 60. most probably, around the residence of the ruler-wang with his family, there existed several complexes of alike size, where the aristocracy and/or members of the administration of the ruler were dwelling.

All these discoveries give us a chance to take a closer look at the routine life, as well as the religious believes of the people of the Ancient China at the time of Shang-Yin dynasty.

Кузнецова-Фетисова Марина
(Россия)

Новые археологические находки в районе Иньсюя
(Развалины Иньской столицы)

Иньсюй (Развалины Иньской столицы) – последнее местоположение столицы династии Шан-Инь (XVI-XI вв до н.э.) на территории современной провинции Хэнань, в районе г. Аньян. Начало организованных раскопок в этом районе началось в 1928 году и продолжается до сих пор; в течение последних нескольких лет

было сделано несколько крупных открытий, предоставляющие исследователям новые ценные данные, касающиеся уровня развития общества в XIV-XI вв. до н.э.

Одной из наиболее важных находок является могила № 54, раскопанная в конце декабря 2000 – феврале 2001 года. Это вторая находка крупного неразграбленного захоронения за всю историю организованных археологических работ в этом районе. Дополнительную ценность этому погребению придает хорошая сохранность комплекса, дающая нам возможность изучить костный материал и частично – деревянные предметы.

Был также раскрыт участок древней дороги шириной в 9 метров и длиной в 280 метров. Дорога разделена на три части. Китайские специалисты отмечают, что это первый случай обнаружения дороги такого размера, относящийся к династии Шан-Инь.

В западной части Иньсюя было раскопано городище, составленное из комплексов полуземлянок. Комплексы домов ориентированы по оси север-юг; время их сооружения относится примерно к 12 веку до н.э. В некоторых домах были обнаружены насыпные земляные полки, предназначенные для сна – чуаны; основанный на их количестве расчет примерного населения этого комплекса составляет 100-150 человек.

К северу от дер. Цзяцяоцунь, на западной окраине Инь-сюя, были раскрыты остатки крупномасштабного жилого комплекса общей площадью в 50000 кв.м средне-позднешанского периода. Общее количество остатков сооружений – более 60. Вероятно, вокруг местопребывания вана с семьей существовало несколько комплексов подобного типа, где проживали аристократы или члены администрации правителя.

Все эти находки позволяют лучше представить повседневную жизнь и особенности религиозного сознания древних китайцев при династии Шан-Инь.

КУВШИНОВ Ю.А.

(Россия)

Ноосферное мировоззрение

как путь выхода из экологического кризиса

Глобальный экологический кризис есть закономерное следствие человеческого мировоззрения и соответствующей логики социального поведения. Разрешение экологического кризиса, как и других глобальных проблем, невозможно в рамках прежней мировоззренческой парадигмы.

К. Леви-Строс указывал на то, что западная цивилизация предполагает безусловный приоритет культуры над природой. Восточные же народы считают, что природа есть первый источник существования человека, это та почва, на которой человек может вступить в контакт с предками, духами, богами. Природе отдается

принципиальное предпочтение перед культурой. Ахимса джайнов, установки буддистов, даосов ориентируют на сохранение всего живого, на благоговейное отношение к миру, частью которого является человек. Основные усилия народы Востока направляли не на техническое, преобразование внешнего мира, а на самосовершенствование внутреннего мира человека. Если западное мировоззрение делает упор на борьбу противоположностей, то восточное – на единство противоположностей, гармонию ян – инь. Лад в природе и обществе был главной целью как Риты индусов, так и Дао китайцев.

В.И.Вернадский писал: «До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, в известной степени биологи, сознательно не считаются с законами биосферы – той земной оболочкой, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее неотделим, и эта неразрывность только теперь начинает перед нами точно выявляться, и в действительности ни один живой организм в свободном состоянии на Земле не находится. В нашем столетии биосфера получает совершенно новое понимание. Мы поставили проблему о космичности жизни как текущую научную задачу». Человек является сложной биосоциодуховной системой, неразрывно связанной с окружающей средой множеством энерго-информационных связей, которые он должен хорошо знать и учитывать в своих действиях. Н.Н. Моисеев назвал такую жесткую зависимость экологическим императивом, от соблюдения которого зависит само существование человека на Земле.

В этих условиях наиболее перспективной является идея ноосферы, которую разрабатывал Вернадский, а сейчас его последователи. Эта идея наиболее полно отражает коэволюцию общества и природы. Принцип жизни ноосферы – гармоничное системное развитие общества как единого целого, руководящее гармоничным и системным развитием всей окружающей среды, преодолевающей хаос и беспорядок вне и внутри себя.

Становление ноосферы как планетного процесса связано с формированием новой духовности, наследующей традиции мировой общечеловеческой культуры. История человеческого духа это история осмысления, расширение и углубления среды обитания человека. Различные этносы по-разному относились к природе, и это было связано не только с ландшафтом, но и тем или иным типом культуры. Восточной культуре более присущ взгляд на природу как нечто единое с человеком.

Становление ноосферного сознания процесс многосторонний и сложный. Можно сказать, что процесс ноосферного сознания предстает как движение от природоохранного сознания к экологическому, а затем от экологического сознания к биосферному и ноосферному. Ноосферное сознание – это действительное единство экологического глобального общечеловеческого сознания цивилизованного человечества. Экологическое сознание столь же законо-

мерно перерастает в ноосферное как биосфера в результате космического геологического процесса переходит в ноосферу.

Ноосферное мировоззрение представляет собой сложнейшее культурно-историческое образование идеально-образного и информационно-знакового порядка, вырастающее из духовно-телесного континуума, формирующегося в результате космопланетарного процесса перехода биосферы в ноосферу. Ноосферное мировоззрение позволяет выходить на причины глобального кризиса, в том числе и экологического. Оно делает возможным через изменение логики социального поведения реально и на длительную перспективу планировать действительно устойчивое развитие, обеспечивающее процесс коэволюции природы и человека.

KORSUN V.A.

(Russia)

The Empire maneuvering

International relations are more and more becoming relations between peoples as representatives of different nationalities, cultures and civilizations and the world policy is more and more transforming into "face to face" diplomacy. The intensification of international contacts and enlargement touch surface between holders of different ways of life "and" ways of thinking "relieved diversity of the world due to the differences in historical conditions, concepts of values, cultural traditions, ethnic psychology and other civilizational aspects of life.

Such huge socio-cultural laboratory as China gives a lot of analytical materials for reflections about diversity of the world, especially in the period, when in result of "opium wars" it was violently involved into nations-states interrelation system, which have been usual on the European ground and strikingly distinguished from theory and centuries-old practice of the traditional world order, called "tributarian system".

Original documents testify, that even in the moment, when Chinese could not defeat the "barbarians" (this time from Europe) and assimilate them culturally and biologically, the Qing dynasty was maneuvering and did not demonstrate obvious attributes of any decline in the Chinese consciousness of a complex of the unconditional superiority of traditional values and social – political institutes of China. Chinese rulers could not "renounce principles" not only by virtue of psychological complexes, when it was easier to them to lose a throne, than the illusions of the superiority, but also because having ceded even one of formal – prestigious elements of the "Chinese world order", they risked to "lose the face" in eyes of the citizens and really to lose legitimacy for the authority and throne. In 1861 during the "self-strengthening" policy the so-called "Office on general management of businesses of all countries" (The Tsungli geguo shiwu yamen) in Bei-

jing was established, that can be considered as an institutional "trick" of manchu dynasty, which was called in eyes of the foreigners to play a role of a prototype of "the foreign office", but in fact within 40 years acted in function of certain "stratagemic screen".

Besides the reaction of rejection of alien model of behavior and forced appeal to moral – ethical categories in conditions, when by way of economic and military power China little could oppose to western powers and Japan, the situation was complicated by literal "mutual misunderstanding" within the framework of beginning "dialogue of civilizations". In reality the traditional Chinese consciousness has not elaborated terms adequate to concepts as "people", "nation", "society", "state", "personality" and also analogic to such European categories as "policy", "economy", "sovereignty", "right" etc. The analysis of "world building" statements of China political elite representatives, and also principles of functioning and practice of the protocol of an emerging diplomatic service of China convinces, that it is possible to speak not about Chinese people complex of inferiority and compelled adaptation to new norms, but faster about intensive "chinazation" of the values, which have come from the West.

The "tributarian system" and "koutou diplomacy", almost in accordance with the "Parkinson law", could not disappear without leaving a trace and on inertia "worked on itself", so in result both models of international relations still continued (and in some aspects are continuing) coexisting for a long time, as though "in parallel", and first of all in Chinese mentality. To be sure, it is the character and quality of people, not the adequacy of machinery (is "software", not "hardware"), that determines and will determine our planet inter-civilizational coexistence. The history of China in XX of century testifies that not the "breaking" or "washing away" of archaic structures and ideas, but their transformation and level-by-level "stringing" on certain cinocentric core took place. The Marxist concept of stage-formation social development, that was building a certain gradation of the peoples and the countries by criterion of "class" or other "maturity" on the highway to "communism" or some kind of "socialist spiritual civilization", correlated very well with the "Chinese world order" and, undoubtedly, promoted its "relapses" at a new stage and attempts to build a "new" hierarchic system. The time will show in what degree the further transformation of Chinese ethnic psychology, in which today the elements of several social epoch at once are interlaced, will allow this country to rise on a way of a real openness, mobility and diversification and to give an adequate "answer" to the challenges China in our times is faced. To be sure, it is the character and quality of people, not the adequacy of machinery (is "software", not "hardware"), that determines and will determine our planet inter-civilizational coexistence.

Корсун В.А.
(Россия)

Единство в многообразии

Международные отношения все более становятся отношениями между людьми как представителей различных наций, культур и цивилизаций, а мировая политика все более приобретает черты дипломатии «лицом к лицу». Интенсификация международных контактов и расширение площади соприкосновения представителей различных «образов жизни» и «образов мышления» выявляет многообразие мира в силу различия в исторических условиях, системе ценностей, этнической психологии и других цивилизационных аспектах их бытия. Такая гигантская социокультурная лаборатория как Китай, особенно в период его насильственного включения в результате «опиумных войн» в систему взаимоотношений наций-государств, сложившихся на европейской почве и разительно отличавшейся от теории и многовековой практики традиционного мироустройства, именуемого «даннической системой», является благодатнейшей почвой для подобных размышлений.

Оригинальные документальные материалы свидетельствуют о том, что даже когда китайцам не удалось одолеть «варваров», пришедших на этот раз из Европы, преобразовав их по своему образу и подобию, цинская династия лавировала и не демонстрировала явных признаков подрыва в китайском сознании комплекса безусловного превосходства традиционных ценностей и социально-политических институтов Китая. «Поступиться принципами» китайские владыки не могли не только и не столько в силу психологических комплексов, когда им легче было потерять трон, чем иллюзии превосходства, но и потому, что, пожертвовав хотя бы одним из формально-престижных элементов «китайского мирового порядка», они рисковали «потерять лицо» в глазах своих подданных и действительно лишиться легитимности своей власти и трона. Институциональной «уловкой» маньчжурского двора стало учреждение в Пекине в 1861 г. в рамках политики «самоусиления», так называемой, «Канцелярии по общему управлению делами всех стран» (Цзунли гэго шиу ямынь), которая была призвана в глазах иностранцев играть роль прообраза «министерства иностранных дел», а на самом деле в течение 40 лет выступала в функции некой «стратагемной ширмы».

Помимо реакции «отторжения» чуждой модели поведения и форсированной апелляции к морально-этическим категориям в условиях, когда в плане экономической и военной мощи Китай мало что мог противопоставить западным державам и Японии, ситуация осложнялась буквальным «взаимонепониманием» в рамках начинающегося «межцивилизационного диалога». Ведь традиционное китайское сознание не выработало терминов, адекватных понятиям «народ», «нация», «общество», «государство», а также таким европейским категориям как «политика», «экономи-

ка», «суверенитет», «право» и т.д. Анализ мироустроительных заявлений представителей политической элиты, а также принципов функционирования и практики протокола складывающейся дипломатической службы Китая убеждает, что можно говорить не о комплексе неполноценности и вынужденной адаптации китайцев к новым для них нормам, а скорее об интенсивной «китаезации» пришедших с Запада ценностей.

«Данническая система» и «дипломатия коутоу», почти по «закону Паркинсона», не могла исчезнуть бесследно и по инерции «работала на себя» и, в результате, обе модели внешнеполитического устройства еще длительное время продолжали (а в некоторых аспектах и продолжают) сосуществовать, как бы «параллельно», и в первую очередь в ментальности китайцев. История Китая XX века свидетельствует не о «ломке» и «вымывании» архаичных структур и представлений, а скорее об их трансформации и послойном «нализывании» на некий китаецентристский стержень. Марксистская концепция стадияльно-формационного социального развития, выстраивающая некую градацию народов и стран по критерию «классовой» и иной «зрелости» на столбовой дорожке к «коммунизму», либо «социалистической духовной цивилизации», очень хорошо коррелировала с «китайским мировым порядком» и, несомненно, способствовала его «рецидивам» на новом этапе и попыткам построить «новую» иерархизированную систему. Время покажет, в какой степени дальнейшая трансформация этнопсихологии китайского социума, в которой сегодня причудливо переплетаются элементы сразу нескольких социальных эпох, позволит этой стране встать на путь подлинной открытости, мобильности и диверсифицированности, дав адекватный «ответ» на «вызовы» современной эпохи. Можно быть уверенным, что именно национальный характер и человеческие качества, а не адекватность машин и техники («software», а не «hardware»), определяют и будут определять межцивилизационное сосуществование на нашей планете.

КОБИЩАНОВ Ю. М.

(Россия)

Большая феодальная формация и социально-исторический комплекс полюдь в истории неевропейских цивилизаций

Большая феодальная формация господствовала в центральных поясах мира на протяжении многих тысячелетий. Самодержавно-бюрократические, колониально-феодальные, ленинистско-сталинистско-неофеодальные и другие разновидности – поздние формы большой феодальной формации. Ее история – это постепенное распространение из мировых центров (цивилизаций) на периферию, формирование новых центров, их интеграция в мировую систему феодализма. Этот процесс завершился тогда, когда в За-

падной Европе уже рождалась современная, капиталистическая формация.

Внутри становившихся и развивавшихся феодальных обществ зарождались и развивались комплексы социальных институтов и функций полюдя, общинно-кастовых систем, дальней торговли, храмово-монастырский, самодержавно-бюрократический и пр. Каждый комплекс соединяет в себе экономические, политические, религиозно-натуральные, символические и другие функции. Одни и те же социальные институты входят в разные комплексы, причем одни комплексы вытесняют другие. В комплексе полюдя может быть две-четыре экономических функций, судебная, политическая функции, ритуально-религиозные, символические и др.

Комплекс полюдя развивался с глубокой древности (Египет, хаттско-хурритская Передняя Азия, Скифия, Индия. Китай) до его вытеснения самодержавно-бюрократическим и другими комплексами в разное время в разных феодальных обществах.

В Западной Европе комплекс полюдя существовал почти повсеместно в средние века, в других регионах мира – вплоть до XIX в. и даже начала XX в. (Тибет, Марокко, некоторые государства банту). В ряде регионов (пояс народов ква в Западной Африке, Древняя Греция, Римская Республика и Империя и др.) комплекс полюдя не развивался.

В каждом из регионов он прошел (или не прошел) самостоятельный путь развития от зачаточных форм к высокоразвитым. В некоторых регионах в центральных обществах источники средневековья и нового времени описывают развитые разновидности полюдя, тогда как ранние существовали в периферийных обществах еще в XIX в. (Кавказ, Магриб с Сахарой). Порой сведения о комплексах типа полюдя на данной территории встречаются с перерывом в тысячи лет (Нубия, Малая Азия). Лишь в немногих случаях (Эфиопия с IV в., страны Европы с V – X вв.) можно проследить непрерывное развитие комплексов этого типа на протяжении многих веков (в Эфиопии – полутора тысячелетий), но не с самого его зарождения. Только изредка можно говорить о распространении комплекса полюдя из одного сравнительно небольшого региона (земли древних германцев, степных угров и тюрок) на более обширные территории.

КИКАБИДЗЕ Э.В.

(Russia)

Japanese business and biotechnology

Nowadays the growth of Russian economy to a great extent will depend on the process of developing business, small and medium including, its participation in developing, producing and export new industrial technology.

Biotechnology is becoming a dominant branch in economy of XX1 century. Japan is one of the leaders in biotechnology. As it is well known the production with the help of biotechnological methods and principles will be based on the really Japanese raw material without any deficit of it and moreover all biotechnological processes will be made under the normal temperature. The priority of the biotechnology is defined by all these facts. The history and character of the developing of biotechnology is substantially distinguished from the developing of mechanical engineering, electronics and other branches of industry, determining the economic power of contemporary Japan. Biotechnology is an example of developing new technology. Its development in Japan is going on according to an absolutely new scheme. Biotechnology is developing just on the base of fundamental research.

As is known the fundamental principles of science and technology in biotechnological sphere were formed in Japan as well as in other foreign countries simultaneously at the early 1980s. That is why Japan was unable to use the results of their front scientific research in this sphere on a large scale. That is the specific character of the developing of biotechnology in Japan.

Japan was forced to stimulate national basic research in biotechnology in order to save its leading position in the world economy and to create new processes of production of different branches of industry on the base of biotechnology. The perspective of further growth of biotechnology in Japan will be defined just by the level of national basic research.

Presently biotechnology is one of the most attractive spheres of high technology for private capital. That is why it is of use to investigate the strategy of Japanese private firms in biotechnology.

First of all just the big chemical, pharmaceutical and food firms rushed into biotechnology. At the early 1980s they began reorganize their scientific research system: to finance basic research on a large scale, to form new cadre of scientific workers and to create new scientific research centers, investigating different urgent problems (man's brain functions, aging, environmental problems, genetic engineering and so on). Now the big and advantageous firms not seldom create new laboratories dealing with the scientific research in biotechnology. The real example is the well known firm "Toyota", where a new biology division was formed. Medium and small business are also actively involved in biotechnology.

At the last years along with license agreements Japanese and foreign (American as a rule) firms are conducting joint scientific research in biotechnology.

The elaborative investigation of the strategy of Japanese firms in biotechnology is of great interest not only for Russian businessmen but for the representatives of different governmental organizations as well. This investigation allows to elaborate urgent law, tax and fiscal measures for stimulating private business in Russia.

Кикабидзе Э.В.
(Россия)

Японский бизнес и биотехнология

В настоящее время подъем российской экономики в значительной мере будет зависеть от процесса развития в стране частного предпринимательства, в том числе малого и среднего, его участия в разработке, освоении и экспорте достижений новых промышленных технологий.

Биотехнология становится доминирующей отраслью в экономике XXI века и Япония является одним из лидеров в этой области. Приоритетность биотехнологии определяется тем, что производства, использующие биотехнологические подходы и принципы обещают быть малозергоемкими, не будут требовать затрат дефицитных материальных ресурсов и будут базироваться на имеющихся в Японии источниках сырья. История и характер развития биотехнологии существенно отличается от развития машиностроения, электроники и ряда других отраслей, определяющих экономическое могущество современной Японии. Биотехнология является примером развития новых технологий. Ее развитие идет по принципиально новой схеме. Вначале закладываются научные основы с помощью национальных фундаментальных исследований и все последующие разработки делаются на их основе.

Специфической особенностью развития биотехнологии в Японии как новой отрасли экономики является то, что фундаментальные основы науки техники и технологии в этой области закладывались на рубеже 80-х годов одновременно с созданием таких основ в других ведущих странах и Япония лишь в ограниченном масштабе могла использовать опыт этих стран.

Для сохранения лидирующих позиций в мировой экономике и создания оригинальных процессов получения продукции химической, нефтехимической, электротехнической и других отраслей на основе использования биотехнологии Япония была вынуждена форсировать проведение фундаментальных исследований в этой области. Перспектива дальнейшего роста биотехнологической индустрии определяется уровнем развития именно этих исследований.

На современном этапе биотехнология является одной из наиболее привлекательных сфер высокосложной технологии с точки зрения приложения частного капитала. В связи с этим представляет интерес рассмотрение стратегии японских частных фирм в биотехнологии.

Застрельщиками развития биотехнологии в Японии были крупные химические, пищевые компании, которые с начала 80-х годов стали стремительно реорганизовывать свою систему НИОКР: направлять значительные финансовые ресурсы на проведение фундаментальных исследований, набирать новый состав научных сотрудников, открывать новые научно-исследовательские центры, проводящие исследования по широкому спектру насущных про-

блем (процессы функционирования мозга человека, биообновление загрязненной почвы, геновая инженерия). В последние годы крупные и процветающие компании нередко создают новые отделения, занимающиеся бизнесом, не связанным с основным направлением их деятельности. В качестве примера можно привести фирму «Тойота», создавшую новое отделение, занимающееся биотехнологией. В процесс проведения исследований и разработок в биотехнологии активно вовлекается также малый и средний бизнес.

На современном этапе наряду с заключением лицензионных соглашений наблюдается стремление японских и зарубежных фирм (в основном, американских) к проведению совместных исследований в области биотехнологии).

Тщательное изучение опыта японского частного бизнеса в биотехнологии представляет интерес как для российского предпринимательства, так и для представителей государственных органов. Этот опыт позволяет разработать насущные законодательные, налоговые и фискальные меры по стимулированию процесса частного предпринимательства в России.

Как известно, японские фирмы проявляют повышенный интерес к фундаментальным исследованиям крупных научно-технических держав, в частности, России. Укрепление научно-технических связей между нашими странами в области биотехнологии способствовало бы решению ряда неотложных проблем глобального характера.

КУРАС Л.В.
(Россия)

Атаман Г.М. Семенов и панмонголизм

В Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации хранится 25 томов уголовного дела атамана Г.М. Семенова, в материалах которого нашли отражение все жизненные коллизии забайкальского атамана.

В годы революции и гражданской войны Г.М. Семенов активно использовал такой политический феномен как панмонголизм.

Уже в мае 1917 г. Григорий Семенов пишет докладную записку на имя А.Ф. Керенского, в которой предлагает сформировать в Забайкалье конный монголо-бурятский полк. Впоследствии такой полк, носивший имя Доржи Баюарова, был создан. Осенью 1917 г. созданный Г.М. Семеновым Особый маньчжурский отряд в большинстве своем состоял из хунхузов. Не только Япония, но и Г.М. Семенов вынашивал идею создания панмонгольского государства. Поэтому не случайно, что именно он стал инициатором созыва панмонгольского съезда в феврале 1919 г., которому предшествовало совещание на ст. Даурия, где были выработаны основные направления предстоящего съезда. Однако какой-либо стройной концепции в деле реализации этой идеи у него не было и не

могло быть. В отличие от лидеров белого дела у него не было ни национальной программы, ни программы государственного строительства. Тем не менее, в связи с его активной деятельностью интересно отношение к нему государственников как «белых», так и «красных». Адмирал А.В. Колчак обвинял забайкальского атамана в попытке объединить Забайкалье с Монголией и выйти из состава России. Что касается большевиков, то они видели Г.М. Семенова лишь как марионетку Японии, который реализовывал устремление японских милитаристов на господство в Азии. Эти взгляды весьма поверхностно характеризуют неординарную фигуру забайкальского атамана. Наиболее точно противоречивую фигуру забайкальского атамана характеризовал Л. Юзефович: Атаман менял маски в зависимости от обстоятельств и обращался к идее панмонголизма лишь тогда, когда это было ему выгодно. И куклой в руках Японии он никогда не был, а лишь умело использовал милитаристские планы Японии в своих интересах. Это мнение полностью подтверждается характеристикой о политическом кредо атамана Семенова, данная его сподвижником генералом Л.Ф. Власьевским: «Человек без определенных политических убеждений, политический фантазер с большими авантюристическими наклонностями, но ни в коем случае человек реальной политики».

Не смотря на активное противодействие со стороны буржуазно-либеральных кругов Японии и некоторых представителей монгольского мира атаману Семенову удалось протащить на съезде панмонголистов идею создания независимого федеративного «Велико-Монгольского государства», в состав которого должны были войти Внутренняя и внешняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят. делегаты избрали правительство, которое получило название «Даурского». Правительство нашло пристанище на ст. Даурия, так как избранный столицей будущего государства г. Хайлар был оккупирован китайскими войсками. Для защиты нового государства создавалась армия, в которую буряты должны были поставить 3 тысячи человек. Один из функционеров Бурятской национальной думы В. Вампилун так охарактеризовал необходимость создания национальных воинских формирований: «Задачи создания национальных войск, по-видимому, заключались в осуществлении панмонгольских идей». Решение проблемы вооружения и экипировки взял на себя Г.М. Семенов, что соответствовало устремлениям лидеров бурятского национального движения. Еще в конце 1918 г. Э.-Д. Ринчино в письме Д. Сампилову указывал: «Относительно создания военной силы я думаю теперь так: придется использовать Семенова и привести меру принудительно. без милитаризма масс, по-видимому у нас ничего не получится»⁵. На самом деле в этом вопросе Семенов использовал финансовые возможности Японии, чем еще раз показал умение использовать

ситуацию. Именно с созданием бурятских вооруженных формирований раскрылись подлинные интересы атамана Г. Семенова. Он активно и неоднократно стремился использовать бурятский полк в борьбе против партизанской армии Журавлева. И лишь непреклонная позиция руководства Бурнардумы помешала осуществлению его планов.

Таким образом, идеи и движение панмонголизма забайкальский атаман Г.М. Семенов активно использовал в своих интересах. Следует отметить, что находясь в эмиграции и активно сотрудничая с Японской военной миссией, он в 1941 г. подготовил проект создания единого монгольского государства (МНР и Внутренняя Монголия) как буфера между СССР и Японией.

PAVLENKO V. V.
(RUSSIA)

Origins of ziggurats: to the history of the problem

The research of ways and techniques of the building of cultural architecture sets a question about the origin and purpose of ziggurats. For more than one hundred years of the research a lot of versions about function of cult towers have been raised but not any of these proposals can be regarded as irrefragable.

Some scholars mix up causes of origins and functions of ziggurats. Undoubtedly the difference should be drawn between the time of origin of the idea of building such kind of structures and the time of its following development. Continuation of traditions does not mean that the ideas, which were set at the beginning, are still alive.

Starting from clear opposition of practical and symbolic the scholars prefer either utilitarian or extra-utilitarian causes. Unfortunately the latter are considered only as secondary, not obligatory. However that differentiation is always subjective. What is seen as rational from the point of view of one culture can be estimated from different position in the other society. Therefore it is essential to admit the equality of rational and irrational causes. Probably at various stages they play different parts but they always coexist.

ГАЗДАНОВ М. Т.
(Владикавказ)

Сравнительный анализ свадебных обрядов у памирцев и осетин

На Памире и в Северной Осетии в течение ряда веков свадебный ритуал претерпел значительные изменения. Тем не менее, в свадьбе памирцев и осетин сохранились разные элементы древней

обрядовости, которые при сопоставлении могут помочь нам найти общее и осуществить реконструкцию утраченного.

В период работы на Памире в августе-сентябре 2003 года автор исследовал свадебные обряды памирцев и затем мог сравнить их с аналогичными осетинскими обрядами. На основании этого удалось провести реконструкцию и сделать интересный вывод о степени сохранности этого обряда у памирцев и осетин.

На Памире и в Осетии сохранено много элементов свадебной обрядовости, которые взаимно дополняют друг друга. В свадебном обряде у памирских народов и осетин сохраняются даже идентичные по звучанию названия, что говорит не только о языковых параллелях, но их реальном проявлении в традиционной обрядовости. Можно сказать, что свадьба – это одна из форм воплощения древних религиозных воззрений в действии. В связи с этим нельзя не отметить, что в религиозном отношении памирцы и осетины разделились: памирцы в основном – мусульмане. В отличие от них, процент людей, принявших ислам, в Осетии гораздо ниже. Но, несмотря на это, единство обрядовых действий говорит о воздействии на них более древних религиозно-философских систем.

САНЧИРОВ В.П.

(Элиста)

Вхождение ойратов в состав государства Чингис-хана

В 1204-1205гг., разгромив найманов, Чингис-хан (1162-1227) завершил объединение под своей властью всех монголоязычных племен, обитателей степной части Монголии. В 1206 году на берегах реки Онон собрался великий съезд кочевой знати, военачальников, ближайших сподвижников и родственников монгольского хана Тэмуджина. Они избрали его на царство и подтвердили принятый им еще в 1189г. титул «Чингис-хана» в смысле «вселенский хан». Однако воинственные «лесные народы», обитавшие в Южной Сибири от Байкала и Хубсугула до Западной Сибири, продолжали вести независимое существование. Их военная сила, людские ресурсы и богатства их земли, а также стратегически выгодное положение занимаемой ими территории привлекали правителя недавно созданного монгольского государства.

Уже в следующем году, 1207, Чингис-хан приступил к завоеванию Южной Сибири.

1. Хотя в «Тайной истории монголов» (№ 239) сообщается, что этот регион был присоединен к монгольскому государству в результате похода старшего сына Чингис-хана Джучи против «лесных народов», имевшем место в «году Зайца», т.е. в 1207 году, на самом деле это не так. Автор «Тайной истории монголов» объединяет вместе

события, относящиеся к двум военным кампаниям монголов против «лесных народов» в 1207-1208 и 1217-1218 годах. Хронология «Сборника летописей» Рашид-ад-дина точнее отражает историческую действительность, что подтверждается показаниями китайских источников юаньского периода.

2. Б.Р. Зоригтуев, специально изучавший развитие событий в Прибайкалье в эпоху Чингис-хана, отмечает, что «в политике и действиях прибайкальских племен в связи с созданием единого Монгольского государства имели место добровольность, борьба и нейтралитет»*. Ойраты относились к числу тех племен, которые добровольно подчинились Чингис-хану и верно служили ему. В прошлом, когда в степи шла борьба за власть, ойраты неизменно выступали на стороне противников монгольского хана (Джамузи, керейтского Ван-хана и найманского Буюрук-хана). На этот раз их правитель Хутуга-бэки, трезво оценив политическую и военную обстановку в Центральной Азии, изъявил покорность Чингис-хану. С этого времени ойраты стали играть особую роль в утверждении монгольского владычества в данном регионе.

3. После вхождения ойратов в состав монгольского государства существовавшая у них система управления осталась прежней. Хотя у них было создано 4 тысячи, тем не менее они сохранили свою однородную этническую структуру. Хутуга-бэки также сохранил свои властные полномочия, будучи уравнен в правах с монгольскими нойонами-тысячниками. Установление полного монгольского контроля над Южной Сибирью произошло только через десять лет, в 1218 году, для чего понадобилось повторное завоевание Саяно-Алтайского нагорья. Тогда здесь восстали «лесные народы», из которых лишь ойраты не изменили и не участвовали в антимонгольском восстании. Их правитель Хутуга-бэки оказал активное содействие монголам в военных действиях против восставших племен. За это он удостоился особых почестей: его старейший сын Торэлчи получил в жены дочь Чингис-хана царевну Чэчэйгэн, а второй сын Иналчи – внучку Олуйхан (Холуйхан), дочь старшего сына Чингис-хана Джучи. Одна из дочерей ойратского правителя была выдана замуж за внука Чингис-хана Мункэ, будущего великого хана (1251-1259). В бескровном завоевании и включении ойратов в состав Монгольского государства наряду с их добровольным признанием монгольского подданства определенную роль сыграли многовековое близкое соседство монголов и ойратов, языковая общность (монголы и ойраты говорили на близких диалектах монгольского языка) и общность генеалогических истоков (легендарная пра-родительница монголов Алан-гоа происходили родом из «лесного народа» хори-туматов).

* Зоригтуев Б.Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII века. Улан-Удэ, 1997. стр.33

СЕРКИНА Г.А.

(С-Петербург)

Орнитоморфная символика в костюме тюрок и монголов

Появление любого рукотворного изделия обусловлено его жизненной востребованностью.

Благоприятные обстоятельства для возникновения ворсового коврика сложились под влиянием следующих факторов: прототип (меховой коврик); климатический фактор (холод); изобилие материала в виду образа хозяйствования (овечья шерсть); изобретение разных способов получения ворса (архаичные способы и сами меховые коврики бытуют у тюркоязычных народов; археологические находки совпадают с ареалом их расселения).

СИБГАТУЛИНА А.Т.

(Елабуга)

Жанр татарской религиозно-суфийской литературы

Религиозно-суфийская литература казанских татар является одной из малоисследованных областей востоковедения.

Система жанров религиозно-суфийской литературы мы подразделяем на несколько групп: 1) произведения, восхваляющие Аллаха: таухиды, мунаджаты; 2) произведения, восхваляющие пророков: нагт, сира, хилна, маулид, миграджнаме и др.; 3) произведения, связанные с религиозной обрядностью: рамазаны, илахи бейт и др. Особенности каждого жанра анализируются на примере конкретных произведений на татарском языке.

СКОРОХОДОВА Т.Г.

(Пенза)

Концепция демократии в наследии Раммохона Роя (опыт реконструкции)

Британское правление принесло Индии модель демократической политической системы, основанной на разделении властей, светской государственности, формальном равенстве прав и свободе самоорганизации граждан. Первая в Индии нового времени концепция демократии, представленная Раммохоном Роем (1774-1833), реконструируется на основе составленных им документов в защиту свободы прессы.

Дихотомия «деспотия-демократия» представлена Р.Роем как «нецивилизованное» правление, опирающееся на невежество народа, на подавление свободы выражения и чреватое восстаниями, революциями и анархией, противопоставленное правлению «цивилизованному», просвещенному, при котором народ обладает всей полнотой политических и гражданских прав. В историческом опыте любой страны Востока и Запада есть периоды деспотии и демократии.

Британское государство стало для индийцев образцом системы разделения властей и законодательно закрепленных прав и свобод граждан. Р.Рой считал, что разделение властей знала и Древняя Индия: брахманы представляли законодательную, а кшатрии – исполнительную власть; общественная гармония существовала, пока власти не смешивались, нарушение принципа вызывало тиранию и угнетение. Несмотря на то, что индийцы с приходом британской Ост-Индской компании утратили политические права, они приобрели гражданские права и свободы. Однако Правительство Компании, в отличие от метрополии, на практике объединяет все ветви власти, чем нарушает принцип разделения властей.

Важнейшую роль в развитии демократии в Индии, по мнению Р.Роя, должна играть свобода прессы. Она способствует распространению полной и непредвзятой информации знания, поощрению образования, социального и интеллектуального совершенствования, позволяет свободно выражать и защищать мнения народа по всем вопросам, в первую очередь – политическим. В индийских условиях, когда население не имеет доступа к управлению страной, свободная пресса становится средством взаимодействия между гражданами и властью: позволяет контролировать средства, которыми осуществляются «благие намерения» правительства, ответственность законам действий властных структур, обсуждать предлагаемые правительством законопроекты, обнародовать несправедливые действия властей, разоблачить коррупцию во властных структурах и т.д. Пресса превращается в средство выявления, обсуждения и разрешения социальных конфликтов, предотвращения социальных потрясений. Ограничения свободы печати не только ставят барьер на пути общественного развития в Индии, но и освобождают власть от критики и, следовательно, от общественного контроля над ее деятельностью. Здесь Раммохон Рой не только указал на роль информации в развитии общества, но и выявил возможности участия населения в управлении страной посредством прессы. Р.Рой объективно близок европейскому представлению о соотношении государства и гражданского общества: просвещенное общество понимает ценность мира, свободы и хорошего управления, и на первом месте стоит общественный интерес; государство охраняет права и привилегии граждан и несет ответственность перед обществом за все свои действия. Общество не может позволить личному интересу чиновников во властных структурах восторжествовать над общественным интересом. В трудах Р.Роя скрыто присутствует и идея государственного патернализма, понимаемого как охрана прав, свобод и достоинства граждан.

Для Р.Роя подлинная демократия заключена в возможности граждан различными средствами – от критики действий властных структур до участия в их деятельности – влиять на управление государством и обществом. В обращении к британскому королю в защиту свободы прессы Р.Рой впервые предлагает разрешить пред-

ставителям местного населения Индии номинально принимать участие в управлении страной в комиссии, которая будет представлять Совету директоров Компании информацию о жизни и проблемах населения Индии.

Реальная борьба Раммохона Роя за свободу печати в Индии стала первым опытом борьбы конституционными методами за гражданские и политические свободы. Идеи демократического управления обществом, выдвинутые реформатором, объективно создавали предпосылки для возникновения теории и практики ненасильственных действий.

САРТИКОВА Е.В.

(Элиста)

Образование как фактор «выживания»

малочисленных народов в современном обществе

Потребность в исследовании названной темы диктуется объективными условиями развития малочисленных народов в российском государственно-политическом, экономическом и культурном пространстве. Глубокий кризис, переживаемый Россией в сфере межнациональных отношений, с чрезвычайной остротой ставит как задачу изучения уникальной по своей сложности специфики российских народов, так и анализа политико-мировоззренческих механизмов в целях понимания природы этого кризиса, а также поиска выхода из него в том числе и на основе исторического опыта.

Речь идет о необходимости выработки «концепции выживания» малочисленных народов в современных нивелирующих условиях. Отсутствие такой концепции лишает современную национальную политику России компаса, превращает ее в противоречивый процесс разрозненных сугубо прагматических действий по «гашению» острых, «неожиданно» возникающих конъюнктурных ситуаций.

При выработке новых концепций почти всегда камнем преткновения становится вопрос о наличии смыслового соответствия между информационным запросом автора и возможностью получения адекватного ответа на него. Применительно к теме исследования ответ может быть только отрицательным, если оставаться в рамках традиционного подхода к истории народного образования. Поэтому, кстати, избранная проблема не ставилась в науке, хотя ее актуальность бесспорна.

Чтобы понять вышестоящий вопрос, перечислим факторы, обеспечивающие сохранение (выживание) малочисленного этноса, указывая в каждом случае информационную базу исследования. Воспроизводство малочисленного этноса обеспечивается:

- компактностью его проживания. Разобщение народа угрожает его существованию. Надежной основой для анализа является в данном случае демографическая статистика – дореволюционная

и советская. В ней есть пробелы, но в целом она создает достаточно полную картину.

- национально-культурной автономией, легче всего достижимой в условиях национальной государственности. Здесь можно воспользоваться сравнительно-историческим анализом наиболее существенных документов конституционного характера.

- адаптацией народа к условиям существования в многонациональном государстве. В связи с этим анализируется двуязычие как билингвизм, письменность (смена алфавитов) и другие вопросы. Источники и литература дают здесь достаточную основу для обобщений.

- способностью малочисленного этноса к нахождению своего места (ниши) в решении общегосударственных задач. Это возможно лишь при опоре народа на свой специфический опыт, благодаря которому он вырабатывает профессиональные навыки и умения, необходимые для «обмена деятельностью» с другими народами и прежде всего с народом – создателем общей государственности. Воспроизводство же и совершенствование этих навыков и умений по мере общего роста цивилизации все больше зависит от развития системы общего и профессионального образования.

Из всей совокупности анализируемых общероссийских функций калмыцкого народа, имеющих практическое значение (и, соответственно, функций народного образования) упомянем две, имеющие давнюю традицию: животноводческая специализация в экономике и роль в защите южных границ России. Естественно, в системе образования и воспитания учитывались эти функции.

Такова в целом содержательность обстоятельств, образующих механизм «выживания» малочисленных этносов в составе большого многонационального государства. Совершенно очевидно, что народное образование является одним из самых важных факторов рассмотренного выше сложного механизма.

Таким образом, в центре внимания автора – образование населения как общепринятое человеческим сообществом средство «подключения» к мировому цивилизационному процессу. Этот процесс оценивал всю систему по тому, как данное его образование, знания позволяют овладевать возможно большим числом умений и навыков и демонстрировать их через накопленные знания.

SERDYUK Elena A.

(Moscow)

Spontaneity in the "ARTIST-MATERIAL" Relations in Medieval Japan

An artist in his creative activities has to overcome the resistance of the material, still admitting a certain degree of its "free development". This very degree of spontaneity and unpredictable effects depends upon many factors. For the traditional Japanese culture it is one of the most important parts of its identity.

It is important especially for Zen culture and aesthetics, "...oriented towards the equal significance of the artist's and public's creativity, to the indefinite proportions (free play) of the Creator, the created and creativity, to the fuzzy borders between the shown and non-shown..." (V.N.Toporov).

But this tendency was relevant to the first half of the art history in Japan (up to the 13th century). It shows (retrospectively) as the following:

1. Active using, especially in Heian period (end of the 8th- end of the 12th century) of the omonyms, where the casual phonetic coincidents where considered to have a profound poetical meaning, and different poetical plays of the time.

2. The fact that the chosen set of the Buddhist art works, brought to Japan in 6-8 centuries, was taken by the Japanese for granted. The small bronze sculptures carried by pilgrims and various travelers and migrants, often without nimbes and pedestals, lost or left because of their extra weight, in Japan became the main images (though in the small home altars). They became samples in the process of the formation of style and proportional canon of the bronze sculptures produced on Japan.

3. In the same period the famous "three-colored" glaze technology was brought via China by the Great silk route initially from Persia and Central Asia. The Japanese glaze ware compared to the continental, show the higher level of the spontaneity of the unpredictable effects of the glaze during it's applying and burning process.

4. In the art of Shinto, fully developed up to the 6th century, the unusual and whimsical natural objects, such as stones and trees, were considered sacred. There was a tendency to animate the hand-made objects of everyday life, which were believed "to stare at the back" of their owners, to watch them and even to move.

Both the Daoist and Shinto traditions tend to animation of the natural phenomena, but each in a different way. While the Daoist idea of the spontaneity is inscribed into the frame if the In-Yang dualistic philosophy, in the Shinto tradition the reactions of the multiple *kami*, inhabiting the sacred objects, are quite unpredictable.

Thus we come to a conclusion that the importance given to the spontaneity in the "Artist-material" relations was based on the pre-Zen and even pre-buddhist issues special for Japanese identity.

Сердюк Е.А.
(Москва)

**Спонтанность в отношениях
"МАТЕРИАЛ-ХУДОЖНИК"
в Японии в средние века**

В творческом процессе художник преодолевает сопротивление материала, допуская при этом определенную степень самопроизвольности его поведения. Мера допустимой спонтанности и непредсказуемости в диалоге «материал-художник» определяется

многими факторами. Для японской традиционной культуры – это одна из первостепенных составляющих ее своеобразия.

Не раз отмечалась ее важность для дзэнской культуры, эстетика которой «ориентирована на равенство творческой активности художника и зрителя, на неопределенность соотношения (свободную игру) Творца, таври и творчество, на неясность границ между явленным и неявленным...» (В.Н. Топоров).

Но эта тенденция вызревала и до расцвета дзэнского искусства в 13 столетии, в первой половине японского средневековья. Ее проявления можно видеть в следующем (в ретроспективной исторической последовательности):

1. Широкое распространение, особенно в хэйанскую эпоху (к.8- к.12 вв.) литературных приемов омонимической природы, в которых случайным созвучиям придавался высокий поэтический смысл, и других литературных игр.

2. Безусловное принятие выборки буддийских произведений, поступавших в Японию в эпоху распространения там буддизма (6-8 вв.), причем паломнические (походные) редуцированные и нередко раскомплектованные в дороге (утрата нимбов и пьедесталов) бронзовые скульптуры играли, особенно на первых порах, роль главных алтарных образов (пусть и в домашних алтарях) и формировали стилистические нормы (в частности, пропорции) при последующем производстве буддийской скульптуры собственно в Японии.

3. Для того же периода можно отметить своеобразие трактовки поверхности керамических изделий с т.наз. «трехцветной глазурью», технология которой была завезена по Великому шелковому пути из Китая, получившего ее, в свою очередь, из Персии и Центральной Азии. По сравнению с континентальными образцами японские изделия демонстрируют особо высокую допустимую степень спонтанности непредсказуемого и не вполне управляемого поведения глазури при нанесении и обжиге.

4. В искусстве синтоизма, полностью сформировавшегося до 6 в. н.э., были сакрализованы необычные и причудливые природные объекты (камни, деревья), и наблюдалась тенденция к «анимации» рукотворных объектов, особенно предметов обихода, за которыми признавалась возможность самопроизвольно передвигаться и наблюдать за своими владельцами («взгляд в спину»).

При определенной общности даосской и синтоистской традиции приятии и одухотворении природных объектов и явлений, между ними существуют и различия. Даосская трактовка спонтанности сравнительно упорядочена и вписывается в рамки дуалистического единства-противопоставления Инь-Ян, в синтоизме же поведение населяющих сакральные предметы многочисленных божеств – ками – более непредсказуема.

Таким образом, развитие тенденции к принятию спонтанности в отношениях «Материал-художник» имело до-дзэнские истоки и отличалось особой значимостью в силу своеобразия японской традиционной культуры.

СКРЫННИКОВА Т.Д.

(Улан-Удэ)

Власть и термины господства-подчинения в Монгольской империи в эпоху Чингис-хана

Социально-политическая стратификация, характеризующаяся упорядоченным взаимодействием различных элементов и уровней системных объектов, является одним из механизмов, через которые структурируется организация общества. Реконструировать отношения сообществ и политий можно через анализ терминологии, эти отношения выражающие.

1. Одним из наиболее распространенных механизмов стратификации внутри кочевой политии была генеалогия, представлявшая реальное или воображаемое сообщество, статус отдельных частей которого выражался через отношения лидеров. Внутри одного конического клана статусы лидеров сообществ определялись местом в генеалогической таблице, причем неважно, была эта генеалогия реальной или фиктивной. Особое значение внутри клана придавалось его старшему и младшему представителям, которые выделялись терминологически: старший – *beki*, младший – *otchigin*.

2. изменения, произошедшие в процессе завоевания и требующие включения новых структур и перекодировки старых, фиксируются новым термином – *bogol*, который участвует в моделировании новой структуры, обеспечивая сохранение целостности общественного организма: констатируется формирование общественных отношений на новом уровне – сложение надплеменной, надлокальной социально-политической структуры, тяготеющей к универсализации мироустройства.

При постоянной нестабильности общностей, обозначаемых терминами *ulus*, *irgen*, *obog*, это – один из возможных путей фиксации их границ и способа организации отношений. Термином *bogol* обозначались как иноплеменники, так и родоплеменные группы, связанные с Чингис-ханом генеалогическим родством и вошедшие в состав конфедерации под его началом, что отмечало лишь их подчиненность Чингис-хану и его роду, а не личную или групповую несвободу.

3. Актуализируется также термин *карачу*, обозначавший в «Сокровенном сказании» и «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина социальную группу, располагавшуюся между хаганом и народом, т.е. принадлежавшую к правящей элите (эмир, бек, главы тысяч, сотен и десятков, чиновник-тушимэлы), а не простолюдинов, как их часто называют исследователи. Можно прийти к заключению, что термин *карачу* маркирует группу подданных Монгольской империи и подчеркивает, что они не принадлежат к чингисидам (правящему «Золотому роду»), несмотря на их высокий социальный статус.

4. Если три предыдущие группы терминов использовались во внутриполитической стратификации, то рассматриваемые ниже – во внешнеполитической практике. Прежде всего – это обще-

известные термины кровного родства – *отец-сын*, *старший брат-младший брат*. Отношения *господства-подчинения* маркировались через лидеров сообществ и политий этими терминами в том случае, когда они не регламентировались генеалогией, т.е. принадлежали к разным кровнородственным группам.

5. Если термины *отец-сын*, *старший брат-младший брат* подчеркивают подчиненность одного сообщества другому (*старший-младший*), то термин *anda* маркирует равноправные отношения, что подчеркивается в «Сокровенном сказании». Кроме того, термин используется для обозначения другого типа отношений *anda kuda* – *брачного свойства*, где, как правило, партнеры также равноправны.

Социальная стратификация в монгольском обществе не предполагала жесткой иерархической структуры: принадлежность к этносоциальной группе, занимавшей подчиненное положение, не препятствовала продвижению по иерархической лестнице и позволяла достигать высокого индивидуального статуса (эмир, правитель провинции и т.п.), т.е. можно говорить о сохранении индивидуальной социальной мобильности. Иерархия поддерживала целостность системы, определяя место и роли ее отдельных частей, и термины *господства-подчинения* являются одним из механизмов власти и тем потестарно-политическим институтом, через который эта власть осуществляется. Описанный мною механизм власти (*господство-подчинение*) был характерен, прежде всего, для кочевых обществ. Позже, с завоеванием оседлых земледельческих государств, возникает необходимость управления ими и, соответственно, создания структур государственного или псевдо-государственного типа. Но механизмы управления кочевников завоеванными земледельческими государствами – это тема другого, специального исследования.

СОКАЕВА Д.В.

(Владикавказ)

Пространственная организация осетинской волшебной сказки

Пространственная организация осетинской волшебной сказки (ПООВС) органично сочетается с пространственной организацией других жанров осетинского фольклора. Горизонтальная ПООВС выражается через обозначение сторон света, которые кодируются животными, птицами, рыбами, другими существами (диговинами), цветом, объектами (башнями, горами) и т.д. Классическая жанровая схема волшебной сказки «этот мир – тот мир» на осетинском материале осложняется множественностью миров. Это говорит о том, что осетинский приобрел «сказочную» цель, царевну и пол царства, но практически не изменился по своей форме. Почти с полной уверенностью можем сказать, что такая ситуация сложилась

лась потому, что фольклорный и обрядовый контексты осетинской традиции актуализируют моменты, связанные именно с мифологической сферой сознания.

Сюжеты осетинской волшебной сказки, в которых пространство кодируется сторонами света – это сюжеты с добыванием диковинок (чудесных объектов), сюжеты с добыванием невест – дочерей хозяев (той или иной стороны), чаще всего Запада или Востока. Цветом по четырем сторонам света кодируются, соответственно, стороны света посредством девушек разного цвета, находящихся там, но цвет обозначает скорее не невест героя, а его помощниц, хотя все вместе они также могут стать его женами. Это подчеркивает символичность текста, так как идея любви и предназначенности суженой не выходит, в данном случае, на первый план. Цветом и числом (100, 40 и т.д.) кодируются невесты такого же количества женихов, распределенных опять же по сторонам света. Это количественное соответствие означает множественность соединения в пары людей и как одно из выражений идеи изобилия сопровождает счастливый союз главных героев сказки. Башнями по четырем сторонам света также обозначаются либо невесты героя, либо помощницы, без выражения «большой любви» героев сказки.

С ПООВС сопряжена важная для осетинской фольклорной и обрядовой традиций тема посвященности героя существу нечеловеческого мира. И, наконец, в осетинской волшебной сказке есть тексты, в которых одним персонажем обозначается и горизонталь и вертикаль.

SOKOLOV-REMIZOFF S.N.

(Moscow)

“Xianzhang” – Chinese “free” seals summery

The role of seal (inzhang) in Chinese painter and calligrapher's creative work especially progressing in so called “Intellectuals Painting” (wenrenhua) presenting the main branch of Chinese traditional painting (zhongguohua).

Increasing importance of “carved calligraphy” (zhuanke) in the art of this school (wenrenhua). Extension of so called “Three perfections” principle (sanjue) – in painting, poetry and calligraphy to “Four perfections”, including the “zhuanke”.

Significance of the seal in the atmosphere of painter or calligrapher's studio. Seal as a kind of “The Fifth treasure of intellectual's studio”, an addition to the traditional “Four treasures – wenfangsibao” that is brush, Chinese ink, paper, inkstone.

While the above mentioned “Four treasures” are inspiring master to work, are creating by their decorative qualities the refined aesthetic atmosphere, seals placed on the intellectual's desk are deepening this

atmosphere, introducing into it philosophical and moral spirit linked with the feeling of responsibility to the legends engraved on the stones. It may be responsibility to the author himself (name, pseudonym, collector, studio seals), or responsibility to his ideals (free seals, expressing some kind of philosophic, ethic, aesthetic and other intimate sentences, or poetical lines close to author's inner feelings).

It is only natural that the author's or the possessor's spirit, the author's or the possessor individuality are most completely expressed exactly by “free seals” (xianzhang). By the way, this fact reveals itself in the structure of Chinese picture: vermilion seals introduced to the space of a painting not only becomes important element of its general composition and color design, but at the same time brings new and very important shades of meaning in the whole image.

In contradistinction to calligraphy by brush with its specific rules such as “bishun”, “bifa” and so on, carved calligraphy dealing with considerably static, firm “zhuan” script and limited by configuration of seal, may be perceived as single pattern complete in itself and based on dialogue of red and white, on expressiveness of graphic elements, construction of characters and general composition.

This formal side of seal language thanks to its universality is mostly apprehensible and may be most completely perceived emotionally by foreign (west) spectators.

This universality, accessibility of formal language relates to all types of seals, but only “xianzhang” with its typical for Chinese culture tradition of aphoristic expression of ideas and images, opens for foreign spectators (provided with appropriate translations of legends) way of thorough emotional penetration in the specific world of Chinese culture, makes it possible for them to appreciate this culture from various sides reflected in legends. Thus, national specificity reveals itself through universality charged with inner potential of author's experience of “what”(content) expressed in “how” (form).

Some typical examples of xianzhang, created by Chinese masters of 20-th century are briefly examined.

Соколов-Ремизов С.Н.
(Москва)

«Сяньчжан» – китайские свободные «досужные печати»

Роль печати (иньчжан) в творчестве китайского художника и каллиграфа, особенно прогрессирующая в сфере направления «живописи интеллектуалов» (вэньжэньхуа) – магистральной линии китайской живописной традиции.

Возрастающее значение искусства резной каллиграфии (чжунанькэ) в творчестве мастеров этого направления (расширение принципа «саньцзюэ» – «трехсовершенства»: в живописи, поэзии и каллиграфии до «сыцзюэ» – «четырёхсовершенства», включающего и резьбу печатей).

Видное место печати в атмосфере творческой лаборатории художника и каллиграфа. Печать как своего рода «пятая драгоценность кабинета интеллектуала» в дополнение к традиционным «четырем драгоценностям» (вэньфансыбао) (кисть, тушь, бумага, тушечница).

Если перечисленные «четыре драгоценности» несут с собою творческий настрой, вдохновляют к работе, создают атмосферу поддерживаемой декоративными качествами эстетической утонченности, то печати, находящиеся на рабочем столе интеллектуала, активно поддерживая, развивая звучание этой утонченности, приносят ноты внутреннего философского, нравственного настроения, ответственности перед текстами, в камне запечатленными на легендах печатей. Это – ответственность перед собою (именные, псевдонимные, коллекционные, кабинетные печати), это – ответственность перед своими идеалами (досужные печати, содержащие близкие их владельцу сентенции философского, эстетического, этического плана или созвучный ему поэтический образ).

Естественно, что внутренний настрой, индивидуальность автора или владельца печати с наибольшей полнотой получают отражение именно в «досужных печатях». Это, кстати, находит свое проявление и в структуре живописного произведения, когда введенные в плоскость картины киноварно-красные печати не только играют важную роль в композиционном и колористическом построении работы, но и приносят в ее образный мир важную смысловую интонацию.

В отличие от кисточковой каллиграфии (с ее динамикой, с ее требующими специальных знаний порядком (бишунь) и методами наложения черт (юнбифа)), «резная каллиграфия», выполняемая в органичном для нее сравнительно статичном, устойчивом почерке «чжуань», воспринимается на замкнутом пространстве печати (квадрат, прямоугольник, круг, овал и др.) как своего рода цельный, законченный узор, построенный на диалоге красного и белого, на выразительности графических элементов, конструкций отдельных знаков и всей композиции. Эта формальная сторона печати своей универсальностью в большей своей части доступна для полноценного восприятия иноязычным зрителем.

Это касается всех типов печатей, однако, именно «сяньчжан» с их характерным для китайской культурной традиции афористическим выражением мыслей и образов, открывают перед иноязычным зрителем (при наличии соответствующих переводов) путь чрез-эмоционального проникновения в специфический мир китайской духовной культуры в разных, отраженных в текстах легенд ракурсах. Национально специфическое раскрывается здесь через универсальное, несущее в себе внутренний заряд вкладываемого в «как» (форму) авторского переживания «что» (содержания).

В качестве подтверждающе-иллюстрирующих примеров приводятся несколько характерных «сяньчжан» китайских мастеров XX века.

СОЛОВЬЕВА О.А.

(С-Петербург)

**Народный совет и советы старейшин
в современной системе управления
Туркменистана**

Не уступить дороги сердобольному аксакалу, не прервать разговор, когда вошел старший по возрасту, не слезть молодому человеку с коня, чтобы поздороваться со старшим, послушаться совета яшули – все это считалось признаком бесчестия в культуре туркмен. Традиционно важнейшие вопросы общественной жизни решали советы старейшин. Особое внимание к роли старейшин в обществе стало одним из направлений развития современной политической культуры Туркменистана.

С одной стороны, значимости авторитетных людей придали государственный статус, создав действующие институты в системе управления. Прежде всего, начиная с 1990г., это ежегодный созыв Республиканского Совета старейшин в одном из велаятов (например, первый подобный совет проходил 5 марта 1990г. в г.Ашхабаде, второй – 16 августа 1991г. в г.Мары, третий – 14 мая 1992г. в г.Кёнеургенче). Существуют городские, районные, областные и поселковые советы старейшин, которые находятся в тесном взаимодействии с местными органами власти. Далее, с 1992г., это – создание Народного совета Туркменистана (Халк маслахаты), который является высшим представительным органом народной власти и вырабатывает рекомендации об основных направлениях экономического, социального и политического развития страны.

С другой стороны, ни одно более или менее значимое событие любого уровня не проходит без участия аксакалов.

Проследить становление современных представительных органов власти в Туркменистане, проанализировать значение и выявить функциональные особенности советов старейшин разных уровней, рассмотреть отношение населения к обсуждению властью всех важных дел государства с умудренными жизненным опытом людьми является основной целью данного сообщения.

СЫРТЫПОВА С.Д.

(Улан-Удэ)

**Буддийские рукописи и ксилографы
на тибетском и монгольском языках в Трансбайкалье:
коллекции и пользователи**

1. Определяя главную особенность культурного ландшафта Трансбайкалья (Прибайкалье, Забайкалье, Восточные Саяны) как уникальный синтез и мирное сосуществование различных систем мировоззрения – буддизма, шаманизма, православия, древлеправославия, коммунизма и др., не будет преувеличением отметить огромное влияние буддизма и буддийской книжной культуры для развития и формирования социо-культурного облика региона. Буд-

дизм, мировое письменное наследие которого все еще недостаточно изучено, имеет свои региональные особенности на территории этнической Бурятии.

2. Буддийское письменное наследие – одна из важнейших составляющих духовного достояния народов Республики Бурятия, России, Центрально-азиатского региона, и в целом мировой сокровищницы книжной культуры. В первой трети XX столетия библиотеки тибетского буддизма (монастырей, общинных и частных владений) в большинстве своем погибли в результате политических репрессий. По приблизительному подсчету минимальное количество буддийской литературы по состоянию на 1914 год в сорока основных бурятских дацанах составляло 450 тысяч томов и оценивалось в 4,5 млн. рублей в ценах 1914 года (без учета изданий из драгоценных материалов и содержимого десятков сотен субурганов). Ряд мер, предпринятых по спасению имущества ликвидированных дацанов в конце 30-х начале 40-х годов, позволили спасти весьма незначительную долю книжных собраний, которая стала основой коллекции в ИМБит СО РАН. Сама история формирования коллекции определила ее особенности, научное и культурно-историческое значение.

3. Происходящие демократические перемены в России способствуют выявлению и легализации буддийских коллекций книг и других культовых предметов в течение многих лет хранившихся пользователями инкогнито. Ярким примером процесса служит легализация наиболее значительных общинных буддийских коллекций в селе Шиногольжин Красночикойского района и в селе Улан-Цыцг Оловянинского района Читинской области (материалы полевых исследований автора).

4. Большое количество рукописей и ксилографов на тибетском и монгольском языках сохраняется в семейных алтарях буддистов-мирян как священные реликвии. Наблюдается также постепенное стечение книг и других культовых предметов в коллекциях восстановленных бурятских дацанов и современных образованных лам. Сохранению предметов буддийского письменного наследия в сложных исторических условиях способствовал факт традиционного культового почитания книги бурятами как реликвии – семейного достояния, и реликвария – вместилища священного учения Будды и источника драгоценных знаний. Самыми распространенными, и источниками драгоценных знаний. Самыми распространенными, и алтарными книгами бурят являются «Алтан гэрэл» (тиб. gser' od санск. suvarṇaprabhasa) и «Дорже-жодба» (тиб. rdo rje bcod pa санск. vajrachettika).

5. В содержательном плане коллекции монастырские, общинные и частные различаются по статусу, степени разнообразия текстов и уровню буддийской практики. Информационной глубиной для системного исследования «текст-читатель» обладают индивидуальные книжные коллекции известных бурятских лам (например, А. Ямпилова, Г. Гымпылова и др.), а также некоторых мирян.

6. Совокупность рукописных изданий, каждый экземпляр, единица хранения которых уникальны в силу ручного, штучного способа издания также несут ярко выраженный локальный и индивидуальный характер, хотя не все издания являются информативными для научного исследования. Наиболее персонализированный и интеллектуальный раздел буддийского письменного наследия – авторские собрания сочинений, сумбумы, наличие которых характеризует приоритеты и исследовательские интересы бывших владельцев коллекций.

7. В целом бурятские буддийские книжные коллекции могут рассматриваться как объективный фактор состояния и особенностей буддизма в Трансбайкалье до начала XX века, обнаруживая храмовый, официально монастырский, общинный и частный, индивидуальный книжные уровни пользователей. Кроме того, даже при отчуждении книг от бывших владельцев (например, коллекция ИМБит), они находятся в сфере традиционного влияния буддизма, что позволяет говорить о них, как о предметах культового почитания и одновременно историко-культурных памятниках, находящихся в естественной среде.

СУМБАТЯН Ю.Г.

(Москва)

Китай: армия и политика

Программа модернизации НОАК в последние годы в ходе проведения военных реформ приобретает конкретные очертания. Недавно в Пекине издана «Белая книга» – официальный доклад о политике КНР в области обороны. В этом докладе отмечается, что руководство КНР исходит из предположения о том, что в ближайшей перспективе возникновение новой мировой войны маловероятно. Вместе с тем оно учитывает процесс формирования полицентризма на мировой арене в связи с распадом Советского Союза, укреплением позиции США, НАТО в современном мире, возрастанием внутригосударственных и межгосударственных конфликтов и сохранением опасности возникновения локальных войн.

В этих условиях в качестве стратегической задачи при определении внешнеполитического курса главным принципом военной доктрины выдвигается так называемая «стратегия активной обороны», которая предусматривает повышение боеспособности НОАК при сокращении численного состава и оснащение ее современным оружием.

Министр обороны КНР, говоря о перспективах НОАК на пороге XXI века, отмечал, что в эпоху революционных изменений, которые происходят в военной сфере, китайская армия в своем развитии должна опираться на достижения науки и техники, руководствоваться стратегией – «с помощью науки и новейших технологий наращивать мощь вооруженных сил».

Все это свидетельствует о том, что в ближайшем будущем на Дальнем Востоке появится первоклассная военная держава.

ТАГИЗАДЕ Т.С.

(Махачкала)

Толерантность как альтернатива**мирному урегулированию****арабо-израильского конфликта в XXI в.**

Начало XXI в. арабскому народу Палестины принесло неслыханные страдания, геноцид против него со стороны Израиля продолжается. В США 20 января 2001 г. пришла администрация Буша, которая в 2001-2004 гг. на Ближнем Востоке проводит авантюристическую и агрессивную политику. Чуть позже, 6 февраля того же года в Израиле произошло то, что можно назвать «звездным часом» партии войны Ликуд, премьером стал ее лидер А. Шарон. Таким образом, сбылись самые худшие прогнозы, ситуация вокруг ближневосточного урегулирования с тех пор неуклонно деградирует.

Первопричиной ближневосточного конфликта является территориально-этническая экспансия евреев против арабов. Лидеры ВСО еще в 1897 г. охарактеризовали свою цель как стремление «передать народу без страны страну без народу!» (Такой страной была объявлена Палестина). Эта порочная идея сионистами была заимствована из Ветхого завета, где, в частности сказано: «И вы изгоните жителей этой земли (Палестины – Т.Т.) и поселитесь там, ибо я отдал вам эту землю, чтобы вы овладели ею...»

Но, если не изгоните жителей этой земли, то будет так, что те, которых вы составите, будут шипами у вас в глазах и теле, и будут досаждают вам на этой земле, на которой вы поселитесь» (The holy Bible. New York, 1977. –Р.114).

Эту крайне экспансионную идею Англия включила в Декларацию Бальфурра и документ Лиги наций о введении в Палестине мандатной системы, а США поддержали все это при президенте в В. Вильсоне (Мирский Г.И. Израиль и палестинцы: самый длительный конфликт // МЭ и МО. 2001. №3-4. –С.98).

А. Шарон, как политик правого толка, став премьером Израиля, вернул ближневосточное урегулирование к трем «нет»: нет Палестинскому государству, нет уходу с Голанских высот, нет разделу Иерусалима. Хотя, крах этого курса был очевиден еще во второй половине 90-х гг. XX в. при премьере Б. Натаньяхе. Это заставило спонсоров ближневосточного урегулирования активизировать свои посреднические усилия. В апреле – июне 2001 г. США предложили инициативы Митчела и Теннета, а в сентябре того же года Москву посетили А. Шарон и Абу Мезен (Махмуд Абас) – человек номер два в ПНА. Абу Мезен в Москве заявил, что «мир с Израилем – стратегическая задача палестинцев». Отвергнув все это, А. Шарон в 2001 г. приступил к планомерному разрушению властных структур ПНА.

В своей политике Израиль решил воспользоваться и событиями 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, т.к. был уверен в том, что США уже не вернется к прежней политике балансировки подходов, порождением которой стали соглашения 1993-1994 гг. о ПНА. Российско-американское сближение также усилило самонадеянность

Израиля в 2001-2002 гг.)Корогорский Ю. Трудный выбор победителя // Новое время. 2001. №52. – С. 35).

Прекращение мирных контактов, операция «Защитная стена», заточение Я. Арафата в Рамаллахе, провал американского плана «Дорожная карта» и др. шаги Израиля в ближневосточном урегулировании создали патовую ситуацию. Такое положение на рубеже 2002-2003 гг. в Израиле вызвал очередной политический кризис. Не помогли досрочные парламентские выборы 28 января 2003 г. Противостояние на Ближнем Востоке продолжалось. Став вновь премьером, А. Шарон отклонил предложение Я. Арафата о возобновлении мирных переговоров, а 22 марта 2004 г. в результате террористического акта Израиля был убит Ахмед Ясин, видный деятель ПДС.

Патовая ситуация продолжается и сегодня. Что будет дальше, неясно. Поэтому необходимо использовать преимущества народной дипломатии, принципы концепции толерантности. Хорошую основу для этого создает Декларация принципов толерантности толерантности, принятая ЮНЕСКО в 1995 г. Толерантность в ней определяется как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех людей быть различными, обеспечение устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважение к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям. Только дипломатия, руководствующаяся этими принципами, в состоянии вывести мирный процесс из тупика и реализовать законные права палестинского народа на самоопределение.

В повышении уровня толерантного сознания на Ближнем Востоке (в решении арабо-израильского конфликта) желательно использовать опыт деятельности правительства РФ по реализации целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)», особенно его деятельности на Северном Кавказе и в Дагестане. В этом плане полезно использовать материалы форума в Сочи (26 марта 2004 г.).

СЫЗРАНОВ А.В.

(Астрахань)

К вопросу о распространении ислама в Нижнем Поволжье

Ислам является одной из традиционных религий в Нижнем Поволжье. Согласно историческим сведениям, проникновение ислама на территорию современного Астраханского края началось в VIII в., в эпоху Хазарского каганата. В столице каганата г. Итиле возникла крупная мусульманская община. Её составили переселен-

цы из Средней Азии (Хорезма) и Арабского Халифата – наемные войны, купцы, ремесленники. В Итиле было несколько мечетей, *мактабов*, отдельные суды для мусульман.

После падения Хазарского каганата, в XI-XII вв. в дельте Волги формируется этнокультурная общность саксин, сложившаяся на основе гузского, болгарского, остатков хазарского и, возможно, кыпчакского компонентов. Центром этой общности был г.Максиг, в котором располагалось несколько соборных мечетей, проживали *кадии*, *факихи*, *хатибы*. Большинство мусульманской части населения Саксина составляли сунниты ханифитского *мазхаба*.

В XIII в. территория Нижнего Поволжья вошла в состав Улуса Джучи/Золотой Орды. Именно в золотоордынскую эпоху (XIII-XV вв.) ислам окончательно утверждается в Астраханском крае. Во второй половине XIII – начале XIV вв. наметились тенденции и сложились предпосылки, приведшие к исламизации золотоордынского государства в первой четверти XIV в. Первыми ханами-мусульманами были Берке (1258-1266 гг.) и Туда-Менгу (1281-1287 гг.). Они лично принимали ислам, но еще не решались вводить его во всем государстве. Принятие ислама в качестве государственной религии произошло при Узбеке Великом (1312-1342 гг.). Его сын Джанибек (1342-1357 гг.) продолжил планомерную исламизацию населения джучидского государства. Ислам становится официальной идеологией Золотой Орды. В столице государства г.Сарае было 13 соборных и множество простых мечетей. В Улусе Джучи существовало несколько направлений ислама. Преобладал суннитский толк ханифитского *мазхаба* и, кроме того, были представлены шафиитский и маликитский *мазхабы* и шиизм. Огромную роль в исламизации Золотой Орды сыграл суфизм. Среднеазиатские суфийские братства (*тарики*) йасавийа, кубравийа и др. проводили активную миссионерскую деятельность среди населения Золотой Орды. Так, ханы Берке, Туда-Менгу и Узбек приняли ислам именно под руководством суфийских *шайхов*. Суфизм, как наиболее жизнеспособная форма ислама в степи, легко включал в себя самые разные домусульманские верования и обряды, что лишь облегчало исламизацию кочевников Великой степи.

СТАВРОВ И.В.

(Владивосток)

Итоги изучения проблем национальных меньшинств Северо-Восточного Китая

1. Изучение национальных меньшинств Северо-Восточного Китая (далее – СВК) на Дальнем Востоке России (далее – ДВР) началось еще в конце XIX – начале XX вв. Эти исследования проводились на базе созданного в 1899 году Восточного института профессорами А.В. Гребенниковым, Н.В. Кюнером, А.В. Рудаковым и др. В их работах собраны этнографические материалы о жизни и быте неханьских народностей Маньчжурии.

2. В 1930-е гг. исследования по рассматриваемому вопросу были приостановлены в связи с начавшейся реорганизации Восточного института, а вслед за ней репрессиями по отношению к ученым-востоковедам. Изучением проблем национальных меньшинств СВК было возобновлено с образованием Института истории ДВНЦ АН СССР (ДВО РАН) в 1971 г.

3. Исследования по проблемам национальных меньшинств СВК ведутся по следующим направлениям: изучение этнокультурных контактов малых народов дальневосточного региона России и СВК (С.В. Березницкий, Н.В. Кочешков, А.Ф. Старцев, В.А. Тураев и др.), этногенез и этническая история неханьских национальностей СВК (О.В. Дьякова, А.А. Ивлиев, Ф.В. Соловьев, Э.В. Шавкунов и др.), этнополитические проблемы в Маньчжурии (Н.Г. Векилова, В.А. Гайкин, Л.В. Забровская и др.).

4. Наиболее изученными являются проблемы этнокультурных связей малых народов СВК коренными этносами ДВР. В частности, были исследованы взаимосвязь материальной и духовной культуры тунгусо-маньчжурских народов России и Китая. Различные аспекты этногенеза и этнической истории неханьских национальностей СВК рассматриваются, главным образом, в контексте изучения средневековых государств Дальнего Востока. Этнополитические проблемы затрагивались в связи с изучением китайско-корейских отношений и политики Японии в Китае в 1910-1940-е гг.

Таким образом, в дальневосточной историографии сложилось несколько направлений изучения проблем национальных меньшинств СВК, в рамках которых осуществляется изучение различных аспектов материальной и духовной культуры неханьских национальностей. В стадии становления находятся этнополитическое направление исследований.

СОРОКИН В.Б.

(Москва)

Мир и ценностная толерантность

1. XXI век – время переоценки приоритетов экономики, науки, политики, идеологии. Новые вызовы заставляют заново осмыслить традиционные ценности.

2. Теория ценностей – аксиология – как философская наука никогда не была так близка к злободневным проблемам современного бытия человечества, как сегодня.

3. Исходя из убеждения, что ценностные ориентации человека формируются под непосредственным влиянием национальных, религиозных, социальных традиций, трансформированных институтами воспитания (семья, школа, конфессия), можно утверждать: система ценностей личности, являясь атомарной частью системы ценностей социума, представляет собой неравно-

великое соединение индивидуальных предпочтений и коллективных ценностных норм.

4. Правильное, научное, философское понимание сущности категории «ценность» способно вооружить политиков, идеологов, экономистов чутким и точным методом оценки целесообразности и эффективности предпринимаемых шагов, выдвигаемых лозунгов, внедряющихся проектов.

5. Сфера ценностей – это сфера духовного бытия человека. Духовное сближение людей имеет разные пути: религия, политика, наука, искусство.

6. Всякое (реальное или мнимое) неуважение по отношению к созданной индивидом в рамках социума (этноса, конфессии) системе ценностей – это вызов, сигнал к сопротивлению, призыв к защите своей системы ценностей. В этом кроется глубокий подтекст всех конфликтов, всех войн.

7. Логика эволюции ценностных приоритетов в истории человечества известна. Современный этап – это переход к планетарному мировоззрению, призванному интегрировать, гармонизировать национальные, конфессиональные и социальные интересы, что фактически означает создание гармоничной общечеловеческой иерархии ценностей.

8. Изучение во всей полноте и развитии ценностных систем народов и социальных групп при условии априорного, безусловного признания их права на непохожесть, несовпадение с другими – позиция ценностной толерантности – это задача науки и урок для политики.

9. Высокие общечеловеческие идеалы Добра и Красоты наряду с общим негативным отношением к вероломству и жестокости (по закону единого отрицательного основания) являются залогом осознания планетарного единства всех народов, преодоления вражды, достижения мира на Планете.

СОДНОМПИЛОВА М.М.

(Улан-Удэ)

Образы пространства и мировоззрения монголоязычных народов Внутренней Азии

Одной из актуальных областей исследования культурной антропологии является изучение концептуализированного образа пространства, конструируемого различными культурами и цивилизациями, выявление смыслового контекста пространства. В этой связи, значимым является выявление и представление образов жизненного пространства монголоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии, в частности различных этнических групп бурят и монголов. Целью данного исследования является конструирование, реконструкция и интерпретация различных образов пространства в представлениях и деятельности монголоязычных народов: географических, мифологических, символических обра-

зов территорий, ключевых зон культурного ландшафта – центра, периферии и границ территорий. Пространство расселения этнических групп монголоязычных народов рассматриваемого региона характеризуется разнообразием типов ландшафтов, что обуславливает многообразие географических образов – от горных районов Тунки и Закамны, до ровных, открытых пространств Забайкалья. При безусловной общности народов монголоязычного мира, генетическое родство монгольских народов в тюркоязычными, тунгусо-маньчжуроязычными, финно-угорскими народами, обуславливают существование разных этнокультурных традиций, в поле которых формируются различные образы мифологических и символических пространств. Разнообразно в традиции монголоязычных народов решается проблема основных зон пространства – центра и границ территорий – проекций культуры на реальное географическое пространство.

Важным представляется выявление смыслового содержания понятий «родная земля» и «чужая земля» в представлениях монголоязычных народов в контексте репрезентированных в поле данной этнокультурной традиции образов географического пространства (обрядовой и бытовой сферах, различных жанрах фольклора). Актуален культурно-семантический анализ структуры и ключевых элементов жизненного пространства в культуре монголоязычных народов с позиций различных концепций и результатов исследований по невербальной коммуникации человека и в частности, изучение феномена территориальности в среде монголоязычных народов. Чрезвычайно существенным представляется исследование образа первичной территории в контексте особенностей принципов организации жизненного пространства в среде кочевых и полукочевых этнических групп монголоязычных народов, в связи с наличием принципиальных отличий в отношении к территории проживания, которые обнаруживаются во многих сферах традиционной культуры (жилищно-поселенческий комплекс, обрядовая сфера, народный календарь). Реконструкции образа первичной территории способствует анализ ключевых обрядов жизненного цикла – похоронного и родильного, объекты которых обнаруживают особую связь с территорией, анализ принципов освоения и организации пространства заселения, особенностей строительной технологии и обрядности у кочевых и полукочевых групп монголоязычного мира.

СМЕРТИН Ю.Г.

(Краснодар)

Даосизм и корейская традиционная культура

Основами корейской культуры являются пришедшие из Китая конфуцианство и буддизм, а также местный шаманизм. Влияние даосизма не столь очевидно, но ощутимо и требует тщательного изучения.

Заметное распространение в Корее даосизм получил в первой половине VII в., когда династия Тан (618-907), покровительствовавшая этой религии, пыталась распространить ее за пределы Поднебесной.

Проникновение даосизма приходится на конец периода Трех королевств. Наиболее восприимчивым к новым идеям оказалось государство **Когурё**. Правители и их окружение через китайских миссионеров знакомилась с даосизмом, который к тому времени представлял собой идеологическое образование с развитой религиозной доктриной, ритуальной практикой, философским дискурсом и психофизиотехникой. При дворе устраивались государственные ритуалы поклонения знаменитым горам и рекам («Самгук саги»). В школе Маошань (Шанцин), которой благоволили танские императоры, значительное внимание уделялось магии, талисманам, методам психотехники, визуальности духов, что роднило ее с корейским шаманизмом. Популярность даосизма в Китае делала его распространение в Когурё, создававшем государственно-политическую систему по китайскому образцу, делом большой важности. В государствах **Пэкче** и **Сила** даосские церемонии на государственном уровне не проводились, но, судя по некоторым сведениям, даосские классические книги и идеи были известны образованным людям.

Для **Объединенного Сила** (668-935) танский Китай стал моделью во всех областях. Многие образованные люди обучались в Китае и испытали влияние даосизма, в частности учения о т.н. внутренней алхимии (вэй дань), делавшего упор в создании «бессмертного тела» и просветленного сознания на медитативные и гимнастические практики. В это время проникает культ «бессмертных» и теория фэн-шуй (кор. пхунсу), которая оставила глубокий след в сознании корейцев. Даосские астрологические учения повлияли на развитие корейской астрономии.

В период **Корё** (935-1392) происходит усиление позиций даосизма, причем инициатива в этом принадлежала правителям, бравшим пример с сунских императоров – горячих приверженцев даосизма. Короли проводили ритуалы покаяния даосским божествам, Небу, Земле, звездам, горам, рекам, вымаливая благополучия для государства и королевской семьи. Даосские монахи из Китая помогали создавать институт духовенства. Практическое уравнивание властями даосизма и буддизма, привело в религиозной сфере к определенному даосско-буддийскому синтезу на основе шаманизма.

Некоторые даосские идеи стали частью буддизма и шаманизма; прежде всего это касается культа Семи звезд (созвездие Большой Медведицы), призванного обеспечить рождение детей, здоровье, благополучие и богатство.

Влияние даосизма на шаманизм было особенно сильным: в шаманских алтарях появляются изображения даосских божеств, главное божество корейского шаманизма, Горный дух (Сансин) стал изображаться в виде даосского небожителя с соответствующими

щими символами долголетия. Под влиянием даосизма в обиход входят бумажные амулеты (пуджок) с написанными на них молитвами и мистическими диаграммами для отвлечения злых духов и др.

Правители новой династии **Чосон** (1392-1910), равняясь на китайскую династию Мин, сделали идеологической основой государства неоконфуцианство, что сопровождалось критикой буддизма и даосизма, прекращением даосских государственных ритуалов. Даосские идеи не исчезли полностью, они растворились в тотальности религиозного синкретизма.

Итак, даосизм был заметным фактором, воздействовавшим на культуру и идеологию Кореи как непосредственно, так и через синкретические феномены. Однако в этом отношении он значительно уступал конфуцианству и буддизму. Долгое время интерес к даосизму проявляла лишь правящая элита, стремившаяся подражать Поднебесной и воспринимавшая эту религию как часть китайского культурного комплекса. Ему отводилась роль государственного культа для обеспечения безопасности и процветания государства. На низовом уровне даосизм имел ограниченное распространение, поскольку возможная для него ниша была занята шаманскими верованиями. Однако некоторые даосские идеи и образы были восприняты шаманизмом. Переход идеологического лидерства к неоконфуцианству подорвал позиции даосизма, но он продолжал существовать в умах людей, растворяясь в многообразии культурных аспектов. Следы даосизма могут быть обнаружены в медицине, фольклоре, литературе, музыке, искусстве.

САЛИХОВ А.Г.

(Уфа)

Новые источники по истории суфизма в Башкортостане

В последние десятилетия появилось немало интересных научных работ о распространении суфизма в Башкортостане, языке и особенностях суфийских произведений местных поэтов, накшбандийском шейхе из башкир Зайнулле Расулеве. Несмотря на это, нельзя сказать, что история башкирского суфизма исследована в полной мере. О ранних этапах ее распространения известно мало из-за недостаточности источников. Слабо изученным остается также XIX – начало XX века, являющиеся одним из периодов наивысшего развития суфизма в Урало-Поволжском регионе.

Как известно, в Башкортостане получила развитие накшбандийская ветвь суфизма. Ценные сведения по истории суфизма в крае содержат сочинения и другие документы, написанные самими членами ордена Накшбандия. Наиболее известным представителем упомянутого тариката в России в начале XX века был шейх Зайнулла Расулев, имевший большое количество последователей. В Кугарчинском районе Республики Башкортостан нами обнару-

жены силсила, васият-наме, ижазет-наме и другие материалы, содержащие новые сведения по истории суфизма, в том числе и о упомянутом шейхе. Найденная нами генеологическая цепь дает ясное представление о линии преемственности З. Расулева и других последователей Накшбандии на Южном Урале. В упомянутой цепи духовной преемственности сын З. Расулева Габдрахман указан как махдум. В нем приведены имена его учеников из различных регионов бывшей Российской империи. Одним из его мюридов указан шейх Мухаммад аль-Дагестани. В настоящее время живых последователей З. Расулева в Башкортостане нет. Однако имеются сведения об их существовании в Дагестане, например, известно, что дагестанский шейх шазалийской ветви Сайфулла-кади совершенствовался у Зайнуллы ишана. Из башкир последователями Зайнуллы Расулева были шейхи Гарифуллы Армети, Габдулфаиз бин Субханкул из Белебейского уезда, Халил Таулыкаи аль-Бурнджани, Хабибназар бин Габделькафи Утяки. Последний из них был дядей известного востоковеда Ахметзаки Валидова (Валиди Тогана). Последователями Зайнуллы ишана были также представители Оренбургской области, Татарстана и Казахстана (по современному административному делению). Силсила содержит сведения об известных деятелях Урало-Поволжья, таких как Габдулхаким Чардаклы, Шигабетдин Марджани, Хибатулла Салихов, Габдельнасыр Курсави. Сулейман Бакыргани и Мухаммад бин Саид Бусыри упомянуты как авторы известных сочинений. В силсила сказано, что у З.Расулева было 16 халифов, получивших иджазет, но в ней указаны лишь десять из них. Духовная цепь Зайнуллы Расулева, так и других суфиев осталась прерванной. В конце документа остались пустые круги, в которые можно было бы включить имена новых последователей. Другими новыми источниками является два васият-наме, датированные 1946 и 1953 годами. Первый документ написан арабиграфичном тюрки, другой – кириллицей на башкирском языке. В сущности оба васият-наме идентичны. Они написаны под влиянием суфизма в виде «писем счастья», имеют антиатеистическую направленность. Можно сказать, что «завещания» являются одним из видов скрытой борьбы против ущемления религиозных интересов в Советском Союзе.

Третьим видом новых источников является иджазет-наме, обнаруженный нами также в Кугарчинском районе Республики Башкортостан. Он дает конкретное представление о бытовании подобного документа среди башкирских суфиев.

В государственных библиотеках и архивах, частных собраниях книг и рукописей Башкортостана хранится разнообразное количество материалов, содержащих сведения по истории суфизма в регионе. Обращение к документам. Вышедшим из-под пера самих суфиев, могут значительно дополнить существующие исследования. В совокупности они помогут воссоздать действительную картину распространения суфийского учения в Башкортостане.

САДЫКОВА Д.А.

Молодежные организации Японии, Китая и Южной Кореи

Сегодня центр деловой активности смещается в страны Юго-Восточной Азии, поэтому важно иметь представление о настроении и ценностях молодежи этой части света. Объектом нашего исследования стало изучение деятельности молодежных организаций Японии, Южной Кореи и Китая, являющихся наиболее густо населенными и влиятельными в современном экономическом пространстве азиатско-тихоокеанского региона.

В Японии население до 14 лет составляет 15% и возрастает до 30% для достигших 30-летнего возраста от общего числа жителей. Общеизвестно, что мировоззрение людей обусловлено системой воспитания и сферой деятельности, в которую включается молодой человек с раннего возраста. Япония одной из первых осознала необходимость влияния на формирование жизненных идеалов через объединение молодых людей по интересам.

На сегодняшний день в Японии насчитывается более пятидесяти различных ассоциаций и организаций для молодежи. У ряда организаций широкая сфера деятельности, а некоторые программы ориентированы лишь на определенные виды деятельности. Государство уделяет большое внимание молодежным организациям, так как становление информационного общества невозможно в 21 веке без формирования новой психологии, носителями которой и будет нынешнее молодое поколение.

В Китае население до 14 лет составляет 25% и возрастает до 50% для достигших 30-летнего возраста от общей численности жителей страны. Система государственного управления оказала существенное влияние на формирование организаций для молодежи. Всекитайская организация молодежи (ВФМ), основанная в 1949 году, объединяет все молодежные организации Китая. Эта Федерация придерживается принципов коллективного членства, объединяя большое количество молодежных и детских движений, таких как Всекитайская федерация студентов, Федерация молодых предпринимателей, Ассоциация молодежи доброй воли, Союз юных китайских писателей, Ассоциация южных журналистов и редакторов и т.д. Коммунистический союз молодежи Китая, созданный в мае 1922 года, является основной организацией, формирующей политику и кадры ВФМ. Коммунистический союз молодежи Китая сегодня объединяет около 67,5 млн. членов.

В Южной Корее население почти в 3 раза меньше, чем в Японии, но количество молодежных организаций почти такое же, приближается к пятидесяти. Одной из самых крупных организаций Южной Кореи является Корейская ассоциация молодежи, объединяющая несколько направлений деятельности различных организаций. Примечательно, что в Южной Корее являются достаточно

многочисленными такие организации как Фонд сельской молодежи и Исследователь моря Кореи. Имеются такие необычные организации, как Юные астронавты Кореи. Государство уделяет большое внимание молодежным организациям и работе с молодежью, особенно в последние годы. В 1989 году был создан Корейский институт молодежного развития. А Корейский институт молодежного совета, посредством взаимодействия с различными министерствами всесторонне изучает проблемы в молодежной среде. Создан также и Центр изучения молодежной культуры.

Сравнительный анализ показывает, что независимо от государственного устройства, наиболее экономически сильные и стабильные страны Азиатско-тихоокеанского региона уделяют особое внимание проблемам молодого поколения, сознавая важность идеологических перемен, связанных с эпохой информационного общества, усматривая в этом задачи национального строительства и процветания своих стран в будущем.

ОСИПОВА А.П.

(Россия)

Методология

популяционно-генетических исследований

и перспективы их использования в ориенталистике

В связи с намечающимися в последнее время мировыми процессами глобализации, набирают все большую силу противоположно направленные процессы культурной и религиозной идентификации этносов. В этой связи комплексные исследования, направленные на получение генетических и демографических характеристик генофонда этнических групп и популяций человека приобретают особое значение. На протяжении последних 50 лет, после эпохального открытия строения молекулы ДНК и генетического кода, и особенно с появлением новой информации о строении генома, появилось множество точных методов для генетической идентификации (или «паспортизации») как на уровне отдельного индивида, так и на уровне отдельных этнических групп и популяций.

Традиционно Россия, будучи представленной многими народами с их самобытными языками, религиями и культурой, всегда давала богатые возможности для развития наук гуманитарного профиля (лингвистика, археология, этнография и др.). Однако эти науки нуждаются в настоящее время в подкреплении результатами исследований, полученных методами популяционной генетики человека, этногенетики и этногеномики (в зависимости от используемых методов и подходов).

В Институте цитологии и генетики СО РАН накоплен большой опыт подобного рода исследований. Начиная с 1974 г., осуществ-

вляется планомерное изучение генофондов сибирских этнических групп: эскимосов, чукчей, юкагиров, эвенов, эвенков, кетов, селькупов, лесных и тундровых ненцев, хантов, коми, якутов, бурятов, алтайцев и казахов Алтая. (Понятие «генофонд популяции» включает в себя совокупность генетической информации, которой обладают все члены изучаемой группы). В процессе этих исследований пришло четкое понимание, что генофонды коренных малочисленных народов Сибири, сформировавшись в процессе многотысячелетней адаптации к экстремальным условиям Севера и пройдя через «сито» жесткого стабилизирующего отбора, обладают уникальными генетическими характеристиками. Поэтому вопрос о сохранении генофондов этих народностей, помимо этической стороны, имеет и фундаментальное научное значение, будучи сопряженным с проблемой сохранения биологического разнообразия на нашей планете.

Комплексный анализ полученных данных позволил получить интересные результаты («записанные» в группах крови, в митохондриальной ДНК, в генах иммуноглобулинов и мужской Y-хромосоме), уточняющие этапы этногенеза и этнической истории нганасан, селькупов, лесных ненцев, хантов, казахов Алтая и др. народов. Были четко идентифицированы монголоидные и европеоидные компоненты как в так называемой «материнской», так и в «отцовской» наследственности, получены генетические свидетельства прошлых миграционных событий с территории Средней, Центральной и, возможно, Малой Азии далеко на Север.

Наработанный опыт может быть эффективно применен и к ала-но-памирским исследованиям.

SHAMILLI Gültekin B.

(Moscow)

Witnessing of Beauty.

Attempt of the «Musical Reading» of Tabriz Miniature Painting in the beginning of XVI c.

The report does not grow out of long research of the Persian miniature for the reason, that my love to art of Iran began, at first, from the music and literary tradition of the Iranian classical music, – from research of the unknown manuscripts of the treatises about *musiqi* from collections of Azerbaijan and Russia. Philosophy of music and the aspiration to understand, how the Beauty in a *dastgah* phenomenon is expressed, have turned my interest to the art of miniature. Therefore in this report I only try correctly "enter" a theme, which, I hope, in the future I will express more thoroughly in the book about classical music of Iran.

The purpose of the report – to show how generated in Iranian culture the conception about divine Beauty generated the congruous to

each other the art texts, and at the same time, the condition for a "musical" reading of miniature and "visual" interpretation of music. This extraordinary unity of both – syntax and lexis of the musical and picturesque texts, I think, was completely showed in Iran in the beginning XVI of century – in the Tabriz school of miniature painting. Probably, I have a passion for the place, where my ancestors lived, but hardly in the world there is something more perfect, than masterpieces of Tabriz school of miniature painting. So refinement and sensuality in the expression of an inexpressible to catch imperceptible in the eternal search and witnessing of Beauty – in a combination to highest engineering of art execution hardly can leave somebody indifferent. The completely unique episode in a history of the Iranian painting from middle 20 up to the end 40 years of the XVI century today is connected to unsolved problems, to solve which hardly it will be possible up to the end.

Usually a music and painting of Safavids are investigated in aspect of presence first in second, namely, actually musical stages and instruments in the painting, which thus allows to reconstruct a musical realities of a far time. I consider music and painting as equivalent phenomenons, which unity is shown at a level of their inner discourse. The attempt of "musical reading" of miniature is an aspiration to see internal discourse or "the formula of Beauty", which, in turn, establishes one principles of designing of music, miniature, and architecture. This principles would be impossible outside of high intellectual life of palace environment and spirituality, which historically descended, in Iran from the specific Shiite interpretation of Holy Koran, *hadis*, *sunna*, Mohammedan *baraka* and has got special intellectual climax in Safavids time.

The understanding of the spiritual beginnings of the Iranian art is impossible outside of a theme of Beauty, which was traditionally investigated in philosophy and divinity of Iranian culture.

The report consists of several sections:

"Formula of Beauty". *Zahir* and *batin*.

Witnessing of Piphagor.

Beauty and beautiful

Шамилли Гюльтекин.
(Москва)

**Свидетельствование Красоты.
Опыт "музыкального прочтения"
тебризской миниатюрной живописи
начала XVI в.**

Настоящий доклад не является результатом длительного исследования персидской миниатюры хотя бы по той причине, что моя любовь к искусству Ирана началась с музыки и, в первую очередь, с книжной традиции иранской классической музыки, – с исследования неизвестных рукописей "трактатов о мусики" из собра-

ний Азербайджана и России. Исследование философии музыки и стремление понять, каким образом выработанная в ирано-мусульманской культуре концепция Красоты проявляется в феномене *дестгаха*, направила мой интерес к искусству художественной миниатюры. В данном сообщении я только попробую правильно "войти" в тему, которая, надеюсь, более обстоятельно будет изложена мною в книге о классической музыке Ирана.

Цель сообщения – показать, каким образом концепция божественной Красоты соотносится с правилами умозрения искусства, и как правила умозрения музыки и живописи, прописанные в средневековых трактатах эпохи Сефевидов, структурируют конгруэнтные друг другу художественные тексты, создавая условия для "музыкального" прочтения миниатюрной живописи и "визуально-иконографической" интерпретации классической музыки Ирана. Это необычайное единство не только синтаксиса музыкальных и живописных текстов, но, прежде всего, принципов их внутренней организации, думается, со всей очевидностью проявляется в культуре Ирана в начале XVI века. Этот период совпадает с расцветом тебризской школы миниатюрной живописи и принципиально новым отношением к традиционной структуре музыкального жанра *ноубат*, который был расширен в начале XV века в Герате, великим Абдул Кадиром Мараги.

Вероятно, я пристрастно отношусь к месту, откуда вышли мои предки, но едва ли в мировой художественной культуре существует нечто более совершенное, чем шедевры тебризской школы миниатюрной живописи. Тончайшая чувственность в стремлении выразить невыразимое, и поймать ускользающий смысл в вечном поиске Красоты – таковы шедевры этой живописи, которая едва ли может оставить кого-либо равнодушным.

Музыка и живопись Сефевидов, обычно исследуются в аспекте присутствия первого во втором. Миниатюрная живопись изучается музыкальной наукой как "исторический документ", позволяющий судить о музыкальных реалиях прошлого – инструментах, музыкальных собраниях и т.д. Безусловно, живопись во многом помогает восстановить музыкальные факты далекого времени. Однако нам интересна не история художественных феноменов, но исследование их внутренней меры, которая организует и порождает смысл.

Попытка "музыкального прочтения" миниатюры является стремлением увидеть единую внутреннюю меру в музыке и живописи. Правила умозрения музыки и живописи разрабатывались в трактатной литературе с различной степенью тщательности, но они теологичны и обусловлены концепцией Красоты. Их понимание неотделимо от высокой духовности, которая исторически формировалась в Иране в соотнесенности с шиитской интерпретацией Священного Писания, хадисов, и *бараки* пророка Мухаммада. – того, что получило высшее развитие в сефевидский период истории Ирана.

Если спросим, – для чего нужен опыт "музыкального прочтения" миниатюры, то он нужен для того, чтобы правильно прочитать художественный текст во времени и правильно расчленить его на смысловые синтагмы. А эти параметры разрабатывались только в музыке. Понимание глубинного смысла миниатюры предполагает не только правильный "вход" в пространство живописного феномена (как известно, из работ Ш.М. Шукурова), но и правильное движение во времени, и правильные остановки в нем. С другой стороны, этот опыт может дать понимание глубинного смысла музыки, о котором мы не будем говорить здесь подробно.

Итак, чтобы показать результаты своего исследования, мы остановились на следующих темах:
Исламское искусство: правила умозрения и изготовления "Одежды страсти на улочке Образа".

Канун ас-совар Садиг-бея Афшара
"Музыкальное прочтение" миниатюры
Свидетельствование Пифагора
Красота и красивое

Материалом для доклада послужили образцы сефевидской живописи 1520-1548 гг., и современной классической музыки Ирана, рукописи трактатов о *музики* и *совар* из собраний Азербайджана и России, философская и богословская литература.

САДЫКОВА А.Ю.

(Казань)

Общественная инициатива в построении эффективных взаимоотношений между Японией и Республикой Татарстан

Построение взаимовыгодных межрегиональных отношений между государствами определяется выбором приоритетов, учитывающих взаимные интересы сторон, согласованность действий государственных органов и общественной инициативы.

Процессы преобразования общественного строя в России в последние десятилетия позволили регионам самостоятельно взаимодействовать с зарубежными партнерами. Республика Татарстан одной из первых включилась в этот процесс. Однако, несмотря на наличие достаточно развитой промышленности, сырьевой базы, сельского хозяйства, подготовленных кадров, научного потенциала высших учебных заведений, отраслевых и академических научно-исследовательских институтов, отсутствовали модели взаимодействия с разными странами и практический опыт с проверенными наработанными связями, что отражалось на взаимоотношениях с зарубежными партнерами.

Как в любом другом регионе России, за исключением Москвы и отчасти Санкт-Петербурга, контакты с зарубежными странами строились на личностных связях, обусловленных отдельными деловыми

выми или научными контактами, и не носили системного характера с отдельно взятой страной.

В связи с вышеизложенным группой энтузиастов при поддержке органов государственной власти была разработана и прошла апробацию (на примере Республики Татарстан и Японии) модель взаимодействия, названная «моделью информационного канала», позволяющая выстраивать отношения отдельного региона России с регионом мира (штатом, префектурой, страной).

Были разработаны направления взаимодействия: информационные программы, программы делового сотрудничества, образовательные программы, культурные и спортивные программы.

Отличительной чертой, лежащей в основе программ, было органичное сочетание общественной инициативы с государственными интересами обеих сторон.

К примеру, в рамках информационных программ была разработана схема взаимодействия со средствами массовой информации.

Любое современное государство заинтересовано в развитии и совершенствовании гражданского общества, в получении наиболее полной и достоверной информации о потенциальном партнере. В этом процессе профессионализм СМИ играет не последнюю роль. Поэтому была подготовлена серия семинаров для работников СМИ Республики Татарстан о работе крупнейших СМИ Японии, представленных и на российском рынке. Кроме того, реализуется программа участия в работе представителей СМИ Японии при подготовке материалов (статей или телепрограмм) для Японии о Республике Татарстан. Создан и был выпущен в эфир информационно-образовательный телецикл «Жемчужина Тихого Океана. Открывая Японию». В рамках программ делового сотрудничества были реализованы ряд межгосударственных программ, подписанных на государственном уровне в целях содействия реформам в России. Это подготовка кадров для малого и среднего бизнеса, программа консультаций российским предприятиям, программа проведения специализированных семинаров.

Особое значение имеет и программа молодежных обменов, тесно связанная с программами образования. Реализуется программа преподавания японского языка в одном из государственных университетов. Студенты и аспиранты различных вузов выбирают в качестве объектов научного исследования вопросы, связанные с изучением Японии. Проведена работа по созданию ассоциации молодых японоведов Республики Татарстан, как отделения Российской ассоциации японоведов. А вузы Республики активно работают над программой привлечения японской молодежи для изучения русского языка, истории, музыки и культуры в казанские вузы.

Действуют программы обмена для молодежи.

В японские вузы и русские центры Японии поставляется печатная продукция из Республики Татарстан.

Фестивали японской культуры, ставшие привычными в хронике культурной жизни Республики, объединяют различные мероприятия культурного, делового и спортивного характера.

Системный и комплексный подход позволил в течение нескольких лет построить взаимоотношения с большим количеством государственных и негосударственных организаций в Японии и в Республике Татарстан и за ее пределами, которые работают в рамках региональных и международных программ над установлением долгосрочных и взаимовыгодных программ в интересах региональных сообществ и народов мира.

ТИХОНОВ Ю.Н.

(Россия)

Начало второй мировой войны и обострение международных отношений в Центральной Азии. 1939–1940

(по архивным материалам)

Длительное соперничество Англии и Российской империи – СССР на Среднем Востоке привело к появлению устойчивой, хотя и надуманной, схемы неизбежного столкновения двух держав на подступах к Индии. В начале Второй мировой войны «русофобия» в Британской Индии и Англии достигла небывалых масштабов. В Кремле также были готовы к любым враждебным действиям Англии. В этой атмосфере страха и взаимной подозрительности в Лондоне в очередной раз возникли опасения, что Советский Союз попытается вторгнуться через Афганистан в Индию.

Генеральные штабы СССР и Великобритании в 30-х гг. XX в. имели планы боевых действий на афганской территории. Советский сценарий боевых действий предусматривал, что армия Афганистана и британские части из Индии будут действовать против войск Среднеазиатского военного округа (САВО). Красная Армия должна была отразить наступление объединенных англо-афганских сил. При этом частям Туркестанского военного округа запрещалось продолжать контрнаступление южнее Герата и Мазари-Шарифа.

Английские планы боевых действий в Афганистане претерпели к 1939 г. большую эволюцию, становясь все более оборонительными.

Анализ советских и британских документов свидетельствует, что оба соперника в случае войны стремились сохранить буферную зону в центральной части этой страны, и этим свести боевые действия к минимуму. Однако сложившиеся имперские стереотипы заставляли правящие круги в Лондоне и Москве приписывать друг другу широкомасштабные агрессивные намерения, даже если их не было в реальности.

Атмосфера взаимной подозрительности между правительствами СССР, Англии и Афганистана создала благоприятные условия для интриг стран «оси» в Центральной Азии в начале Второй

мировой войны. Германия воспользовалась этим. Так, 13 ноября 1939 г. посол Третьего рейха в Москве Ф. Шуленбург заявил советскому министру иностранных дел В. Молотову, что Германия хочет сделать сильный нажим на Англию и идеалом была бы военная демонстрация (советских войск – Ю.Т.) на границах Афганистана. 17 ноября В. Молотов сообщил Ф. Шуленбургу о согласии советского правительства на просьбу германской стороны.

В 1939–1940 гг. в САВО прошли войсковые учения, что вызвало крайнее беспокойство афганского правительства и британских властей в Индии.

Упорные слухи о крупной группировке советских войск, якобы, сосредоточенной для вторжения в Афганистан, вынудили Англию сконцентрировать 600 тыс. войск вдоль индо-афганской границы.

Афганское правительство во главе с Хашим-ханом и король Захир-шах опасались, что их страна может разделить судьбу Польши. Поэтому в начале 1940 г. Хашим-хан добился от Великобритании гарантии того, что, если советская армия перейдет границы Афганистана, то английские войска вступят в Южный Афганистан. Однако вскоре афганские политики приняли решение просить у Великобритании лишь поставок вооружения.

Слухи о походе Красной Армии в Индию заставили Захир-шаха и его окружение принять оборонительные меры. Заверениям Москвы, что советской угрозы Афганистану не существует, в Кабуле не верили.

В 1940–1941 гг. советского вторжения в Афганистан и Индию так и не последовало. Британская разведка все это время заявляла о невозможности подобной операции, но английские власти в Индии и многие политики в Лондоне оказались пленниками имперских стереотипов. В тот момент это принесло пользу только фашистской Германии, сумевшей ухудшить советско-афганские отношения, сковать в Индии значительное количество британских войск, а также укрепить свои позиции в качестве «третьей силы» в Афганистане.

ТУГУЖЕКОВА В.Н.

(Абакан)

Хакасский этнос: проблемы здоровья

В начале 90-х годов XX века в Хакасии были проведены исследования состояния здоровья хакасов в селах их компактного проживания. Был сделан вывод, что нарушение традиционного проживания влияет не только на здоровье населения, но и на генетическую основу этноса. Реформы 90-х годов нанесли непоправимый удар по снижению уровня жизни населения и ухудшению здоровья. Хакасский этнос очень медленно адаптируется к новым условиям. О самочувствии хакасского народа говорят социологические данные, проведенные ХАКНИИЯЛИ совместно с учеными

СО РАН, опрашивалась группа экспертов 218 чел., из них 85,5% хакасов, в сентябре 1999 г. по оценке изменения различных сторон жизни хакасского народа в годы реформ, так на вопросы ответили: обеспечение продуктами питания – ухудшилось – 54,5%, денежные доходы на человека – ухудш. – 95,2%, состояние здоровья детей до 17 лет – ухудш. – 94,1%, ситуация с занятостью населения – ухудш. – 91,4%, ситуация с пьянством, наркоманией – ухудш. – 94,7% и т.д.

ТЮХТЕНЕВА С.П.

(Горно-Алтайск)

**Имя – путь – судьба:
центрально-азиатские
этнографические параллели**

В числе основополагающих концепций культуры тюрко- и монголоязычных народов Алтайского горного региона по сей день велика роль представлений, связанных с судьбой человека.

Концепты имени (пути/судьбы) доли, судя по публикациям, имеют много общего в различных культурах (1). Сходство этих концептов у народов, издревле входивших в единую цивилизационную общность, культура которых развивалась на стыке нескольких языков и религий, исторически вполне объяснимо.

Мировоззрение и фольклор современных алтайцев, калмыков России и Китая, народов Западной Монголии, входивших в средневековое монгольское государство, ойратский союз и Джунгарское ханство, составляли единую систему, о чем можно судить по фольклорному наследию этих народов.

Рассмотрение таких категорий культуры указанных народов, как *ат-јол, кежик, салым, ууле-конок, учурал, ырыс* (алт.), *аз, зол, хишиг, хийморь, учрал, сулд* (калм.), *тавилан, заяа, хувь заяа, хувь, учрал, Үйл, хэсэг* (монг.), *аза, зайаан, зайааха, зол, зол-жирһел* (ойрат.) позволяет прийти к выводу о том, что они охватывают круг мировоззренческих понятий, связанных с судьбой человека, его счастьем, данными свыше, божествами, при рождении (2). Судьба, счастье, доля, удача представляются независимыми от людей. Имеются также представления о плохой судьбе, неудаче и пр. Каждая из этих категорий состоит из множества семантических компонентов.

Судьба человека, по представлениям тюрко-монгольских народов Сибири, Монголии и Китая, имеет и временной аспект (3). Это не только возраст, предопределенный ему при рождении, но и количество (или мера) добра и зла, отпущенных ему судьбой. В алтайском выражении *баштагы ойинен откон* – досл. «баловство (его) перешло за допустимый временной предел», что означает «баловство (его) чрезмерно» по отношению к расшалившемуся ребенку, или *кылыгы бажынан ашкан* – досл. «отрицательная черта характера переваливает через голову», т.е. «норовист донельзя».

Жизненный путь человека взаимосвязан также и с его именем. Имя и имянаречение в фольклоре, особенно в эпосе, имеют особую ценность и значение.

Таким образом, в мировоззрении народов Алтайского горного региона существует по сей день представление о том, что жизнь человека «выкраивается» небесными божествами и горными духами. Наделение жизнью означает и наделение судьбой, долей, жизненным путем, ездовой лошастью и именем.

РУСТАМОВА-ТОГИДИ Солмаз Али кызы

(Азербайджан)

**К истории миграции иранцев на Кавказ:
периоды, причины, судьбы**

Миграция иранцев на Кавказ берет свое начало с вхождения Южно-Кавказского региона в состав Российской империи и имеет почти 200-летнюю историю. Бесперывный по характеру процесс перемещения иранских граждан на территорию бывшей царской России, затем Советского Союза в отдельные исторические периоды в силу разных социально-экономических и политических факторов носил массовый характер...

АШРАФИ М.М.

(Таджикистан)

**Самаркандские миниатюры 17 века
в английских коллекциях**

1. До 1980-х гг. среднеазиатская школа миниатюры 17 в. в науке рассматривалась как единая школа. В 1981-1982 гг. было сделано два открытия – существование Самаркандской школы миниатюры первой половины 17 в., функционировавшей здесь с 1600 по 1630 гг. (открытие М.М.Ашрафи, 1981 г.) и функционирование в 1640 – 1670 гг. Бухарской школы миниатюры (открытие О.Ф. Акимовича и А.А. Иванова, 1982 г.).

2. Обоснование функционирования Самаркандской школы было сделано на основе 250 миниатюр, выявленных автором этих строк как самаркандские. В 1970-1980 гг. были определены их художественные особенности по сумме общих характерных признаков, присущих им, определены три этапа их развития, и на основе этого сделан вывод о существовании самаркандской школы миниатюры.

3. Наиболее богатая коллекция среднеазиатских иллюстрированных рукописей 17 века хранится в рукописных фондах Англии. Надо отметить, что все эти памятники были определены Б.Робинсоном и Н.Титли, авторами каталогов Библиотеки Индия Оффиса и Британской библиотеки в Лондоне, как Бухарские миниатюры.

4. Необходима была исследовательская работа по выявлению и идентификации самаркандских миниатюр, выделению их из общего числа миниатюр 17 в., хранящихся в английских коллекциях.

5. Рукописи «Шахнама» 1600 г. с 24 миниатюрами из Библиотеки Индия Оффис в Лондоне и «Шахнама» 1604 г. с 27 миниатюрами из частной коллекции сэра Г.Бэйли в Кембридже, переписанные в Самарканде, послужили основой для идентификации других иллюстрированных рукописей, не имеющих указаний на место и дату их изготовления.

6. 40 миниатюр списка «Шахнама» из Британской библиотеки, не имеющего ни даты, ни место исполнения, по стилю близки к упомянутым выше самаркандским рукописям «Шахнама» 1600 г. и 1604 г.

7. Огромное значение имеют 5 иллюстраций «Дастан-и Зиб-о-Зивар» из Британской библиотеки, где имеется в колофоне указание, что переписал рукопись и украсил миниатюрами в 1618 г. известный самаркандский художник, каллиграф и музахиб Мухаммад Дарвиш Самарканди. Эти миниатюры относятся ко второму этапу развития самаркандского стиля 17 в.

8. Хранящийся в Библиотеке Индия Оффис список «Ахлак-и-Мухсини» с 330 миниатюрами не датирован и не имеет указаний на место ее создания. Тщательное исследование этих миниатюр в 1997 г., сравнение их с бухарскими, самаркандскими, иранскими и великомогольскими произведениями привели к выводу, что – это несомненно памятник самаркандской школы 17 в.

9. Сопоставительный анализ 4 иллюстраций «Тимурнама» Хатифи из Британской библиотеки показал, что данные произведения являются прекрасными образцами самаркандской миниатюры 1620-х гг., третьего периода развития самаркандского стиля 17 в.

10. Таким образом, в английских коллекциях выявлено 430 самаркандских миниатюр 17 в. Эти памятники дают прекрасную возможность для изучения самаркандской школы миниатюры, ее развития, происходивших в ней процессах, которые подготовили расцвет самаркандской миниатюры в 1620-1630-х гг. и передали затем эстафету бухарской школе миниатюры 1640-1670 гг.

**БАЯЧОРОВА Б.Ж.,
БАТЫРБАЕВА Ш.Д.,
ЖАМАКЕЕВ Т.К.**
(Кыргызстан)

**Исторические алгоритмы создания
информационно-справочной системы
«Генеалогическое древо кыргызов по Санжыре»**

Санжыра – это уникальные генеалогические предания кыргызов, описывающие родоплеменную структуру всего кыргызского народа, которая перевелась от поколения к поколению устным образом в течение ряда столетий.

На сегодня существует достаточно большое число опубликованных и рукописных вариантов Санжыра, в постсоветское время активно пополняется корпус данного вида источников информации. Сравнительно-сопоставительный анализ имеющихся вариан-

тов Санжыра показывает, что на их основе возможно построить единое генеалогическое древо кыргызов с XV в. до конца XVIII в., а далее древо отдельных родов (бир атанын балдары). Так как с XIX в. в Санжыре идет в основном описание отдельных знатных родов, представители которых сегодня могут построить свое генеалогическое древо до 24-25 поколений.

Хотя факты, содержащиеся в Санжыре активно используются для исследования этнополитических процессов в Кыргызстане, на их основе не построено единое генеалогическое древо кыргызов с XV в. по настоящее время с учетом особенности их регионального размещения. Скорее это можно объяснить с одной стороны наличием многих вариантов, с другой стороны сложной структурой Санжыры, где содержатся обширные громоздкие, противоречивые, иногда и взаимоисключающие сведения. В связи с этим не проведен достаточно полное историко-демографическое исследование, в частности, такого направления, как исследования по становлению истории семей (ВИС) в историографии Кыргызстана.

Научно творческой группой сотрудников КНУ им. Ж. Басагына был предпринят шаг создания информационно-справочной системы (ИСС) удовлетворения информационных запросов не только ученых, но и любых заинтересованных лиц. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

1. Сбор основных источников информации полученных от населенных пунктов региона Кыргызстана и создание электронной библиотеки Санжыра;

2. Построение структуры генеалогического древа поэтапно, с учетом особенностей информативной возможности Санжыра:

- а) с настоящего времени до начало XIX века в ретроспективе;
- б) с начала XIX века по настоящее время;
- в) с начала XIX века по начало XV века в ретроспективе;
- г) с начала XVI века по начало XIX века;

д) построение уточненного варианта дерева Санжыра на период с начала XVI века по настоящее время.

3. Создание информационно-справочной и поисковой системы регулярного пополнения дополнительной базы данных, с целью последовательного уточнения базы данных Санжыра, обеспечив возможность ввода информации, касающихся древа своего рода – племени, для каждого интересующегося лица;

4. Обработка базы данных, с учетом новых дополнительных информаций, и построение древа Санжыра, вместе с его графическим представлением, в целом по республике и по регионам в отдельности. Создание Web-сайта с размещением имеющихся этнополитическую должен дать возможность изучения генеалогии, этнополитическую структуру кыргызов, а также обеспечить интересующимся возможностью ввода новых данных, касающихся древа своего рода (Жетиата) и пополнить дополнительную базу данных, которая будет последующем использовано для уточнения базы данных Санжыра.

Следует отметить, что решение поставленных вопросов требует усиленной работы всех заинтересованных лиц, не только ученых, но и всех тех, кто изучают генеалогию кыргызов. В настоящее время в результате работы творческой группы (Ажыманбетова Г., Агыбаев А., Темирова А., Жамакеев Т., Садабаев Т., Байгазиева Н.) был осуществлен первоначальный этап работы. Собраны материалы Санжыра по опубликованным изданиям и по опросам отдельных лиц с каждого региона республики. Разработана начальная версия программы создания информационной базы данных Санжыра, позволяющая реализовать некоторые алгоритмы строения генеалогического древа кыргызов, параллельно идет работа над созданием Web-сайта. Указанные результаты будут демонстрированы на конференции.

ПЛОСКИХ В.

Проблемы древней цивилизации Иссык-Куля

Озеро Иссык-Куль – «пульсирующее сердце» Евразии – расположено в горах Центрального Тянь-Шаня.

И горы Тянь-Шаня, и озеро Иссык-Куль сравнительно «юны». Горы образовались около 25-30 млн. лет назад, озеро – 10 млн. Первый человек здесь появился около 800 тыс. лет тому назад, первые дошедшие до нас каменные орудия имеют возраст около 300 тыс. лет.

Край богат малоисследованными памятниками культурного наследия трехтысячелетней истории. Здесь и наскальные рисунки, и царские курганы саков, и тюркские каменные изваяния, руническая, согдийская, уйгурская, тибетская и арабская эпиграфика. Тут и средневековые городища и поселения с христианскими монастырями и буддийскими храмами, исламские минареты и мавзолеи, кыргызские гумбезы, святые природные места. До сих пор не составлены археологическая карта и кадастр памятников культурного наследия, требующих изучения, консервации и реставрации.

Отдельные исследователи ставят вопрос, что Иссык-Куль находился в ареале прародины ариев и был очагом древнейшей цивилизации.

В течение трех последних тысячелетий одна цивилизация трансформировалась в другую, оставляя для потомков памятники материальной и духовной культуры. Часть из них с течением времени оказалась под водами Иссык-Куля (по наблюдениям ученых, озеро, по крайней мере, четырежды претерпело периоды трансгрессии и регрессии).

В результате исследований прошлых лет, в которых автор принимал непосредственное участие, под водой было зафиксировано более десяти памятников, а на побережье Иссык-Куля – до сотни.

Историко-археологическая разведка, проведенная на Иссык-Куле летом 2003 г., позволила наметить координаты поиска заманчивых памятников на берегу и под водой.

Были обследованы акватория Туюкского залива и высказана гипотеза нахождения здесь остатков столицы усуней г. Чигу, подняты со дна озера уникальные, прекрасной сохранности сакские жертвенные котлы. Впечатляющей находкой стал также бронзовый псалий – часть конской упряжи, – отливка выполнена в виде двух голов хищников, смотрящих в разные стороны.

Находки свидетельствуют о распространении металлургии и литья среди саков в середине I тыс. до н.э., о наличии торгово-ремесленных центров, к которым были привязаны скотоводы, ведущие кочевой или полукочевой образ хозяйствования и жизни.

Предварительные поиски показали, что археологические объекты Иссык-Куля заслуживают особого научного внимания. Необходимы более углубленные исследования и раскопки, как на берегу, так и под водой профессионалов, оснащенных современным оборудованием.

ОРМУШЕВ А.С.

(Кыргызстан)

Дипломатические отношения Кыргызстана с миром Востока

Кыргызы – один из древнейших народов Центральной Азии с яркой и самобытной историей и культурой. Не только с обретением суверенитета начинается этап формирования и развития дипломатических отношений Кыргызстана с зарубежными странами. Многовековая история хранит в памяти искусство дипломатии древних тюрков, упоминание о нем имеется в трудах путешественника, буддийского паломника Сюань Цзана (602-644 гг. н. э.), который обратил внимание на хорошо организованную дипломатическую службу у древних тюрков.

Интересные сведения о первых дипломатических отношениях Енисейских кыргызов с Китайским государством имеются в трудах академика В. В. Бартольда.

Однако Кыргызстан в первые годы независимости при выработке принципов приоритетных направлений внешнеполитического курса столкнулся с немалыми трудностями в области дипломатии.

В первые месяцы становления молодой Республики суверенитет признали 2 государства – Турецкая республика (24 декабря 1991 года), США (27 декабря 1991 года). За годы независимости Кыргызскую республику признали уже более 260 государств, были установлены дипломатические отношения с 108 странами.

Приоритетными направлениями во внешней дипломатической политике Кыргызстана наметились с Китаем. В мае 1992 года состоялся первый официальный визит главы государства Л. Акаева в Китайскую Народную Республику, положивший начало политическому сотрудничеству с великим соседом.

Бесспорным приоритетом во внешней политике Кыргызстана является сотрудничество с Японией, которая занимает первое место по инвестициям и инфраструктуре Кыргызстана. За 10 лет двустороннего сотрудничества Япония выделила Кыргызстану 19 грантов на общую сумму около 60 млн. \$ 6 кредитов на сумму около 245 млн. \$.

На сегодняшний день заложен фундамент дружественных отношений между Кыргызстаном и Объединённым Арабским Эмиратом. Организовано сотрудничество с такими различными фондами поддержки арабских стран, как Саудовский фонд развития, Кувейтский фонд развития, Египетский фонд технического содействия и многими другими.

В Кыргызстане успешно работает Кыргызское отделение Кувейтской международной благотворительной организации «Общество социальных реформ». Благодаря деятельности данной организации учреждены Кыргызско-Кувейтский университет и кувейтский приют для детей сирот.

За период обретения суверенитета Кыргызстана все плодотворно развиваются торгово-экономические, культурные, научные контакты с такими странами Востока, как Китай, Япония, Иран, Индия, Пакистан, Малайзия, Турция, Корея, и странами Ближнего Востока.

Современные реалии дипломатического курса внешней политической деятельности Кыргызстана требуют учитывать наметившиеся изменения во взаимодействии и взаимозависимости восточных регионов, где в вопросах международных взаимоотношений приоритетное положение занимает экономический интерес, составляющий основу принципа сотрудничества.

Поэтому от дипломатической миссии Кыргызстана зависит дальнейшее плодотворное сотрудничество с Восточными государствами Ближнего и Дальнего зарубежья, что даёт возможность вхождения Кыргызстана в Мировое политико-экономическое сообщество.

Как справедливо отмечено в доктрине президента А. Акаева «Дипломатия Шелкового пути», «возрожденный Шелковый путь не только свяжет отдаленные Евразийские регионы, но и будет способствовать экономической интеграции и культурному сближению народов...»

ИБОАЕВ Ш.

(Казахстан)

Вопросы эпического пространства в казахском героическом эпосе

Вопросы эпического пространства рассматриваются в двух аспектах: эпическая концепция пространства и его художественная особенность.

Понятие пространства (название гор, озер, рек и т.д.) категория историческая. Однако она подчинена поэтическим законам эпоса.

Прежде всего, она самобытна. Поэтому его изображение зависит от характера сюжетного развития. Пространство в эпосе предоставлено в виде противопоставления своего и чужого (вражеского), кочевого и оседлого реалий. В казахском эпосе большое место занимает изображения пространства в виде бинарной оппозиции.

БЕЙСЕМБИЕВ Т.К.

(Казахстан)

Возрождение тагайской государственности идеи в Мавераннахре (Конец XVIII – начало XIX в.)

В докладе подробно анализируется одно важное событие в государственной идеологии Средней Азии, до сих пор ускользнувшее от внимания исследователей. Речь идёт о возрождении чагайской идеи в Мавераннахре в конце XVIII – начале XIX в.

Согласно этой идее, верховная власть – прерогатива лишь Чингизидов – чагаидов и их законных наследников (Тимуридов), в соответствии с Чингизовым правом.

Будучи господствующей в Мавераннахре в XIII – начале XVI в., эта идея узаконивала власть Чагатаидов и Тимуридов на территории Чагатаева улуса. При Шайбанидах и Аштарханидах (XVI–XVIII вв.) эта идея была временно вытеснена династическими принципами Джучидов, согласно которым Джучиды (т.е. Шайбаниды и Аштарханиды) признавались «законными» приемниками Чагатаидов в Мавераннахре.

Политические изменения в XVII в., экономическое и культурное восстановление Средней Азии к началу XIX в. привели в идеологической сфере к возрождению чагатайского династического права.

Так, бухарские эмиры стали использовать культ Эмира Тимура в своих инаугурационных церемониях, а ханы Коканда и беки Шахрисябза – возродить свои родословные к предкам – Тимуридам, чтобы узаконить свое право на верховную власть.

SIDDHARTHA S.

(India)

**Roots of cameralism in India and China,
with reference to Kautilya and Confucius**

Cameralism is a mode of governance which evolved in Germany in the 15th century A.D. It was a holistic concept of how a king should rule the state, look after the welfare of the people and strive for the economic sufficiency of the kingdom.

In the course of the development of the societies and nations, this holistic approach was left behind and economics, politics and their separative methods came into existence.

Now, in the twenty-first century, the wheel has come the full circle. People have realized that there is nothing called part – progress. The entire society has to feel the goodness of the governance in full measure, for the state to be peaceful and prosperous. Cameralism is coming back, in effect, though not with the same tag or nameplate.

This cameralistic approach is specially visible in the collection of thoughts of the ancient intellectuals – Confucius and Kautilya.

Confucius was the disciple of the Chinese legend – Lao Tse.

Kautilya was the minister of King Chandragupta Maurya of India.

A study of these two and their thoughts enables us to perceive the roots of Cameralism, way back in the centuries before Christ, in the ancient history of China and India.

The creative economist Confucius was born in 552 B.C., roughly two centuries ahead of the great Indian economist Kautilya. Both were great administrators and teachers. Both wanted power, but only to reform the world around them. Both became premiers and succeeded in strengthening the regal authority by curbing the barons and the feudal lords that were unethically ambitious.

Confucius gave the world guidelines for a rationalized social order, through the ethical approach. The most curious characteristic of his theory was the absence of the distinction between politics and ethics. His doctrine was that 'the measure of man is man'. While this gives hope and equal opportunity to every man, it also holds the individual responsible for his own improvement and perfection. But what appeals to the reader in Confucius, is the indefatigable urge to go on with the work that he had marked out for himself. His was a practical approach through 'scholarship and learning'; he was not one of those 'born to know the truth'.

Kautilya has an uncanny resemblance to Confucius. In Kautilya too, we see the condemnation of asceticism and inflicting of punishment for those who ran away from their family duties. A further study of Kautilya and his Arthashastra helps to dispel the illusion that Economic thought is exclusively of European origin. The study also brings to light instances of numerous anticipations by early Indian thinkers of doctrines which are supposed to be modern (and Western). Accord-

ing to Kautilya, though the State was said to be in charge of many of the functions of governance, enlargement of individual rights and freedom was equally important.

The two thinkers, each in his own way, had evolved a method of government which aimed at the welfare of the whole state. This method proved to be the cornerstone of the edifice raised in Germany under the name of Cameralism.

ARAKELIAN Mikael

(Armenia)

**To the question of catalogization
of medieval illuminated Armenian manuscripts
in German collections**

The investigation is aimed at studying and compiling the new catalogue of the Armenian embellished manuscripts written and illuminated in medieval scriptoria of Western, Eastern Armenia and the Diaspora in the 16th- 17th centuries, which are kept in different libraries throughout Federal Republic of Germany.

Data shows that about 300 Armenian manuscripts housed in the collections of Germany. Altogether I observed about 150 original codices throughout libraries of Berlin, München, Tübingen, Leipzig, Stuttgart, Darmstadt, Nürnberg and Lutherstadt Wittenberg, and then focused my attention on 55 manuscripts from which comes the descriptive catalogue which are included: Bible (incomplete), Gospels, Psalters, Breviaries, Hymnals, Rituals, Prayer Books, Collections, Menologium (incomplete), Collection of Tal, Lectionary, Book of Lamentations, Calendar of Feasts, Theological Works of the Priest Matt'ëos ulayec'i, Poetic Works by Nersēs Šnorhali and Works of Nersēs Lambronac'i. For a comparative analyze, I studied fifty additional manuscripts housed in the Matenadaran – Institute of Ancient Manuscripts (Yerevan), the libraries of the Mekhitarists Congregations Monasteries in Venice, Viena and St. James Monastery of Jerusalem. It is also used some various literature sources.

As the result of study, I have compiled my own version of cataloging for easier use. The manuscripts were described in full detail according to the following criteria: name of collection and library code; classification of manuscript; date, place of writing and scriptoria; scribe(s); miniaturist(s); binder(s), repairer(s); patron(s) or possessor(s); material; format and dimensions; quantity of folios, columns and lines (with dimensions); quires; script; flyleaves; data of manuscript binding; seal(s); *ex libris*; data for filigree (watermark); condition of both coding itself and painting, principal colophons and late inscriptions. Depending on the type of manuscript, the illuminations were arranged by subjects: Canon Tables, Letter of Eusebius to Carpianus (in the case of Gospel), narrative or full-page miniatures of the Christological cycle, Evangelist representations, headpieces, marginalia, and initials. I have

also established the exact colours and pigments, style and technique of painting, acquisition of manuscripts and finally bibliography (sources for the manuscripts and comparative literature).

It is safe to say that as of today a catalogue of this stature, as I am suggesting, does not exist.

КАРТАЕВ О.К.

Родоплеменные тамги

как источник по этногенезу киргизов

Особенно нужно отметить о родоплеменных тамгах (тавро, клеймо), которые были нами обнаружены и зафиксированы на древних и средневековых киргизских памятниках, камнях-стелах Хакасско-Минусинской котловины и республики Тывы, в которой, в течение более тысячи лет жила и развивалась самобытная цивилизация киргизов и их государственность. Повсеместное распространение тамг напоминает о былой локализации киргизских племен в этом огромном пространстве Южной Сибири и её сопредельных территорий. Тамги в основном высечены в больших камнях-валунах, которые повсеместно встречаются на территории входившей в состав киргизских государств с V в. до начала XVII в. Техника и способы высечения племенных тамг киргизов резко отличается от рисунков татарской культуры. Кроме того, тамги, обнаруженные в руноподобных памятниках, принадлежащих к древним и средневековым киргизам были исследованы со стороны киргизских ученых, которые сделали определённые научные выводы.

Использование древних родоплеменных символов и знаков, отражающих независимость и собственность в государственных, межплеменных, хозяйственных и других целях имело повсеместное распространение у тюркоязычных народов. Особую значимость в киргизском обществе, приспособленном к кочевым условиям, несомненно отражали и этнические названия (этнонимы). Например кош тамга (мунгуш), джагалмай тамга (мунгуш), ача тамга (джору), кайчы тамга (джору), уч тамга (джору), кош бычак (дагыш), джогору тамга (кытай), томон тамга (кытай), калыч тамга (басыз, саяк), керки тамга (басыз), жаа тамга (азыык), ай тамга (доолес, саруу, солто), джогору чекти (багыш), томен тамга (багыш, саяк), учек (басыз), уч ок тамга (канды) и др. Следует отметить, что подавляющая часть этнонимов, связанных с названием тамги, известна как названия крупных племенных групп.

Использование тамг в общественных, хозяйственных и др. целях известно еще с древней бронзовой эпохи. Конечно, значение и принципы возникновения тамг общие, но все же сложно установить время их появления и полное их значение и содержание. По мнению некоторых ученых, в связи с эволюционным развитием общества из общеплеменной собственности тамги переросли в знак, которым отличают личную собственность. У народов, находящихся на в начальных стадиях общественного развития, ареал

использования тамг был многократным и многоцелевым. Самыми древними, несомненно, являются родовые тамги. Как правило, это были изображения тотема. Подавляющая часть тамг определяла родоплеменной тотем, их свято почитали представители рода, племени, племенного объединения. Их изображали в виде животных, хищных птиц, перед которыми преклонялись. Например у киргизских родоплеменных тамг, которые носили название «джагалмай тамга» (тамга – кобчик) имеются различные вариации, но они имеют общее значение – хищная птица «джагалмай»

ХИЖНЯК Ольга Семеновна

(Санкт-Петербург)

Значение ступы в формировании буддийского культа

Согласно *Махапаринирвана сутре* Будда разрешил верующим после его ухода возвести ступу «на перекрестке четырех дорог» и посещать четыре места, связанные с его рождением, просветлением, первой проповедью и паринирваной. В буддийских текстах имеются сведения о строительстве ступ еще при жизни Будды – над обрезками ногтей и волос Благословенного, на местах, связанных с историей его ухода от мирской жизни, над реликвиями Шарипутры. Однако, более достоверным является сообщение о возведении после махапаринирваны восьми *шарирака-ступ* (над телесными реликвиями Будды) и двух *парибходжика-ступ* (над вещественными реликвиями), имеющих общее название *дхату-ступ* (реликварных). За ступой закрепилось название *чайтья* – общиндийское обозначение священных объектов.

При Ашоке Маурья строительство ступ велось по территории всей Индии. Средством их сакрализации служило перераспределение реликвий из первых памятников, а также возведение ступ на местах, связанных с событиями жизни Учителя (Ганская долина) и с его «прошлыми рожденьями», описанными в джатаках (северо-запад Древней Индии). Так появились *уддесика-ступы* (мемориальные), которые могли содержать или не содержать реликвии. В дальнейшем им стали возводить ступы на местах, где «архаты и в пратьекабудды уходили в нирвану» и где Благословенный «обращал в буддизм» архаичных божеств. Изменились и вложения в ступы: ими стали служить телесные и вещественные реликвии учеников и выдающихся последователей Будды; таблички с записью формулы Прибежища или Пратитьясамуттпады, позже – с записью дхарани; буддийские тексты и даже целые разделы канона; статуэтки и крупные скульптуры Будды. Все формы сакрализации связывали ступы с Просветленным и его Учением. Ступы с вложениями текстов получили название *дхарма-ступ* (ступ Учения). Вокруг больших ступ верующие стали возводить множество меньших по размеру вотивных ступ, с вложениями и без них; за ними не закрепилось какого-либо специального названия.

Строительство, содержание и почитание ступ было возложено Буддой на мирян и должно было «приводить их сердца в состояние покоя и умиротворения», а после смерти «обеспечить им рождение на небесах». Ступу почитали так же, как при жизни чтили самого Будду: поклонами, обхождением посолонь, украшением гирляндами цветов, возжиганием курений и светильников, подношениями. Возведение ступы, содержание ее в чистоте и совершение простейших, общинных культовых действий должны были служить накоплению благой заслуги верующими.

Монахам Будда предписал «стремиться к высшей цели», т.е. к полному освобождению от рождений. Первоначально монашеские поселения не имели ступ. Структура пещерных монастырей подтверждает, что ступы, согласно предписанию Винаи, возводили за пределами вихары. Для ступы в скале вырубался специальный зал, отделенный от монашеских келий. Он назывался *чайтьягриха* (санскрит), *четийягхара*, или *тхупагхара* (пали) – «дом ступы, чайтьи». Школами, начавшими возведение ступ на территории монастырей, были различные ответвления махасангхиков. Нововведение во многом объяснялось экономическими причинами: подношения мирян ступам стали считаться собственностью сангхи. Особое значение почитанию ступ (*чайтий*) отводили чайтасики, что запечатлено в самом названии школы.

Строительство и почитание ступ знаменовало начало формирования буддийского культа. Почитание образов стало следующей ступенью в его развитии.

Summary

Stupa was the first created cult object of Buddhism. Its worshiping had been begun by laymen, later it was assimilated by monks. That served as a start point of Buddhist cult, the main role having been played by mahasanghikas, especially by chaitasika sect. Worshiping of images became the next step in developing of cult.

ХУДЯКОВ Ю.С.

(Новосибирск)

Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийский период

В военной истории древних кочевых народов Центрально-азиатского историко-культурного региона особый интерес представляет период возвышения и доминирования в кочевом мире Сяньбийской державы.

После ослабления и распада объединения северных хуннов, в середине II в. н.э. кочевые племена Центральной Азии, входившие ранее в состав хуннской державы, были объединены сяньбийцами во главе с выдающимся военным вождем Таньшихуаем. Все старейшины кочевых племен «на востоке и западе поддались ему». Сяньбийская держава овладела всеми землями, «бывшими под дер-

жавою хуннов». Под властью Таньшихуаи оказались все кочевые племена Центрально-азиатского историко-культурного региона, в том числе большая часть северных хуннов, принявших этническое наименование сяньби. Таньшихуаи был провозглашен «великим правителем». Его владения простирались от земель племен фуюй в южной Маньчжурии на востоке, до владений усуней на Тянь-Шане на западе. Сяньбийская держава стала грозным соперником государств северного Китая. Таньшихуаи разделил свои владения на три аймака, что соответствовало прежнему административному делению хуннского государства. В орбиту влияния сяньбийской военной державы попали кочевые племена Южной Сибири и Забайкалья.

Главным фактором, обеспечившим военно-политическое господство сяньбийцев над кочевыми племенами Центральной Азии, было развитое военное дело. Вооружение сяньбийских воинов включало предметы, предназначенные для наступления и защиты в дистанционном и ближнем бою. Они были обнаружены китайскими исследователями в процессе раскопок археологических памятников, отнесенных к сяньбийской культуре, на территории южной Маньчжурии и Внутренней Монголии. Сяньбийские воины были вооружены луками с костяными накладками, стрелами с железными и костяными наконечниками. У сяньбийцев были луки не такие длинные, как у хуннов, но лучше приспособленные для ведения скорострельной стрельбы на короткие дистанции. Для сяньбийцев были характерны двухлопастные и плоские стрелы, которые не были такими дальнобойными как хуннские стрелы с трехлопастными наконечниками, но обладавшие более высокой скоростью полета. Поэтому сяньбийские воины обладали преимуществом в сравнении с хуннами в стрельбе на короткие дистанции. Однако, наиболее существенными преимуществами владели сяньбийцы в наборе оружия ближнего боя и средств защиты. У сяньбийцев были на вооружении длинные всаднические мечи с двулезвийными клинками, однолезвийные палаши, короткие мечи и палаши, кинжалы и ударные копыя. Защитное вооружение сяньбийских всадников состояло из чешуйчатых панцирей-жилетов, защищавших корпус воинов и сфероконических шлемов, составленных из железных пластин с навершием и бармицей.

В наборе наступательного оружия ближнего боя и защитного вооружения сяньбийские панцирные всадники имели определенное преимущество в сравнении с хуннскими воинами. В ходе сражений сяньбийские полководцы должны были стремиться навязать противнику ближний бой, атаковать его ударными копыями, мечами и палашами.

Изменение тактики боя и утяжеление защитного доспеха повлекло за собой усовершенствование конского снаряжения и появление седел с жетским остовом и специальной подножкой для посадки тяжеловооруженного всадника в седло. Новые формы кон-

ского убранства способствовали более прочной посадке всадников и позволили атаковать противника копьями в плотно сомкнутом строю.

Военное господство сяньбийцев способствовало тому, что характерные для них виды оружия ближнего боя, средства защиты и приемы таранной атаки тяжеловооруженной конницы в плотно сомкнутом строю, были заимствованы другими кочевыми племенами, обитавшими в Центральной Азии.

Вооружение, воинское снаряжение и убранство боевых коней было заимствовано у сяньбийцев номадами Саяно-Алтая и Забайкалья и получило дальнейшее развитие у жужаней и древних тюрок.

ЦЕДЕНОВА С.Н.

(Элиста)

К вопросу о художественном своеобразии исторической прозы монголов

Монгольские народы обладают богатейшим письменным наследием, значительное место в котором занимает историческая проза; этот жанр был и остается самым развитым в литературе монгольских народов. Его традиции были заложены неизвестным автором «Сокровенного сказания монголов» (1240) – первого памятника письменной монгольской литературы.

Академики Б.Я. Владимирцов, С.А. Козин, Ц. Дамдинсурэн и другие исследователи высоко оценивая художественные достоинства «Сокровенного сказания», писали, что это – «история-хроника, переданная эпическим стилем и пропитанная «ароматом степи», а также отмечали, что «Сокровенное сказание монголов» – настоящее литературное произведение, и притом самое интересное, самое яркое, с которым не может сравниться ни одно создание последующей монгольской литературы».

Исторический жанр, зародившись в XIII в., ряд столетий сохранял и развивал свойственную ему самобытную литературную традицию. Монголы не только бережно хранили старинные традиции, но и создавали новые предания, легенды, вдохновляясь древними образцами, порой и просто подражая им. Авторы поздних исторических произведений широко использовали как устные, так и письменные версии первого памятника.

Особенно богат историческими сочинениями XVII–XVIII вв. В этот период возрастает интерес монголов к своей истории. Это анонимные «Алтан тобчи» и «Шара тужи», «Алтан тобчи» Лувсан Данзана, «Эрдэнин эрке» Галдана, «Эрдэнин тобчи» Саган Сэцэна, «Болор эркэ» Рашипунцага и др. Из этих сочинений мы узнаем, что жил монгольский народ, как развивалось его мировоззрение, духовная жизнь, как он сам оценивал все, что происходило с ним в те далекие времена. Известные и неизвестные авторы исторических ле-

тописей создавали живые картины прошлого, стремясь передать дух своего времени. «Благодаря использованию древних преданий в «Алтан тобчи» наблюдается значительно большее по сравнению с другими летописями количество разнообразных поэтических фрагментов. Можно смело сказать, что в «Алтан тобчи» представлены все жанры монгольской поэзии средневекового периода», – отмечает Н.П. Шастина. Предания, легенды, восхваления, поучения, пословицы – все эти литературные фрагменты, широко представленные в исторической прозе монголов, позволяют нам говорить об оригинальности этих произведений и считать их художественными повествованиями. «Сложилась традиция соединять описания исторических событий со сказочными сюжетами, сопровождать их мудрыми изречениями, поучениями, заимствованными из дидактической и одической поэзии, исторических легенд и эпического фольклора».

Историческая проза монголов – явление весьма своеобразное. Фольклорные мотивы глубоко проникали в ткань исторических повествований. Монгольские авторы использовали фольклорные мотивы, которые затем приобретали письменную форму, обогащая литературу и помогая сохранить ей свою самобытность.

И сегодня историческая проза занимает ведущее место в монгольской и калмыцкой литературах. Жанр исторического романа является одним из важных завоеваний монгольской и калмыцкой литератур.

ЦЫБИКТАРОВ А.Д.

(Улан-Удэ)

Формирование кочевого скотоводства в Центральной Азии в свете данных археологии и палеогеографии Южного Забайкалья и Монголии

На протяжении длительного времени, по меньшей мере, с рубежа бронзового и раннего железного веков основой экономики населения степей Центральной Азии являлось скотоводство полукочевого и кочевого типа. Оно обусловило многие особенности материальной и духовной культуры древнего и средневекового населения этого региона. Поэтому решение вопроса о времени формирования кочевнического уклада в палеоэкономике степного населения относится к числу наиболее важных проблем изучения истории Центральной Азии.

Исследователи древней истории Монголии и Южного Забайкалья, Г.П. Сосновский, А.П. Окладников, Н.Н. Диков, В.В. Волков, Д. Наваан, Ю.С. Гришин и др., связывают формирование скотоводства кочевого типа с населением культуры плиточных могил. Это событие обычно датируют концом бронзового века или рубежом эпохи бронзы и раннего железа, концом II – началом I тыс. до н.э.

Пересмотр сложившихся представлений о датировке культуры плиточных могил и привлечение новейших данных о палеогеографии Монголии, Забайкалья и Прибайкалья позволяют внести существенные коррективы в решение вопроса о времени появления скотоводства подвижного типа в Центральной Азии (Цыбиктаров, 1989, 1998, 2003). Датировка материалов культуры плиточных могил тремя независимыми методами (сравнительно-типологическим, по радиоуглероду и соотнесению основных особенностей материальной культуры и погребального обряда с аналогичными параметрами степных культур сопредельных областей Южной и Западной Сибири, Казахстана) позволили углубить ее датировку до XIII–XII вв. до н.э. Однако к этому времени данная культура имела уже сложившийся облик, что позволяет отнести время ее формирования к периоду развитой бронзы, середине II тыс. до н.э. Материалы ряда могильников позволяют наметить ранний толгойский этап культуры плиточных могил, датирующийся этим временем. Костные остатки животных в могилах принадлежали лошади, мелкому и крупному рогатому скоту, отражая кочевнический характер состава животных в стаде на толгойском этапе. Генезис культуры плиточных могил происходил на основе селенгинско-даурской культуры Южного Забайкалья и Монголии конца III – первой половины II тыс. до н.э. Палеоэкономика этого культурного образования сочетала отрасли развитого присваивающего и набиравшего силу производящего хозяйства. К концу раннебронзового времени скотоводство и земледелие постепенно вышли на передний план в хозяйственных занятиях населения селенгинско-даурской культуры. Динамика изменения соотношения присваивающих и производящих отраслей в экономике степного населения Монголии и Южного Забайкалья становится понятной в свете палеогеографических изменений в этих областях Центральной Азии в суббореальное время.

Суббореальное время в Монголии, Забайкалье и Прибайкалье, по мнению П.Б. Виппера, А.Г. Динесмана, Г.А. Воробьевой и др., на всем его протяжении в целом характеризуется как период усиления аридизации. Конец III – начало II тыс. до н.э. везде ознаменовалось похолоданием и сухостью. С этого времени усиливается континентальность климата. В Монголии во второй четверти II тыс. до н.э. начинается фаза сухого теплого климата, продолжавшаяся около 300 лет. Эволюция климатической обстановки в Монголии и Южном Забайкалье в таком направлении могла оказать существенное влияние на развитие экономики населения равнинно- и горностепных областей.

Аридизация ухудшила условия для занятия земледелием, несколько ограничивала возможности охоты и рыболовства. В то же время расширение степных пространств, представлявших собой прекрасные пастбища, должно было стимулировать развитие скотоводства. Вместе с тем трансформация климата происходила

постепенно, поэтому изменения в хозяйственной деятельности в пользу скотоводства кочевнического типа происходили, вероятно, достаточно плавно, параллельно эволюции климатической и ландшафтно-почвенной ситуации и завершились к середине II тыс. до н.э. Переустройство экономической основы степного населения сопровождалось существенными изменениями в сфере материальной и духовной культуры. В конечном итоге они завершились формированием новых археологических культур. В середине II тыс. до н.э. произошла смена селенгинско-даурской культуры эпохи раннего металла культурой плиточных могил в Восточной Монголии, Южном Забайкалье и центральноазиатского варианта афанасьевской общности культур херексурсов в Западной Монголии. Население обеих культур времени развитой бронзы вело уже скотоводческое хозяйство кочевнического и полукочевнического типа в зависимости от природных условий в разных районах их распространения.

ЧАБИНЕЦ Е.Н.

(Томск)

Восточно-буддистские искусства повседневности как путь к гармонизации личности

Формирование духовности в восточно-буддийских культурах полномерно отражено в системе искусств повседневности, которые охватывают практически все жизненные циклы человека. Триединство физического, эстетико-этического и интеллектуального начал лежат в основе классических учений, дошедших до нас.

Триединство не прерогатива восточно-буддийских учений, но в этом культурном пространстве оно развилось во взаимосвязанную систему жизненных ценностей. Каждое направление считается равноправным и одинаково важным в формировании гармоничного внутреннего пространства личности. В других современных религиях мы находим следы подобных знаний, но такую взаимосвязь и взаимозависимость физического и духовного, основанные и соединенные в единую стройную систему знаний и занятий репрезентирует лишь буддийский Восток.

Именно триединство является основой гармонизации микро- и макромира, но на современном этапе в обществе явно преобладают интеллектуальное развитие. Понятия физической духовности и творческого вдохновения, т.е. работа с подсознанием посредством физических и творческих занятий, были представлены во многих языческих культурах и, надо полагать, существовала взаимосвязанная система развития, позволяющая сохранять оптимальный баланс личностного роста, но обрывочные знания, дошедшие до нас, не донесли систему практических занятий в логической взаимосвязи. Вследствие этого на современном этапе происходит активная ассимиляция знаний восточных искусств повседневности

именно в аспекте «духовность – телесность», проявляется интерес как к различным видам физической активности школ Востока, так и к прикладным искусствам, которые позволяют раскрыть внутренний духовно-творческий потенциал личности.

Нарушение баланса триединства часто провоцирует психологические проблемы.

В соответствии с логикой восточно-буддийских учений здоровье личности и ее гармоническое развитие возможно, если сбалансированы левый (эмоции) и правый (логика) энергетические каналы, чисты и активированы все 7 чакр и открыт центральный канал. Это дает возможность глубокого позитивного общения с миром, правильной оценки себя и своих потенциалов, позволяет увидеть пути дальнейшего саморазвития.

Весь опыт развития восточных искусств демонстрирует состоятельность в вопросах формирования духовности, многовековая апробация выработала уникальные техники и способы развития и гармонизации внутреннего пространства личности. Грамотное использование восточно-буддийских искусств повседневности позволяет уравнивать эмоции и логику, нормализовать работу чакр (учитывая эмоционально-нравственную нагрузку, которую они несут), что в конечном счете определяет оптимальный уровень психофизического здоровья личности. Неразрывная связь физического и эстетико-этического развития для духовного здоровья неоспорима. Особенно актуально это в наши дни, когда мир разбалансирован, и роли личностного духовного роста уделяется незначительное место по сравнению с интеллектуальным развитием.

ЧЕРЕШНЕВА Л.А.

(Липецк)

**Дискуссионные проблемы
политической истории Индии в годы и после
второй мировой войны (1939–1947)**

В данном сообщении предпринята попытка охарактеризовать ряд дискуссионных (в том числе – малоизученных в России) проблем политической истории Индии в 1939–1947 гг. и высказать авторские суждения и оценки, основанные на изучении индо-пакистанских, английских и других зарубежных документов, а также отечественных архивных материалов.

Важнейшими проблемами в рамках заявленной темы являются:

1) «восточный коллаборационизм» (индийский вариант): папеция от колониальной зависимости или паровой каток?

Ведущая партия страны – индийский национальный конгресс (ИНК) никогда не был ни профашистской, ни прояпонской организацией. Однако один из его видных деятелей, арестован-

ный англичанами в начале войны, сумевший бежать из-под ареста в Германию Субхас Чандра Бос является наиболее известным представителем той группы индийских националистов, которые намеревались воспользоваться поддержкой стран «оси» для освобождения своей родины от британского порабощения. Губительная тактика этих индийских патриотов, ошибочно полагавших, что страны агрессоры ограничатся лишь разгромом англичан на Востоке, предоставлением независимости и суверенных прав народам, утратившим эти ценности много веков назад, не принесла желаемого результата, но дала обильную пищу для их обвинения в сотрудничестве с нацистами.

2) «Августовская революция» 1942 г. в Индии и проблема необходимости соотнесения целей антиколониального движения и общечеловеческих задач по разгрому фашизма

Великобритания не допускала возможности передачи власти индийскому народу в ходе войны, так как, с одной стороны, опасалась анархии и полной дезорганизации обороны Индостана, с другой, – рассчитывала сохранить свою колониальную империю в послевоенном мире.

В результате бескомпромиссной политики как британских властей, так и индийских националистов, в обстановке реальной угрозы японского вторжения, в августе-сентябре 1942 г. на полуострове развернулось мощное антибританское движение под лозунгом «Оставьте Индию!», инициированное Ганди и Конгрессом. Индийские историки именуют это движение «Августовской революцией». «Августовская революция», бесспорно явившись одним из важнейших этапов борьбы индийцев за независимость, обнажила проблему необходимости соотносить Национальные интересы и общечеловеческие ценности.

3) англо-индийские отношения в 1945–1947 гг. и проблемы раздела Индии

В первые послевоенные годы, на волне нового подъема освободительного движения, британское правительство приняло ряд деклараций, в которых заявляло о своей готовности предоставить Индии статус доминиона. Вопрос о сохранении целостности страны ставился в зависимость от возможности урегулирования индомусульманских противоречий. Лига упорно настаивала на расчленении, доказывая, что Конгресс – партия индусского большинства, стремящегося к узурпации власти. В ИНК же склонились к решению пойти на временный раздел, чтобы урегулировав межконфессиональные проблемы, обеим частям страны воссоединиться вновь. Раздел Индии 1947 г., вопреки расчетам конгрессистов, временным не стал. Сопровождавшийся массовыми столкновениями на религиозной почве, унесший более полумиллиона жизней, он привел к созданию Индийского Союза и Пакистана, чьи исторические пути, весьма вероятно, разошлись навсегда.

ЧЕРВОННАЯ Светлана
(Москва)

**(1). Роль личности лидера
в национальном движении крымских татар в 20 веке:
от Исмаила Гаспринского и Нумана Челеби Джихана
до Мустафы Джемилева**

Доклад отражает результаты комплексных историко-политологических, этнологических и культурологических исследований, проведенных автором на протяжении 1991–2004 годов (включая полевые исследования, экспедиции в Средней Азии и в Крыму, архивные изыскания, анализы источников и историографического материала, записи интервью, публикации документов национального движения) и частично апробированные в прежних монографиях («Крымскотатарское национальное движение», тома 1–4; М., ЦИМО ИЭА РАН, 1992–1997; издания по прикладной и неотложной этнологии ИЭА РАН и др.).

Сквозная линия исследования позволяет не только сопоставить различные политические портреты лидеров крымских татар (Исмаила Гаспринского, Рашида Медиева, Нумана Челеби Джихана, Джафера Сейдамета, Вели Ибрагимова, Айше Сейтмуратовой, Мустафы Джемилева, ныне возглавляющего Меджлис крымскотатарского народа), но также провести компаративный анализ разных этапов национально-освободительного движения, сталкивавшегося с особенными вызовами времени и вырабатывавшего как адекватные этим вызовам программы, так и типы личностей, способных возглавить борьбу и получить мандат национального доверия. Так и типы личностей, способных возглавить борьбу и получить мандат национального доверия. В широкой панораме 20 века происходила динамичная смена парадигм национального героя, коллективного (демократического) и авторитарного руководства движением, образов лидера, обусловленных историческими обстоятельствами масштабов и методов его деятельности. От либерального общественного деятеля (классической, хрестоматийной фигуры «отца нации» – Исмаила Гаспринского), интеллектуала, избирающего основным средством влияния на своих соотечественников слово (слово моральной и религиозной проповеди, слово учителя в новометодной школе, слово просвещения со страниц национальной печати, слово протеста с думской трибуны или с трибуны мусульманских съездов) образ лидера в эпоху социально-политических потрясений, «бури и натиска», гражданской войны менялся, превращаясь не только в революционного трибуна и организатора возрожденного государства (Нуман Челеби Джихан во главе первого Курултая и Демократической Республики Крым рубежа 1918 гг.), но обретая энергичные контуры борца за национальную государственность, использующего широкий арсенал средств конспиративной и легальной, военной и дипломатической деятельности (Джафер Сейдамет в Крыму и в эмиграции). Духовный кризис власти, называвшей себя советской и коммунистической, олицетво-

рением которого может служить личная драма Вели Ибрагимова, возглавившего «Советский Крым» 1920-х годов и ставшего первой крупной политической жертвой сталинского террора, а также последующий разгром всего «левого», социал-демократического фланга партии «Милли Фирка», определил на многие годы вперед отчуждение крымскотатарского народа от этой власти и невозможность появления национального героя и вождя в легальном русле – в виде главы Крымской Автономии, секретаря Обкома (Рескома) большевистской партии и т.п. Это наглядно подтверждают трагические судьбы людей, проявивших героизм и мужество в Великой Отечественной войне, в партизанском движении, возглавлявших республику к 1944 году и переживших со своим народом все отчаяние депортации и бессилие перед тиранией (некоторые страницы их биографий освещаются в докладе впервые).

**(2). Архив Джафера Сейдамета
в стамбульском собрании Исмаила Отара**

Богатейший личный архив Джафера Сейдамета (1889–1960), одного из лидеров крымскотатарского национального движения начала 20 века, долгое время считался безнадежно утерянным. О масштабе и богатстве этого собрания можно было судить по последним публикациям 1950-х годов самого Джафера Сейдамета и его соратников, в которых использовались разнообразные материалы этого архива. Ни в одном из капитальных трудов, появившихся после 1960 года, английских, американских, немецких, турецких, а после «перестройки» и российских, и украинских ученых, занимающихся историей крымских татар в 20 веке, нет ни единой ссылки на материалы этого архива. В докладе освещается история открытия автором архива осенью 2002 года в частном собрании крымского татарина Исмаила Отара в Стамбуле и приводятся результаты экспертной работы, проведенной в этом архиве по целевому заданию Меджлиса крымскотатарского народа в ходе научной командировки в Турцию в 2003 году. Джафер Сейдамет собственноручно, незадолго до своей смерти, передал все свои бумаги (письма, черновики собственных рукописей, документы – тысячи печатных, машинописных и рукописных листов в 25 папках-фолиантах) Исмаилу Отару, которого он знал тридцать лет – с осени 1930 года.

В общей сложности в этом архиве находится свыше 250 тысяч листов, иногда заполненных с лицевой и оборотной стороны. Документы представлены на нескольких языках: английском, немецком, французском, польском, румынском, русском, и огромная часть архива – на тюркских языках: и на турецком, и на крымскотатарском, и на тюрки (языке «Терджимана»).

По содержанию, это подлинное сокровище национальной истории крымскотатарского народа и очень широкого международного окружения, своеобразного культурного и политического «эха» этой истории.

В настоящее время весь этот богатейший архив требует специальной научной обработки.

ЧЕРНОВСКАЯ В.В.

(Ярославль)

Демография ислама в Центральной России

В советской науке Центр России выпадал из списка регионов, народы которых ассоциировались с понятием мусульманской традиции, религией и культурой ислама. Востоковеды считали, что численность мусульман здесь невелика и, следовательно, влияние «исламского фактора» для него малозначимо. Соответственно и в исследованиях, посвященных этому региону не затрагивалась проблематика этнических мусульман. Сегодня востребованность в таких исследованиях очевидна.

В короткие исторические сроки, исчисляемые декадой постсоветской эпохи, ислам прочно укоренился в Центральной России, обозначив свое присутствие десятками мечетей, медресе, религиозных объединений. Москва стала мусульманским центром, консолидирующим и координирующим деятельность этих учреждений. Численность мусульманского сообщества (уммы) по разным оценкам выросла от 1,5 до 2 млн. человек, а его доля в общем населении региона – до 5–6% соответственно.

В сравнении с аналогичными количественными характеристиками русского этноса, т.е. доминирующего конфессионального большинства, мусульмане остаются конфессиональным меньшинством. Но меньшинством, масштабы присутствия которого в регионе возбуждают этническое беспокойство русских. На эмпирическом уровне, в сфере обыденного сознания оно формируется и усиливается одновременно под влиянием демографической ситуации, рефлексии о бедственном, неравном положении русских и негативных стереотипов, оценок ислама как религии враждебной России. Демографическая составляющая алармистских настроений имеет свою специфику.

В прошлом – в досоветский и советский периоды, русские оставались в регионе народом столь многочисленным, что были избавлены от тревог за свое самосохранение, считали территорию своего проживания моноконфессиональной, «исконно русской землей». Сегодня ситуация меняется. В демографическом сценарии 21 века они видят себя полюсом упадка. во-первых, это связано с процессами старения титульного этноса в результате снижения рождаемости в предшествующие десятилетия. При этом доля пожилого населения в городах росла значительно быстрее, чем в регионе в целом. во-вторых, в 90-е годы – десятилетие кризисов и потрясений в социальной и экономических сферах, интенсивность смертности не только превысила уровень рождаемости, но и продвинулась в молодые возрастные группы населения. Эти демографические в своей основе тенденции имеют вполне конкретный аспект. А именно: создаются предпосылки для последующих изменений в этноконфессиональной структуре городского населения, существенно пополнившегося за истекшую декаду выходцами из

мусульманских регионов – Центральной Азии, Закавказья и Северного Кавказа. При абсолютном преобладании в нем в настоящем и в обозримом будущем конфессиональное большинство (этнические русские) будет терять свои социальные позиции в возрастных группах до 15 лет и от 16 до 59 лет, т.е. «нишах», которые в демографической статистике вычленяются как «естественные резервы» пополнения трудоспособного населения и экономически активное (самодетальное) население.

Не претендуя на исчерпывающий анализ проблемы, автор попытался выявить влияние этих факторов на современное состояние и социально-демографические характеристики мусульманского сообщества (уммы) в Центральной России, показать роль духовных институтов ислама как консолидирующих и миссионерских центров, формирующих жизненные приоритеты мусульман, их видение своего будущего, места и роли в общественной жизни.

ЧИМИТДОРЖИЕВ Ш.Б.

(Улан-Удэ)

**Буряты – данники монгольских ханов в
русском подданстве (XVII век)**

Коренным улусом бурятских племен являлось Прибайкалье, которое было известно в тот период под названием Ара Халка (Монгол) (Северная Монголия, точнее северная окраина монгольского мира).

Бурятская земля на протяжении многих столетий являлась составной частью монгольского мира. Бурятские роды и племена были едины с другими монгольскими племенами в этническом языковом, историко-культурном отношении, и она стали известны в позднем средневековье как бурят-монголы, монголо-буряты. Эти названия прочно утвердились в летописных сочинениях и в народе с XVII в., со времен массовой миграции халха-монгольских, ойрато-монгольских родов в Прибайкалье. Как известно, в связи с междоусобицами в Халхе и Ойратии, названными в народе «Бошог-то хаанай буһалгаан, Сайн хаанай самаргаан», происходило переселение их на территорию обитания бурятских родов. Эти монгольские роды, обосновавшись в Трехречье (вдоль рек Селенга, Хилок, Чикой), влились в состав коренного (бурятского) населения. Число их было значительно.

До прихода русских бурятские (бурят-монгольские) племена зависели политически и экономически от монгольских ханов, в частности от Тушету-хана и Сэцэн-хана. Эти ханы диктовали бурятским родам свою волю. И предбайкальские, и забайкальские буряты регулярно доставляли алба (дань) в ставки ханов или платили дань на месте ханским сборщикам.

К моменту появления русских, в первой половине и середине XVII в. значительно ослабло давление ханов на бурят – своих тра-

диционных данников. Это объяснялось тем, что с востока нависла угроза цинской экспансии. Цинская (Маньчжурская) династия, установившая не так давно свое господство в Китае и Южной Монголии, острее своей политики направила на Халха-Монголию и Ойрат-Монголию (Джунгарию). Халхаские и ойратские правители вынуждены были основное внимание обратить на эту угрозу, занявшись укреплением своего внутреннего и внешнего положения, наращиванием военной мощи.

ЯГУДИН Б.М.

(Казань)

Принципы современной демократии и политическая система Турции в XX веке

Историческое развитие Турции в XX веке дает редкие возможности пронаблюдать и осмыслить целый ряд глубинных политических, социально-экономических и культурно-цивилизационных трансформаций. Развитие этой ближневосточной страны за все прошлое столетие происходило «под знаменами европеизации, вестернизации, модернизации». На практике были реализованы важнейшие реформы в духе вестернизации – установление республиканской формы правления, ликвидация халифата, отделение ислама от государства и просвещения, отказ от шариата и введение светского судопроизводства, принятие гражданского кодекса по европейскому образцу, отмена хиджры и введение европейского летоисчисления, принятие латинского алфавита, вхождение в НАТО, интеграция в мировую экономику, плавно переходящую в глобализацию, трансформация национализма от пантюркизма к тюркизму, ориентация на светскость, демократизацию, индустриализацию, технологическое обновление, деэталлизация общества, приватизация и интеграция в мировое хозяйство. Проведенные в период М. Кемаля и посткемалистическое время преобразования позволили Турции достичь статуса крупной региональной державы.

Политическая система Турции, претерпевшая несколько серьезных трансформационных ломок – от абсолютной монархии начала XX в. и конституционной монархии времени правления младотурок – до ныне существующей «Третьей Республики», – так или иначе абсорбировала принципы современной демократии. Принцип выборности органов власти в стране реализован и действует как на муниципальном, так и центральном уровне. Конституция 1982 г. четко разграничила три ветви – законодательную, исполнительную и судебную. В Турецкой Республике реализован принцип состязательности политических сил самого развитого идеологического направления. Конкурентная демократия – несомненное завоевание турецкого общества.

При этом говорить о полном торжестве демократических принципов в Турецкой Республике было бы явным преувеличением. Далеко не по всем критериям, которые современная наука выделяет применительно к понятию демократия, Турция может быть названа успешной. Однако стремление и движение турецкого социума и политических элит освоить опыт демократии (пусть и применительно к собственным условиям и традициям) выглядят несомненными.

ЮСУПОВ М.М.

(Грозный)

Конфликт и религиозная идентичность

Представляется весьма актуальным в современном мире исследовать особенности проявления религиозной идентичности в период возникновения и развития межэтнического, национально-политического и иного конфликта во внутрисоциальном и межгосударственном пространстве. Сочетание количественных и качественных методов анализа позволяет наиболее полно раскрыть внутреннюю логику его протекания, мировоззренческую и поведенческую мотивацию вовлеченных в него людей. Религиозный аспект не был решающим и определяющим, но постоянно присутствовал с момента возникновения внутричеченского и российско-чеченского конфликта.

Мировосприятие и духовные ценности чеченцев сформировались на основе историко-культурного опыта народа и под влиянием ислама, российско-европейского образования. При этом национально-этническое и религиозно-исламское сознание органически взаимосвязано. Многие рассматривают ислам как отличительный признак национальной принадлежности.

Пространственные уровни религиозной самоидентификации охватывают в первую очередь границы данного этноса, а затем северо-кавказских народов, мусульман Кавказа и России, Ближнего Востока и мира. Внутри национально-этнической общности верующие идентифицируют себя также с определенным тарикатом: накшбанди и кадари, а в последнее десятилетие некоторая часть – с религиозным течением «ваххабизм».

Во время политического кризиса в августе 1991 г., обострения противоречий между партийно-советской властью и нарождающейся элитой при поддержке значительной частью населения наблюдается любопытное явление. Одни, состоятельные, номенклатурные группы, олицетворялись с вероотступниками и их называли «гяуры». Другие, обездоленные, простые люди труда, с правоверными. Такое противостояние населения и власти воспринималось некоторыми как проявление «социального газавата».

Военные действия 1994–1996 гг. меняют конфигурацию религиозной идентичности. Вооруженный конфликт в какой-то мере воспринимается как война христиан и мусульман.

Такое представление усиливает участие православных священнослужителей в благославлении военных на проведение боевой операции в Чечне, а отдельных мулл в поощрении чеченских бойцов на совершение «джихада».

РЕМИЗОВА Алена

**Рост населения в Индии:
причины проблемы
и пути их решения**

За последние 50 лет население страны увеличилось на 600 миллионов человек, что составило 4/5 прироста населения во всей Европе за то же время.

Проблема контроля над рождаемостью остро стоит перед многими азиатскими странами. Некоторые из них преуспели в осуществлении программ по контролю: семьи с 2–3 детьми стали сейчас нормой в Китае, Корее, Таиланде и Шри-Ланке. В Индии же этот показатель сейчас равен 3–4 ребенка на семью.

Причиной провала индийской программы специалисты считают низкий (около 50%) уровень грамотности населения в целом и 30% уровень грамотности среди девочек и девушек. (Так в других азиатских странах показатель уровня грамотности девушек достигает 70%). В соответствии с индексом грамотности ООН Индия занимает 138 место в мире.

Итоги исследования Индийского Национального центра здоровья семьи показывают, что в семье, где женщина получила среднее или высшее образование, на 2–3 ребенка меньше чем в семьях, где жена неграмотна. При неграмотных матерях возрастает в 3 раза и уровень детской смертности.

Сегодня в Индии семьи с двумя детьми характерны только для двух штатов Гоа и Кералы; в меньшей степени это относится к Тамилнаду и Андхра-Прадеш. В остальных штатах нормой является семья, имеющая 4–5 детей. Особенно нагляден этот показатель в Уттар-Прадеше, Бихаре, Мадхья-прадеше, Раджастане.

Еще одна причина провала индийской программы – изначально ошибочное определение ее главного направления – решения проблемы через медицинские формы и методы. В результате проявилось неприятие этих мер большей частью населения и последовавший за этим скачок рождаемости в 1961–71 годах. Условия, когда за основу программы была принята стерилизация женщин детородного возраста, а четверть женского населения не имела ни малейшего представления о противозачаточных средствах, и предопределили провал программы в целом. Неприятие в ближайшее время действенных мер по контролю за рождаемостью приведет к тому, что к 2040 году население страны достигнет 1,6 миллиарда человек и станет самым густонаселенным государством на земном шаре.

РЯБЧЕНКО Н.П.

(Владивосток)

**Исторический опыт народов Востока
и глобальная цивилизация**

В современную эпоху происходит формирование и становление глобальной цивилизации, которая вбирает в себя опыт всех локальных цивилизаций, когда-либо существовавших на Земле. В условиях доминирования Запада значение исторического опыта народов Востока явно недооценивается, хотя он очень богат и разнообразен.

Пожалуй, главное и наиболее ценное, что может дать восток миру, это опыт поддержания гармоничных отношений человека и природы, что резко контрастирует с прежде широко распространенной и еще сохраняющей влияние идеей борьбы с ней.

Восток также обладает богатейшим опытом государственности, международных и межличностных отношений, который, без сомнения, будет полезен для всего человечества. Поучительным и во многом актуальным является опыт социально-экономического развития восточных народов. Еще в глубокой древности на Востоке хорошо понимали, какие опасности несет людям использование ссудного процента, и старались ограничить, в том числе законодательно, его использование. Сегодня хорошо видно, что это «оружие» не менее опасно, чем атомное. Без эффективного контроля над ним и его производными невозможно сократить пропасть между богатством и бедностью, освободить большинство стран мира от кабальной долговой зависимости, в которой они оказались.

Сегодня достигнутый человечеством прогресс позволяет ему успешно решать любые задачи глобального развития. Сейчас проблема в другом – в достижении более гармоничных отношений в мировом сообществе. Использование исторического опыта народов Востока как раз и будет способствовать решению данной проблемы.

Будущая глобальная цивилизация воплотит в себе опыт, достижения и особенности, как Запада, так и Востока. Устойчивость ее существования в значительной мере будет зависеть от способности людей поддерживать гармоничные отношения между этими двумя естественными полюсами человечества.

ТАРБАНАКОВА С.Н.

(Горно-Алтайск)

**Алтайский кай:
историческая ретроспектива
и современное состояние**

Алтайский кай являет собой специфическое горловое пение, которым исполняется большинство алтайских героических сказаний. Кай представляет собой, как отмечал тюрколог Н.А. Баскаков:

«...двухзвучное пение, исполняющееся одним певцом. Один из звуков исполняется горлом и является неподвижным, другой исполняется губами и образует обычно несложную мелодию»...

Горловое пение является наследием древности тюрко-монгольских народов дошедшим из глубины веков до современности и существует в настоящее время у многих народов Сибири. Горловым пением владели не только сказители, его использовали и шаманы в своих камланиях. У народов Южной Сибири существует близость искусства сказателей и шаманов. Можно предположить, что в древности горловое пение являлось частью магических ритуалов. Исполнение героической песни, сказания было ритуальным действием, которое должно было настроить воинов перед битвой победить врагов. Сохранились определенные правила, запреты и ограничения, которые соблюдали сказители при исполнении того или иного сказания, свидетельствующие сакральности этого процесса.

Различаются три вида алтайского традиционного кая: *куу-леп-кай* – легко гудящий, *каркырап-кай* – низкий раскатистый, *сыгым-кай* – свистящий. Пением каем обычно происходит под аккомпанемент двухструнного щипкового инструмента, который называется топшуром. Сказитель, поющий каем называется кайчи. Это был профессионально подготовленный в своем искусстве человек, обучавшийся с детства, артистически одаренный, обладающий хорошей памятью.

Особый интерес представляют собой тексты сказаний, сбор которых начался с XIX в. Многотомные собрания героического эпоса являются ценностью не только алтайского народа, но и всего тюрко-монгольского мира. В них отражена многовековая жизнь алтайских народов, их быт, культура, верования.

Эпос в прошлом пользовался большой популярностью и заменял народу не только книги, но и театр, настолько выразительно он исполнялся. Сказители-кайчи были уважаемыми людьми. Народ любил живое устное исполнение и знал содержание многих сказаний. Известные кайчи XX века Н. Уалагашев, Т.А. Чачияков, Е.К. Тамтамышева, А.Г. Калкин, И.Б. Шинжин, творчество которых изучено и изучается. Эпос и кайчи у алтайцев в жизни бытовали до 70-х годов XX века. Затем ситуация изменилась. Многие сказители стали уходить из жизни, и с ними стала исчезать эпическая традиция. Оставались только единицы, которые владели ею.

По форме деятельности и характеру исполнения алтайских кайчи можно разделить в настоящее время на две группы:

- первая – традиционный кай со знанием эпической традиции;
- вторая – владение техникой горлового пения и использование его для эстрадного исполнения.

ЧЕЧИЕВ Г.В.

(Владикавказ)

**Деятельность организаций
северокавказской диаспоры в Турции в 1908–1925 гг.**

После младотурецкой революции 1908 г. в Османской империи впервые заявило о себе северокавказское диаспорное (черкесское) этнонациональное движение, проявившееся главным образом в деятельности ряда объединений, созданных представителями сформировавшейся в стране в послеиммиграционный период интеллигенции.

Возникшее в 1908 г. Черкесское общество единения и взаимопомощи (ЧОЕВ) стремилось проводить в жизнь стратегию достаточно основательного реформирования традиционной экономической, социальной и культурной структуры османских черкесов с целью повышения их потенциала адаптации как к условиям диаспорного проживания, так и к реалиям капиталистической эпохи, ради – в конечном счете – обеспечения их этнического выживания и превращения в «современную цивилизованную нацию» – один из элементов османско-мусульманского сообщества народов. В 1908–1912 гг. в обстановке обусловленного официальной доктриной османизма «культурного плюрализма», ЧОЕВ принимало меры, направленные на создание в стране условий для развития национальной культуры и просвещения: разработка алфавитов для северокавказских языков, открытие черкесских школ, выпуск учебных периодических изданий, популяризация кавказологических знаний, налаживание контактов с интеллигенцией Северного Кавказа и т.п. Предпринимались шаги по преодолению пережитков патриархально-феодалных отношений, прежде всего рабства (домашнего и особенно гаремного) и работорговли. С целью модернизации форм экономической жизни черкесского населения ЧОЕВ пыталось внедрять в его среду меркантилистские ценности при одновременном стимулировании внутриэтнической кооперации.

Отказ младотурок от доктрины османизма и усиление туркистских акцентов в общественной жизни страны в 1912–1914 гг. вынудили ЧОЕВ свернуть деятельность, а многих его лидеров – перейти в политическую оппозицию режиму. Тем не менее с началом мировой войны часть деятелей общества подключилась к политико-пропагандистскому и отчасти военному обеспечению экспансионистской кавказской стратегии младотурок, рассчитывая добиться реализации идеала «свободного единого Кавказа». Сформированные в этот период закрытые структуры – Комитет независимости Кавказа (1915), Комитет северокавказских политэмигрантов (1916), Политическое общество Северного Кавказа (1918) – лоббировали внутри страны и за рубежом планы создания конфедеративного кавказского государства под протекторатом Порты и ее союзников, а в 1917–1918 гг. способствовали военно-политической поддержке Стамбулом «Горского правительства». Хотя связанные с

этими организациями черкесские политики действовали в соответствии с собственным пониманием национальных интересов кавказских народов и диаспоры, данная активность, носила управляемый характер и плохо соотносилась с общественно-политическими реалиями исторической родины.

После падения в конце 1918 г. младотурецкого режима черкесская элита попыталась возобновить ориентированную на широкие слои диаспоры культурно-просветительную и социальную деятельность. возникшие в этот период Благотворительное общество Северного Кавказа, Общество взаимопомощи черкесских женщин и возрожденное ЧОЕВ в основном следовали в русле довоенной этнореформистской традиции. Однако в условиях иностранной оккупации и обострения гражданского конфликта в турецком обществе происходила фрагментация и частичная политизация черкесского движения. Ряд членов указанных организаций и созданное в 1920 г. Общество возвышения Кавказа отдавали приоритет продолжению усилий по обеспечению кавказской независимости, стараясь реанимировать интерес турецких политических кругов к данному вопросу. В то же время отражением реакции части черкесского населения на туркистские тенденции во внутренней политике стало образование в 1921 г. Общества обеспечения прав ближневосточных черкесов, провозгласившего целью создание в Северо-западной Анатолии автономного формирования северокавказской диаспоры под покровительством государств Антанты.

В 1923–1925 гг. республиканское правительство Турции запретило все объединения северокавказцев.

Несмотря на неблагоприятный исторический фон, черкесские организации первой четверти XX в. способствовали определенной консолидации и укреплению этнонационального самосознания своих соотечественников, а их деятельность стала отправной точкой для последующей этнозащитной активности диаспорной интеллигенции.

ЧИБИРОВ Л.А.

(Владикавказ)

Скифские реликты в религии осетин

После известной работы акад. В. Миллера «Черты старины в сказаниях и быте осетин» (1899), интерес ученых к осетинским древностям возрос. Выявленные с тех пор материалы иллюстрируют всю архаичность осетинской традиции, дали основание для широкого привлечения осетинского материала к исследованию индоевропейских древностей. Пантеон с семибожным культом, волк-прородитель, мотивы мирового дерева и небесного плуга, похоронные и поминальные обряды, пиетет к зерновым злакам, гадание, прорицательство, связь с хтоническим миром свидетельствуют о том, что осетины оказались одним из самых бережно относящихся

к традициям индоевропейских народов (Ж. Дюмезиль), преемниками и продолжателями не только языковой традиции, но и духовно-культурных ценностей.

СЭЦЭНМУНХ О.

(Санкт-Петербург)

Современное бытование эпоса о Гэсэр-хане

Одно из известнейших эпических произведений, ставшее ценным памятником культурного наследия человечества, сказание о Гэсэр-хане, есть творение разума, созданное искусной мыслью кочевых народов. Оно не только занимает важное место в истории монгольской и тибетской литератур, но и является вершиной эпического творчества восточных народов.

Монголы и тибетцы, на протяжении сотен и тысяч лет населявшие степные просторы между Алтаем, Хинганом и Гималаями, это народы с древней культурой, обладающие необычайно богатым и глубоким наследием фольклора и искусства. На двух разных языках в письменном и устном виде дошел до нас эпос о Гэсэр-хане, истоки которого скрыты в древности, а описываемые события и манера исполнения отличны у каждого народа. Усилиями многих манер исполнителей отличны у каждого народа. Усилиями многих улигерчи и хурчи, писателей и книголюбов оба эпоса о Гэсэре (монгольский и тибетский) стали самыми большими по количеству стихотворных строк и по количеству томов. Гэсэр параллельно развиваясь у двух разных народов, подпитываясь соком двух разных культур, передавался из поколения в поколение в устном и письменном виде, что представляет собой редкий и интересный культурный феномен.

XX век характеризуется крупными успехами в собирании, изучении и издании эпоса о Гэсэре в тех странах, где он распространен. Так, начало изучению Гэсэра было положено в Монголии, Китае и России, т.е. в тех странах, где он бытует и где до сих пор активно ведутся исследования. В результате этого было собрано более 40 вариантов книжного и рукописного Гэсэра, а также более 400 глав (сюда входят разные варианты) устного Гэсэра. Многие из этого богатого наследия изданы и продолжает издаваться. На сегодняшний день количество изданий разных вариантов Гэсэра и его переводов на различные языки достигло пятидесяти. Однако до сих пор не изданы такие варианты Гэсэра, как «Жизнеописание Гэсэр-хана» (? Глав), хранящееся в библиотеке Императорского дворца в Пекине, Рукописный эпос о Гэсэре, найденный в Харчинском хошуне (17 глав) и хранящийся в библиотеке Внутренней Монголии эпос о Гэсэре, найденный в Оннютском хошуне (8 глав), а также около тридцати больших и малых сутр, включающих тексты для совершения воскурений, и, наконец, более 200 глав устного сказания о Гэсэре. Они сейчас хранятся в библиотеках разных стран, исследовательских учреждениях и в частных коллекциях.

После образования нового Китая государство стало оказывать поддержку собиранию, изучению и изданию эпоса о Гэсэре. Изучение Гэсэра было заложено в планы нескольких пятилеток.

Эпос о Гэсэре, распространенный среди монголов и тибетцев – это огромное творение, впитавшее в себя кочевую культуру даже в форму и содержание, показывающую общественный строй, хозяйство, обычаи, религиозные верования, жизнь и мысленные устремления древних кочевых племен и народов. Основная идея данного произведения заключается в том, чтобы обеспечить спокойную жизнь народу, подавив мангусов и демонов и устранив смуту. Эта идея одинаково прослеживается во вводной части эпоса о Гэсэре на обоих языках.

Удивительные сюжеты, чудесные деяния, богатство содержания, романтизм, образ Гэсэра как непобедимого вечного богатыря, распространенность эпоса почти во всей Азии, живительные силы, позволившие ему дойти до нас сквозь столетия – все это делает эпос известным по всему миру, привлекает огромное внимание и интерес ученых многих стран. Кроме того, издание Гэсэра имеет многовековую традицию: первое ксилографическое издание монгольского варианта эпоса о Гэсэре было осуществлено в нач. XVIII в Пекине.

Монгольский Гэсэриз 7 глав, изданный в 1766 г. в Пекине ксилографическим способом является первым ксилографическим изданием Гэсэра.

На прошедшем в октябре 2001 г. в Париже 31-ом съезде ЮНЕСКО был утвержден проект о проведении торжеств, посвященных 1000-летию эпоса Гэсэр в 2002 году. Это плоды многолетних усилий по сбору и исследованию эпоса Гэсэра учеными разных стран. Принятие этого проекта свидетельствует о том, что Гэсэр есть достояние духовного наследия человечества.

СИДАКОВ Ю.С.

(Россия)

Миротворческий потенциал в обычаях и традициях народов Кавказа

Кавказ всегда был регионом локальных войн, этнических конфликтов и раздоров, в основе которых переплетались политические и экономические факторы. В то же время нестареющая народная мудрость горских народов гласит – кто умеет воевать, тот умеет мирить конфликтующих. В старинных адатах, нормах обычного права и религиозных традициях горцев сохранилось немало действенных приемов урегулирования конфликтных ситуаций, которые на практике не менее результативны чем сила закона и авторитет власти, а в примирении кровной мести и процессуальной практике народных (шариатских) судов бесспорно выше. Истин-

ные шариатские суды не имеют ничего общего с тем произволом, который учиняли бандиты в чеченской войне. На Северном Кавказе редко какой этнотерриториальный конфликт или имущественный спор обходились без крови, поэтому при их урегулировании одним их главных был вопрос о примирении кровников. И сегодня в условиях попыток реанимации очагов противостояния, обострения былых споров и разгула религиозного экстремизма важно правильно применить обычное право и религиозные традиции в комбинации с современными законами в защите граждан, достижении мира и согласия между ними. Комиссия по правам человека при Президенте РСО-Алания и Центр алано-памирских исследований обобщили полевые материалы урегулирования более десятка конфликтов на Кавказе и в ряде стран Востока, приемы и методы народной дипломатии в их урегулировании, практику горских словесных судов, шариатского права и различных процедур примирения кровников у осетин, ингушей, чеченцев, турков-месхетинцев, курдов, кумыков и ряда других народностей. Впервые с учетом норм международного и современного права дана оценка кавказскому абречеству, ушедшему в историю как криминал в период царизма и советской власти. Это делается в силу того, чтобы абречество периода тоталитарного режима не отождествлялось с террористической деятельностью кавказских сепаратистов наших дней, лишенных и поддержки и сочувствия народа. Единство законов, норм обычного права и религиозных традиций разных народов позволит не только эффективнее защищать безопасность граждан, но и способствовать предотвращению столкновений двух цивилизаций-восточной и западной.

СИДАКОВА Т.Н.

(Россия)

Национальные конфликты и пути их решения на Северном Кавказе

На протяжении столетий Осетия была надежным форпостом юга России с Крепостью Владикавказ, основанной в 1784 году. В Северной Осетии более 10 лет функционирует общественное движение Наша Осетия, объединяющая 24 национально-культурных центра и движений на основе добровольности, общности интересов и целей, с соблюдением всех демократических норм. Несмотря на относительное благополучие в межнациональных отношениях внутри республики, нельзя не учитывать того влияния на них, которое оказывают внешние обстоятельства, в частности, напряженность, оказывающую влияние на общественно-политическую обстановку в Республике Северная Осетия-Алания, до сих пор оставалась неразрешенность процесса ликвидации последствий осетино-ин-

гушского конфликта. С особой силой заявил о себе тлевший в последнее десятилетие грузино-осетинский конфликт с приходом к власти нового руководства в Грузии. Сейчас времена изменились и в противостояние пока неявно, но уже вполне ощутимо втянуты куда более мощные силы. После распада СССР этот район первое время был предоставлен самому себе. Освободившийся вакуум заполнили США и соседние региональные страны. Развернувшаяся в последнее время борьба различных заинтересованных сторон За степень влияния в регионе весьма негативным образом сказывается на ситуации в социумах Северного Кавказа. Политические действия, направленные на Радикальное преобразования исторически сложившегося уклада жизни горцев без учета их интересов и специфики региона, привели к внутрисоциальному напряжению. Как следствие превращение Кавказа в один из наиболее взрывоопасных регионов планеты. Эксперты предупреждают о том, что есть реальная угроза того, что при таком развитии событий происходящие здесь деструктивные процессы могут принять необратимый характер. Проявит ли Россия волю, и вступить за свои интересы на Кавказе? Известно, что когда Россия демонстрировала вялую дипломатическую политику, лилась кровь, и масштаб событий нарастал. Но каждый раз, когда Москва проявляла волю и жесткость, непосредственно и последовательно включалась в переговорный процесс, тотчас находились мирные развязки. Россия в 90-годы сыграла решающую роль в остановке и грузино-абхазской, и осетино-грузинской войн, вовлечении враждующих сторон в переговорный процесс.

ХУШКАДАМОВА Халима
(Россия)

Агахан IV в Центральной Азии

В годы межтаджикского противостояния Горно-Бадахшанская автономная область Таджикистана, которая еще в советские времена жила за счет дотаций из Москвы, оказалась в полной экономической изоляции. Зимой 1993 года, когда на Памире и хлеб стал роскошью, сюда пришел первый караван с мукой от Ага Хана, духовного лидера исмаилитов мира (большинство населения области – исмаилиты). В самое трудное время Имам поддержал своих мюридов-последователей. Повсеместно на Памире начала действовать Программа помощи и развития, финансируемая Фондом Ага Хана. После многолетнего вынужденного перерыва была восстановлена связь имамата с таджикскими исмаилитами.

В январе 1995 года Его Высочество принц Карим Ага Хан посетил Москву с официальным визитом. Во время встречи с высокопоставленными членами правительства, Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II и главой Совета муфтиев мусульман России

Шейхом Равилем Гайнутдиным обсуждались вопросы сохранения добрососедских отношений России со странами Исламского и Мусульманского мира. Имам также посетил Институт востоковедения РАН, где встретился с ведущими учеными в области Ислама для налаживания сотрудничества с институтом исследований исмаилизма в Лондоне и Университетом Ага Хана в Пакистане.

В программе визита была и встреча – дидор с московской общиной исмаилитов. Известно, что во время гражданской войны многие таджикистанцы стали беженцами в странах СНГ, особенно в России. Это была первая встреча Имама на постсоветском пространстве со своими последователями – мюридами.

30 апреля 2002 года произошло событие, почти обойденное вниманием российской прессы. Владимир Путин встретился с имамом Ага Ханом IV – духовным главой исмаилитов мира. В ходе беседы с российской стороны была дана высокая оценка благотворительной деятельности Международного фонда Ага Хана.

Сегодня неоспорим факт самого активного участия Его Высочества принца Карима Ага Хана в достижение мира и согласия в Таджикистане. Визит Ага Хана IV в Республику Таджикистан в 1995 году завершился подписанием Договора о сотрудничестве между правительством страны и имамом, согласно которому различные институты организации Ага Хана по развитию расширили свою деятельность по всей республике.

Имам вселил в сердца людей веру в будущее. У таджикских исмаилитов появился еще один праздник – Рузи Нур (букв. день Света), который отмечается 25 мая.

БАЙКАПОВ К.М.
(Казахстан)

Гильом де Рубрук в Кайлаке

В 1253 г. посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану Мункэ Гильом де Рубрук прибыл в город Кайлак. Он смог познакомиться с городом, побывал в «кумирнях», описал виденные им храмы, священнослужителей и проводимые там служенные им храмы, священнослужителей и проводимые там служенные им храмы, священнослужителей и проводимые там служенные им храмы.

от города «нашли» поселение «совершенно несторианское». Кайлак – это Каялык, бывший в XI – начале XII в. столицей государства Карлукского джабгу. Город отождествляется с городищем Антоновка, в 470 км северо-восточнее г. Алма-Аты. Раскопки, проведенные здесь, открыли остатки буддийского храма XIII в., который возможно посетил Гильом де Рубрук. Еще одна из виденных им кумирен, скорее всего, принадлежала манихеям.

На территории городища открыты также остатки мечети. Исторические сведения и археологические материалы дают представление о веротерпимости в городах монгольской империи.

KURNICKOV Ivan A.

(Russia)

«ASEAN + 3»: coincidence and contradiction of interests

In the condition of globalization of world's economy, politics, social and cultural life, new opportunities appear for solving existent problems of economic and social development, international security, that are facing the world community. One of such possible solutions is integration ties development.

Namely for the purpose of solving worldly problems both political and economical integration in the context of ASEAN and North-East Asia has noticeably activated.

November 2000 at the «ASEAN+3» summit, the heads of ASEAN together with the leaders of China, Japan and South Korea conjointly declared willingness to create a free trade area not only in the context of South-East Asia (AFTA), but also in the context of East Asia in particular, including Beijing, Tokyo and Seoul. This decision was made out of necessity to create opposition to international economic blocs like EU or NAFTA and, moreover, because of necessity to occupy a deserved place in contemporary world community.

The appearance of a new institution in East Asia can contribute to the activation of intraregional economic, investment, scientific-and-engineering ties, stabilization of power base and thruways development; besides, the appearance of a free trade area helps forming Asian common market.

This paper analyzes the aspects of collaboration between South-East Asia countries in the context of «10+3» (ASEAN + China, Japan and South Korea) and the various way of economic and political ties development. The processes can pass not only by the equal-in-rights integration model; it may not turn out to be an exception that some of separate ASEAN countries can independently ally themselves with East Asia courtiers. Besides, considering the increasing influence of China and Japan in the South-East Asia, «Big» East Asia can be segregated into several regional organizations headed by China and Japan and this scenario can imperil the existence of ASIAN or transform it into a mediocre regional organization.

Курников Иван Андреевич
(Россия)

«АСЕАН плюс три»: совпадение и противоречие интересов

В условиях глобализации мировой экономики и политики, социально-культурной жизни появляются новые возможности для решения существующих проблем социально-экономического развития и международной безопасности, стоящих перед мировым сообществом. Одной из них является развитие интеграционного сотрудничества.

Именно для решения вышесказанных проблем политико-экономическая интеграция в рамках АСЕАН и экономико-политические связи стран Восточной и Юго-Восточной Азии заметно активизировались.

На ноябрьском саммите «АСЕАН + 3» в 2000г. главы государств АСЕАН совместно с руководством Китая, Японии и Южной Кореи заявили о решимости создания зоны свободной торговли не только в масштабах ЮВА (АФТА), но и во всей так называемой Большой Восточной Азии включая Токио, Пекин и Сеул. Такое решение было связано с необходимостью противостояния международным экономическим блокам таким как Европейский Союз и Североамериканская зона свободной торговли, а кроме того, с необходимостью для Восточной Азии занять достойное место в мировом сообществе.

Появление новых институтов в Восточной Азии может способствовать активизации внутрирегиональных торговых, инвестиционных, научно-технических связей, укреплению энергетической базы, развитию транспортных артерий. Появление зоны свободной торговли в Восточной Азии могло бы привести к формированию общего рынка стран, население которых составляет 2 млрд. человек.

В данной работе рассматриваются перспективы сотрудничества стран ЮВА по формуле «10 + 3» и возможные сценарии развития. Процессы могут пойти не только по пути относительно равноправной интеграции; не исключены варианты, когда отдельные страны АСЕАН будут самостоятельно вступать в «сепаратные» отношения со странами Восточной Азии. Кроме того, учитывая нахождение со странами Восточной Азии. Кроме того, учитывая нахождение со странами ЮВА Китая и Японии, не исключено, растущее влияние в странах ЮВА Китая и Японии, не исключено, что Большая Восточная Азия окажется разбитой на несколько регионов группировок во главе с Японией и Китаем, а это может создать угрозу самому существованию АСЕАН или превратить её в ничего незначущую региональную организацию.

LVOVA Eleonora

(Russia)

Ethiopian chronicles as an historical issue

16 century was a very difficult period in the history of Red Sea area. States on the Horn of Africa were under the fear of the occupation by Portugueses from the South and by ottoman's turks from the North. Ethiopian chronicles give interesting facts about Ottoman' politics in this region. They mentioned turks firstly in 1518, lastly - in 1618. These 100 years were marking 3 etapes of their actions. The first one was the formation of some forts on islands and their commerce with internal African lands. The second one was characterized by some raids. During the third one turks gave warlike help to native sultanats and then they tried themselves to make occupation of the Horn of Africa. They

organized there vilayet Habashat. But they were winnad by Ethiopians and had in their hands Massaua only.

Львова Э. С.
(Москва)

**Эфиопские хроники как источник по истории
Османской империи**

16 век в красноморском бассейне – сложное время. Местные государства в Африке и Аравии столкнулись с агрессией двух государств. С юга португальцы стремились закрепить колониальное господство в Индийском океане. С севера двигалась Османская империя. Для этого периода немаловажным источником оказываются эфиопские хроники. Первое упоминание турок в них – 156 год, последнее – 1618, согласно хроникам, можно выделить три этапа политики Порты на Африканском Роге. Первый – создание отдельных фортов на островах и материке, торговые отношения с внутренними районами. Второй – организация набегов, грабежи, получение дани, захват пленных. Третий характеризуется оказанием военной помощи султанатам Адаля и Ифата, а затем попытками прямых территориальных захватов. Возник вилайет Хабашат. Однако борьба закончилась разгромом турок, и в их руках остался только Массауа.

ЛОГАЧЕВА Е. С.
(Россия)

**Историческая память хакасского этноса —
духовная основа этнического самосознания**

Осознание хакасским этносом своего единения, общности культуры, языка, родины, исторической судьбы, взаимоотношения его с внешним миром и внутренними структурными образованиями необходимые элементы этнического самосознания. Историческая память представляет способность сознания фиксировать, отбирать, хранить, преобразовывать актуальную этнокультурную информацию для этнической идентификации. Помимо этого она предполагает, что возникновение и развитие данного этноса есть закономерное явление. Хакасы составили государственность в VI-VIII вв., образовав Древнехакасское государство, а после завоевания южносибирских народов увеличили этническую разнородность. Появляется и ранняя социальная структура: чиновники, ремесленники и т.д.; развивается енисейская руническая письменность; реализуется возможность духовного выбора: буддизм, шаманизм, даосизм, манихейство; культурное пространство хакасского этноса получало новое влияние культуры завоеванных народов.

Монгольское нашествие принесло не только утрату самостоятельности, но и катастрофическое уменьшение численности хакасов. Вследствие этого государственность и социальную структуру

заменили восстановившиеся семейно-родовые отношения. Основой духовности остался шаманизм. Тем не менее хакасы выжили и накопили силы в борьбе за самосохранение. Однако, негативные процессы XX в. поставили под угрозу существование самого этноса. поэтому для хакасского этноса сегодня актуально обращение к исторической памяти. Хакасы активно возрождают родовое движение, традиционные виды деятельности как проверенные временем способы восстановления, наращивание и развитие этнического единства.

KLYASHTORNIY S.G.
(Russia)

**Old Turkic inscriptions
as a historical source**

The discovery and deciphering of old Turkic inscriptions in the end of XIX beginning of XX centuries prompted investigations in the Central Asian history and culture studies especially those of Turkic peoples. New Turkic inscriptions were found and interpreted by the author, which made it possible to not only widen the sphere of their application diachronically but synchronically as well and to extend their information area over the whole Eurasian steppes.

Кляшторный С.Г.
(Россия)

Древнетюркские памятники как исторический источник

Открытие и дешифровка древнетюркских рунических памятников в конце XIV - начале XX в. существенно стимулировало исследование народов Центральной Азии, а в особенности – историю и культуры тюркских народов. Новые открытия памятников рунического письма автором доклада в 60е-804 годы XX века, изданные и интерпретированные им, открыли перспективу расширения сферы информации, содержащейся в памятниках как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте, а также расширили их информационный ареал на всё пространство евразийских степей.

KONOVALOVA I.G.
(Russia)

**East, European Toponyms
of Medieval Arabic geographers**

The East European toponyms of medieval Arabic authors (such as "The Constantinople channel", the River Atil, the River of the Rus, the Island of the Rus, the Mountain Kukaja etc.) are considered to be a complex combination of various information accumulated from different sources: ancient geography; Muslim cosmographical ideas;

contemporary data from traders and travelers. That is why there is a principal difference between modern geographical name that strictly corresponds to certain object and medieval geographical nomenclature which may also include speculative authors' constructions reflecting first of all his own ideas of physical and ethnopolitical geography of the region. Consequently such toponyms do not correspond to any real geographical object and therefore should not be directly transferred to modern map.

Коновалова И.Г.
(Россия)

Восточноевропейские топонимы средневековых арабских географов

Среди восточноевропейских топонимов, упоминаемых средневековыми арабскими авторами, есть целый ряд таких, которые не совпадают - о чем свидетельствуют многочисленные попытки их локализации - с реальными географическими объектами. К подобным топонимам относятся «Константинопольский пролив», река *Атил*, «Русская река», «остров русов», гора *Кукайа*, а также некоторые другие.

Толкование подобных топонимов по принципу «одно наименование в источнике - один географический объект на современной карте» приводит к тому, что вектор исследовательского внимания оказывается целиком направленным на прямое отождествление топонима с тем или иным объектом Восточной Европы - рекой, островом, горной системой и т.п. Такой подход, не предполагающий выяснения специфики самого топонима, оставляет без ответа важные вопросы о составе и происхождении сведений арабских ученых.

В докладе исследуется вопрос о принципиальной разнице между современными топонимами и географическими названиями средневекового писателя у которого имя страны, моря, реки или горы может являться умозрительной авторской конструкцией, отражающие прежде всего его собственные представления о физической и этнополитической географии иноземного региона и потому не совпадающей с реальным объектом и не поддающейся непосредственному переносу на карту.

KALINIINA T.M.
(Russia)

System of "climates" in the Arabian geography

The *iqlim* term stem was taken from the Greek word *κλίμα* - "inclination". The antique scientists divided the Earth into 4 quarters, one of which was manned, in its turn, in the zones parallel to Equator. Such latitudinal zone was called as "climate" and was determined depending on the comparative longitude or declination of the Sun to

Equator. This doctrine goes back to Eratosthenes and is clearly expressed in "Almagest" and "Geographical Manual" by Claudius Ptolemy (2nd cent AD.) Probably it was completely perceived by the Arabs through the Syrians. Muhammad Ibn Musa al-Khwarizmi was the first who applied the principle of division of the Earth into climates. He defined seven latitudinal zones and additional area with zero reference in the west. In the beginning of the 10th century Suhrah copied the work of al-Khwarizmi; materials of al-Khwarizmi can be found in the treatises of al-Idrisi, Ibn Sa'id, Abu-l-Fida'. Al-Battani (10th cent.) provided the list of longitudes and latitudes of districts of the Earth; some names go in parallel with the same provided by al-Khwarizmi.

The younger contemporary of al-Khwarizmi - Ahmad Ibn Qasim al-Farghani - also divided the Earth into seven climates-latitudinal zones however taking the reference zero in the East. His description of seven climates, reduced or changed, has passed to the books of many scientists: Ibn Rusta, al-Mas'udi, al-Muqaddasi, al-Biruni, etc.

The reason for the Arabs to prefer 7 climates instead 21 by Ptolemy, is explained by the Persian tradition of division of the world into areas named *keshvar* to Persian. In this case the climates looked as circles located around of the central circle. In the center of every circle there was the name of the country or several countries, prevailing in this climate; Iranshahr (or Iran, or Babylon at the same time), was the central circle. This table has described al-Mas'udi; the image was created by al-Biruni.

The Arabian scientists have created independent system of the world image on the bases of Antique and Persian scientific heritage.

Калинина Т.М.
(Россия)

Система "климатов" в арабской географии

Термин *иклим* имеет основой греческое слово *κλίμα* - "наклонение". Античные ученые разделяли Землю на 4 четверти, одна из которых была обитаема и членилась, в свою очередь на параллельные экватору зоны. Такая широтная зона называлась климатом и определялась в зависимости от сравнительной долготы дня и наклона Солнца к экватору. Это учение, восходящее к Эратосфесу, отчетливо выражено в "Альмагесте" и "Географическом руководстве" Клавдия Птолемея (II в.). Оно было полностью воспринято арабами, возможно, через сирийское посредство. Первым, применявшим принцип деления Земли на климаты, был Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми, который выделил семь широтных зон и добавил область, начиная отсчет их с запада. В начале X в. труд ал-Хорезми переписал Сухраб; материалы ал-Хорезми встречаются в сочинениях ал-Идриси, Ибн Са'ида, Абу-л-Фиды, Ал-Баттани (X в.) привел перечень долгот и широт местностей Земли; часть названий имеет параллели с данными ал-Хорезми.

Младший современник ял-Хорезми .Ахмад ибн Касим ал-Фергани также делил Землю на семь климатов - широтных зон, однако начинал их отсчет с востока. Его описание семи климатов перешло, иногда с сокращениями или изменениями, в книги многих ученых: Ибн Русте, ал-Мас'уди, ал-Мукаддаси, ал-Бируни и др.

Причиной того, почему арабы предпочитали 7 климатов, а не 21, как у Птолемея, объясняется иранской традицией деления мира на области, называемые по-персидски *кешвар*. В этом случае климаты выглядели как круги, расположенные вокруг центрального круга. В центре каждого находилось название той страны или нескольких стран, которые превалировали в этом климате, центральным округом считался Ираншахр (или Иран, или Вавилон). Такую таблицу описал ал-Мас'уди; изображение привел ал-Бируни,

Опираясь на античное и персидское наследие, арабские ученые создали самостоятельную систему рассмотрения образа мира.

КАРИМОВ К. К.

(Россия)

**Традиции российского востоковедения
в трудах башкирских и татарских исследователей
конца XIX - начала XX вв.**

Конец XIX - начала XX в. является временем формирования национальной гуманитарной мысли, синтезирующей всебратские традиции передовой общественно-политической мысли Востока и прогрессивной российской науки. Из среды национальной интеллигенции выросли краеведы и ученые, оставившие ценные труды по древней, средневековой и новой истории тюркских народов (Г. Салихов, М. Рамзи, А.-З. Валиди, Х.-Г. Габяши, М. Хадиев, Г. Ахмеров и др.), культуре и литературной традиции, изучению их быта, нравов и обычаев (А. Диваев, М. Уметбаев, Т. Ялыгул, Г. Усман, Г. Чокрый, Р. Фахретдинов и др.), учебников по литературе и грамматике тюркских народов (М. Бикчурин, С. Куляшев, Г. Ибрагимов, Г. Алпаров, М. Куватов и др.), по-новому освещающие историю и историю общественной мысли тюркских народов Урало-Поволжья и в то же время развивающиеся в общем русле российского академического востоковедения. Они внесли существенный вклад в процесс преодоления былой, исторически детерминированной национально-религиозной отчужденности, попытались определить место своего народа в историческом прогрессе, способствовали повышению его интереса и научному творчеству, самопознанию, укрепили связи с академическими кругами. Об этом свидетельствуют, в частности, плодотворное сотрудничество А.-З. Валиди, Г. Ахмерова, Р. Фахретдинова с востоковедческими центрами Академии наук и Казанского университета.

КИМ Константин Енунович

(Россия)

**Реализация стандартов МОТ
в Республике Корея.**

Процесс интернационализации экономики и культуры приводит к утверждению международно признанных стандартов не только в нормах внешней торговли, регулировании финансовых отношений и унификации финансовой отчетности, распространению массовой культуры. Глобализация требует создания равных условий для передвижения людей и товаров и ликвидации льготных условий стоимости рабочей силы. Идет процесс все большего утверждения трудовых стандартов МОТ в национальном трудовом законодательстве. Южная Корея вступила в МОТ в 1991 году и прилагает много усилий по приведению в соответствии с нормами МОТ своего законодательства. За эти годы ратифицировано 18 Конвенций МОТ. Поскольку Конвенций МОТ 182, то есть необходимость ускорения этого процесса. В то же время, многие нормы МОТ в стране реализованы в национальном законодательстве, хотя соответствующие Конвенции МОТ еще не ратифицированы. Например, Южная Корея не ратифицировала Конвенцию МОТ о запрещении принудительного труда, но Закон о трудовых стандартах запрещает принудительный труд.

КИМ Евгений Енунович

(Россия)

Трудовое право Республики Корея

Республика Корея вступила на путь демократизации общественно-политической жизни и правовых норм почти одновременно с поздним СССР и Россией. В то же время она является 12-й по промышленной державой мира. Это наложило большой отпечаток на состояние трудового права Южной Кореи.

Трудовое право Южной Кореи находится на этапе перехода от корпоративистской модели регулирования трудовых отношений к регулированию на основе социального партнерства. В стране созданы Трехсторонняя комиссия, Комиссии по труду при региональных органах власти. Трудовое право содержит много императивных норм, хотя существует много диспозитивных норм. Велика роль государства в регулировании трудовых отношений. Все коллективные договоры должны получить одобрение Министерства труда. В то же время Конституция содержит норму обязательности труда.

Это первая работа по трудовому праву Республики Корея в юридической и общественно-политической науке России.

КИМ Ен Ун

(Россия)

Миграция и адаптация в России корейцев

Миграция корейцев в Россию - множественная проблема, поскольку база, территория, причины и формы миграции неоднородны и не окончены.

Годом начала миграции считается 1863 год, первый год правления последнего короля династии Чосон, т.е. миграция началась практически сразу после перехода Приморья под контроль России. Причины миграции вначале были экономическими, а с конца XIX-начала XX веков стали политико-экономическими и культурно-цивилизационными. Всего было 7 периодов миграции: с 1863 по 1900-1910 годы (из Кореи, подданные Кореи); с 1910-1910 по 1937 годы (из Кореи, подданные Японии); с 1920 по 1945 годы (из Кореи на Сахалин, южная часть которого тогда находилась под японским владением, в большей степени принудительно, японские подданные), с 1945 по 1991 годы (Из Казахстана и Республик Средней Азии, индивидуальная репатриация советских граждан, депортированных в 1937 г.); с 1946 по 1948 годы (из Северной Кореи на российский Дальний Восток, граждане Северной Кореи); с 1992 по 2001 годы - индивидуальная миграция граждан бывшего СССР, России и независимых республик из Казахстана и Средней Азии), с 1991 по настоящее время - миграция южнокорейских граждан в Россию; С 200 года - миграция корейцев-граждан Казахстана и Узбекистана).

KULGANEK Irina V.

(Russia)

The Allegory in the Mongolian Aphoristic Poetry

The paper is devoted to different types of allegory - one of the key-problems in the Mongolian aphoristic poetry, such as proverbs, wise-saying, triads, quatrens etc. In the paper the phenomena are classified, types and kinds of allegory are distinguished, the forms of their realization and functioning are specified.

The special attention is paid to their structure, mnemotechny (e.g. alliteration, rhythm), poetical methods (e.g. metaphors, epithets) as well as association and parallelism.

КРИТСКИЙ.В.Г.

(Россия)

Опыт ведического образования в России (на примере Московской духовной гимназии)

В погоне за материальными благами люди часто забывают о таких вещах как правдивость, бескорыстие, скромность, простота, доброта, чистота и сострадание. Эти качества необходимо формировать с детства.

Для организации духовной школы, должна быть основа, базис, проверенный веками. Такой основой может быть одна из мировых духовных традиций. Наиболее развитой философской базой обладает ведическая культура, Она содержит достаточно полную научную систему знаний, которая имеет глубокие корни - более 5000 лет. В процессе нашего педагогического опыта мы к выводу, что развитие ведического образования - одно из важных направлений восстановления духовной культуры в России.

Ведическая гимназия в Москве существует более 10 лет Московская Бхактиведанта гурукула (МБГ) опирается на наставления одного из выдающихся духовных реформаторов XX века, распространяющего культуру и философию гаудия-вайшнавизма по всему миру, А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупады (1896-1977). С его именем связано название гурукулы. Гурукула буквально означает «дом духовного учителя». Кула — школа, гуру духовный учитель, то есть это дом, в котором духовный учитель жил вместе со своими учениками.

МБГ была основана в 1991 году, и находится под опекой духовного учителя Гопад Кришна Госвами, ученика Бхактиведанта Свами Прабхупады.

Гурукула следует государственным стандартам общего среднего образования, а также дети получают духовное образование по следующим предметам:

1. «Ведическая литература» (5-7 кл.);
2. «Основы ведической философии» (8-11 кл.);
3. «Основы ведической культуры» (9-11 кл.).

Дети получают основы духовного знания в соответствии с ведической традицией: по законам нравственности, чистоты, принципам гуманности, доброты, честности и любви. В рамках культурной программы дети поют индийские бхаджаны, инсценируют сценки из «Махабхараты», «Рамаяны» и других произведений индийского эпоса. Таким образом, обучение в гурукуле, в первую очередь ориентировано на то, чтобы привить детям высокие моральные принципы, которые помогли бы им вырасти достойными людьми.

Гурукула придает большое значение личному характеру учителя. В школе все следует основам духовной культуры: дети, преподаватели, сотрудники. Это включает в себя отказ от алкоголя и подаватели, сотрудники. Это включает в себя отказ от алкоголя и других интоксикаций, от всех видов азартных игр, от незаконного секса, а также участие в духовных программах и изучение духовных дисциплин и литературы.

Школа следует привычной для ведической традиции вегетарианской диете: овощи, фрукты злаки и молочные продукты. Согласно канонам Аюрведы такое питание поддерживает высокую работоспособность и здоровье.

За последние 9 лет в МБГ 11 -ый класс закончили 15 детей. Из них 10 человек поступили в вузы. Они учатся в музыкальном

институте им. Гнесиных, в Медицинском институте, в институте Иностранных языков, в педагогическом и других вузах Москвы, преподают английский язык I московской школе, работают в одной из духовных организаций Индии.

Все наши воспитанники вошли в жизнь окружающего их сложного мира, оставаясь в нем порядочными и культурными людьми. Они стремятся углублять свое духовное образование, которое помогает им преодолевать препятствия в этом материальном мире.

КУРАПОВ А.А.

(Россия)

**Буддизм в России
(Реализация буддийской социально-политической
доктрины в политической жизни
Калмыцкого ханства)**

В процессе распространения буддизма в Монголии в ХУ1-ХУП в. миссионеры Гелугпа реализуют социально-политическую доктрину, сформированную в буддийской традиции в 1-Х1П в., для объединения монгольских государств под идеологическим патронажем Тибета. После откочевки торгоутской группировки на Нижнее Поволжье в XVI в., на этапе формирования Калмыцкого ханства во второй половине XVII в. буддийская община, играла значительную роль в создании национальной государственности, легитимируя статус светской элиты, характерных особенностей внешней и внутренней политики ханства. Духовенство активно участвовало в борьбе аристократии за власть в ханстве, на протяжении всей его истории. Буддийская община становится инициатором откочевки значительной части калмыцких улусов в Джунгарию в 1771 г., ставшей итогом существования Калмыцкого ханства.

КЛОБУКОВА

(ГОЛУБИНСКАЯ) Н.Ф.

(Россия)

**Традиционная вокальная поэзия Дзи-ута
как зеркало японской поэтики**

1. Истоки классической японской вокальной поэзии и классической музыки.

Ута (песня) как неотъемлемая часть японской классической поэзии и музыки.

Истоки дзи-ута.

Формирование дзи-ута как самостоятельного жанра японской музыки.

Формирование традиций игры на классически японских инструментах: *кото*, *сякухати* и *сямисэне*.

2. Японская цитра *кото* – история, описание, характеристика музыки для *кото*.

Композиции в стиле *куми-ута*.

Композиции в стиле *дан-моно* или *сирабэ-моно*.

Династия музыкантов Кэнгё.

Композиции в стиле *тэгото-моно*.

Школа Ямада и школа Икута.

3. Общий анализ корпуса текстов *дзи-ута*.

4. Звук как художественный образ в классической японской поэзии.

5. Анализ текста *дзи-ута* «*Kurokami*» («Черные волосы») с точки зрения художественных образов. Исполнение пьесы.

6. Анализ текста *дзи-ута* «*Sin'ya-no tsuki*» («Луна глубокой ночи»).

7. Анализ текста *дзи-ута* «*Aki-no koto-no ha*» («Листья слов осени»).

8. Заключение.

ЛАШКАРБЕКОВ Б.Б.

(Россия)

Основные атрибуты

Памиро-Гиндукушского исмаилизма

Исмаилизм на Памире и Восточном Гиндукуше распространен в основном среди малых народов, носителей различных индоиранских языков, а так же среди буришков, язык которых не входит в родственные отношения с другими известными ныне семьями языков. Под влиянием учение исмаилизма, вобравшего в себя некоторые доисламские элементы, складывается характерное религиозное мировоззрение, что выделяет последователей исмаилизма из когорты окружающих их народов.

Наиболее значимыми атрибутами Памиро-Гиндукушского исмаилизма становятся следующие элементы их религиозного самосознания

Сознание принадлежности к исламу, что проявляется в вере в единого Бога, признания пророческой миссии Мухаммада и небесное происхождение Корана; сознание принадлежности к шиизму и признание особой роли Али; сознание принадлежности к исмаилитскому толку и признание имама времени как непогрешимого духовного лидера; следовать учению Носира Хусрава, считающегося апостолом памирского исмаилизма; потребность быть мюридом (попастолом памирского исмаилизма; потребностью быть мюридом (попастолом памирского исмаилизма; потребностью быть мюридом (попастолом памирского исмаилизма); сознание, слушателем) определенного пира (духовного наставника); сознание, непоколебимости веры и сохранение религиозной идентичности в любых обстоятельствах, опираясь при необходимости к принципу «такя»; сознание эзотерического толкования Корана и стремление к постижению внутреннего смысла божественного Послания; почитание мазаров (культовых сооружений); следование традиционным религиозным обрядам; следование традиции духовных песнопений; обязательное предписание следованию морально-этических норм, заложенных в учении.

Сочетание указанных атрибутов и идентичность хозяйственно-бытовых традиций привели к формированию особой региональной общности исмаилитов определяемой как «этнокультурная традиция носирия».

ЛЕСНИЧИЙ ИЛ.

(Россия)

Конфликтогенный потенциал межкультурных коммуникаций в Каспийско-Кавказском регионе

Своеобразие ситуации в Каспийско-Кавказском регионе, обусловлено существованием на сравнительно небольшой территории множества цивилизационных пластов, формирующих современные межкультурные отношения. Явно прослеживается симбиоз в культуре, возможность конфликтного процесса, возникающего в ходе совместной жизнедеятельности разных народов. Наряду с исторически сложившейся толерантностью в межкультурных коммуникациях, соприкасающиеся в регионе культуры остаются, в достаточной степени, автономными, дистанцированными по отношению друг к другу.

В силу политических, экономических, военно-стратегических, религиозных, территориальных и др. причин, Каспийско-Кавказский регион попадает в сферу интересов и притязаний многих стран мира. В качестве культуuroобразующей основы в государственном устройстве некоторых из них доминируют религии, имеющие своих приверженцев в данном регионе. Этим обстоятельством отчасти обусловлено внешнее влияние на мусульманское население региона со стороны государств, претендующих на первенство в исламском мире. К этому располагает неоднородность конфессионального состава населения Каспийско-Кавказского региона, определено различие интересов и целей ввиду отсутствия развитой инфраструктуры региона, дезинтегрирующие последствия переходного периода, - все прочие факторы выступают потенциальной причиной культурной экспансии региона со стороны соседних держав.

В результате многочисленных войн, которые велись в Каспийско-Кавказском регионе на всем протяжении истории возникновения и исчезновения государств, из региона насильственно изгонялись целые народы. Это привело к возникновению диаспор кавказских народов в разных странах мира, не потерявших культурных связей с исторической родиной. В странах пребывания диаспоры подвержены влиянию местных традиций и вследствие этого, в ходе восстановления контактов, приносит в Каспийско-Кавказский регион элементы «чужеродных» культур.

Набирающее силу в постсоветский период этническое возрождение в отдельных субъектах Каспийско-Кавказского региона превращается в феномен, определяющий контуры современного

цивилизационного процесса. Само по себе этническое возрождение не является межэтническим конфликтом, однако также обладает мощным конфликтогенным потенциалом. Если этническое возрождение начинает активно инкорпорировать национальную идею, важнейшим элементом которой является ориентация на создание национального государства, с национальной религией (как это произошло, например, в ЧИ АССР), то создаются идеальные условия для возникновения конфликтов и дестабилизации в России, которая является полиэтническим государством.

В Каспийско-Кавказском регионе, после распада СССР, наблюдается всплеск религиозной активности, зачастую сопровождающей дезинтеграционные процессы. В условиях поликонфессионального общества противоборствующими сторонами активно используются национальные особенности религиозных культов в интересах отдельных групп для решения текущих конъюнктурных политических задач. Среди этих задач отдельные политические лидеры ставят задачу культурного, исторического, политического и религиозного обоснования самобытности, суверенитета, а в ряде случаев и исключительности того или иного этноса по отношению к другим.

Таким образом, в Каспийско-Кавказском регионе происходит усиление национально-религиозной и в целом культурной дифференциации. Националистические приоритеты заполняют собой тот вакуум, который возник в результате отсутствия общенациональной доктрины. В результате вызревает благоприятная для культурной экспансии региона среда.

В этих условиях необходимо скорейшее осмысление стратегических задач новой восточной политики России, основанной на принципиальном изменении отношения к религии и вопросам сосуществования разных культур.

КАЗАГАЧЕВА Зоя Сергеевна

(Россия)

Сказители Алтая и аспекты текстологии.

Алтайские героические сказания представляют главнейшее духовное достояние алтайцев и несомненно входят в сокровищницу эпического наследия народов мира по своему обширному репертуару (порядка более 250 сказаний, зафиксированных в науке в большом числе версий и вариантов), по масштабности текстов (средняя величина - 2-3 тыс. стихов, но немало и таких, что насчитывает 4-8 тыс. стихов в каждом), по замечательному поэтическому богатству и выдающимся народным певцам-исполнителям. Их открытие началось в середине XIX в. и продолжается все последующие десятилетия, вплоть до 90-х годов XX века. Очень ценно и то, что эпическая традиция не угасла и ныне.

В 1985-87 г.г. были осуществлены записи алтайских героических сказаний - «Очи-Бала» от выдающегося сказителя Алексея Калкина (1925-98) и сказание «Кан-Алтын» от талантливых сказителей Табара Чачиякова (1923-98) и Салдабая Савдина (1917-85). Эти тексты были изданы в академической двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». В принципе отбора для издания именно этих текстов мы исходили из того, что во-первых, они представляли полную звукозапись сказаний вплоть до отражения внетекстовых реплик сказителей в момент исполнения, а также учитывалась возможность повторных записей от этих же сказителей. Во-вторых, Чачияков и Савдин сказание «Кан-Алтын» восприняли от одного и того же сказителя-учителя при разных жизненных ситуациях и в дальнейшем «повели» его своеобразно собственным индивидуальным особенностям исполнения и языковой среде. В-третьих, Калкин и Савдин исполняли сказание в его древнейшей форме, именуемой словом *кай* т.е. напевом под аккомпанемент *топшура*. Причем представили по мелодике совершенно разные виды *кай*. Чачияков исполнял сказание также в традиционной форме - поэтической речитации без музыкального сопровождения. Таким образом, были продемонстрированы три потока сказительской традиции Алтая. В-четвертых, в Архиве Института им. С.С.Суразакова имелись 6 разновременных записей «Очи-Бала» от А.Калкина с дистанцией между 1-й и последней записью в 38 лет, 4 записи «Кан-Алтына» от Чачиякова с промежутком между первой и последней записями в 22 года, 2 разновременные записи этого же сказания от Калкина с промежутком в 10 лет и 1 запись от Савдина.

Наличие столь богатого, по-своему уникального для эпосоведения материала разновременных записей не позволяло ограничиться простой публикацией одной из записей «Очи-Бала» Калкина и одной из записей «Кан-Алтына» Чачиякова. Потребовалось разработать и применить текстологические процедуры, позволяющие по мере возможности судить о них более полно в сопоставлении с иными разновременными текстами от этих же сказителей, а также с вариантами других исполнителей. Суть такого принципа заключалась в том, чтобы отразить в избранных для издания текстах без «монтажной» все разноуровневые вариации, элементы взаимодополнений с указанием взаимоотношений, которые имеются в привлекаемых для сравнения текстах.

Определенные текстологические процедуры наглядно выявили в каких масштабах, слоях тексты расходятся, а что в них остается неизменным. Но главным в такого рода сравнительных анализах является то, что в них явно проступают «повествовательные возможности» сказителей. Выявляется устойчивая основа каждого сказания, то есть, каждый эпический памятник имеет унаследованное повествовательное русло, в сохранении которого и состоит в первую очередь историческая миссия сказителей: их талант и призвание - сохранить традицию из поколения в поколение в истинной ее конкретности и характерности.

ЛЕПЕХОВ С.Ю.

(Россия)

Символические структуры и стиль буддийской цивилизации

Буддийская культура может рассматриваться как некая непрерывность пространства взаимодействующих символических структур, порождаемых в процессе деятельности адептов различных буддийских религиозно-философских школ. Для каждой из этих структур характерно наличие как инвариантного набора исходных символов, общего для всех буддийских школ, так и открытых связей, допускающих их взаимодействие с другими структурами, в том числе и небуддийского происхождения.

Смысл, к которому адресуют все эти структуры, обозначается как Дхарма - небуддийская в строгом смысле, поскольку, как объясняется в буддийских канонических текстах, проповедь Будды только часть этой конечной Дхармы. Буддийская цивилизация возникла именно как результат развития таких открытых символических связей. Если бы буддизм замыкался только на своих философских и сотериологических концепциях ценностей и ритуалах, он навсегда остался бы всего лишь одной из многих религиозных индийских школ.

О. Шпенглер первым применил по отношению к культуре и цивилизации понятие «стиль» в качестве наиболее общего характеризующего признака. Он же, пожалуй, одним из первых ввел и понятие «буддийская цивилизация». Вслед за Шпенглером А. Крёбер рассматривает стиль как явление, характеризующее культуру и цивилизацию, но не с точки зрения содержания, а, скорее, определенности единства и последовательности формы. По мнению А. Крёбера цивилизацию характеризует некий «сверхстиль», не сводящийся к совокупности присутствующих в ней стилей [Kroeber, 1957]. В к-совокупности присутствующих в ней стилей Г. Мишо и Э. Марка в кап-полиструктурной модели цивилизации Г. Мишо и Э. Марка в качестве одной из составляющих выделяется: семиотическая модель, в которой должна быть представлена вся совокупность образов представлений, знаков, кодов и символических систем, наиболее ярко характеризующих данную цивилизацию. Культура для этих авторов - прежде всего «стиль» исторического развития, проявляющийся в образе жизни, типе поведения и творчества [Michaud, 1981]. О единстве и многообразии в буддийской цивилизации пишет Б.С. Ерасов [Ерасов 2002].

В буддизме можно выделить стили, характеризующие как своеобразие этнической культуры, так и способы выражения концептуальных особенностей определенной философской школы (например, стиль чаньской/дзэнской субкультуры, тибето-монгольский стиль Гелук и т.д.) И те, и другие содержат общие элементы, позволяющие рассматривать их в рамках некоего общего «сверхстиля» буддийской цивилизации. К ним относятся: единая символика, типологическое сходство в устройстве монастырского быта,

образе жизни и т.д. Вместе с тем, единство буддийской культуры и цивилизации обеспечивалось не столько наличием общих элементов в архитектуре, скульптуре, живописи, литературе, музыке, одежде и т.д., сколько единством понимания и интерпретации основных символов и философских категорий.

Буддийская герменевтика возникла в процессе формирования обширного буддийского канона из потребности согласования различных точек зрения и различной употребляемой терминологии. Возможность и даже необходимость существования различных точек зрения в буддийской философии, а, следовательно, и потребность в их истолковании и понимании заложена в ее конституирующих принципах, согласно которым собственная аргументированная философская позиция не может быть сформулирована без всестороннего обсуждения позиции оппонента (естественно, с последующим ее отрицанием). Поэтому плюрализм точек зрения в буддийской философии присутствует изначально. Необходимость инкорпорировать различные символические структуры в единое пространство и обеспечить им непротиворечивую интерпретацию в рамках единого стиля и явилась основным творческим стимулом для развития буддийской цивилизации.

МУЧТАДАЕВ Ш.М.

(Азербайджан)

Восточная Анатолия и Азербайджан

В начале XVв. на территории Восточной Анатолии и Азербайджана было образовано государство Кара-Коюнлу, которое во второй половине того же столетия сменилось другим туркменским государством Ан-Коюнлу. Так, после длительного господства монгольских и постмонгольских государств на «центральных мусульманских землях» была вновь восстановлена политическая власть турок.

В этот же период наблюдается утверждение туркменской «этнической идентичности». Не только соседи-османцы начинают идентифицировать туркменское население Восточной Анатолии как некую самостоятельную целостность, но и сами туркмены выделяют себя из общетюркской среды, противопоставляя себя политическим и этническим тюркам на Западе (османцы) и Востоке.

ШИХАЛИМБЕЙЛИ З.Э.

(Азербайджан)

Развитие арабской философии в Азербайджане

Всестороннее и довольно усиленное развитие арабистики в Азербайджане было предопределено многовековыми связями и контактами с арабоязычными странами, начиная с периода зарождения ислама вплоть до наших дней. Арабский язык, с появле-

нием Корана и распространением ислама очень скоро стал языком науки и выразителем культурных достижений во многих странах мусульманского востока, в том числе и на территории нынешнего Азербайджана.

1. Исторический обзор изучения арабской филологии в Азербайджане.

2. Сведения о наиболее видных азербайджанских ученых, участвующих в формировании и развитии арабской филологической науки.

3. научная деятельность современных азербайджанских ученых в области арабской филологии.

МАРАКЯН С. А.

(Армения)

"Сага об Ингваре"

об экспедиции викингов через Кавказ

к иранскому побережью Каспийского моря (XI век)

На 26 из 3000 рунических надписей на камнях в Швеции и вообще Скандинавии упоминается об этой экспедиции хавдинга Ингвара и 700 его воинов на Кавказ - страну "Серкланд" и далее до южного, иранского побережья Каспийского моря.

Более подробно об этом походе говорит редкая "Сага об Ингваре", сведения которой подтверждаются, на наш взгляд, грузинской летописью "Матиане Картлиса" и армянской летописью Степаноса летонисью "Патмутцюн гавар Сюники" ("История области Сюник"-Орбеляна "Патмутцюн гавар Сюники" ("История области Сюник"-XIII век). Многие исследователи сомневаются в историчности сведений о походе "трагического Ингвара" на Кавказ, в Грузию. Известие грузинской и армянской летописи осталось неизвестно им.

Впервые на аналогию в источниках обратил внимание доктор Матс Ларссон (Лунд). В моих опубликованных работах (с 1983г. по 2002г.) показана схожесть и взаимодополнение сведений разноязычных источников об этом походе. На наш взгляд, Ингвар с дружиной викингов искал один из вариантов Великого Шелкового пути. Известно, что один из не основных вариантов этого пути шел через Армению и Грузию к портам Черного моря (Фазис-Поти; Трапезунд; Анакопия).

Большая часть дружины Ингвара с самим хавдингом погибла, по нашему мнению, в битве 1049г. в Армении, у крепости Капутру. В этой битве грузино-армяно-византийская армия во главе с эри-ставом Липаритом Багваши была разбита тюрками - сельджуками, вторгшимися из Ирана. На обратном пути домой от иранского побережья Каспийского моря викинги Ингвара приняли участие во внутренних событиях в Грузии и в составе войск Липарита Багваши выступили против тюрков-сельджуков.

Домой в Швецию через Киев и Древнюю Русь вернулось около 40 викингов во главе с Хавдингом Кетилем. Их рассказы об этой

экспедиции и стали основой "Саги об Ингваре", впервые изложенной монахом Оддом Сноранссоном в 1190-1210 гг. Спорные вопросы датировки похода Ингвара, его маршрута, истории исчезновения большей части дружины викингов требуют дальнейших исследований. Всего - 292 слова.

**Сельджукское вторжение на Запад:
битва 1049 г. у крепости**

После битвы у Данданакана в 1040 г. с войсками газневидского султана сельджукские племена тюрок хлынули в Иран, Армению, Грузию и малоазиатские провинции Византии. В 1047-1049 гг. передовые отряды сельджуков во главе с племянниками султана Ибрахимом Йиналом и Куталмышем вторглись в районы горного Курдистана и западной Армении.

Византийская империя не обратила сначала серьезного внимания на вторжение тюрок-сельджуков. Император Константин Мономах обратился с письмами, предлагая союз и совместное выступление против сельджуков, к грузинскому Эриставу Липариту Багваши, армянским царям Давиду Анхолину и Гагику Карсскому. Объединенные войска союзников - византийцев, грузин, армян и 700 викингов Ингвара - выступили против сельджуков.

Битва произошла в сентябре 1049 в провинции Басен, в ущелье р. Аракс, у пещерной крепости Капутру. Описание битвы армянскими источниками (Аристахэс Ластивертци, Маттеос Урхаеци, Вардан Аревелци и др. авторы) говорит нам об исключительно ожесточенном характере сражения и большом количестве жертв. Союзники имели 42 тысячи 700 воинов, сельджуки - более 50 тысяч воинов.

Армянский летописец Степанос Орбелян (XIII в.) подробно излагает состав и численность войск союзников в битве с сельджуками. Он же говорит о загадочных "700 прекрасных воинах из далекой северной страны" под которыми, как нам представляется, следует понимать дружину викингов хавдинга Ингвара.

Спорные вопросы датировки сражения у крепости Капутру и составе войск союзников, как показывают заочные дискуссии последних лет в научной литературе, требуют дальнейшего исследования и уточнения.

Анализ источников показывает, что византийские полководцы Катакалон Кекавмен и Аарон Булгар в разгар сражения покинули поле боя и оставили Эристава Липарита с месхетинцами-грузинами, армянами и отрядом викингов Ингвара против вдвое превосходившего его войска сельджуков. Битва была выиграна сельджуками, и именно это сражение открыло сельджукским племенам путь в Малую Азию, в византийские владения. Так состоялось переселение тюркских племен на территорию Анатолии, в Малую Азию. А через некоторое время там же в Малой Азии образовалось государство переселенцев из Средней Азии Иконийский султанат (1077 г.).

ABASHIDZE Medea

(Georgia)

Atlas of Georgian Saints:

King Luarsab II and Queen Ketevan

"And when he had opened the fifth seal, I saw under the altar the souls of them that were slain for the word of God, and for the testimony which they held". (Rev 6:9).

The proclamation of Christianity in the 4th century as a State religion took place in Georgia during king of Kartli Mirian.

The earliest Georgian hagiographic monument or the first mature sample of Georgian literature that came down to us dates back to the 5th century.

Georgian Kings and Queens like Byzantine Emperors and Empresses has canonized Saints, whose names are included in the canon or official list, and whose cult was popular in Georgia. They are venerated in the calendars because of their significance in the history of the Christian Orthodox Church. The cult of local saints sometimes successfully competed even with the cult of the Apostles themselves and transnational saints.

Among Georgian Kings and Queens our special concern are King Luarsab II and Queen Ketevan, who lost their lives for Christian faith in the Islamic milieu and who were cruelly martyred in Shiraz in the 17th centuries.

The Vita of Saint is a historical document, because it gives testimony to the historical moment in which it was composed. In the late 16th and early 17th centuries Persia once again became the factor of importance in the struggle.

Shah Abbas I, known as Great won a number of successes in war with Turkey. Russia captured Azov - the first Russian stronghold on the Black Sea and Moscow considered as principal center and protector of Orthodox Christianity. The invasion of Persians of Georgia was due to number of causes, the principal one among which was succeeding tendency for orientation to Russia various Georgian kingdoms and principalities, causing such a great annoyance to the heterodox neighbors of Georgia.

Atlas of Saints aims to gather and digitalize all available information about Saints of Georgia and display a wide range of data about them, including texts, maps, timelines, images, inscriptions, bibliography.

A start has been made with Georgian Sacred places; a GIS based project to map saint's tombs, relics and monuments associated with sanctity.

Then followed gathering and digitalization information about Georgian Saint King and Queen of Golden Age.

КУРБАНОВ Г.Н.

(Узбекистан)

Печати улама Бухарского эмирата.

Оттиски печатей и печати улама, явившиеся основой для данного доклада, были выявлены в ходе работы над коллекциями печатей музеев Республики Узбекистан и России и рукописными документами 19 - нач. 20 вв., хранящимися в Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан и коллекции Бухарского Государственного музея — заповедника.

Печати и их оттиски - массовый источник для продуктивной обработки которого были разработаны методы источниковедческого исследования и принципы классификации.

Критерий типа печатей 16 - начала 20 вв. - геометрическая форма оттиска печати. Тип обозначается римскими цифрами. Орнаментация ободка печати - критерий деления однотипных печатей на виды. Поле печати может быть расчленено на части центральным картушем. Внутри типа использованы разные картуши, но часто картушей нет. Последним присвоена цифра «0» - на уровне классификация «Картуши», а разные по форме картуши внутри типа обозначены цифрами. Однотипные печати различаются смысловыми признаками, то есть содержанием надписей. Такие различия внутри типа оценены как вариант. Варианты не имеют самостоятельной нумерации. Вариант - это сочетание части или всех единиц информации внутри типа.

Оттисков печатей шайх ал-ислама в данной подборке - 7 единиц 3 типов, пяти видов, с картушем и без, пять вариантов надписи. Типы следующих форм: I - круглая, II - овальная, III - прямоугольная. Преобладает тип I, тип III не имеет ободка на верхней длинной стороне. Варианты надписей разнообразны.

Оттиск печати накиба - 1 единица, тип I (овальная форма), вид 1.

Оттисков печатей кази ал-куззатов - 27 единиц, двух типов, шестнадцати видов, преимущественно с картушем, двенадцать вариантов надписей. Количественно тип I явно преобладает над типом II; виды разнообразны, печати в основном с картушем; преобладающий вариант надписи следующий: Qazi al - quzzat Qazi Mulla, имя собственное, упоминание отца, дата цифрами, надписи вне картуша. Так как у печатей данной группы ведущий тип I с картушем, то естественно преобладает состав надписи, характерный для этого типа: чины «кази ал-куззат», «кази», иногда титулы, упоминание отца, дата цифрами и надписи по сторонам, иногда логически связанные с основными сведениями в картуше, иногда - независимые. Для данного типа характерны индивидуальные титулы и эпитеты. У печатей типа II состав надписи краткий, без указания чина «кази» и упоминания отца.

Оттисков печатей казиев - 88 единиц, шести типов, тридцати двух видов, девятнадцать форм картушей и без картушей, сорок пять вариантов.

Оттиски печатей казиев отличаются большим разнообразием признаков. Типов шесть: I - круглая, II - круглая с фестонированными краями, III - овальная, IV - прямоугольная, V - шестиугольная неправильная, VI - восьмиугольная. Преобладает тип I. Небольшую группу составляет тип IV. Большинство печатей с картушем. Характерен следующий вариант надписи: / Mulla Qazi /, имя собственное, титул «ходжа», упоминание отца, дата цифрами, надписи вне картуша.

Оттисков печатей а'ламов - 13 единиц, два типа, восемь видов, три картуша, десять вариантов надписей. Типов два: I - круглой формы, II - круглая с фестонированными краями. Большинство оттисков имеют картуш. Варианты надписей разнообразны.

Оттисков печатей муфтиев - 57 единиц, пяти типов, двадцати одного вида, десяти картушей, сорок два варианта надписи. Оттиски печатей муфтиев также отличаются большим разнообразием признаков. Типов пять: I - круглая, II - круглая с лепестковидными краями, III - овальная, IV - прямоугольная, V - шестиугольная. Преобладает тип I. Большинство печатей с картушем. Варианты надписей разнообразны.

Оттисков печатей райсов - 25 единиц, двух типов, двенадцать видов, семь картушей, шестнадцать вариантов надписи. Типов два: I - овальной формы, II - прямоугольной. Основная масса оттисков типа I. Большинство печатей без картуша, варианты надписей разнообразны.

Оттисков печатей ахундов - 3 единицы, тип I, II, трёх видов 1, 2, 3, с картушем и без. Типов два: I - круглая форма, II - овальная.

Оттисков печатей мударрисов - 2 единицы, тип I, II, двух видов. Типов два: I - круглая форма, II - прямоугольная.

Заканчивая обзор печатей чиновников, следует отметить следующее: во-первых, большое разнообразие составных частей надписи (титулы, звания, чины и т.д.); во-вторых, взаимосвязь надписей с типами печатей. На печатях круглой и овальной форм с картушем основные сведения о владельце печати в картуше, надписи вне картуша это имена Аллаха, лакабы и т.д. Иногда надписи по сторонам картуша и основных сведений являются смысловым продолжением. На печатях прямоугольной и овальной форм без картуша даны сведения о владельце печати, упоминание отца отсутствует; в-третьих, набор так называемых надписей по сторонам картуша практически един для всех групп печатей с некоторыми вариациями; в-четвертых, в составе надписи кази ал-куззата имеются лакабы.

ДЖУРАЕВА Г.А.

(Узбекистан)

**Роль женщин позднесредневековой Бухары
в благоустройстве города.**

1. Общеизвестно, что строительство наибольшего количества архитектурных памятников и ансамблей в Бухаре приходится на период правления Шайбанидов, когда столичный город был не только политическим и экономическим, но и культурным центром духовной жизни Центральной Азии.

2. Исследование вакфных грамот XV-XIX вв. позволяет сделать ряд интересных выводов и по новому взглянуть на происхождение тех или иных сооружений, некоторые из которых сохранились до наших дней и являются ценной достопримечательностью Бухары. Некоторые же из построенных в средневековые монументальных зданий не сохранились до настоящего времени и только благодаря в основном данным актового материала можно определить где, когда, кем и для каких целей они были сооружены.

3. Данные, извлечённые из исторических источников, в частности вакфнаме, свидетельствуют о конкретном вкладе богатых Си-именитых женщин позднесредневековой Бухары в благоустройство города. Судя по документам, знатные женщины Бухары того времени были донаторами (заказчиками) многих религиозных и гражданских построек, на содержание и ремонт которых в благотворительных целях они учреждали вакф.

4. Сведения о донаторах архитектурных памятников в научной литературе часто отсутствует, а то что встречается, бывают противоречивыми и нередко неточными. Изучение бухарских вакфных документов позволяет выявить имена донаторов, среди которых фигурирует много женских имён. Донаторами-женщинами спонсировались, например, постройки таких сооружений, как – мечеть Суфийан, соборная мечеть и ханако Ситора-йи мохи хоса, бани Хаммами Пайдар и Хаммами Кунджак, медресе и мечеть Ой-подшо-биби, медресе Турсун-Шах-аййим и др.

БУДРЯКОВ Ю.Ф.

(Узбекистан)

**Города и караван-сарай Мавераннахр
на Великом шелковом пути
(По археологическим источникам)**

1. История сложения системы сухопутных торговых трасс в пределах Среднеазиатского междуречья от зарождения до расцвета.

2. Главные и вспомогательные трассы Великого шелкового пути. Динамика передвижки главных трасс и её причины.

3. Отрезки основных трасс (с локализацией пунктов) Амударья – Бухара – Хорезм; Бухара – Самарканд; Самарканд – Кеш и Несеф; Самарканд – Фергана; Самарканд – Чад; Чач – Илак – Фергана и Чач – Исфиджаб.

4. Роль великого шелкового пути в формировании городских систем средневекового Мавераннахра.

AMANOVA G. A.

(Uzbekistan)

Корейская поэзия 1930-1945х годов

It is well-known that the 1930-1945s was the most productive decade in Korean literature. But at the same time it was not searched enough in Uzbekistan as well as in Russia. The collection of poems of Kim So-wol The Flower of Paeksancha which was published in Moscow in 1962 and the manuscript Kim So-wol's life and poetry by L.V. Galkina written in 1979 are devoted this period. To the present time these are the only sources which represent the Korean modern poetry in Russian.

At the same time there are a series of articles, which reflect the only aspect of Korean poetry, which is insignificant and known as proletarian poetry of KAPF group and Ph askula. The authors of these articles are L.V. Galkina, V.I. Ivanova, V.N. Lee, L.K. Kim. But in our opinion these works don't give us the full picture of ideas, forms and trends of Korean poetry of this period. So, the aim of our report is to show still unknown but the essential part of Korean poetry. This part includes the poetry the representatives of such groups as Simunhakpa, Saengmyongpa, Hang Il, Chongnokpa, modernist poetry and Kim So-wol's and Han Yong-un's poems. Searching the poems of the representatives of these groups and others to reveal the ways of development of such trends as romantic, symbolism, modernism, underline the aesthetic and artistic features of the poetry of these groups and individual poets, throw light upon the main stage of ideological fighting between poets who stood for pure art and proletarian poetry (KAPF), analysis the ideas, compositions, poetic styles of the most popular poets of this period.

POULATOV Uktam**Greco-Macedonian conquest and
Hellenization of Iranian nation**

Hellenian culture by influencing the culture of Iranian nation, in turn, Adopted a lot in the area of science, art, mythology, social order etc. This process should be recognized as interference and mutual enrichment of Western and Eastern cultures.

Пулатов Уктам**Греко-македонские завоевания и
эллинизация культуры иранских народов.**

Как это ни звучит парадоксально или даже кощунственно, великие завоевательные войны и создание великих империй, помимо кровопролитий, разрушений и грабежей, имеют положитель-

ную сторону: многие народы, в том числе порабощенные и поработители, объединяются в одно огромное государство и получают возможность взаимообогащать культуру друг друга.

Об эллинизации культуры иранских народов сразу после завоевательных походов Александра Македонского можно говорить как об ориентализации эллинской культуры, т.е. культуры греко-македонян. Эллины прежде всего переняли у иранских народов опыт государственного управления. Они в государственном управлении соединили монархию, аристократию и демократию.

На первых порах греко-македоняне не смешивались с местным населением, жили обособленно по своим традициям и обычаям.

Заслуга греко-македонян прежде всего заключается в том, что на Востоке они принесли классические формы рабства, хотя их приняла только аристократы-горожане, а сельская знать предпочитала старые, традиционные формы эксплуатации сельского населения. Рабство способствовало более быстрым темпам развития общества, значительному изменению социальной структуры общества, большому скачку в развитии товарного производства и на этой основе развитию торговли, денежных отношений и денежных операций.

Эллинизация культуры иранских народов интенсивными темпами происходит в конце Греко-бактрийского времени или даже с начала Кушанской эпохи. Языком науки становится греческий. В искусстве, а следовательно и в идеологию обильно проникают эллинские элементы.

На Тахти Сангине (юг Таджикистана) много свидетельств процесса эллинизации местной культуры. Например, наряду с местными кинжалами-акинаками в большом количестве появляются греческие мечи, махайры и ножи к ним из слоновой кости. Здесь найден древнейший и единственный в Средней Азии скульптурный портрет Александра Македонского, вырезанный из сдавшей кости.

Резюмируя все вышесказанное, можно заключить, что не только культура иранских народов переняла многое из греческой культуры, эллинизировалась, но и сама в свою очередь дала очень много греческой и западной культуре в области науки (прежде всего философии), искусства, мифологии, общественного строя, и т.д., и нам следует говорить не только об одностороннем влиянии греческой культуры на иранских народов, а о взаимовлиянии и взаимообогащении культур Запада и Востока.

MIRSAIDOV Ulmas
(Dushanbe)

**Problems of terrorism:
safety strategy and state of illicit trafficking
of nuclear materials**

In the last years many countries faced the problem of illicit trafficking, contraband, and unauthorized transfer of "Know how". We have not achieved considerable results in prevention of these actions

yet. There is a potential threat that terrorist organizations will be able to possess nuclear weapon. In accordance with IAEA database, illicit trafficking of nuclear materials has rising tendency.

The Republic of Tajikistan has signed Non-proliferation Treaty. After the Cold War the concern about further proliferation has increased, particularly, in connection with existent instability in many parts of the World. Another factor, which increases the concern about proliferation of nuclear materials, is the secret programs of some states, which have signed the Treaty but have the aims to create nuclear weapon.

One of the essential factors, which influence to creation of nuclear weapon is interruption of activities of highly qualified scientists and engineers in the Newly independent states of the former USSR.. These specialists become potential recruits for illegal production of nuclear weapon in other countries. Corruption in state establishments, which become defenders of criminal activity (e.g. such as cases of theft in nuclear enterprises) is also disturbing. The most disturbing is terrorism with use of nuclear materials. Also terrorists are able to use so-called "dirty bombs", i.e. products of nuclear fission or highly radioactive materials that are detonated with common explosive.

One of indirect factors of proliferation of nuclear materials is use of dual-purpose equipment and materials, which are suitable for synthesis of nuclear components. Another indirect factor is involvement of foreign experts and consultants.

In order to confront the activity of terrorist groups:

1. International community is to create systems of prevention and control in the nuclear field;
2. Effective national systems of defense and control must be developed;
3. International informational and communicational connections must be established.

Мирсаидов Ульмас
(Душанбе)

**Вопросы терроризма:
стратегия безопасности и незаконный оборот
ядерных материалов в Таджикистане**

В последние годы многие страны столкнулись с проблемой незаконного оборота, контрабанды и несанкционированной передачи «Ноу-хау». Существенных результатов по предотвращению этих действий пока нет.

Существует потенциальная угроза, что террористические организации смогут завладеть ядерным оружием. В соответствии с банком данных МАГАТЭ, незаконный оборот ядерных материалов имеет тенденцию к увеличению.

Республика Таджикистан подписала Договор о нераспространении ядерного оружия. После окончания холодной войны озабоченность дальнейшего распространения возросла, в особенности, в связи с существующей нестабильностью во многих точках мира.

Другим фактором, который усиливает обеспокоенность распространения ядерных материалов является закрытие программы некоторых государств, которые на деле подписали договор, но имеют цели по созданию ядерного оружия.

Одним из существенных факторов создания ядерного оружия в других странах является приостановка деятельности высококвалифицированных учёных и инженеров в странах бывшего Советского Союза. Эти специалисты становятся потенциальными рекрутами для нелегального производства ядерных вооружений в других странах. Беспокоит также коррупция в государственных учреждениях, которые становятся защитниками криминальной деятельности, такой как хищение на ядерных предприятиях.

Наибольшее беспокойство вызывает терроризм с использованием ядерных материалов. Террористы также могут использовать так называемые «грязные бомбы», то есть продукты ядерного деления или высокорadioактивные материалы, детонируемые обычным взрывчатым веществом.

Одним из косвенных факторов распространения ядерных материалов является использование оборудования и материалов двойного назначения, которые можно использовать при получения ядерных компонентов, а также использование зарубежных экспертов и консультантов.

Для того, чтобы противостоять деятельности террористических групп:

1. Международное сообщество должно создать системы предупреждения и сдерживания в ядерной области;
2. Должны быть разработаны эффективные национальные системы защиты и контроля;
3. Должны быть установлены международные информационные и коммуникационные связи.

ЗОХИДОВ Низомиддин
(Таджикистан)

Некоторые соображения об арабоязычном периоде персидско-таджикской литературы

Завоевание Сасанидского государства арабами в корне изменило основы культурной и литературной жизни иранских народов. Происходивший в тот исторический период процесс смены религиозного мировоззрения и письменности иранских народов не только привел к гибели многих произведений доисламской эпохи, но и максимально затруднил естественное развитие иранских литературных традиций. Тем не менее, литературно-художественное творчество иранских народов не прекращалось и не могло прекратиться. Несомненно, что среди иранских народов и в условиях арабского господства продолжало развиваться питавшееся древни-

ми народными традициями устно-поэтическое творчество на родном языке. Наряду с этим, иранские народы в VIII-X вв. приняли активное участие и в создании арабоязычной литературы, которую принято называть арабо-мусульманской. В Иране и Средней Азии, как и в других странах, вошедших в состав Арабского Халифата, единственным средством научного и литературно-художественного творчества вплоть до середины IX века стал арабский язык.

Среди писателей - выходцев из местного населения развернулась активная деятельность по переводу памятников доисламской письменности на арабский язык и созданию оригинальных произведений, в которых четко прослеживаются элементы доисламских культурно-литературных традиций.

Арабоязычная литература, созданная этими писателями и поэтами, является, без сомнения, составной частью литературы арабской. Без творчества этой плеяды поэтов и писателей нельзя представить себе тот период истории арабской литературы, который именуется литературой Обновления. Вместе с тем, в арабоязычной литературе, созданной иранцами, нашли свое отражение доисламские иранские художественные традиции, шуубитские мотивы.

Можем ли мы на этом основании рассматривать арабоязычное творчество поэтов и писателей иранского происхождения как составную часть и иранского литературного процесса? Если да, то каковы основные критерии отнесения арабоязычного творчества этих поэтов и писателей к литературе иранских народов?

Системный подход в последнее время утвердился как один из важнейших исследовательских принципов. Из специальных работ, посвященных методологическим основам системного подхода (см. например: Блумберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода - М.: Наука, 1973-344 с.), вытекают два основных положения общей теории систем;

1. Исходным пунктом всякого системного исследования является представление о целостности изучаемой системы.
2. Представление о целостности системы конкретизируется через понятие связи.

Арабоязычную литературу XIII-IX вв. следует определить как важный период в историческом развитии персидско-таджикской литературы, ее арабоязычным периодом. Исследование арабоязычной литературы XIII-IX вв. с точки зрения ее значения для истории персидско-таджикской литературы предполагает решение следующих задач:

1. Следует выявить весь комплекс содержащихся в арабоязычных памятниках биографического характера сведений о поэтах и писателях иранского происхождения XIII-IX вв., творивших на арабском языке. В этом направлении имеются изыскания ряда ученых (Э. Брауна, В.А.Эбермана, А.Н.Болдырева, И.С.Брагинского, М.Занда, М.Н.Османова, З.Сафо), но все же значительное количество арабоязычных поэтов и писателей иранского происхождения остается вне поля зрения исследователей.

МОКЕЕВ А.М.

(Кыргызстан)

**К вопросу о преемственности
политических традиций тьяншанских кыргызов
с енисейскими кыргызами**

I. Несмотря на то, что проблема соотношения древних енисейских кыргызов с современными кыргызами Тянь-Шаня до сих пор остается дискуссионным, трудно игнорировать некоторые бесспорные факты, свидетельствующие о наличии определенных этногенетических связей между ними.

II. Проблема преемственности политических традиций енисейских кыргызов и тьяншанских кыргызов в научной литературе практически не обсуждалась.

Между тем термин «бий», встречающийся в качестве титула высших правителей тьяншанских кыргызов XV-XVIII вв. тесно связан с политической культурой государства енисейских. Новейшие исследования французского синоведа Луи Амбиса и российского синоведа Е.И. Кычанова показывают, что термин «бий» широко употреблялся в титулатуре правителей енисейских кыргызов еще в VII в.н.э.

III. Достаточно хорошо известно, что правители енисейских кыргызов носили титул «инал» вплоть до начала XIII в. По сведениям китайских хроник в VIII-IX вв. правитель енисейских кыргызов именовался «ажо» («аже»). Известный российский синолог с.е.яхонтов считает, что термин «ажо» («аже») является китайской транслитерацией древнекыргызского титула «инал». Другой известный российский археолог Ю.С.Худяков полагает, что «ажо» («аже») является китайской формой названия племени «аз» или «ач», которое будто бы составляло элитарную часть енисейских кыргызов. Казахстанский академик А.Маргулан указывал, что в более древнее время слово «ажу» имело значение отца, главы большой патриархальной семьи и впоследствии, с образованием государства, приобретает более широкое значение и становится титулом правителя государства.

IV. В этой связи вызывает определенный интерес один весьма загадочный эпизод из генеалогии о происхождении основных подразделений кыргызских племен «Правого крыла». В этом упоминается некая матрона «Наал эже», которая будто бы являлась старшей сестрой Адигине и Тагая. Здесь явно прослеживается попытка объяснения значения словосочетания «Наал эже» как «Сестра Наал» путем народной этимологии. Представляется, что под этим фантазмом «Сестра Наал» = «Наал эже» скрываются древние титулы енисейских кыргызов «инал» и «аже», которые сохранились в памяти тьяншанских кыргызов в качестве мифических прародителей указанных кыргызских племен.

V. Как справедливо отмечал А.Маргулан термин «аже» в древности означал «отец», «предок». В самом деле в орхонской надписи

Кюль Тегина термин «аже» встречается именно в значении «предок»: «kiši oglinta üza eçüm aram Bumin qagam İstami qagan olurmuş» («Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын каган и Исхеми каган»). Исходя из этого, я предлагаю объяснить значение словосочетания «Наал эже» из генеалогии кыргызских племен «Правого крыла» как «Инал аже» («Предок Инал», «Отец Инал») и оставить народную этимологию о сестре Наал, как не имеющую исторического основания.

VI. Таким образом, можно отметить наличие некоторых фактов, которые свидетельствуют о преемственности политической культуры тьяншанских кыргызов с енисейскими кыргызами. Если в случае с титулом «бий» прослеживается прямая преемственная связь политических традиций тьяншанских кыргызов с древними енисейскими кыргызами, то в случае с «инал» и «аже» наблюдается трансформация этих титулов в личное имя мифической прародительницы Наал эже, неотъемлемого персонажа генеалогических преданий кыргызских племен «Правого крыла».

ДЖУНУШАЛИЕВ Дж.

(Кыргызстан)

**Кыргызстан на трассе
Великого Шелкового пути**

До Великих географических открытий в результате овладения человечеством более удобными и дешевыми водными средствами транспорта, способными для кругосветных сообщений, территория Кыргызстана было узловым пунктом Великой Шелковой пути. Здесь проходили самые короткие маршруты караванных путей, связывающих Север с Югом, Восток с Западом и наоборот. Они ориентировались на более проходимые значения ущелья, пастбища и воду для караванов и людей. Как считают, многие исследователи территорию Кыргызстана пересекали три ветви Великого Шелкового пути.

По Шелковому пути распространялись религиозные идеи, миссионеры разносили свою веру в заморские страны. Из Индии через Среднюю Азию и Восточный Туркестан в Китай пришел буддизм, из Сирии, Ирана и Аравии - христианство, а затем ислам.

По мнению исследователей, проникновение буддизма из Индии в Китай шло через Среднюю Азию и Казахстан. Начался этот процесс с середины I в. до н.э. В распространении буддизма в Восточном Туркестане и Китае важная роль принадлежала среднеазиатским богословам и миссионерам, в особенности согдийцам, парфянам, кангюйцам.

Наряду с буддизмом по Шелковому пути, следуя с Запада на Восток, распространялось христианство. В первой половине V в. В Восточной Римской империи возникла «еретическая» секта приверженцев священника Нестория. Учение Нестория было осуждено

на Эфесском соборе в 431 г., и начались жестокие гонения на несториан. В результате преследований они вынуждены были бежать в Иран и далее на Восток.

В VI-VIII вв. несторианство широко распространялось в городах Семиречья. Во многих городах имелись христианские церкви. При патриархе Тимофее (780-819) христианство было принято царем тюрков, видимо, карлукским джабгу. На рубеже IX-X вв. была образована особая карлукская митрополия, в Таразе и Мерке действовали христианские церкви, христиане проживали и в городах Сырдарьи.

По Шелковому пути распространилось и манихейство, возникшее в III в. в Иране и быстро завоевавшее большое число приверженцев от Италии до Китая. Она представляла в целом синтез зороастризма и христианства. В начале VIII в. верховный глава манихеев имел резиденцию в Самарканде. Манихейство сосуществовало с буддизмом в Средней Азии на протяжении длительного времени, причем буддизм оказал сильное влияние на пантеон, терминологию и даже концепцию манихейства.

Однако распространившийся в Средней Азии с VIII в. ислам постепенно вытеснил и христианство, и буддизм, и зороастризм, и местные культы.

Из направлений маршрутов дорог Великой Шелковой пути и их функциональных нагрузок видно, что по торгово-экономическому значению территория Кыргызстана была особенно важна. Кроме того, она имела и особое военно-стратегическое значение, особенно Иссык-Кульская котловина, Центральный Тянь-Шань и Алай.

АСАНКАНОВ А. А.
(Кыргызстан)

Параллели в культуре саяно-алтайского и кыргызского народов

Схожесть природно-климатических условий, ландшафта, окружающей среды Южной Хакасии, Южного Горного Алтая и Тувы с территорией, где ныне живут кыргызы, способствует пониманию этногенетических связей народов этих регионов. Эта историко-географическая область, в силу схожих природно-климатических, экологических условий, стала одним из центров скотоводческо-земледельческих хозяйств, формирования комплексного хозяйства с преобладающим кочевничеством, а также формирования идентичных форм образа жизни, общности этнической культуры народов, проживающих в этом огромном регионе.

Археолого-этнографическая экспедиция в Хакасии, Туве и на Алтае, проведенная в июне 2003 г. при участии известных российских ученых-кыргызоведов и кыргызских ученых-этнографов, показала удивительно схожие параллели в культуре народов, проживающих на вышеуказанных территориях, и кыргызского народа.

Так, как показали находки тамги в каменных стеллах в Хакасии, Туве, Горно-Алтайском показывают существование идентичных родов и племен и их тамги как у народов Южной Сибири, так и в среде кыргызов. Тамги и их ареал распространения содействует познанию и локализации этнокомпонентов кыргызов и народов Саяно-Алтая.

Сходная географическая территория Южной Сибири и Кыргызстана сыграли большую роль в формировании почти идентичного скотоводческого хозяйства с наличием земледелия. Содержание видов скота, форма и время кочевания, система выпаса, формы и традиция ухода за скотом и связанные с ним традиции, верования, названия скотов по годам и многие другие этнические и социальные явления, связанные со скотоводством у кыргызов и народов Южной Сибири имеет очень много схожих черт. Экспедиция лишь раз подтвердила поразительное сходство традиционной пищи кыргызов и народов Южной Сибири. Основу традиционной пищи народов Саяно-Алтая, как и у кыргызов, составляло мясные и молочные продукты, что обусловлено, как мы уже выше указывали, их традиционным хозяйством. Археологические материалы, а также этнографические исследования южносибирских ученых также подтверждают и схожесть одежд и их материалов с традиционными кыргызскими одеждами.

Кроме того, много общего, нежели отличительного, в духовной культуре, прежде всего в устном народном, музыкальном творчестве, фольклоре, эпосах, религиозных верованиях, в особенности, в тотемистических, анимистических представлениях, а также в шаманизме.

Таким образом, изучение этнокультурных и этногенетических параллелей кыргызов и народов Южного Алтая показывает много общих черт как в материальной, так и духовной культурах вышеуказанных народов. Идентичны не только формы ведения хозяйства, но и сами названия предметов хозяйствования. Считаем, что эта проблема требует дальнейшего глубокого изучения.

ТОРЛАНБАЕВА Кенже У.
(Казахстан)

Политические лидеры Второго восточно-тюркского каганата и Большие тюркские памятники Монголии

В конце XIX в. археологические находки в Северной Монголии дополнили историческую науку письменным наследием тюркских племен. Большие надписи на камне, посвященные государственным деятелям Второго восточно-тюркского каганата (681-744 гг.), Тоньюкуку, Кюль-Тегину и Бильге-кагану по праву считаются самым важным открытием.

Появление собственной рунической письменности тюрков — результат развития общества кочевых племен, один из признаков политического и государственного образования. Важное историческое значение приобретает тот факт, что крупнейшие тексты тюрков были высечены «на вечном камне» по приказу высших политических вождей тюркского государства: Тоньюкука и Бильге-кагана. Их идеологические и политические позиции не отразились в текстах надписей.

Как совершенно справедливо отметил А.Н. Бернштам орхонские надписи — «это политический документ не эпохи Бумына (Тумэня), а эпохи Могилян-хана и Кюль-Тегина. На вопрос в чем значение кагана и отвечают разбираемые памятники». Согласно текстологическим исследованиям, надписи Кюль-Тегина и Бильге-кагану — это «две редакции одного текста». Это каганские надписи, провозглашающие позиции тюркских каланов. Замеченная исследователями их политическая тенденциозность отвечала идеологической направленности позиций утверждавшихся отцовско-правовых отношений и тюркской государственности.

Истории Второго восточно-тюркского каганата известна не только политическая позиция Каганских надписей, но и иная. Она отражена и письменно сформулирована в прижизненной надписи на каменной стеле в честь Тоньюкука. Воздвигнутая значительно раньше она являла собой совершенно противоположное видение основ существования тюркского общества, выражала традиции, основывавшиеся на двуединстве: прав каганской (отцовской, род ашина) и катунской (материнской, род ашидэ) сторон в управлении тюркским народом. Тоньюкук был известным представителем племени ашидэ. В 716 году Тоньюкук оказался в опале и был изгнан из каганской ставки. Репрессии и как следствие откочевка тюркских племен неуклонно вела к ослаблению политического значения племени ашина. Поэтому вскоре Бильге-каган возвращает Тоньюкука в качестве советника. Именно эти события 716 года послужили отправными в последующем политическом усилении влияния Тоньюкука и возведении каменной стелы в урочине Баин-Цокто. Рассказывая о своем преимущественном участии во внутренних и внешних военных акциях, Тоньюкук неизменно подчеркивает, что их успех был достигнут только благодаря кагану из ашина и советнику (соправителю) из ашидэ, т.е. *всего народа, от имени которого и выступает Тоньюкук*. Главной идеей надписи была необходимость показать целесообразность и вечность союза ашина и ашидэ как реальной основы существования *тюркского эля*. В памятниках Кюль-Тегина и Бильге-кагану мы не находим и слова о возможном союзе. В трех Больших надписях два дуально-организованных правящих племени отстаивали свои права на власть.

Таким образом, среди других камнеписных источников тюрков эти памятники имеют значимый политический прецедент.

ОРАЗБАЕВА Алтайы И.

(Казахстан)

Сравнительная теория цивилизаций применительно к истории кочевников евразийских степей

Отсутствие в цивилиографии анализа цивилизационного устройства кочевых обществ, её динамики объясняется, на наш взгляд, изначальной ориентацией данной теории на изучение цивилизаций и культур, прежде всего, западных обществ, земледельческих цивилизаций, хотя именно в ней мы впервые находим научное подтверждение несостоятельности европоцентристских тенденций и дихотомичных подходов.

Цивилизационные характеристики традиционного казахского общества способны к выявлению посредством целостного его рассмотрения с локальной цивилизацией кочевников евразийских степей (в дальнейшем чтении ЦКЕС — А.О.), «границами», которой следует понимать не пограничную линию, а контактную полосу её с соседними цивилизациями: на севере — с православно-русским, на юге — с центральноазиатскими (ответвленных от ЦКЕС), на востоке — с китайско-конфуцианской и на западе — восточноевропейскими.

Несмотря на полиэтничность состава насельников евразийских степей, наличия в нем индоевропейской, тюркской, монгольской расово-генетических компонентов, ЦКЕС представляет собой целостный организм, происходившие на её территории историко-этнологические, миграционно-метисационные, демографические и прочие процессы коренным образом не изменили её облика, соответственно, и типологию, так как была сохранена самобытность кочевого образа жизни, под которой следует понимать не только культуру хозяйственной деятельности, но и культуру жизнеобеспечения, соционормативную и духовную культуры.

В подтверждение теоретических заключений цивилиографистов, касательно выделения в локальных цивилизациях «фаз» жизненного цикла, применительно к объекту нашего исследования, вслед за отмечаемым ученым А.И. Мартыновым периодом генезиса кочевничества в данном регионе и постепенным его оформлением в отдельную цивилизацию, необходимо на наш взгляд в продолжение данной периодизации выделить, совпадающие с историческими циклами в её развитии, также тюркского, казахского этапов, в конечном итоге, отражающие «три уровня цивилизационного процесса» в евразийских степях.

В ЦКЕС имеются все без исключения признаки цивилизационной или формационной принадлежности, равные параметрам оседло-земледельческих обществ, но они подчинены несколько иным, внутренним законам: сбалансированности, непринужденности, гармоничности, гибкости её структурных подразделений, вытекающих из принципа традиционного целостного мировоспри-

ятия изначальных базовых элементов цивилизаций: «природа-человек-общество». Примеров такому развитию во взаимосвязи данных константов, структурированных в пространстве и времени можно привести вместе с тем, и из:

√ биосоциальной подсистемы ЦКЕС, где уделялось особое значение воспитанию в человеке почтеного отношения и учтивости к своим истокам, в том числе и окружающей среде;

√ с экономической подсистемы, различимой от остальных типов цивилизаций, сочетанием в ЦКЕС согласно условиям природы трех видов хозяйственной деятельности;

√ а также с её культурно-психологической подсистемы, где веками выработанные идейные ценности кочевников были построены именно на их единстве и незыблемости.

ОМАРОВ Е. С.

(Казахстан)

Казахская цивилизация как часть Евразийской

В докладе Автор, исходя из методологии А. Тойнби, опираясь на новую парадигму знаний, вводит, обосновывает и доказательно аргументирует понятие «Казахская цивилизация». Данная локальная цивилизация, наряду с иранской, арабской, российской и другими, имеет свои историко-временные, пространственно-ландшафтные, культурно-нравственные и психогенетические характеристики, свои источники и движущие силы развития. По мнению Автора, в понятие казахская цивилизация входят «степная», «городская», «земледельческая», «кочевая», «военно-демократическая» цивилизации в соотношении с реальной историей казахского народа, который, по его мнению, имеет намного более древнюю историю, восходящую к древним государствам Евразии. В пользу этой версии говорит этимологическое единство многих ключевых слов и понятий как у древних народов Востока, так и казахов, высокая урбанистическая культура, развитие ремесел, существование довольно зрелых институтов государственности особого синкретического мировоззрения и реального вклада казахского народа в мировую цивилизацию.

КУШКУМБАЕВ Санат
(Казахстан)

Геополитические проблемы транспортных коммуникаций Центральной Азии

1. Известно, что развитость внутренних и доступность международных транспортных артерий являются важнейшими составными частями экономической и политической самостоятельности государства. Для стран Центральной Азии и Кавказа с периода приобретения независимости роль международных транспортных коммуникаций была и остается особо значимой.

Отдаленность от интенсивных мировых транспортных потоков, сравнительная изолированность от южных и восточных соседей из-за неразвитости широкого спектра коммуникаций становятся крупным фактором-ограничителем для развития полномасштабных торгово-экономических и политических взаимосвязей с новыми и потенциальными партнерами.

Транспортная уязвимость усугубляет экономически нестабильную ситуацию в странах Центральной Евразии. Речь идет не только о газо- и нефтепроводах. Их роль, известна и значима. Нерешенными остаются вопросы создания транспортных коридоров, которые бы включали в себя комбинацию разных видов транспорта. В первую очередь железнодорожный транспорт, трубопроводы, сеть шоссейных магистралей и портовых терминалов в приморских странах.

2. Вместе с тем эти проблемы не являются только лишь экономическими. Из-за внутренних противоречий, межгосударственных и политических конфликтов по периметру границ региона эти вопросы становятся геополитически значимыми. Во многом из-за этого уязвимого положения, внутриконтинентальные страны болезненно воспринимают попытки использования транспортных коммуникаций как геополитический инструмент. Вместе с тем, для небольших стран региона чаще всего приходится принимать правила игры, во многом навязанные извне, и геоэкономические интересы приходится совмещать с геополитическими задачами.

3. Если обратиться к истории пространства Центральной Евразии, то фактически значительную часть своей истории эти территории были составной частью (чаще периферийной, изредка центральной) более крупных политических и государственных образований. Если и существовали самостоятельные государства, вскоре они попадали в орбиту влияния крупных империй. Периферийность в торгово-экономическом плане в истории определяла векторы активности политических элит оседлых, или кочевых обществ этого региона.

Учитывая слабый транзитно-транспортный комплекс Центральной Азии, развитие новых коммуникационных направлений на юг и восток, улучшение имеющихся и строительство иных путей на север, и запад, не стоит, на наш взгляд, рассматривать только лишь сквозь призму геополитической борьбы. Этнические, территориальные, религиозные, межгосударственные противоречия и конфликты, соперничество, сопутствующие им недоверие и страх, нередко являются преградами для эффективного взаимодействия, конкуренция и сотрудничество не всегда взаимоисключающие процессы.

4. Региональная и международная безопасность, взаимовыгодные торгово-экономические отношения – стали важнейшими целями вновь образующихся международных организаций. Участие той или иной страны в межгосударственных организациях важно

с точки зрения нейтрализации ряда негативных геополитических факторов, расширения международной транспортно-коммуникационной инфраструктуры и соответственно увеличения ресурсов для стабильности и безопасности.

По нашему мнению, успех интеграции стран региона в мировое сообщество во многом будет обуславливаться успехом международных организаций и проектов, в которых они участвуют – Евразийском экономическом сообществе (ЕвразЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), организации Центрально-Азиатское сотрудничество (ЦАС), Организации региональной интеграции и других. Хотя круг участников этих организаций во многом одинаков, все же, можно предположить, что не все эти структуры окажутся жизнеспособными. Более того, именно пока их аморфность (слабость) и позволяет, на наш взгляд, появляться новым международным проектам и организациям на этом пространстве.

5. Регион Центральной Азии в силу своего геополитического положения, исторически являлся транзитным звеном в системе различных взаимосвязей стран Азии и Европы. Частично это положение сохранилось в начальный период независимости, но в силу ряда международно-экономических, внутри- и внешнеполитических причин темпы вхождения стран Центральной Азии в мировое экономико-политическое пространство замедлились. Известно, что крупным сдерживающим фактором здесь выступает неразвитость транспортно-коммуникационной инфраструктуры, как на национальном, так и на региональном уровнях.

Способность выстроить оптимальную схему межгосударственных транспортных артерий, является важнейшей задачей не только специализированных организаций, агентств, заинтересованных компаний и т.д., но, учитывая региональные особенности, приобретает международно-политический и геоэкономический смысл. Конкурентоспособность стран Центральной Азии, экономическая привлекательность, политические перспективы полноценного взаимодействия государств региона с соседями и в целом с международным сообществом, на наш взгляд, во многом будут определяться именно этим аспектом.

КУМИСБАЕВ У. К.

(Казахстан)

Казахская литература и Восток

Казахская литература и Восток – тема малоизученная в казахской литературоведческой науке, факты влияния еще не полностью освещены. Распространение восточных сюжетов в казахской литературе анализируется недостаточно полно. Наша работа является одной из первых попыток внести посильный вклад в эту область. Обращение казахской поэзии к литературе Востока в большинстве случаев дало положительный результат. Знакомство каза-

хов с образцами восточной словесности обогатило национальную литературу, ибо литературные контакты всегда расширяют границы воспринимающей стороны.

Эпические произведения классиков Востока всегда были достоянием народа и в разных вариантах широко распространялись самим народом. Классификация казахских народных дастанов показывает, что творчество книжных поэтов было тесно связано с пятирицами поэтов Востока. Как мы уже заметили, сюжетами для своих поэм казахские авторы взяли известные предания, легенды Востока и творчески развили их на новой почве. Обращение к иноземной литературе раскрыло новые почвы творческие возможности казахских писателей.

Изучение культурных связей Казахстана с культурами других народов является в настоящее время одной из насущных задач казахского литературоведения. Данная проблематика весьма обширна, мы обратили внимание на неизученные стороны этого вопроса, а именно на казахские и некоторые персидско-арабские литературные связи. Связи казахской литературы с литературами соседних народов, а через них с арабо-персоязычной литературой Ближнего и Среднего Востока остаются актуальной проблемой, которая требует дальнейших специальных углубленных исследований.

Рассмотренные нами факты являются ярким доказательством того, что казахское общество с первой половины XIX века проявляло внимание к литературе восточных народов и сыграло определенную роль в развитии казахской устной и письменной литературы. Переводы, переложения, адаптации, открыли казахскому читателю путь к познанию литературы Востока. Это убедительный пример плодотворности международных литературных связей.

Таким образом, исследование казахских и некоторых персидско-арабских литературных связей проливает новый свет на историю литературных связей тюрко-язычных и ирано-язычных народов. Уважение и глубокий интерес к сокровищам культуры Востока, проявленные казахскими писателями, заслуживают дальнейшего внимания к данной теме.

НАЗИРОВА Н.Н.

(Москва)

Восточная комиссия Московского археологического общества

Во второй половине XIX в. востоковедение в Москве развивалось более успешно, чем в начале столетия. Московская школа востоковедения, хотя и не заняла ведущего места в России, тем не менее она дала науке таких выдающихся ученых, как Ф.Е. Корш, В.Ф. Миллер, В.Ф. Минорский, М.В. Никольский, В.А. Гордлевский, А.Е. Крымский и др. Немногочисленные востоковедные кадры сконцентрировались вокруг Московского Университета и Лазарев-

ского института восточных языков, в которых изучались восточные языки и проводилась научно-педагогическая востоковедная работа. Московское археологическое общество и Российский исторический музей стали археологическим центром Москвы. Успехи московского востоковедения тесно связаны с деятельностью этих учреждений, ученые которых выдвинули тезис о создании научно-объединения востоковедов.

Деятельность Восточной комиссии была сосредоточена на издании памятников восточной археологии и письменности; на изучении и переводах этих памятников; на исследованиях и сообщениях по восточной археологии, истории, литературам; на работах по восточному языкознанию.

КОЖАХМЕТ-УЛЫ К.

О взаимодействии ООН, НАТО и других региональных организаций в борьбе с вызовами XXI века

Мир в наши дни столкнулся с острыми и сложными проблемами. Часть из них имеет долгую историю, как Ближневосточный и Кашмирский конфликты. Из прошлого дошла афганская проблема, правда, в новый "упаковке". Эта в целом спокойная страна превратилась в очаг международной напряженности после свершения там, так называемой народно-демократической революции и вторжения Советской армии в конце 70-х годов XX века. В движение пришли различные внутренние и внешние силы, в конце концов, власть в Афганистане досталась талибам во главе с дремучими муллами. Они не только стали уничтожать величайшие памятники человечества, но и приютили организацию "аль-Каида", которая стала координировать террористические группы и инициировала нападение на американские города. Событие 11 сентября 2001 года, приведшие к гибели нескольких тысяч невинных людей в Нью-Йорке, развеяли ореол "мученичества" террористов, Резолюция Совета Безопасности ООН 1168 (2001 г.) обязала все государства пресекать и предотвращать терроризм.

Серьезной проблемой стала борьба против организованного террора. В мире уже выработалось твердое понимание о необходимости искоренения актов террора и террористических организаций. Об этом имеются авторитетные решения ООН, заявления государств и международных военно-политических объединений. Общественность и властные структуры Республики Казахстан активно поддерживают усилия мирового сообщества, направленные на сплочение антитеррористической коалиции. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), ОБСЕ, НАТО все осуждают террор и принимают действенные меры против актов насилия по отношению к мирному населению.

И все же настало время, когда ООН должна выработать четкие критерии для определения международного терроризма, не допускающих двойственных стандартов. Надо уметь различать и решительно отмечать попытки имперских и шовинистических кругов отдельных государств приклеивать ярлык террористов к силам национального освобождения. Лидеры крупных держав и кое-кто из ученых-политологов считают, что процесс создания национальных государств завершился раз и навсегда, и поэтому выступают за статус-кво нынешнего положения. Но зарождение новых государственных образований, как и ликвидация или распад существующих, имеет объективные основы и никому не удастся изменить это процесс.

В отношении ядерного оружия позиция и НАТО, и ООН пока носит половинчатый, непоследовательный характер. Призывы, договоры, военно-политические меры, такие как в Ираке, не дают полного решения проблемы, пока великие державы снисходительно относятся к ядерному арсеналу Израиля. Надо однозначно заявить, что пока сами ядерные державы продолжают сохранять ядерные арсеналы, даже уповают на них, как на последний довод своего величия и могущества, они не имеют ни политического, ни морального права требовать от других отказа от ОМП. Ни ООН, ни НАТО, ни МАГАТЭ не смогут противостоять процессу расползания атомно-ракетного или биологического, химического или еще других видов оружия массового уничтожения. Ведь не секрет, что военно-технические изыскания расширяются во всех странах. Вот на днях пришло сообщение о возможности создания ядерной бомбы из гафния.

Мы коснулись лишь наиболее серьезных вызовов, которые требуют пристального внимания общественности и правительств и региона и всего мира. Есть и другие животрепещущие проблемы, которые оказывают влияние на обстановку в Центральной Азии. Мир видит, роль НАТО постепенно растет в мировой политике. Ее европейский мундир дополняется восточноевропейскими и кавказско-центрально-азиатскими видами одежды. Одни видят в этом угрозу, ищут противостояние, хотят построить какие-то новые "треугольники", оси. Временами хотят сесть на бронетехнику НАТО и с ее помощью решить свои узкокорыстные цели, пытаются опорочить всех и вся, как исламских террористов или бандитов. Но есть и другие, которые считают, что НАТО расширяет театр действий и свои функции во имя всеобщей безопасности, налаживания мира без террора, без наркотиков, без кровавых диктаторов во имя свободы и демократии.

Мировое сообщество выступает за укрепление роли ООН. Эффективность ее деятельности в будущем во многом будет зависеть от реформирования ее главного органа Совета Безопасности. Безусловно, в его ряды могут быть допущены Япония, Германия, Индия, Бразилия, ЮАР в качестве постоянных членов. Но думается, что авторитет ООН несколько не пострадает, если в Совет Безопасности допустить авторитетные малые государства, как Ватикан, Финляндия, Сингапур, Шри-Ланка в качестве постоянных членов, но без права вето.

Объединенными усилиями ООН, НАТО, ШОС, ОМК и других региональных и международных организаций можно добиться победы над всеми вызовами XXI века и обеспечить устойчивое развитие в мире.

KASSYMZHANOVA A.A.

(Kazakhstan)

Philosophically-aesthetic views of al Farabi

The history and theory of art are undoubtedly included in the circle of interest of outspoken philosopher al Farabi (died in 950). Al Farabi is widely famous in the history of global culture as the author of the encyclopedic collection of works – "The Great Book of Music" (*Kitab al-Musiqa al-Kabir*).

Following the footsteps of Aristotle and Plato, al Farabi focused on poetry and the rhetoric, paying special attention to the different aspects of those arts. He studies Plato's (*Falsafa Aflatun, Talknis Nawamis Aflatun*) view of Art concerning the development of spiritually-religious traditions» and the inclusion of Art in the political science. Al Farabi aesthetic views were, to a great degree, close to Aristotle's even though not entirely. Al Farabi shared the position of Aristotle to determine the poetry and rhetoric as parts of logics. As a representative of Islamic culture, Al Farabi attempted to unite Islamic and ancient traditions in the interpretation of arts.

"The Great Book of Music" ("*Kitab al-Musiqā al-Kabir*") was the study of the theoretical and practical uses of music. He interprets music as a form of knowledge. He underlines that the humans have the specific ability to gain knowledge through music. Al Farabi states that poetry and music are connected with mathematics. His book covered wide analyses of ancient and modern music culture.

In the introductory part of his book Al Farabi outlined the necessity of general principles of particular sciences. According to his view, for music such principles would be: syntax, rhetoric, and poetry. Based on the analogy of these arts, he compared music genres with painting, sculpture and applied arts. Al Farabi, going after the general doctrine of Islam, considered music as an ethical value. As good deeds determine by following the moderate, "median" measure, the music should harmonize human emotions and conditions.

Overall, the Philosophical-aesthetic views of al Farabi are based on the two sources: the antique culture, and Islamic traditions. His interpretation of Arts is connected with his concept of culture and philosophy. According to Al Farabi, culture forms the whole system of knowledge, the main problems of culture are the problems of preservation and transferring of knowledge. He paid special attention to the idea of succession of traditions unto the future generations.

The issues of Arts and Culture were included not only to the special monographs devoted to arts, but in philosophical works of Al Farabi. Overall, the Islamic culture has a global character and covers all

the aspects of life, and the entire material environment. Al Farabi, as a representative of this culture, substantiated the principles of unity and hierarchy, and, unity and variety, which became the basic principles of whole Islamic culture.

Касымжанова А.А

(Казахстан)

Философско-эстетические построение

Абу Насра Аль-Фараби

История и теория искусства, несомненно, входят в круг интересов выдающегося исламского мыслителя Абу Насра аль-Фараби. Аль-Фараби известен в истории мировой культуры как автор энциклопедического сочинения – «Большой книги музыки» («*Китаб ал-Мусика ал-Кабир*»).

В сочинениях аль-Фараби, где затрагиваются эстетические вопросы, прослеживается определенное влияние античной науки. Аль-Фараби, следуя за Платоном и Аристотелем, останавливается на рассмотрении поэзии и риторики, и освещает их методы воздействия. В своих комментариях к Платону Абу Наср обращает свое внимание на постановку греческим философом вопроса о 'взаимосвязи искусства и духовно-религиозных традиций, вовлечения искусства в орбиту платоновского учения о государстве. В трактах, посвященных искусству поэзии» Абу Наср в значительной: мере повторяет взгляды и аргументы Аристотеля. Он ссылается на Стагирита, применяя к анализу поэзии и риторики логический метод. Исходя трактата «Слово о классификации наук» («Ихсо ал-улум»), мы можем считать, что поэзия включена Абу Насром » систему наук как подраздел логики. Перечисляя, вслед за автором «Поэтики» жанры поэзии, аль-Фараби иногда не замечает несоответствия античной культуры нормам исламского искусства.

Но как исламский философ, объединяющий в себе античные и исламские традиции, аль-Фараби достигает новых философских и философско-эстетических вершин. «Большая книга музыки» («Китаб аль-Мусика аль-Кабир») – оригинальный труд, базирующийся на фундаментально изученном практическом и теоретическом материале музыки. Здесь аль-Фараби идет дальше своих предшественников и современников. В этом трактате аль-Фараби при- знает музыку как особую форму познания, проводит мысль о том, что «человек обладает специфической способностью музыкального мышления». Интеллектуальный критерий» выдвигаемый мыслителем по отношению к поэзии и музыке, закрепляется утверждением связи этих искусств с математикой. Трактат отличается широтой охвата древней и современной философу музыкальной культуры. В водной части своего труда аль-Фараби заявляет о необходимости знания общих принципов той или иной науки для теоретика. Такими принципам, по его мнению, являются для музыки принци- пы синтаксиса, риторики и поэзия. Аль-Фараби проводит аналогии музыки с «логосом» и «речью»; ее выразительные возможности по-

зволяют философу сравнивать музыкальные жанры с декоративной живописью, живописью и скульптурой. Аль-Фараби близок к утверждению о музыкальном катарсисе, носящем не только психологический, но и философский характер. Значение музыки несет у аль-Фараби этическую нагрузку. В этом плане философ следует общим принципам ислама, согласно которым добродетели определяются мерой, «серединой», и, следовательно, музыка должна стремиться к гармонизации эмоций и состояния. Эта установка сохраняется в исламе и сегодня.

В целом философско-эстетические построения аль-Фараби восходят к двум источникам: с одной стороны – к линии античной культуры, с другой – к исламским традициям. Взгляды аль-Фараби на искусство соединены с его философией в его концепции культуры. Культура, согласно аль-Фараби, образует единую систему знания, а основные проблемы культуры выступают как проблемы традиций и передачи знаний; это относится к философии, религии, наукам и различным видам деятельности. Идея преемственности традиций нашла о трактате о музыке наиболее полное развитие.

Не меньшую, если не большую роль в развитии художественной культуры ислама сыграли не только труды, посвященные искусству, но метафизика и онтология Абу Насра. Идеи, заложенные в специфических формах исламского искусства, близки картине мира, которая предстает в философских трактатах ученого. В действительности, выдвигаемые аль-Фараби философские принципы входят в систему исламского мировоззрения и мироощущения. «Тотальный характер» ислама усилен созданием неповторимой художественной атмосферы, к которой единство небесной и земной гармонии, охватывают всю материальную среду. Принципы единства и иерархичности, единства и многообразия, которые обоснованы в трудах аль-Фараби, как главы арабо-мусульманской философии, пронизывают все виды и направления искусства ислама.

СУЛТАНАЛИЕВА Auma C.

(Кыргызстан)

Образ России как символ цивилизации в акынской поэзии XIX века.

Трансформация национального мировоззрения ярко представлена в уникальном творчестве акынов, где понятие «акын» трактуется довольно широко: как поэт-мыслитель, чей философско-эстетический заряд находит отклик в душах современников, отражая думы, настроения и чаяния народа.

В духовной жизни киргизского народа акыны играли исключительную роль выступая в качестве историографов. Историю своего народа, его культуру бережно хранили в памяти, в художественно-поэтическом слове, передавая ее своим современникам.

В истории киргизской культуры XIX век – знаменательная эпоха. С процессом вхождения в состав Российской империи на-

ступал период переориентации духовно-культурных ценностей с Востока на Запад. Россия выступала как символ европейской цивилизации.

Акын-заманист Калыгул Бай уулу предупреждал, еще задолго до событий присоединения к России, что потомкам предстоит испытать трудные времена, связанные с кризисом родового кочевья. Он предрекал, что в будущем гласным мерилom в жизни народа станут «бумажные деньги и копейки», а «корова станет денежной мерой». В творчестве акына Арстанбека Буйлаш уулу отражено восприятие перемен произошедших и жизни киргизского народа, с приходом русских крестьян-переселенцев. Критически обрисовывая социальную действительность колониальной окраины, он негативно отзывался о новых формах управления, устанавливаемых царской административной бюрократией.

Молдо Кылыч Шамырканов, подобно Калыгулу и Арстанбеку, скорбит о разрушении феодально-патриархальных и родовых устоев, но корень зла видит не в изменении общественной жизни, а в утере нравственности и духовности. Он положительно говорит о преимуществе социальной жизни русских переселенцев-крестьян, чиновников, ремесленников, торговцев. Он наставляет своих современников перенимать культуру земледелия, овладевать ремеслами, повышать свой культурный уровень, учась у русских переселенцев.

Своеобразным «окном в Европу» послужил факт вхождения Кыргызстана в состав России. Процесс приобщения киргизского общества к западной цивилизации носил прогрессивный характер, так как способствовал дальнейшему экономическому и культурному развитию киргизского народа. Формирование новых общественных отношений протекало сложно, отличалось большими противоречиями, которые отразились в творчестве акынов-заманистов XIX века.

BERADZE Grigol

(Georgia)

A Western-Georgian royal seal of the late seventeenth century with a trilingual inscription

The paper deals with a rare and hitherto unpublished specimen of Georgian sphragistics. Namely, it discusses a 'trilingual' seal (seal-matrix) of Aleksandre IV (1683-90, 1691-95), King of Imereti (Western Georgia), preserved in the S Janashia State Museum of Georgia in Tbilisi. The object under discussion is a double-sided gem in white opaque chalcedony consisting of a round basic body with a small five-cornered 'superstructure' (dimensions of the gem: 47x40x1.5 mm). Both sides are adorned with bilingual inscriptions, the obverse bearing Persian and Georgian legends, and the reverse Arabic and Persian ones; but proceeding from the total inscribed area of both sides (obverse plus reverse), this object can be defined as 'trilingual', on the whole.

The obverse's central field is engraved with a six-line Persian legend, surrounded by two concentric circles. The legend contains the names of the owner of the seal and his father, King Bagrat IV (1660, 1663-81); then follows a date expressed by four Arabic figures (1097), apparently indicating the year of the making of the seal in Muslim chronology (1097 A.H./1685-86 A.D.). The area around the above central legend is occupied by a rhymed Georgian inscription, which reads: "*Ch(rist). Aleksandre God's slave is son of King Bagrat*". As to the reverse side, the Arabic legend (linear, in six lines) covers almost the whole of the inscribed field, being - which is particularly noteworthy - purely Christian in its content and spirit. The text begins with a praise offered to the Trinity ("*Glory be to the Father and the Son and the Holy Spirit*") and ends with mentioning the seal's owner. The Persian legend occupies the place along the seal's very border, surrounding the Arabic inscription from below and from both lateral sides. It contains the declaration that "*Aleksandre Khan*" (i.e. King Aleksandre IV) is one of the descendants of the "*Prophets Dawud and Sulayman*" (a reverberation of the widely-known legendary tradition about the genealogical link of the Georgian royal dynasty of Bagrationi with the Biblical kings David and Solomon, which occurs not infrequently on Eastern- and Western-Georgian royal seals until the early nineteenth century).

For the time being, the 'trilingual' seal of King Aleksandre IV of Imereti is the only surviving royal seal (seal-matrix) from Western Georgia as well as the only extant Georgian royal seal bearing a trilingual inscription. All other available Georgian royal seals with bilingual, trilingual, or multilingual legends are known to us exclusively from their impressions (seal-stamps) on historical documents and letters. The object in question is also the only known Georgian seal inscribed with a Christian religious formula in Arabic language, expressing reverence paid to Holy Trinity. And finally, the 'trilingual' seal of King Aleksandre IV is, in general, a fairly obvious example of the 'sphragistic repercussion' of the much complicated political conditions and the intricate religious-ideological, sociocultural, and linguistic situation in Georgia (particularly, in the Kingdom of Imereti) at the end of the seventeenth century.

DOROTHEA Frey-Burghardt
(Germany)

**Culture must return into day-to-day's life
(including politics) without delay to save civilisation.**

Revival of "PAX CULTURA" is a must!

Besides the unbearable killing of many thousands of human beings in warlike actions due to the worldwide unpeaceful situation, mankind also suffers from the irreplaceable loss of cultural treasures, which are the roots and results of a national identity. The destruction of cultural treasures leads also to degeneration, decline, and weakening of the individual and his "inner" spiritual striving and to inhuman

and inethical behaviour, too. All past and present cultures are connected with each other, have common roots and form a network of mutual stimulation and inspiration. Damages in one part of it have a negative effect on the entire rest of it.

Considering the degenerative worldwide process at the beginning of the 20th century (World War I etc.), a high level dialogue started in the thirties in a global dimension, also strongly supported by USA, India, the Baltic and other nations. The result of dialogue was the "PAX CULTURA" (1935), (CULTURAL PACT, also named: "Roerich-Pact" after its spiritual father.) All processes with the aim to bring cultural/ethical, balancing and harmonizing energies (ideas and initiatives) into the social-political arena were cut off totally in 1939, followed by a further declining process in all cultural-social dimensions globally - until today. Intercultural dialogue and cooperation therefore must be "renewed" at least to the minimum of the above pact of 1935 to initiate and organise on a worldwide level a process, in which all sciences and culture (religion, philosophy) cooperate with politics/industry and commerce to promote a reduction of the multitude of negative processes and to increase in every possible way worldwide harmony (peace) and wealth.

The USA, India and other countries already started in 1935 to do so, at least on paper. The minimal aim for everyone to be achieved today is a reconfirmation of the "PAX CULTURA". This should be accompanied by a powerful appeal to the leaders of the world to identify themselves with its high ethical contents and follow it in their political actions. The science of "Oriental Studies", too, will only have a future if embedded in a thriving and peaceful world...

AUGUSTAT Willy
(Austria)

**Culture - an „abstract“ dimension -
or the synthesis of all science?**

The history of culture - no matter in what ethnical environment - clearly documents that high cultures could only grow on the basis of a living unity between spirituality, religion and philosophy on the one hand and materialism (or science and civilization) on the other, with spirituality or culture being in a more or less leading position. The reasons for disappearing of high cultures in the past is also very clear: people acted against the unity of culture and civilization.

Today, civilization dominates and specifies life in general, especially in the area of technical and economical requirements and equally strong in the political field, by defining values and targets matching solely with its own purposes. Cultural degeneration, however, leads to selfdestruction of civilization.

Those scientists who analyze cultural history with respect to causal processes, i.e. basic elements leading to evolutionary resp. in-

volutionary reactions, will have to transport this knowledge to mankind, even to materialists, since peace and harmony can only start to prevail based on increased knowledge in all major spheres.

It is our conviction that the orientalist of the world play an important role in this respect in order to provide „culture“ with a strong vote again – to help civilization to gain back cultural and ethical fundaments for a better future, without „side effects“. Orientalists – having the knowledge of cultural highs and lows in the past – should contribute strongly to a stabilization of quality in both social and political actions.

Since scientists alone have access to any new or higher knowledge, their ethical acting will be decisive in principle; it will be the basis for the quality of mankind's, of the planet's future in harmony in an evolutionary, spiritual/social and biological sense. Therefore, the discovery of Ethics as the main factor for a sound social and evolutionary fundament in our modern-day society will be the primary basis for a better future as long as it is considered in all our actions and areas of life – as a motor of our survival instinct and result of our common sense – or reason on a higher level.

Culture – a bridge and balancing means between spiritual-religious and scientific contradictions in modern-day society!

FANKHAUSER Erich

(Switzerland)

Spirituality and Culture – Evolution and Science

Given the fact that the „past“ was almost totally controlled (partially even in a dictatorship) through culture (namely by religion or spirituality), we face an almost absolute freedom in all actions today, especially with respect to anything based on economical or (pseudo)-scientific grounds. However The results of any scientific findings and their integration into life require the consideration of spirituality – with respect to their ethical motivation and cultural as well as social/sociological tolerability including the understanding of both: natural, but also spiritual laws.

The process of mankind's cultural awareness is based on knowledge gathered through centuries and millenniums in all races and cultures. The spiritual thread of evolutionary development becomes more and more visible – a process superior to our planet and to mankind. It is true that EVOLUTION is accepted as a fact in the meantime, though one is still not sure whether this evolutionary thread should be considered as „creative“ or „by chance“, of spiritual or material nature. Owing to the large progress in the analytical sciences, even the finest, smallest and miniature dimensions have been penetrated so that the „matter“ left for analyzation is almost nought and it becomes harder and harder to differentiate between spirit and matter.

Even though only halfway understood today, this development will have to be seen as complementary, as synthesis, already tomorrow. The analytical separation of spirit and matter surely is a development of modern times or better: of our present time. Its peak is already behind us and the process hurries to the concrete spiritual dimensions – however, under consideration of the material and elementary level of manifestation.

Orientalists as representatives of a complete view of the past in the sense of synthesis, will have to accept the challenge to fully support the unity of science and of all scientists. The task is to bridge the gap and the unscientific contradictions between „religion“ and „science“ – between „believers“ and „non-believers“. What is needed? The **recognition of causality** existing between the spiritual and the material dimensions. The field of biophysics and quantum physics and other disciplines have already taken this direction.

Cultural awareness, an absolutely ethical and tolerant attitude and a scientifically open mind will combine our common efforts towards this target.

GUNDI Liehr

(Germany)

Spirituality/Culture – Civilization. The dimension of duality, bi-polarity in the unity of spirit and matter leading to: spirit in matter

The degeneration over the past millenniums (millennia) in the area of evolutionary and religious understanding has led to a widely unscientific and unrealistic separation of spirit and matter. This development generated a complete gap in the West of natural science and spiritual science leading to social separations, revolutions and wars. When some ideologically based directions rightly moved against confessional excesses, they mixed up this negative development with „religion“ and, therefore, hit the wrong direction – judged from a „scientific“ view, since „church“ or „confessions“ do not necessarily correspond to religious views; therefore, a differentiation between religious „science“ and church-mystical or church-political purposes is absolutely required. The same wrong thinking can be observed with those „materialists“ who show an unscientific emotional attitude towards all spiritual realities and refuse such facts.

The understanding of objectively proven realities, however, of the energetically „smallest“ to the „largest“ – including all cultural social structures with their pertaining energies – is an absolute MUST for an improved approach to culture.

Even though a large amount of energies in micro- as well as macrocosm has been widely investigated and all kinds of currents and radiations dominate the technologies of our today's civilization,

the domain of those energies moving and motivating man in his inside with respect to ideological or spiritual views, forming the basis for his striving and performance – both in quantity and quality – have not experienced the same scientific attention so that terms like „psychic energy“ or Chi or similar provide for a poor scientific basis until now. In our present days, it was only the German psychologist C.G. Jung who started opening this dimension from a scientific point of view, although this energetic area forms the main part of all high cultural development – in form of religion or ideology – and at the same time is the property of all creativity and expression of art in all its forms.

АБАЕВА Л.Л.

(Улан-Удэ)

Этноинтегрирующий феномен буддийской культуры в структуре кочевых традиций монгольских народов

Буддийская религиозная культура для кочевой цивилизации монгольской межэтнической общности в разные хронологические периоды, особенно в начале адаптации, была все же инновационной в системе этнокультурных традиций этой общности. И здесь возникает вопрос, какова должна быть специфика этнокультурных традиций (вместе с хозяйственно-культурными особенностями, социальными, политическими и религиозными аспектами, составляющими единую картину мироощущения и мировосприятия монгольских народов), чтобы по истечении определенного времени эта новая для кочевников религиозная культура, как в доктринальном, так и в ритуальном смыслах, стала восприниматься и декларироваться как традиционная для всей этнической территории. Когда инновация, вплетаясь в традиционную этнокультурную среду становится традицией?!

Монгольские народы, населяющие регион Центральной Азии, воспринимали ареал своего обитания как некую сакральную территорию с культом Вечного Синего Неба, небесных планет и светил, Млечного пути, Полярной звезды, Земли со всеми возможными «хозяевами» местностей, гор, пещер и деревьев. Однако весь этот огромный пантеон органично инкорпорируется буддийской религиозной системой, создав особую единую этноконфессиональную культуру региона.

Более того, письменные источники монгольских народов, в том числе генеалогические родословные фиксируют адаптацию буддийских этических и ритуальных норм.

Этнокультурный анклава монгольских этносов, воспринявших буддийскую религиозную культуру, несомненно имеет общие специфические черты с тибетской этнической традицией, чьи архаичные добуддийские религиозные обряды и ритуалы были практически идентичными.

Феномен адаптации инновационной системы буддийской культуры, в наше время считающийся традиционным для всего ареала Центральной Азии, указывает, возможно, на то, что этносы – насельники этого региона были практически готовы воспринять и закрепить новую религиозную систему в своих этнокультурных символах.

Феноменальным является также и то, что монгольская мета-этническая общность на этом этапе своего развития интегрировалась уже в рамках буддийской культуры, восприняв не только буддийскую обрядовую и культовую практики, но и всю ее доктринально-философскую систему, органично внося в их канву и добуддийские религиозные знания и практики.

Феномен буддийской культуры в структуре кочевых традиций монгольских народов, естественно, имеет свои этнодифференцирующие аспекты, но несомненны и его этноинтегрирующие функции. Этноконфессиональная культура монгольских этносов на протяжении уже многих веков практически не может представить себя вне буддийской религиозной традиции.

Этноинтегрирующий фактор буддийской культуры четко фиксируется также в его антропоцентристской, метаэтнической, универсальной направленности, духовной гармонии, нравственном самосовершенствовании, милосердии, сострадании, четкой иерархии будд и бодхисатв и всего буддийского пантеона во главе с Буддой, тогда как в дошаманской и шаманской культурах присутствуют этнодифференцирующие тенденции, будирующие трайбалистские начала, политеизм с многочисленными жертвоприношениями, различающимися внутри монгольского суперэтноса по родам и племенам и строгой функцией шамана как медиатора между миром людей и тенгриев различного ранга.

Этноконсолидирующая и интегрирующая роль суданских основ и принципов особенно ярко выражена в той высокой степени толерантности по отношению к шаманским и неошаманским традициям, имеющим место быть и возрождаться в современный период среди монгольских этносов.

АЛЕКСЕЕВ А.К.

(Санкт-Петербург)

Некоторые замечания
к истории Аштарханидов
Средней Азии

История Аштарханидов (1601–1785), потомков тринадцатого сына Джучи Тукай-Тимура, к настоящему времени является в общих чертах установленной. Большой вклад в ее изучение внесли академик В.В. Бартольд, проф. А.А. Семенов, проф. Т.И. Султанов, проф. О.Ф. Акимушкин и др. отечественные и зарубежные ориенталисты.

Определенной более углубленной проработки требуют сюжеты ранней истории Аштарханидов в Средней Азии, Хорасане, Северном Афганистане и Мавераннахре, особенно вопросы, связанные с обстоятельствами переселения данной династии из районов Нижнего Поволжья и п-ва Мангизлак в Среднюю Азию. Данные аспекты практически не рассматривались в контексте политической истории Туркестана. Это обстоятельство объясняется скудными сведениями нарративных источников. Единственным историческим сочинением, которое затрагивает обозначенные сюжеты, является труд придворного историографа Надир-Мухаммада-хана (правитель Балха в 1611 – 1642; верховный хан Бухары в 1642 – 1645 гг.) Махмуда б. Амира Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» (Море тайн относительно лиц благородных), составленный в середине XVII в. Поскольку сведения Махмуда б. Вали относительно указанных событий уникальны, проверить их при помощи сопоставительного анализа с иными сочинениями среднеазиатских и иранских историографов XVII – XVIII вв. не представляется возможным.

В весьма общем виде они сводятся к следующему:

- 1) Переселение Аштарханидов (Мангизлак-хана и Йар-Мухаммад-хана) из Нижнего Поволжья и Астрахани в Среднюю Азию имело место значительно ранее захвата данного региона русскими войсками Ивана Грозного;
- 2) Переселенцы-Аштарханиды очень быстро были инкорпорированы в местную систему политических отношений, установив тесные контакты с Тимуридами, в частности с Мирха Хусайном Байкарой, а затем, после смены Тимуридов Шибанидами, укрепили свои связи с последними путем династических браков;
- 3) Установление более близких родственных отношений между двумя кланами Джучидов (Аштарханидов и Шибанидов) имело место значительно ранее хорошо известного эпизода, связанного с заключением брака между сыном Аштарханида Йар-Мухаммад-ханом Дин Мухаммадом и Зухра-бигим, дочерью Шибанида Искандар-Хана и сестрой знаменитого Абдаллаха II.
- 4) Во время завоевательных походов Шибанидов Абдаллаха II и Абд ал-Му'мина в Хорасан Аштарханидам удалось создать небольшое вассальное от Бухары государство в Хорасане с центрами в Бахарзе и Туне.

АЛЕКСЕЕВ Н.А.

(Новосибирск),

ПЕТРОВА С.И.

(Якутск)

Шерпы глазами якутов¹

В 2003 г. А.В.Федорова – председатель правления Межрегионального общественного фонда Лена – Евразия, организовала поездку в Непал к шерпам с целью сбора этнографических материалов.

Шерпы используют в домах открытый огонь без дымохода. Это наблюдение напоминает предания якутов о предках, которые не знали дымохода и дым из домов выносили в кожаных сумах.

Шерпы содержат скот – яков, коров и их помеси. Им свойственна вертикальная кочевка. Такой тип скотоводства свойственен тувинцам и бурятам, осваивающим высокогорье. Сопоставление этого типа скотоводства с якутским говорит о том, что в его основе лежит опыт освоения скотоводами экстремальных высокогорных зон Азии.

Из фольклорных записей вызвали интерес записи легенд, преданий и сказок шерпов.

Мы записывали шерпские народные песни и танцы. Удалось выявить, что у шерпов группы девушек и юношей собираются вместе и по очереди поют шуточные песни друг о друге. Эта традиция очень близка к обычаю хакасских юношей и девушек исполнять тахпахи – юмористические песни друг о друге.

Прямые аналогии прослеживаются в рассказах о снежном человеке (йети). Шерпы представляют их как сильных, высоких, покрытых шерстью существ, похожих на людей. Йети не знают огня, живут в пещерах и питаются сырым мясом. Эти представления полностью совпадают с описанием снежного человека, зафиксированного у якутов и эвенков, живущих в горно-таежной зоне Северо-Востока Якутии.

Определенный интерес представляют, видимо, наши наблюдения современного быта шерпов, развития образования, деятельности монастырей и буддийских монахов, влияния туризма на традиционную культуру шерпов и т.п.

¹ Исследование осуществлено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ № НШ-2289.2003.6.

АМИРОВ Р.К.

(Уфа)

Межвузовский научно-образовательный центр «Евразийский проект»

На этапе напряженных поисков путей и способов выхода из межцивилизационного кризиса и стратегии гуманистического развития в новом тысячелетии научная мысль вновь обратилась к идее евразийства – конвергенции западных и восточных культурно-экологических и социально-философских тенденций.

Принимая и отвергая ту или иную точку зрения на евразийство, необходимо, в первую очередь, учесть, что а) в геополитическом положении Россия исторически является сложившимся евразийским государством; б) важнейшим инструментом преодоления накопившихся негативных процессов в социальной жизни в усло-

виях полиэтнического, поликультурного общества является обновленная в соответствии с парадигмами евразийства система образования. Изучение различных аспектов социально-гуманитарной парадигмы евразийства является органической частью научно-исследовательской деятельности межвузовского образовательного центра при Башкирском государственном педагогическом университете – МНОЦ «Евразийский проект». Участники проекта исходят из того, что «современное “евразийство” в научном плане не есть реанимация теоретических постулатов “первых евразийцев”, а разрабатывающийся, формирующийся взгляд на историю культуры народов на евразийском пространстве, стремление глубже понять сходство и различие в их культуре и менталитете» (Р.Г. Кузеев. Евразийство: иллюзия и реальность Вестник АН РБ. 1988, № 3, с. 75).

Предложенная для реализации в концепции МНОЦ «Евразийский проект» реконструкция и анализ современного состояния взаимосвязи региональной специфики и этнических особенностей материальной и духовной культуры могут и должны дать картину истории, перспектив формирования и функционирования ментальности евразийского человека. В этом смысле культура и история Поволжья и Урала, как и этот историко-культурный регион, историко-этнографическая область могут служить общей моделью российской Евразии в целом.

Необходимо подчеркнуть и следующий момент. Концептуальной основой «Доктрины национального образования РФ» общегуманитарных и социально-экономического блоков государственно-образовательного стандарта высшего профессионального образования является идея личности как субъекта учебного процесса, интеграция, а не конфронтация в истолковании фактов истории и современности. Сквозной идеей аннотаций стандарта по этим дисциплинам является взаимодействие восточного и западного типов культур (Руси и Орды), экономики и социальных отношений, философия взаимодействия цивилизаций, социальные взаимодействия и социальные отношения и т.д.

Преимущества педагогического университета заключаются, во-первых, в наличии структурированного сообщества высококвалифицированных специалистов, исследующих проблему евразийства с различных сторон и аспектов (философских, социологических, исторических, филологических, педагогических, психологических), во-вторых, в возможности включить научные исследования в учебную и научно-исследовательскую деятельность студентов, аспирантов, докторантов, стажеров с привлечением не только региона, но и всей России и СНГ.

Наличие в педуниверситете богатой библиотеки, сети Интернет, материальной базы позволяют проводить исследования не только в теоретическом аспекте, но и в практических формах различных полевых экспедиций (исторических, лингвистических, педагогических, психологических, социологических, политологических, философских, этнографических, антропологических, генетических и т.д.).

В 1994 г. Башгоспедуниверситетом осуществлена подготовка и издание коллективной монографии – учебного пособия «Очерки по культуре народов Башкортостана».

Совместно с Центром этнологических исследований УНЦ РАН, АН РБ, кафедры БГПУ выступили организатором и участником проведенных в г. Уфе международных, российских и республиканских конференций, на которых поднимались и обсуждались аспекты евразийской проблематики. Кроме того, при кафедре литературы Башкирского государственного педагогического университета работает научно-методологический семинар «Евразия: развитие историко-общественной и художественной мысли». Сотрудники кафедры литературы также инициировали дискуссию по проблемам евразийства в научной периодике Республики Башкортостан (Вестник АН РБ, 1977, № 2, т. 2. Вестник АН РБ, 1998, № 3, т. 3, «Истоки», 1997, № 38).

Итоги и выводы исследования проблемы вошли в публикации по итогам конференций, а также в коллективные сборники статей и монографические исследования.

АМОГОЛОНОВА Д.Д.

(Улан-Удэ)

Идеал царской власти и ее реальное воплощение в ведийской Индии

Формирование государства в арийской Индии во многом отличалось от любой другой цивилизации, что было обусловлено условиями сосуществования с неарийским субстратом. При этом властная иерархия, хотя и сохраняла архаические черты, менялась в функционально-семантическом аспекте. Особо это касается института царской власти. *Ganapati* (племенной вождь) и *rāja* (царь) находятся в таком же соотношении как *gana* (племя, союз родов, а также, на наш взгляд, племенная территория) и *rājya* (царство, государство). Главной функцией *ganapati* являлась военная деятельность, поскольку *gana* в период арийского освоения Индии характеризовалась экстенсивностью. По мере захвата территорий соперничество все более приобретает черты внутриарийских конфликтов и заставляет большее внимание уделять сохранению уже завоеванной территории, населенной неариями. В этот период происходит функциональное изменение позиции *ganapati*, в функции которого неминуемо начинают входить не только военные полномочия. Объединение племен (*ган*) вызывает необходимость наделения бывшего вождя новым титулом, маркирующим принципиальное изменение статуса. Такое изменение не означало, однако, качественной трансформации: «власть царя была ограничена советом» /Елизаренкова, 1999, с. 448/. Возможно даже, что роль советов и народных собраний усиливается с ростом необходимо-

сти создания бюрократического аппарата. Для понимания функций и полномочий народного собрания необходимо выяснить различия между терминами, которые переводятся на русский язык как «собрание». Возможно, каждая из предполагаемых трактовок (хронологическая и функциональная) справедлива. Мы, со своей стороны, предлагаем учесть, что эти формы народного собрания, возможно, существовали у различных племен (gana), по мере же их сближения и объединения сохранились в языке в качестве синонимов. При таком подходе не будет возникать необходимости множественного толкования терминов, вызванного их многообразием, а больше внимания будет уделяться собственно проблемам эволюции управления в Древней Индии от вождества до монархической наследственной власти и вопросу о возникновении, сакрализации и функциях царской светской власти в Древней Индии. Для ответа на этот вопрос недостаточны данные по реальной истории ариев в Индии ведийского периода. Более того, крайне неразвитый уровень хозяйствования, отсутствие позитивных контактов с родственными и неродственными племенами – все это подразумевает отрицательный ответ на вопрос о существовании в древней Индии государственных структур и способа управления, отличных от варновой системы иерархии. Между тем, памятники культуры дают нам достоверные подтверждения существования законов, правил, обрядов, связанных с государственной (царской) властью. В этой связи появляются некоторые идеи, касающиеся возникновения сакральных характеристик царской власти *a priori*, задолго до ее реального появления. Например, Р.Н.Дандекар предполагает, что герой-вождь Индра позднее был причислен к сонму богов и даже стал их предводителем /Дандекар, 2002, с.32/. Подобная эвгемеризация в действительности представляется неубедительной. Однако, если мы не станем настаивать на историчности этого персонажа, а воспримем его как собирательный образ военного предводителя – земного аналога Варуны, то подойдем к решению нашей проблемы. В самом деле, нетрудно провести аналогию между космическим миропорядком (мироустройством) *рита* и более поздней *дхармой*, причем в последней сохраняется исходная позиция, связанная с ее охранением посредством лица, наделенного особыми полномочиями. Идея неразрывности Неба и Земли, космического устройства и земного порядка априорно дала радже права и функции, которые первоначально носили умозрительный идеальный характер, ибо не соответствовали уровню развития общественных отношений.

Литература

- Дандекар, 2002 – Р.Н. Дандекар. От Вед к индуизму.
М. Елизаренкова, 1999 – Т.Я. Елизаренкова. Ригведа – великое начало // Ригведа, мандалы I-IV, М.

АРХИПОВ А.Ю.

(Ростов-на-Дону)

Глобализация и многополярность
в мирохозяйственных связях

Наиболее существенной, всеобъемлющей характеристикой современного мирового развития стала глобализация, определяющая изменения в экономических, финансовых, политических, социальных отношениях, проявляющаяся во все более развивающейся тенденции к формированию единого, общепланетарного рынка товаров, капиталов и услуг, усилении взаимосвязей, взаимозависимости мирового сообщества, в экономическом сближении, объединении отдельных стран в единый международный хозяйственный комплекс.

Развитию процессов глобализации способствовало качественно новое развитие транспортных, информационно-коммуникационных систем, идей и практики открытости экономик, свободного предпринимательства, дерегулирования, приватизации. Условием и выражением глобализации стала все увеличивающаяся роль транснациональных корпораций, контролирующих в настоящее время значительную часть мирового производства и торговли, ведущих к объединительным процессам в мировом хозяйстве на микроуровне, и развитие региональных и международных государственных и неправительственных организаций, обеспечивающих эти процессы на макро- и мегауровнях.

Глобализация – весьма противоречивый процесс. Способствуя расширению обменов товарами, технологиями, движению капиталов, информации, рабочей силы, создавая возможности для использования достижений современного научно-технического прогресса, экономического развития, хоть далеко не всегда реализуемые, она сопровождается гипертрофией мирового валютно-финансового сектора, все более расходящегося с потребностями и нуждами развития реальной экономики, укрепляет лидирующее положение развитых стран, дает им дополнительные преимущества, закрепляет и увеличивает разрыв между богатыми и бедными странами. У наиболее развитых стран появляется все больше возможностей и соблазнов управлять миром по-своему, навязывая другим собственные представления и ценности.

Не случайно, поэтому, настороженное отношение к глобализационным процессам в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, в том числе Азии, Северной Африке, России. Некоторые из этих стран пытаются выработать политику, способную противостоять вызовам современной глобализации, предотвратить негативные проявления и возможные последствия этого процесса. Это – защита национальных производителей, государственное стимулирование экспорта, импортозамещения в отраслях, где это экономически целесообразно и, соответственно, взвешенное регулирование импорта.

В современном мире формируются новые экономические центры: значительный рывок в развитии совершили Китай, Индия, новые индустриальные страны. Есть возможности вновь превратиться в один из полюсов мирового экономического развития у России. Представляется, что глобализация в перспективе может и должна быть не однополярной, как в настоящее время, а многополярной.

Глобализация, способствуя идентификации экономических механизмов, усилению взаимосвязей, взаимозависимости стран мира, не должна вести к сокращению культурного, цивилизационного разнообразия. В противном случае неизбежно сокращение многообразия лучших проявлений культуры народов, обеднение человечества, и как следствие – его возможностей в будущем.

БАКАЕВА Э.П.

(Элиста)

К проблеме семантики круга в кочевом жилище¹

В исследованиях встречается тезис о сопряженности оседлого образа жизни населения с концентрическим (статическим) способом освоения пространства, а кочевого образа жизни – с линейным (динамическим) способом освоения находящегося за пределами жилища пространства. По мнению монголоведов, в культуре монголов сочетаются оба принципа: концентрический – пока юрта находится на временной стоянке, и линейный – в процессе перекочевки².

Калмыцкий материал показывает, что система кочевков осмысливается в терминах кругового типа движения, являющегося разновидностью концентрического. Правильное движение – движение по кругу (зöv), т.е. по направлению движения солнца, оно имеет характеристику вертикального, завершение круга маркируется терминами «дорагшулх, эргх» (спуститься, кружиться, в смысле возвратиться). «Неправильное» движение, не характерное для системы кочевков, связанное с поездкой в чужие (иноэтнические, в фольклоре – враждебные) края, характеризуется линейным движением. С термином «хаалһ» (дорога, путь) в прошлом в монгольской культуре связывалось значение «дверь», что свидетельствует как о взаимосвязи единственного выхода в мир окружающий (не «верхний», куда ведет круг верхний кибитки) с дорогой, так и сопряженности с круговым движением, завершающимся в кочевом жилище при закрытой двери (хааһул – дверка³, «хаах» – закрывать, «хаалһн» – закрытие, «хаалһата» – «закрытый, затворенный»⁴). Интересно представляют последние термины, вероятно, указывающие на семантическую взаимосвязь понятия «замкнутый, закрытый» с круговым движением.

Символика замкнутого круга в кочевом жилище предполагает движение справа налево (в европейских понятиях – слева на-

право), причем дальняя сторона является почетной сакральной, а ближняя – профанной. Круг неполный – символ нарушения порядка (к примеру, в свадебном ритуале полукруг, составленный из гостей, символизирует незавершенность обрядов, а внешние круги гостей, окружающие полукруг, являются знаками защиты, установленной членами родового сообщества. Полный круг обладает также характеристикой наличия двух начал – мужского и женского, причем правая (западная при сакрализации полуденного солнца и юга) сторона является мужской. Каноническое структурирование пространства круга кибитки включает правила расположения как в повседневной, так и в ритуальной жизни. Так, в церемонии вручения грамоты на ханство, посланной Далай-ламой Церен-Дондуку, на самом почетном месте, под балдахином, восседал сам хан. Справа от него располагался Шакур-лама (глава буддистов), а слева – последовательно мать хана, вдова Аюки хана, Дарма Бала, затем ханша Деджит, далее невестка хана (жена брата)⁵. В церемонии оглашения указа царицы Елизаветы на главном месте располагался Дондук-Даши, справа от него – астраханский губернатор, асессор В.М.Бакунин и другие чиновники, а слева – калмыцкие князья (нойоны и зайсанги) и их дети⁶. Таким образом, в канонической ситуации (присутствие представителей этнической среды) левая часть круга связывается с женской стороной, в неканонической (наличие чиновников царской администрации) присутствие женщин, как видим, могло исключаться.

При сохранении деления на правую и левую, почетную и обыденную части кибитки прослеживаются в ритуалах знаковые нарушения порядка. Так, в юрте во время свадебного обряда женщины с женской, левой стороны, могли занять место в глубине, а следовательно, почетнее, чем представители иного рода – мужчины (т.е. гости).

¹ При поддержке РГНФ (проект № 02-01000381а).

² Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. М.: Восточная литература, 2002. С.25.

³ Жижон Э.-Б. «Үгин эрк» кемон оршв. Элст., 1995.

⁴ Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык. 1977. С.560.

⁵ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995. С.139.

⁶ НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Ед.хр. 307. С.537.

БАЗАРОВ Б.В.

(Улан-Удэ)

Монголоязычные народы:

своеобразие контактных геополитических з

Опыт взаимодействия народов, стран и государств нарастает с каждым новым эпизодом и поэтому законченной формулы развития и взаимодействия стран и народов в процессе мировой глобализации пока еще не может быть.

Биполярный мир окончательно распался, а новый многополюсный мир находится в порядке формирования. Его дальнейшее развитие может в принципе исключить сохранение или создание какого-либо одного государства в качестве супердержавы. Этот мир предполагает национально-государственный, расово-этнический, социально-экономический, социокультурный, религиозный, политический и иные формы плюрализма. И только это может стать настоящей основой глобализации.

Это заметно на примере рубежных регионов, примыкающих или лежащих близко к зонам взаимодействия глобальных политических сил. Позвольте более подробно проанализировать на примере монголоязычной группы населения Центрально-Восточной Азии. Сама государственность монгольских народов в разных формах суверенизации стала результатом сложнейшего геополитического расклада в Центральной Азии и целеустремленности в борьбе за свои права больших составляющих групп монголов. Монгольские народы со всеми суверенными правами стали своеобразным буфером во взаимоотношениях великих держав, прежде всего СССР и Китая, в Центрально-Восточной Азии, а внутренняя автономия – своеобразным форпостом в международных отношениях. Каждая из великих стран, прежде чем войти в монгольское пространство, должна была задуматься о новых формах и предлагаемых моделях развития сопредельных территорий. Любое политическое укрепление какой-либо страны в Монголии резко негативно воспринималось политическим оппонентом. Ввиду этого модели культурно-исторического развития приобрели исключительную ценность.

Для выравнивания развития монгольских народов большое значение имел весь послевоенный период, включая так называемую «перестройку». Несмотря на драматические разногласия СССР и Китая, обращает на себя внимание факт типологически сходной политической системы, идеологических установок, а ввиду этого сходной модели профессиональной науки, культуры и образования. При этом подавляющее большинство вариантов развития, экспериментов падало на внутренние автономии, после чего они в апробированной форме проводились на монгольской территории. Ни одна страна не возражала против структуры, содержания и механизмов развития новой культуры и цивилизации, была только борьба за влияние, политические интересы. Результатом явилось то обстоятельство, что внутренняя способность и восприимчивость бывших центральноазиатских кочевых сообществ к культуре, знаниям, помноженные на стремление народов и племен к прогрессу, получили мощный импульс, движение, которое привело монгольские народы к выравниванию цивилизационного развития. Добавим, что это обстоятельство привело к усилению конкурентоспособности монгольских народов в мировом культурно-образовательном пространстве.

Монголия на пути реформ проявила удивительную способность к маневрированию и во внутриполитической оси, и во внешнеполитической многовековой ориентации. Отход от советской политической модели, сопровождавшийся коллизиями демократизации, не привел к появлению более устойчивой и содержательной модели развития. Но процессы суверенизации, национализации общественного сознания, определение государственных национальных приоритетов были, безусловно, достижением национально-демократической общественной идеи. Страна, в течение десятилетий находившаяся в зависимом положении от Советского Союза, зажата между двумя величайшими государствами, не имеющая крупных источников саморазвития, сумела добиться равного партнерства. К тому же за последние годы Монголия сумела, уже на новой политической основе, восстановить формулу дружбы и добрососедства. Дальнейшая траектория развития Монголии будет зависеть от взаимодействия России и Китая, особенно от возможностей растущего «московского» капитала в Сибири и на Дальнем Востоке. Но это обстоятельство только еще раз укрепит положение Монголии как геополитического узла Азии, в котором современный опыт социально-экономического развития совпадет с укреплением собственных традиций.

Таким образом, монголоязычные народы волей исторических судеб расположившиеся на огромных степных просторах, в XX веке прошли громадный участок цивилизационного развития, приобрели устойчивую способность к саморазвитию, конкурентоспособность в координатах развитых государств. Это обстоятельство повышает их геополитическое значение и роль. Дальнейшее развитие Евразии приведет к новому уровню взаимоотношений, в которых будет более заметна их роль, исторические корни и унаследованный веками опыт человеческого общежития. Но для этого потребуются целая полоса взаимных согласований, опирающихся на принципиальное уважение взаимного суверенитета.

БАЗАРОВА Б.З.

(Улан-Удэ)

Военное искусство монголов (на материале монгольских летописей)

1. Ошеломляющие успехи монголов в их завоевательных походах явились результатом искусного применения ими особой военной тактики и гениального полководческого таланта их хана. В сущности, это была комбинация совершенных по тому времени технических достижений и утонченной политической стратегии в отношении своих противников. Если в отношении первого монголы внесли не столько технические новшества, а только использовали старые, уже известные средства ведения войны, то во втором они преуспели приспособили их в новых условиях,

ли как тонкие дипломаты, искусно используя разногласия среди своих врагов.

2. В целях объективного изучения вопроса, а также из-за специфического характера источников, имеющихся в распоряжении науки, как деятельность самого Чингис-хана как полководца, так и в целом способы ведения войны монголами целесообразно разделить на два этапа: первый – это период до образования монгольского государства, когда Тэмуджин вел в течение без малого трех десятков лет изнурительные войны с монгольскими племенами с целью подчинения их своему контролю; второй – это уже внешние войны. В обоих случаях цели и задачи войн, контрпартнеры Тэмуджина-Чингис-хана, географическая среда, где велись войны, были совершенно разными. Войны, предпринятые им против оседлых народов, их образ жизни в корне отличались от тех, которые он вел в своих степях. Поэтому Чингис-хан должен был хорошо изучить своих противников (Цзиньский Китай, государство Сися и среднеазиатское государство Хорезмшаха), учесть заранее специфические условия географической среды и только после этого двинуть свои войска.

3. Со времени своего появления на международной арене монголы находились под пристальным вниманием историков тех стран, которые стали объектом их нашествия. Китайские, персидские, среднеазиатские, армянские, грузинские и русские историки оставили достоверные свидетельства тех разрушительных войн на территории своих стран. Со времени зарождения монголоведения как самостоятельной науки эти источники были ведены в научный оборот, и на их основе ученые воссоздали картину монгольских завоеваний, выявили особенности их военной тактики, проанализировали экономическую политику завоевателей, указали на роль и влияние монгольского господства в каждом регионе. Однако первый период деятельности монгольского хана не получил должного освещения в литературе. В монгольских летописях, как давно замечено, внешним походам монголов отводится мало места, но зато сравнительно подробно описаны войны, которые вел Тэмуджин внутри ареала монгольского мира. Комплексное изучение монгольских летописей не может пройти мимо этого важного аспекта.

Межродовые войны, к которым относится первый период деятельности Тэмуджина, включали в себя несколько этапов:

- 1) Повод для начала войны.
- 2) Поиски союзников, оформление клятвенного договора с ними.
- 3) Подготовка к сражению. Она, как показывают источники, в свою очередь тоже состояла из нескольких этапов: накопление и приведение в порядок оружия, амуниции; откармливание лошадей; отправка разведчиков-алгинчинов.
- 4) Назначение даты сражения.
- 5) Оповещение союзников.

- 6) Ритуальная часть – моление Небу с совершением возлияния.
- 7) Расстановка и построение войска. Названия диспозиций.
- 8) Начало сражения. Поединок двух богатырей.
- 9) Знамя, его символика.
- 10) Ложные маневры, дезинформация противника.
- 11) Ход сражения.
- 12) Захват пленных и трофеев. Значение термина *tonuq*.
- 13) Судьба предводителя побежденного рода.
- 14) Пир в знак торжества победы.

Монгольские летописи скупы на описание внешнего вида воина, его вооружения, тем не менее на основании их можно оставить его приблизительный портрет. Более четкое представление можно получить о военных титулах и званиях, кодексе чести монгольского воина. Кроме того, монгольские летописи, как литературные памятники, демонстрируют огромное количество крылатых выражений, пословиц и поговорок, относящихся к военной области.

5. В результате изучения методов ведения войны и степных кочевников можно сделать следующие выводы:

1) Эти войны в условиях родоплеменного общества были частью жизни кочевников. Предпринимаемые военные акции велись в интересах главарей родоплеменных объединений, обогащали эту верхушку, усиливая ее политический вес. При увеличении масштабов военных действий и успешном завершении их победитель мог провозгласить себя правителем кочевого государства, как это сделал Тэмуджин.

2) Войны, которые вел Тэмуджин с целью объединения монгольских племен, его тактические приемы и методы, организация военных формирований явились продолжением традиционных способов ведения степных войн у всех кочевников Центральной Азии.

3) Эти войны явились генеральной репетицией для Тэмуджина при перенесении им своих завоевательных кампаний вне монгольского ареала.

БАЛДАНМАКСАРОВА Е.Е.

(Улан-Удэ)

«Кавьядарша» Дандина как основа развития теории поэзии монгольских народов

Для литературного процесса монгольских народов, начиная с древнейшего периода, характерно развитие в контексте многосторонних литературных контактов. Н.И. Конрад отмечал, что история восточной литературы дает материал для изучения самых разнообразных форм и границ литературных связей, для изучения последствий их в каждой отдельной литературе¹. Монгольские ученые, поэты и писатели были знакомы не только с лучшими образцами индийской и тибетской литератур, но и с принципами индийской

поэтики. В частности, с древнеиндийским трактатом по теории поэзии «Кавьядаршей» («Зеркало поэзии») Дандина² и тибетским «дебжером», которые способствовали развитию теории и практики монгольской поэзии.

Научный перевод «Кавьядарши» индийского писателя и теоретика литературы Дандина был осуществлен Гэлэгжамцом (XVIII в.) и включен в «Данджур» («Перевод шаштр») (225 т.) – комментарий к энциклопедии буддизма «Ганджур» («Перевод повелений») (108 т.). С этого времени монгольские ученые и поэты начали серьезно изучать, переводить и разрабатывать на его основе свою поэтическую теорию и следовать его принципам при создании поэтических произведений. Таким образом, было положено **начало монгольскому литературоведению и солидному пласту литературы по поэтике и теории поэзии**, свидетельствующим о развитии эстетических воззрений монголов, о претворении в литературном творчестве национальных понятий о прекрасном и возвышенном.

Д.Цэрэнсодном считает, что еще в XIV в. Чойджи-Одсэр при сочинении своих поэтических произведений опирался на такие понятия, описанные в «Кавьядарше» Дандина, как «тело» поэзии, «смысловые украшения», «звуковые украшения»³. Во всяком случае, следы влияния Дандина на поэтическое творчество Чойджи-Одсэра обнаруживаются в стихотворении «Махагалийн магтаал» – «Восхваление Махакали». Ш.Бира считает, что «Кавьядарша» стала известна монгольским народам еще в Юаньский период, и комментарии к ней начали появляться, начиная с XIII в. вплоть до нашей эпохи⁴.

Однако, **научный интерес к «Кавьядарше» и его широкое распространение относится к XVII в.** И это связано с распространением буддизма в Монголии и Бурятии. Как известно, буддизм пришел в монгольские степи через Тибет, где к тому времени была уже разработана теоретическая литература по поэтике на основе древнеиндийской науки о поэзии, которая зародилась в ведийских религиозных общинах с целью сохранения древних гимнов и главным образом, на основе древних трактатов по поэтике: «Нитьяшастры» неизвестного автора (II – III вв.), «Кавьяланкары» («Поэтические украшения») Бхамахи (IV – V вв.). Как известно, Бхамаха стоял у истоков литературно-теоретической традиции древней Индии, а Дандин создал стройную теорию о поэзии уже на основе выдающихся достижений предшественников.

Начиная с XVIII в., монгольские (бурятские) ученые стали писать художественно-комментаторские тексты к «Кавьядарше» Дандина с целью создать свою теорию поэзии и показать в своих трудах ее практическое применение. Освещать и комментировать теоретические проблемы, выдвинутые в «Кавьядарше», стало доброй традицией. Почти каждый монгольско-язычный ученый и поэт считал своим долгом следовать этой традиции, с которой и началась многовековая комментаторская работа.

Труды монгольских и бурятских ученых и поэтов не были простым подражанием сочинениям индийских и тибетских теоретиков. Они их творчески перерабатывали, стремясь внести свой вклад в разработку теоретических основ поэзии, т.е. по существу писали оригинальные произведения под влиянием теории Дандина. В своих комментариях, разъясняя суть украшений и следуя за Дандином, они были едины в том, что сущность истинной поэзии заключается в ее скрытом смысле, т.е. для поэзии характерен язык намеков и недосказанности.

По принципу «Кавьядарши» написано немало художественных произведений. Назовем некоторые из них: «Белые жемчужные четки» («Цагаан сувдан эрхэс») Агванцэрэна, «Слово и смысл ясны» («Уг утга нь илэрхий») Хайдава и мн. др.

По образцу драматической поэмы индийского поэта Калидасы «Облаковестник» написан цикл стихотворений под названием «Изящные слова песни кукушки» («Яруу угсийн хохогийн дууны эгшиг») Шижээ. Бурятский поэт XIX в. Ринчен Номтоев в своих поэмах активно использовал, творчески перерабатывая, теорию поэмах активно использовал, творчески перерабатывая, теорию «орнаментальной поэзии» Дандина, а также обстоятельно описал в своем двухтомном словаре, приводя свои оригинальные примеры, суть поэтических терминов и понятий, вошедших в «Кавьядаршу» Дандина.

Одним из ключевых монгольских (бурятских) поэтических жанров является **жанр магтала (восхваления)**. На примере этого жанра нами прослежено как использовались на практике основные принципы «Кавьядарши» Дандина.

Проведенный анализ позволяет отметить, что в сфере художественной литературы буддийского направления развился жанр гимнической поэзии, в котором что-либо восхваляется с точки зрения пяти чувств, и которые основываются на теории Абхидхармы. Религиозная идейная направленность «поэзии пяти подношений», образная система, носящая символический характер, общий художественный метод восхваления с точки зрения пяти чувств – все это заимствуется и демократизируется на монгольской почве. В некоторых случаях подвергаются трансформации даже идейная и художественная стороны, и восхваляются простота быта, красота земли, верные друзья и любовь, а не религиозное стремление к перерождению в последующей жизни в прекрасной стране небожителей. В этом заключается творческий синтез поэтических традиций Индии и Тибета с исконно монгольской поэзией, активно использующей на практике теоретические разработки «Кавьядарши» Дандина.

Заклячая, отметим, что в поэтике этого периода наличествуют две тенденции: первичный творческий акт и его воспроизведение. Именно в этот период развития литературы монгольских народов постепенно происходит переход от синкретизма к усилению индивидуального начала в поэтическом сознании, от мифологиче-

БАРКОВА М.

(Москва)

**Северо-восточная Азия в 21 веке:
тенденции и перспективы развития**

Процессы, получившие развитие в Северо-восточной Азии в конце 20-го – начале 21 вв., представляют особую значимость, т.к. в период холодной войны в этом регионе напрямую сталкивались интересы двух великих держав – СССР и США. С распадом биполярной структуры мира ситуация резко изменилась. Россия выбыла из числа активных игроков. В то же время кумулятивный подъем Восточной Азии – не имеющие равных экономические и технологические возможности, соединенные с прогрессивно повышающимися возможностями силы, – не имеют параллелей в истории этого региона. Начиная с опиумных войн середины 19 в. только одна региональная держава – Япония достигла, а впоследствии потеряла региональное стратегическое превосходство. Принимая во внимание тенденции в экономическом, военном и политическом развитии, как минимум три страны Восточной Азии будут обладать значительными стратегическими возможностями – Китай, Япония и Корея.

Окончание холодной войны предоставило странам Северо-восточной Азии больше возможностей в принятии внешнеполитических решений, в то же время привнесся некоторые риски и опасения, от которых они были гарантированы определенной степенью стабильности, сохранявшейся во времена биполярного мира.

Стратегические контуры Северо-восточной Азии меняются с акцентом на три ключевые зоны: возможности по расширению власти; возрастающая асимметрия в возможностях; местные стратегии национальной безопасности. Однако это не предполагает, что соперничество между основными державами обязательно приведет к большей региональной нестабильности и при худшем сценарии к вооруженному конфликту.

В прогнозируемом будущем вероятно, что США останутся самым влиятельным актором в этом регионе. Важным представляется и то, что по мере того, как геостратегический фокус смещается с Европы на Восточную Азию, цели безопасности США быстро меняются от сохраняющейся ясно выраженной стратегической стабильности к «устранению в Азии роста соперничества, подозрительности и ненадежности, которые могут привести к войне».

Азия 21 в. может стать похожей на Европу 19 в. Азия, как и Европа, вероятно, будет состоять как из группы больших государств (включая Китай, Россию, Японию и США), так и из нескольких менее влиятельных, однако потенциально вполне способных государств. Если пять веков истории Европы – это проводник, то перспектива многополярной системы, возникающей в Азии, не может стать успокоением. Будет или нет Азия включена в реальную многополярную систему, это сложный вопрос, но очевидным явля-

ется превращение Китая в быстро поднимающееся и потенциально превосходящее государство на фоне продолжающейся экономической стагнации Японии, неурегулированных территориальных споров и вопроса о наличии ядерного оружия в Северной Корее. В Северо-восточной Азии сложилась по-своему уникальная ситуация. Среди стран региона (во всяком случае, на официальном уровне) существует диаметрально противоположная позиция относительно складывающейся ситуации в мире – Япония поддерживает США в характеристике современного мира как однополярного, но, с другой стороны, черты многополярности проявляются в отношении к политике и позиции Китая. Помимо этого в регионе существует высокий конфликтный потенциал, связанный с ситуацией вокруг Тайваня, Северной Кореи, а отношения между остальными странами в большей степени напоминают конкуренцию за влияние в регионе, нежели попытки сотрудничества (кроме последних примеров коллективной деятельности). Отличаются разнообразием и подходы государств в выборе мер по усилению своей позиции. Если Китай стремится через реализацию концепции «большого Китая» распространить свое влияние на остальную часть Восточной Азии, то Япония наоборот стремится занять достойной ее место в Северо-восточной Азии, опираясь на поддержку стран Восточной Азии. Иными словами, она хочет заручиться поддержкой извне.

БАТОВЕВА Д.Б.

(Улан-Удэ)

**Локализация загробного мира в мифологических
представлениях монгольских народов**

В представлениях о расположении места обитания умерших существует абстрактное понятие о потустороннем мире. Анализ терминов, связанных с наступлением смерти, позволяет предположить, что это мир, предопределенный изначально, расположенный в определенном пространстве, очерченном присущими ему параметрами. Это мир предков, родина людей, живых существ, куда они возвращаются по истечении срока жизни на земле. Эти миры (живых и умерших) представляли единое взаимопроникаемое пространство, только их насельники как бы разделили временное пространство на две части. Активный образ жизни живых людей был соотнесен со временем, включающим период от восхода солнца до его захода, то есть пока светит солнце, ибо живые люди – это солнечные существа. Активная жизнь умерших, то есть духов, началась с вечерними сумерками и заканчивалась к рассвету.

В рамках рассматриваемой проблемы важным представляется выявление отражения разных аспектов реального географического пространства в представлениях бурят и монголов о локализации загробного мира в мифологических сюжетах, этнографическом материале.

Этнографические материалы по верованиям некоторых этнических групп западных бурят свидетельствуют, что духи умерших обитают на месте своего захоронения, причем могилы покойников в ином мире представляются поселением, что обуславливает наличие в западнобурятской культуре традиции родовых, семейных захоронений. Этот факт, а также представления о том, что грешно хоронить покойника на свежем месте, так как покойник не любит лежать один; он непременно в таком случае возьмет с собой (в могилу) живых людей, в свою очередь, свидетельствует о полуоседлом образе жизни западных бурят.

Привлекает внимание традиция захоронения умерших в границах такового объекта ландшафта, как гора, покойника клали на южном ее склоне с ориентацией по линии юг – север, головой на север. В архаичных представлениях человек после смерти «становится горой», «уходит в гору». Гора как место погребения умерших предков почиталась как сакральный центр и источник жизненной силы рода.

Функции горы различны, но основной является связь с потусторонним миром: 1) гора являлась местом захоронения; 2) гора – дверь в иной мир.

Поскольку погребения были ориентированы на север, север считался символом тьмы, ночи, мира без солнца (нара угэй юртэмсээ), мира мертвых. При этом предполагается, что земля предков располагалась на южной, светлой, солнечной стороне (наратай юртэмсээ).

Особый интерес вызывает наличие разных «иных» миров, в которые люди попадают после смерти, ранжированных по принципу профессиональной специализации и степени одаренности умершего человека. Для особо одаренных людей существовал особый мир: «души хорошо шьющих женщин помещаются в здание, называемое уленши, где занимаются шитьем; ...души хороших ремесленников попадают в особые мастерские, где они продолжают заниматься своим ремеслом; души грамотных занимаются письмоводством...» Буряты полагают, что умные люди, хорошие мастера и грамотеи недолговечны, потому что в них нуждаются и Эрлен-хан и другие божества и похищают их души. Представления об Эрлике очень противоречивы. У бурят-ламаистов Эрлик номын-хан – властитель ада, судья, решающий будущее умершего в соответствии с количеством добродетелей и грехов, сотворенных человеком в «этой жизни». В шаманизме Эрлик-хан – глава или один из восточных злых ханов, обрывающий нить жизни человека на земле. Темница Эрлика находится под землей, а сам он обитает во дворце, который расположен под водой.

В целом рассмотрение проблем, связанных с выявлением локализации загробного мира, представляется весьма существенным в связи с возможностью реконструкции традиционной картины мира.

БАЯРТУЕВ Б.Д.

(Улан-Удэ)

Философские аспекты гимнографии ваджраяны:

Магтаал Ямандаки в бурятской литературе XIX века

Бурятская литература дооктябрьского периода развивалась под влиянием общемонгольской художественной и буддийской философско-дидактической литературной традиции.

Буддийская литература бурят практически не изучена, тем более не стали объектом исследования тексты, имеющие отношение к тантризму, ваджраяне.

В конце XIX – начале XX вв. в Забайкалье в долине реки Худун была образована буддийская сангха последователей йогина С.Цыденова, которая занималась практикой тантризма, в частности, созерцала идама Ямандаку.

Один из последователей тантрийской сангхи, предположительно Сильнам Бадмаев, сочинил оду – магтаал Ямандаки, которую мы анализируем, как своеобразное произведение буддийской гимнографии Ваджраяны в Бурятии.

В небольшом стихотворном сочинении причудливо сочетаются стили народного магтаала – восхваления и философская глубина погружения в практику медитации идама.

В Ваджраяне Ямандака один из основных идамов, т.е. божество, связанное с обетом. С созерцания идама начинается и заканчивается день человека, получившего посвящение. В данном случае автор визуализирует наиболее сложную, но популярную форму бычья, тридцатью четырьмя руками, в каждой из которых идам держит магическое оружие, с шестнадцатью ногами, которыми топчет врагов, символизирующих греховные деяния в образе лютей. Он находится в огненной ауре и стоит на лотосовом троне.

Цель медитирующего – познать пустотность, достичь просветления через подавление клеш, борьбу со своими страстями и обретение силы и мужества Ямандаки для помощи живым существам. Так как Ямандака – это эманация дхьяни-будды Акшобхьи, именно этот Будда восседает над головой идама. При правильной медитации божество Ямандака погружается в астральное тело медитирующего, и практик становится Ямандакой, тем самым познает Пустотность, самого себя, как часть Ади-Будды и помогает всем живым существам.

БЕРНЮКЕВИЧ Т.В.

(Чита)

О философско-методологической основе Санкт-Петербургской буддологической школы

Санкт-Петербургская буддологическая школа, возникшая в начале XX в. (иначе ее называют школа Ф.И. Щербатского), стала своеобразным итогом предшествующего развития буддологии в

России, качественно преобразив достижения отечественных ученых в целостную теоретико-методологическую концепцию. До этого исследования российских востоковедов стимулировались геополитическими интересами, интересами миссионерства, филологическими подходами.

Ф.И. Щербатский обратился к современной ему историко-философской науке в поисках адекватной методологии для установления предмета буддийской философской мысли и разработки конкретных методик передачи на русском языке буддийского понятийно-терминологического аппарата. В то время одним из ведущих направлений философской мысли того времени было неокантианство. В Санкт-Петербургском университете успешно развивалась относительно автономная ветвь этого направления, известная как русско-академическое неокантианство. Данная философская школа в лице своих лидеров – Ал.И. Введенского и И.И. Лапшина – сконцентрировалась на проблеме периодизации историко-философского процесса в зависимости от выдвигавшихся подходов к решению проблемы «чужой одушевленности».

Ф.И. Щербатский, используя выявленные И.И. Лапшиным и Ал.И. Введенским критерии, выделил в буддийском письменном наследии группу трактатов гносеологического характера, определив саму историю буддийской мысли как «несистематическую попытку критического взгляда на мир и познание», главнейшей чертой этой теории он называет – «исследование достоверности нашего познания»¹.

Ф.И.Щербатский и его ученики (О.О.Розенберг, С.Ф.Ольденбург, Е.Е.Обермиллер) «вводят» буддийскую философию в историю мировой философской мысли именно как специфическую историю познания. Это был принципиально новый подход к изучению буддизма, а именно – философский.

Кроме того, Санкт-Петербургская востоковедческая школа, использовавшая методологию русского неокантианства, течения, тесно связанного с европейской философской мыслью, сама стала методологическим основанием для использования идей буддизма в русской философии и культуре. И в настоящее время она служит примером преодоления европоцентризма и обоснования концепции диалога. Деятельность этой буддологической школы, выводы, сформулированные в работах ее представителей, – свидетельство целостности мировой философской мысли.

К сожалению, несмотря на то, что Санкт-Петербургская буддологическая школа признана в науке вершиной российского востоковедения, имеет мировое значение, ее концептуальные, философско-методологические основы отмечены, но в достаточной степени не изучены (В.И. Рудым, Г.В. Ермаковой, Е.П. Островской, Е.Н. Торчиновым, Шохиним). Не определены степень и механизм использования категорий и понятийного аппарата, разработанных в кантианстве и неокантианстве, в исследованиях Санкт-Петербургских буддологов, не рассмотрена проблема адекватности и продуктивности данного методологического подхода.

тербургских буддологов, не рассмотрена проблема адекватности и продуктивности данного методологического подхода.

Естественно, это обусловлено рядом причин: историческими событиями в нашей стране, разгромом и русского академического неокантианства, и Санкт-Петербургской буддологической школы, сложностью проблематики, «конъюнктурой» историко-философских исследований, так, несмотря на активный интерес к русской философии конца XIX – начала XX вв., фактически находится пока в забвении русское академическое неокантианство. Не переизданы работы, отсутствуют историко-философские исследования о творчестве Ал.И.Введенского и И.И.Лапшина. Отчасти это обусловлено неидеологизированностью и неполитизированностью их работ.

В науке до сих пор нет понимания буддизма как единого во всем его многообразии религиозного и культурного феномена, он представляется как мозаика отдельных текстов и направлений. Одной из попыток определения целостности буддизма, его места в мировом историко-философском процессе может стать анализ развития идей Санкт-Петербургской буддологической школы.

¹Щербатский Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Часть I. «Учебник логики» Дхармакирти с толкованием Дхармоттара. СПб, Аста-Пресса, 1995. С.7.

БЕСОЛОВ В.Б.

(Алагир)

1. Архитектура древнейших центрических сооружений горной Евразии в свете индоевропейской дилеммы «Orient oder Europa»

Уже на протяжении более трех десятилетий не остывает полемический накал относительно локализации прародины древнейших индоевропейцев, изначальноности их языка и культуры, и определения путей миграций первых индоевропейских племен в исторические области их расселения и обитания.

Удивительная живучесть устоявшихся взглядов и концепций и их инерционное восприятие разными поколениями отечественных и иностранных ученых и внезапное появление в научном обиходе совершенно новых, глубоко обоснованных гипотез, можно сказать, научных открытий исследователей мирового уровня и их современное признание или упорное неприятие – таков смысл несокрушимого противостояния этих полярно противоположных сторон в мировой индоевропеистике, а, значит, и иранистике последней трети XX – самого начала XXI веков.

Основная цель нашего доклада заключается в следующем: методом всестороннего комплексного анализа архитектуроведческих источников еще более обосновать или опровергнуть впервые вы-

двинутую в 1972 году всеобъемлющую и вескую научную гипотезу, согласно которой начальный центр иррадиации индоевропейского языка и соответственно филиации индоевропейской культуры находится в Передней Азии, что представляется наиболее реальным и убедительным.

Рассматривая сущность и специфические особенности древнейшего архитектурного морфотипа центрического жилища, святилища, склепового и башенного сооружения Юго-Восточной Европы, Передней и Центральной Азии, прослеживая исторический путь его формирования, развития и распространения, мы получаем очень ценную информацию, весьма необходимую для реконструкции евразийского этногенетического процесса и этнической истории древнейших индоевропейцев, в т.ч. древнегреческого, армянского и арийского этносов, языки которых обнаруживают значительное количество общих изоглосс. При анализе причин его столь длительного функционирования у народов Балкан, Кавказа, Памира и Гиндукуша выявляется роль природных условий, экологической обстановки, исторической ситуации, традиционного хозяйственно-бытового уклада, социальной организации и психического склада каждого этноса, отмечался уровень их идеологических представлений и социально-экономического развития как важнейших факторов существующей общности архитектурно-художественного процесса в трех регионах горной Евразии.

Архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища возник не сразу, не появился внезапно, откуда-то извне. На протяжении длительного пути исторического развития он постоянно совершенствовался, обретая кристаллически четкую тектоническую систему и ясную художественную форму. Идентичный архитектурный морфотип центрического жилища лучше всего сохранился на территории исторической прародины индоевропейцев в Передней Азии, точнее – на территории Армянского нагорья и прилегающих к нему частей Иранского и Малоазийского нагорий, где еще в глубокой древности произошел распад греко-армяно-арийской диалектной общности.

С глубокой древности, по обе стороны Главного Кавказского хребта, в районе Казбеко-Эльбрусского двугорья, обитал единый этнос, который наряду с арийской мифологией и нартским этносом, кобано-талийскими художественными произведениями также создал совершенно новые архитектурные морфотипы центрической композиции: жилища, святилища, склеповые и башенные сооружения.

Эти действительно уникальные сооружения центрической композиции с развитой вертикальной осью, изумительные в своей плановой и пространственно-тектонической структуре творения народного зодчества, являются не только показателем высокого уровня развития архитектурно-художественной мысли и строительного-технического мастерства в горной Евразии, но и, что особенно важно, традиционной константой глобальных, региональных

и локальных этногенетических процессов, извечным и равноправным, наряду с этнической индивидуальностью языка, определителем этнического признака культуры, возникшей, в частности, на лоне благодатной природной среды Передней Азии, архитектуры центрических зданий и сооружений древнейших индоевропейцев.

Осмысливая архитектурно-художественную систему, форму и эстетическую сущность древнейших центрических сооружений, а также прослеживая пути их исторического развития и географического распространения, мы совершенно неожиданно приходим к идентичному с авторами новаторской теории заключению – историческая прародина первых индоевропейцев локализуется именно в Передней Азии, там где стыкуются и сходятся Армянское, Иранское и Малоазийское нагорья. Специфическим методом интерпретации, анализа и этнической атрибуции архитектуроведческих источников вносим посильный вклад в истолкование индоевропейской дилеммы «Orient oder Europa», которая постепенно усугублялась с момента ее появления.

Именно горная территория Переднего Востока является естественно-исторической колыбелью этногенеза индоевропейских племен, уникальным местом зарождения общеиндоевропейского праязыка и протокультуры. Отсюда же, не позднее эпохи энеолита (VI – середина IV тыс. до н.э.), начали расходиться миграционные волны в западном, северном и восточном направлениях.

2. Структура пространства и архитектура формы реликтово-центрального жилища горных экосистем (Кавказо-Памирский ареал)

Общеизвестно, что в природном отношении Кавказ в целом тяготеет к Передней Азии и относится к физико-географической провинции Переднеазиатских нагорий, а Памир и Гиндукуш – к Центральной Азии и Центральноазиатскому нагорью, поэтому в биосфере этих естественно-исторических регионов существует очень много общего: геопластика рельефа и характер его орографии, снежного покрова и оледенения, бурные, стремительно текущие горные реки и высокогорные озера, суровый и резко континентальный климат и высотная поясность ландшафта со свойственным для горных зон изысканным миром флоры и фауны.

Гораздо больше элементов общности, порой удивительно схожих, почти идентичных, этнокультурных явлений, прослеживается на Центральном Кавказе (историческая Алания), Западном Памире (Бадахшан) и Юго-Восточном Гиндукуше (Нуристан, бывш. Кафиристан): в антропологии – кавказская раса срединной части Большого Кавказа, обоих склонов Казбеко-Эльбрусского двугорья, и памиро-ферганская раса Среднеазиатского междуречья, входящие в единую большую европеоидную расу, в лингвистике – осетинский язык, памирские и нуристанские (устар. – кафирские) языки – группа родственных языков, относящаяся к арийской ветви индоевропейской семьи языков.

Черты общности наблюдаются также в этногенетическом процессе ранних ираноязычных арийских племен, их этнической истории и социальной организации, повседневном быте и традиционной хозяйственной деятельности.

Поскольку архитектура и строительная техника во все времена являлись материально-пространственной основой конкретного этноса, наглядным показателем его национального менталитета и психического склада, традиционных этических норм, мифологических воззрений и эстетических представлений, и даже уровня его экономического благосостояния, то, надо полагать, реликтовое центрическое жилище, как подлинное произведение народного зодчества, является зримым, реальным отображением определенного времени, жизненного опыта и творческого духа этноса, выражением его художественного достоинства. Именно в традиционном центрическом жилище материализована архитектурная мысль определенной культурно-исторической эпохи и в конкретной естественно-географической среде. В нем проявляются художественное дарование, конструктивные способности и пространственное мышление зодчего-строителя – выходца из народа. Несомненно, реликтовое центрическое жилище кавказо-памирского ареала – это уникальная культурно-экологическая реальность и весьма яркое свидетельство творческого потенциала, мировоззренческих основ конкретных этносов, философии их обитания в экстремальной природной среде, в которой происходил симбиоз, органическое слияние рукотворного и естественного, сурового, высокогорного.

Оригинальный архитектурный морфотип древнейшего жилища *тохонахадзар* (по-осетински) и *чорхоначид* (по-таджикски) возник не сразу, он бытовал на Центральном Кавказе, Западном Памире и Юго-Восточном Гиндукуше с глубокой древности и до современности. Сущность архитектурного морфотипа – это его плановая композиция, пространственная структура и тектонико-символический образ. Такое жилище в своем составе имеет зальное помещение квадратного или близкого к нему плана, целиком или частично перекрытое деревянным венцом пирамидально-ступенчатой формы с отверстием в вершине для проникновения света и выхода дыма. Каменные стены с деревянными столбами и главными балками в интерьере и система горизонтально-венчатого перекрытия составляют архитектурную структуру центрического жилища. Отсутствие или наличие пристенных и свободно стоящих столбов, устанавливаемых чаще посередине прогона, их сечение, высота, количество и принцип размещения, архитектурная форма и художественный декор всегда имели огромное функциональное, конструктивное и эстетическое значение. Они являлись исходным модулем, изначальным мерилom масштабности интерьера, пропорциональности его построения, создания гармонически цельного и стилистически единого внутреннего пространства, наполненного исконно арийской символикой, глубоким индоевропей-

ским семантическим смыслом. Этот морфотип совершенствовался тысячелетиями, пока не приобрел кристаллически четкую тектоническую систему и предельно ясную художественную форму. В семантике интерьера, в выработке его основных признаков ведущая роль принадлежит очагу как основе жилой ячейки конкретного типа и формы, его функционально-ритуального знака, символа, стержневой оси горизонтальной и вертикальной симметрии, композиционного ядра внутреннего пространства. К тому же наличие открытого очага в центре зального помещения является признаком древности архитектурного морфотипа, а его нахождение именно под светодымовым проемом имело и эзотерический смысл – окно в космос.

В горных экосистемах Центрального Кавказа, Западного Памира и Юго-Восточного Гиндукуша в древнейшем центрическом жилище с пирамидально-ступенчатым перекрытием и отверстием в зените рождались дети и продолжалась жизнь большой патриархальной семьи, родовой общины. Оно было вместительным не только духовных ценностей, но, прежде всего, поколенного генетического кода конкретного представителя арийского этноса, корни которого уходят вглубь ко времени распада греко-армяно-арийской ветви индоевропейской этнолингвистической общности.

Сквозь многогранный, почти круглый конический световой проем в вершине пирамидально-ступенчатого перекрытия интерьера жилища, своей формой имитирующего небесный свод, лучи Солнца, проникая во внутреннее его пространство, доставляли жизнетворящую силу. Символично, что только в середине дня определенного времени года луч Солнца опускался прямо по вертикали и попадал на открытый Очаг, расположенный именно в середине интерьера жилища, под светодымовым проемом, освещая и обогревая его и соединяясь с ним – геометрически симметричным композиционным центром, организующим ядро жилого пространства, при этом образуя семантическую и магическую стержневую ось древнейшего центрического жилища: Очаг – Окно – Светило. Таким образом, пространственно-архитектоническая сущность древнейшего центрического жилища способствует непрерывному движению энергетических потоков между Землей и Космосом, стимулирует сохранение непрерывности и преемственности родовой памяти, обогащению генетического кода и повышению информационно-энергетического потенциала индоевропейского ираноязычного арийского этноса. Такова семантико-функциональная, этно-социальная и символично-ритуальная значимость уникального, ныне уже реликтового жилища, таков процесс биоциклического развития и сохранения генофонда исчезающих индоевропейских этносов: коренных алан-осетин, исконных бадахшанцев и нуристанцев.

Архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища с пирамидально-ступенчатым покрытием и отверстием в зените по внешнему облику и наружной массе символизирует библей-

ский холм, энеолитический курган, а по принципу формирования внутреннего пространства и смыслу архитектурной структуры максимально способствует непрерывному движению жизненно важных энергоинформационных потоков между Землей и Космосом. Реликтовое центрическое жилище является одним из незаменимых источников и исключительным основополагающим материалом при исследовании процесса образования центрально-кавказского и памиро-гиндукушского ираноязычного арийского этноса с характерным обликом, уникальным языком и глубоко традиционной культурой, процесса поэтапного формирования, исторического развития и сохранения его этнической индивидуальности.

БИЧЕЕВ Б.А.

(Элиста)

Этноцентризм как свойство этнического самосознания западных монголов

Этноцентризм как свойство этнического самосознания начинает доминировать в сознании западных монголов на ранних этапах консолидации древних племен, чему свидетельством являются архаические формы героических эпосов, достигших в своем развитии высшей идеализации своего этнического сообщества. Эпические произведения, отразившие процесс самоутверждения этносамосознания ойратов, составляют сокровенный фонд устного и письменного творчества. В эпическом творчестве западных монголов следует выделить три его основные формы проявления: устный эпос, книжный эпос и эпическая литература. Продолжительный этап формирования западно-монгольского героического эпоса, начиная с тууль-улигеров и до утверждения эпоса государственной формации, отражает определенную концепцию своего исторического прошлого.

БОРИСЕНКО А.Ю.

(Новосибирск)

Немецкие ученые-востоковеды XVII – XIX вв. о военном искусстве азиатских кочевников

Интерес к Востоку возник у европейцев достаточно давно. Еще в XII – XIII вв. в восточные страны, Монголию и Китай отправлялись посольства из стран Западной Европы. После присоединения Сибири к России изучением этого региона и сибирских древностей занимались, преимущественно, европейцы, находившиеся на российской службе. В сочинениях и воспоминаниях участников таких путешествий содержатся сведения об особенностях военного дела некоторых сибирских народов, ими были собраны коллекции предметов вооружения. Так, в сочинении А.Доббина упоминаются «жилища» кыргызов, расположенные «на скалах и утесах, которые

имеются там во множестве». Вероятно, до этого ландскнехта дошли сведения о кыргызских крепостях-убежищах, сооружавшихся с целью обороны на неприступных скалах и утесах. В русских исторических документах упоминается «белый каменный городок», служивший ставкой для князей Алтысарского улуса, который располагался в XVII в. в междуречье Белого и Черного Июсов.

В ходе экспедиции в Сибирь в 1719-1727 гг. немецким ученым Д.Г. Мессершмидтом была собрана коллекция вещей и раскопок бугровщиков, среди которых имелись предметы вооружения древних и средневековых кочевников, в том числе наконечники стрел, бронзовые поясные и сбруйные пряжки, ножи, кинжалы, топоры. Находки происходят из курганов на Среднем Енисее и, судя по описаниям и рисункам, могут относиться к татарской, кыргызской и древнетюркской культурам.

Результаты работы Второй Камчатской экспедиции (1733-1743 гг.) были очень обширны. Сухопутным отрядом во главе с Г.Ф.Миллером были собраны богатые материалы по истории сибирских народов, в том числе по военному делу азиатских кочевников. Итоги путешествия были изложены исследователем в труде по истории Сибири. В работе приводится описание ряда вещей, обнаруженных в могилах «между Обью и Иртышом». Судя по рисункам и описаниям находок, основная часть коллекции происходит из памятников кочевников Верхнего Приобья, Степного Алтая и Прииртышья. Из могил на Верхнем Енисее происходят опубликованные им в «Истории Сибири» находки кинжалов и чеканов, относящихся к татарской культуре. В разработанной совместно с И.Г.Гмелиным классификации древних памятников отдельное место отведено «кыргызским могилам», выделенным по внешним признакам и погребальному инвентарю, а именно, по наличию железных наконечников стрел.

Другим членом экспедиции, И.Э. Фишером, также были собраны и обработаны некоторые материалы по истории кыргызов. Они были представлены в его книге по сибирской истории, где исследователь высказывает свое мнение о нагорных крепостях в Минусинской котловине, происхождении кыргызов, этнониме «кыргыз».

Во время своей экспедиции П.С. Паллас (1741-1811) посетил древний ламаистский храм Аблай-кит и собрал здесь и в ряде других мест значительное количество фрагментов монгольских и тибетских рукописей, переданных в Кунсткамеру в 1774 г. В работе о старинных рудных копиях в Сибири ученый привел описание кыргызских погребений, их внутреннее и внешнее строение, погребальный инвентарь, в том числе предметы вооружения.

В XIX в. большой вклад в изучение военного дела внес В.В.Радлов. Им были подготовлены и опубликованы атласы сибирских древностей, среди которых большую часть занимают предметы вооружения. Среди них имеются как бронзовые, так и железные изделия: ножи, топоры, кинжалы, удила, наконечники

копий, которые относятся к тагарской и древнетюркской культурам Саяно-Алтая.

Таким образом, немецкими учеными XVIII – XIX вв. был внесен большой вклад в изучение военного дела средневековых кочевников Сибири и Центральной Азии. Их научное наследие должно учитываться современными исследователями.

**ХАНХАРАЕВ В.С.,
БОРОНОВА М.М.,
САНЖИЕВА Т.Е.,
СЫДЕНОВА Р.П.**

(Улан-Удэ)

**Новые данные о демографии бурят-буддистов
Иркутской губернии в 70 – 90-е гг. XIX в.**

Интерес к демографическому прошлому народов России, входивших в религиозные системы стран традиционного Востока, у исследователей-востоковедов не случаен. В их демографической истории часто фокусировались многие проблемы, характерные как для данного этноса, так и для страны в целом. В рассматриваемый период динамика численности иркутских бурят-буддистов была следующей¹:

Годы	Число Мужчин	Число женщин	Всего	Численность и удельный вес буддистов в составе бурятского населения Иркутской губернии	
1869	7061	6915	13976	113130	12,4%
1870	6783	6762	13545	-	-
1877	6537	6452	12989	109294	11,9%
1880	6295	6060	12355	110740	11,2%
1892	-	-	14210	117811	12,2%
1897	-	-	11740	110745	10,6%

Территориально они проживали в двух достаточно удаленных друг от друга ареалах: аларском и тункинском. Аларские буряты-буддисты соседствовали с бурятами шаманистами или их группами, принявшими христианство, а также с русскими крестьянами, осевшими в Приангарье.

Тункинский ареал расселения бурят буддистов отличался более гомогенной этноконфессиональной средой. Ввиду удаленности и дефицита пахенных земель он не подвергся массовой колонизации русскими крестьянами.

Хозяйство аларских буддистов на фоне хозяйственного развития остальных бурят Предбайкалья характеризовалось развитым земледелием, а также элементами капиталистического уклада, проявившимися в социально-экономическую жизнь. Это отразилось, в частности, на состоянии учета и населения. Так, у аларских будди-

стов в 1880 г. было учтено 346 рождений, что дало 44,1 рождений на 1000 человек населения, в то время как у шаманистов в том же Балаганском округе – только 21,0. Еще ниже показатель рождаемости был у бурят-шаманистов Верхотурского (19,7) и Иркутского (15,2) округов.

Данный показатель у тункинских буддистов составил 15,3 рождений на 1000 человек населения. Последнее особенно примечательно, так как это косвенно указывает на их социально-экономическое положение, а именно, сохранение в Тункинской долине традиционного кочевого скотоводческого хозяйства и быта.

На примере роста численности бурят-буддистов в Иркутской губернии можно говорить о распространении в данном регионе традиций буддизма. В то же время имеющийся материал свидетельствует о том, что в нейтрализации христианства при ассимиляции местного населения буддизм-ламаизм сыграл незначительную роль. На это указывают данные об удельном весе буддистов в составе бурятского населения Иркутской губернии. Так, с 1877 г. по 1897 г. он снизился с 11,9% до 10,6%.

При этом роль христианства в ассимиляции бурят возрастала. С 1872 г. по 1881 г. в Иркутской губернии было обращено в православие 16704 душ обоего пола, тогда как в Забайкалье, где сильны были позиции буддизма, – 3435.

¹РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д.42а. л.41. Ведомость о населении Иркутской губернии по сословиям в 1880 г.; Ларионов Д. Естественное движение населения Иркутской губернии в 1877 г. (Из работ статистического комитета). Иркутск. 12 января 1879 г. Общий свод естественного движения монголо-бурятского населения Иркутской губернии, остающегося в буддизме.

БРАВИНА Р.И.
(Якутск)

**Человек и Природа
в мифоэкологических представлениях якутов**

Согласно якутскому эпосу олонхо, Средний мир, сотворенный богами Айыы, изначально представлял собой пустующее и открытое со всех сторон, потому крайне незащищенное в плане Вселенной, пространство. Зарождению жизни на Земле предшествует ее экологическое и географическое благоустройство, предпринимаемое богами – создателями в целях выживания и в интересах людей племени «ураанхай саха». В результате вся ландшафтная природа земли якутов приобретает смысловую нагрузку: с одной стороны, географическое обустройство ее способствует защищенности жизненного пространства «грядущих» людей, с другой, – благоприятствует будущему культурному освоению пространства, возникновению и развитию скотоводческой культуры с ее сенокосно-пастбищной системой. В этом плане ландшафт Срединной земли в олонхо представляется самым оптимальным «месторазвитием»

для племени ураанхай саха и его культуры. Так, в якутском эпосе ставится проблема о соотношении человека как носителя культуры с природной средой. Эпический сюжет о поселении на земле божеств и хозяев – духов «иччи» можно интерпретировать как воплощение и осуществление «естественной» трансформации «природы» в «культуру». Через ритуальную культуру человек открывает для себя «мифологические способы» коммуникации с окружающей средой и в качестве творца становится соучастником мироздания. Отсюда проистекает сознание включенности своей судьбы в судьбы мироздания и необходимости согласовывать свои действия с законами природы. Поскольку мифоэкологическое сознание выступает регулятором отношения человека к природе в его культурной деятельности, то традиционное природопользование определяется необходимостью сохранить благополучие в природе как основу собственного существования.

БУЖИЛОВА А.П.

(Москва)

**Мигранты в древнем Приаралье:
экологические проблемы адаптации¹**

По материалам могильников Косасар 2 и Томпакасар был проведен палеонтологический анализ с целью реконструкции последствий адаптации мигрантного населения. Эти могильники входят в группу юго-западных памятников джеты-асарской культуры, находящихся в низовьях Сырдарьи в Восточном Приаралье в бассейне древних северных сырдарьинских протоков – Кувандарьи и Пракувандарьи.

Наличие особенностей в конструкции погребальных сооружений могильника Косасар 2, керамики, не отвечающей представлениям о джеты-асарской культуре (более 75% раскопанных курганов), также как и наличие курганов с одновременной фиксацией различных погребальных комплексов свидетельствуют, по мнению автора раскопок Л.М.Левиной (1993), о притоке новой этно-культурной волны, которая происходила, возможно, в несколько хронологических этапов, начиная с III – II вв. до н.э.

Напротив, в некрополе Томпакасар зафиксирован погребальный инвентарь – прежде всего сосуда с заупокойной пищей, которые оказались типичными для этой культуры.

¹ Материалы исследования частично подготовлены по гранту РФФИ № 03-06-80423.

Данные антропологии использованы для коррекции выбо-

рок мигрантов и аборигенного населения с учетом археологических свидетельств. Из-за фрагментарности данных наиболее яркий признак – искусственная деформация черепов, распространенный среди представителей этой культуры, не показал достоверного различия между аборигенной и мигрантной сериями. Тем не менее, по результатам анализа генетически исследуемых аномалий удалось оценить смену антропологического субстрата. Так, у мужчин раннего хронологического этапа Косасар 2 отмечено завышение признака метопизма (незаращение лобного шва на черепе) даже по сравнению с синхронной женской группой. В группах позднего хронологического периода это неравенство исчезает, и распределение признака приобретает близкие для гендерных категорий значения. В хронологически более поздней популяции Томпакасар и однородной по признакам археологической культуры, частота встречаемости метопизма не демонстрирует гендерных различий. Косвенным доказательством достоверности выявленной закономерности можно считать аналогичное распределение по хронологическим группам другой аномалии – Spina bifida, полное или частичное несращение костных отделов дуг крестца. Таким образом, по данным антропологии на примере популяции Косасар 2 подтверждается тезис о существовании мигрантного населения в этом регионе. Удалось выяснить, что этот приток был, скорее всего, одномоментным и выражался в т.н. мужской миграции. Ассимиляция пришлого населения в более поздние этапы подтверждается как по данным археологии, так и антропологии.

Анализ маркеров стресса и патологий показал, что завышение уровня стресса наблюдается на позднем хронологическом этапе выборки Косасар 2 и Томпакасар. Поскольку основная часть антропологического материала Томпакасар соответствует позднему хронологическому периоду серии Косасар 2, то объяснение «ухудшенных» показателей здоровья в этот период может определяться общим негативным влиянием факторов среды, например последствиями климатического и/или антропогенного воздействия.

Данные из разных источников позволяют говорить о довольно напряженной экологической обстановке в это регионе в первые века н.э. Переход к искусственному типу орошения земель в то время, связан, как считают исследователи, с заболачиванием и засолением почв (Левина, Птичников, 1991). Однако уже в первые века н.э. вследствие общей аридизации климата, снижения стока вод, понижения базиса эрозии (уровня Аральского моря), сопровождавшегося смещением протоков в сторону Сырдарьи, активного вмешательства человека, проявившегося в интенсивном использовании больших объемов воды для орошения, стал развиваться процесс опустынивания этой территории (Левина, Птичников, 1991, с.156). По данным археологии, многие поселения были оставлены с.156). По данным археологии, многие поселения были оставлены со следами военных пожаров, которые датируются IV – нач. V вв. н.э. Возможно, что связанное с этим крупным военным столкнове-

нием разрушение оросительной сети привело к гибели поселений в юго-западной части урочища (Левина, Птичников, 1991, с.152).

Трудно выделить значимость каждого из вышеприведенных факторов, но, тем не менее, их негативное генерализованное воздействие фиксируется на антропологическом материале. Очевидно, высокая частота встречаемости признаков воспалительных реакций, пищевого стресса и уменьшение продолжительности жизни в группе Томпакасар, так же как и увеличение показателей частоты встречаемости пищевого стресса и черепных травм у населения позднего хронологического этапа серии Косасар 2 связано с целым спектром негативных факторов. Например, причиной ухудшения условий могли быть как нехватка пищевых ресурсов вследствие глобальных климатических изменений, так и последствия военных столкновений из-за ограничений пищевых источников. Последнее, по-видимому, повлияло и на некоторое снижение продолжительности жизни у мужчин, выявленное по динамике демографических параметров.

BURKHANOV A.A.

(Kazan)

**Irrigated agriculture and
cattle-breeding in the Middle Amu Darya region
(Ancient Times and Middle Ages)**

The Middle Amu Darya (the areas of Amul and Zemm), the main part of Lebap region of Turkmenistan, the regions of Amu Darya's middle current with its neighboring land and historic center in Amul – Chardzhuy (now Turkmenabad), was a contact zone with its wide historical and cultural connections in the Ancient Times and Middle Ages. Very little written information and rather insufficient investigations (A.A. Maruschenko, STACE (ЮТАКЭ), V.N.Pilipko, G.G.Gutlyev and A.A.Burkhanov) do not fully allow to draw a general and detailed picture of historic and cultural development of the contact zone under review. The vital artery of the Middle Amu Darya region (MAR) – Ox-Jeykhun – Amu Darya was the most important trading and transportation water main in all Central Asia.

Concerning its physico-geographical position the investigated section of the Amu Darya presents a single whole. The river has no tributaries within the limits of this zone and in fact it is the only main source of irrigating the areas fit for agriculture. The river basin runs up to 15-20 kilometers wide. Beginning with the Ancient Times till the present days this field of cultured lands has been intensively used for agriculture; it runs along the flood-lands, it is broken off here and there and in some places it forms micro-oases. At both this field is surrounded by sands, and the local country people use it as a pasture.

As a result of the agricultural work held on the bank of the Amu

Darya since the Ancient Times the soil in the irrigated area turned into a thick culture-irrigative layer. Besides the Amu Darya water contains a good amount of silt that settles in a cultured zone during the active spring floods and watering what makes the soil richer. In general the Amu Darya climate and water conditions are favorable for doing agriculture and growing the heat-loving plants. People inhabited the Amu Darya Valley in different historic epochs. The archaeological evidence testifies that the settled agricultural population developed a new territory more intensively in the middle of the 1st millennium BC. Odey-depe settlement is considered the most ancient and the biggest settlement in Amul province (V.N.Pilipko).

Numerous archaeological sources confirm that the MAR was actively developed when these lands formed a part of Kushansky state (V.N.Pilipko, A.A.Burkhanov). The economic and cultural contacts with contiguous territories, especially with Bactria, became stronger. It is the period of building massive fortresses and settlements, developing new lands (first of all those in the zones of Kerkinsky, Garabekaulsky and Chardzhevsky macro-oases), constructing irrigation system, population growth, the activation of trading and cultural relations, the development of local cults and traditions of Buddhism.

Many oases and settlements within this region were artificially organized communities, created by the authorities for administrative purposes; some of the armed fortresses were the residences of local administration and land-owning aristocracy (V.M.Masson, V.N.Pilipko). In general the Amu Darya valley was developed by agricultural population and the foundation of its economics was spray agriculture.

There is some evidence (though only circumstantial) about the existence of irrigation canals and storage pools.

During the archaeological dig a great number of the so-called khumes where people kept agriculture products, was found. The information about the cultivated cultures is also very limited for the time being. The local farmers grew mainly grain-crops and did the garden-fruit. Taking into consideration the fact that a grape bunch (or any other fruit) was chosen as a worship attribute of one of the most respected goddesses of the local religion, we can say about the development of wine-growing and gardening. Undoubtedly, cattle breeding played a great role in the region's economy. The bordering mountainous (in the south of the region) and desert territories arranged favorable conditions for the local settled population to be occupied with cattle breeding. It also allowed to in habit the neighbouring fertile pastures with nomad cattle-breeders. Due to the bone remains we can confirm the development of cattle and small cattle breeding. This branch was mainly in the hands of nomadic population, the presence of which can be confirmed by a number of burial grounds and coroplastics products.

In V – VI centuries a new period in the history of the MAR begins, it is the time when the Sasanides became weaker and they formed a part Eftalites' state, later a number of smaller independent estates

appeared on this territory B.Ya.Stavisky, B.I.Vainberg). Probably they were formed on the basis of the deep-rooted historic and cultural oases of the region. This period is also noted by the final formation of ethnic-political and social-economic relations in the system of the Middle Ages, by a considerable growth of economic and cultural life. A new character of material culture, in many aspects different from the previous one, but genetically connected to it, was formed.

In IV – VII centuries the MAR, especially its central and northern parts (the center of Amul area), is generally influenced in cultural sphere by Sogd and nomadic world, partly by Khoresm. According to the results of our investigations, it is well marked on the materials of ceramic dishes (big containers with grooved Г- and T-shaped aureoles, with crude porous and badly crock, with some runs on its outer surface) and coroplastics (the butsts of Turkik type warriors and the figures of horsemen-idols (horsemen-freaks) from Chardzhevsky and Garabekaulsky oases (Arapkhana, Khazarek –depe and others).

It is time of intergovernmental, domestic and inter-ethnic conflicts and incursions. The defensive functions of fortresses, armed temples and small settlement citadels, transformed into massive castles, were able to resist the enemy's sieges and attacks (Khazarek-depe, Akkala). It was at this period when the rounded temple Khazarek-depe turned worship-temple building into an armed castle. In our opinion, originally this rounded temple was devoted to the water worship – the Amu Darya river, because this river played an important part in the life of people living in all regions that are situated along its banks. Because of some specific natural-geographical conditions the Amu Darya had floods that repeated 3-4 times a year. The water was gathered into artificial water storage pools through the flood canals running from the river. During the floods the river could immerse the fields and destroy the settlements. That's why Khazarek-depe temple might have been a place where local specialists observed the changes in the river-bed. People could also celebrate the beginning of agricultural work near the temple. Such celebration are mentioned by some researchers in Khorezm. During those festivities held around the temple, the only temple on the whole territory of Garabekaul oasis, the farmers and their neighbours – nomad cattle breeders came from both banks of the Amu Darya. They arranged files, meals, different competitions, they made sacrifices and offered up prayers to their gods-protectors.

The main tendencies of economic and cultural development of the Middle Amu Darya are mostly traced in the era of developed Middle Ages. The connections with Khorosan, Bukhara oasis and Khoresm gain strength. Makdisi calls the area of Amul «multi-populated, rich in earthly blessing and well provided for water region». Written sources are proved by historical-topographic and archaeological materials and they tell about the region's rich economic development and high cultural level of its settlements (M.E.Masson, V.N.Pilipko, A.A.Burkhanov).
Бурханов А.А.

(Казань)

**Орошаемое земледелие и скотоводство
в среднеамударьинском регионе
(древность и средневековье)**

Средняя Амударья (области Амуля и Земма) – основная часть Лебапского велаята Туркменистана, районы среднего течения Амударьи с прилегающими землями и историческим центром в Амуле – Чарджуе (ныне Туркменабад), в древности и средневековье являлась контактной зоной с широкими историко-культурными связями. Незначительность письменных сведений и относительно слабая археологическая изученность (А.А. Марущенко, ЮТАКЭ, В.Н. Пилипко, Г.Г. Гутлыев и А.А. Бурханов) не позволяет в полной мере создать общую и детальную картину историко-культурного развития рассматриваемой контактной зоны. Основная жизненная артерия среднеамударьинского региона (САР) – Окс-Джейхун – Амударья являлась главной торгово-транспортной магистралью всей центральной Азии.

В физико-географическом отношении рассматриваемый участок Амударьи представляет собой единое целое. В пределах этой зоны река не имеет притоков и фактически является основным единственным источником для орошения пригодных земледелию площадей. Бассейн реки достигает ширины 15 – 20 км. Эта полоса культурных земель с древнейших времен до наших дней активно использовалась для земледелия, и тянется вдоль поймы реки, местами прерываясь, а где образуя микро оазисы. С обеих сторон эта полоса ограничена песками и используется местными жителями в качестве пастбищ.

В результате земледельческих работ, проводимых на побережье Амударьи с древнейших времен, в орошаемой зоне почва превратилась в мощный культурно-ирригационный слой. К тому же амударьинская вода содержит большое количество ила, который во время активных паводков и при поливах оседает в культурной зоне, повышая плодородие полей. Климат и водный режим Амударьи в общем благоприятный для занятий земледелием и выращиванием теплолюбивых растений.

Долина Амударьи интенсивно обживалась в разные исторические эпохи. Археологические данные позволяют говорить о достаточно плотном освоении оседлым земледельческим населением в середине I тыс. до нашей эры. Поселение Одей-депе считается самым древним и крупным поселением в области Амуля (В.Н. Пилипко).

Многочисленные археологические источники подтверждают, что наиболее интенсивное обживание САР приходится на время вхождения этих земель в состав Кушанского государства (В.Н. Пилипко, А.А. Бурханов). Усиливаются экономические и культурные контакты с сопредельными территориями, но прежде всего с Бактрией. Это время строительства мощных крепостей и сельских по-

Амударье. Ибо эта река протекает по всем регионам, расположенных вдоль ее берегов. Для Амударьи характерны специфические природно-географические условия: характерны паводки, которые ежегодно повторялись 3 – 4 раза. От реки через паводные каналы проводился сбор воды в искусственные водохранилища. Во время паводков река могла затопить поля, разрушить населенные пункты. В связи с этим храм в Хазарек-депе мог служить местом, откуда местные специалисты наблюдали за изменениями русла великой реки. Возможно, около храма также праздновалось начало сельскохозяйственных работ. Такого рода праздники отмечаются исследователями в Хорезме. Не исключено, что во время празднеств вокруг храма, являющегося единственным во всем Гарабекаульском оазисе, собирались с обоих берегов Амударьи земледельцы и их соседи – кочевники-скотоводы. Пылали костры, устраивалась трапеза, приносились жертвы, происходили состязания, в храме возносились молитвы в честь богов-покровителей.

Основные направления экономического и культурного развития Средней Амударьи прослеживаются в целом и в эпоху развития средневековья. В это время усиливаются связи с Хорасаном, бухарским оазисом и Хорезмом. Макдиси называет область Амударьи «многонаселенной, изобилующей жизненными благами, хорошо обеспеченной водой». Данные письменных источников подтверждают историко-топографическими и археологическими материалами и говорят о богатом хозяйственном развитии, высокой культуре населенных пунктов региона (М.Е. Массон, Г.А. Пугаченкова, А. Бурханов).

селений, активного освоения новых земель (прежде всего, в зонах макро оазисов Керкинского, Гарабекаульского и Чарджевского), сооружения оросительных систем, роста населения, активизации торговых и культурных отношений, развития местных культов и традиций буддизма. Многие оазисы и поселения региона являлись искусственно организованными общинами, создаваемыми властями в административных целях, а некоторые из укрепленных крепостей были резиденцией местной администрации и землевладельческой знати (В.М. Массон, В.Н. Пилипко). В основном же долина Амударьи в то время осваивается земледельческим населением, и основой экономики региона было поливное земледелие. Имеются (правда, косвенные) данные об оросительных каналах и существовании крупных водохранилищ.

В ходе раскопок выявлено большое количество хумов, в которых хранились продукты земледелия. Сведения о наборе возделываемых культур пока также ограничены. Местные земледельцы, прежде всего, выращивали зерновые культуры и занимались садоводством. Учитывая, что виноградная гроздь (или другой плод) избрана культовым атрибутом одной из наиболее почитаемых богинь местного культа, можно допустить развитие виноградарства и садоводства. Несомненно, в хозяйстве региона значительную роль играло животноводство. Прилегающие горные (на юге региона) и пустынные территории создавали благоприятные условия для занятия местного оседлого населения животноводством и заселения близлежащих плодородных пастбищ кочевниками-скотоводами. По костным останкам устанавливается развитие крупного и мелкого рогатого скота. Этой отрасли преимущественно занималось кочевое население, присутствие которого подтверждается рядом могильников и произведениями коропластики.

В V – VI вв. в истории САР начинается новый период, обусловленный ослаблением Сасанидов и включением в состав государства эфталитов, а в дальнейшем образованием на этой территории мелких самостоятельных владений (Б.Я. Ставиский, Б.И. Вайнберг). Возможно, они образовались на базе устоявшихся историко-культурных оазисов области. Это период окончательного становления новых этнополитических и социально-экономических отношений в системе средневековья, значительного подъема экономической и культурной жизни. Формируется новый облик материальной культуры, во многом отличный от предшествующего, но генетически с ним связанный.

В IV–VII вв. САР, особенно его центральная и северная части (ядро области Амуля), в целом чувствует в культурном отношении влияние Согда и кочевого мира, отчасти и Хорезма. Судя по итогам наших исследований, особенно это ярко выражено на материалах керамической посуды (крупные тары с желобчатыми Г- и Т-образными венчиками, с грубым пористым и плохо обожженным черепком, потеками на внешней поверхности) и коропластики (бюсты воинов тюркского типа и фигурки всадников – идольчиков

/всадников-уродцев/) из Чарджевского, Гарабекаульского оазисов (Арапхана, Хазарек-депе и др.).

Это время межгосударственных, внутригосударственных и межэтнических конфликтов и набегов. Усиливались оборонительные функции крепостей, укрепленных храмов и цитаделей мелких поселений, превратившихся в мощные замки, способные противостоять осадам и атакам врага (Хазарек-депе, Ак-кала). Как раз тогда округлый храм Хазарек-депе из чисто культово-храмового сооружения превращается в укрепленный замок. На наш взгляд, первоначально этот округлый храм был посвящен культу воды – реке Амударье. Ибо эта река занимала большое место в жизни жителей всех регионов, расположенных вдоль ее берегов. Для Амударьи в всех регионах, расположенных вдоль ее берегов. Для Амударьи в силу специфических природно-географических условий характерны паводки, которые ежегодно повторялись 3 – 4 раза. От реки через паводные каналы проводился сбор воды в искусственные водохранилища. Во время паводков река могла затопить поля, разрушить населенные пункты. В связи с этим храм в Хазарек-депе мог служить местом, откуда местные специалисты наблюдали за изменениями русла великой реки. Возможно, около храма также праздновалось начало сельскохозяйственных работ. Такого рода праздники отмечаются исследователями в Хорезме. Не исключено, что во время празднеств вокруг храма, являющегося единственным во всем Гарабекаульском оазисе, собирались с обоих берегов Амударьи земледельцы и их соседи – кочевники-скотоводы. Пылали костры, устраивалась трапеза, приносились жертвы, происходили состязания, в храме возносились молитвы в честь богов-покровителей.

Основные направления экономического и культурного развития Средней Амударьи прослеживаются в целом и в эпоху развития того средневековья. В это время усиливаются связи с Хорасаном, бухарским оазисом и Хорезмом. Макдиси называет область Аму «многонаселенной, изобилующей жизненными благами, хорошо обеспеченной водой». Данные письменных источников подтверждают историко-топографическими и археологическими материалами и говорят о богатом хозяйственном развитии, высокой культуре населенных пунктов региона (М.Е. Массон, Г.А. Пугаченкова, В.Н. Пилипко, А.А. Бурханов).

ВАЛЕЕВ Р.М.

(Казань)

Итоги и перспективы изучения истории российского востоковедения (XIX – XX вв.)

В XIX – XX вв. востоковедческое образование и наука о Востоке приобрели системный, комплексный и интегрированный характер. История отечественного востоковедения представляет собой самостоятельную область ориенталистики и составляющую истории науки и культуры российского общества. Знания по истории науки и культуры востоковедения возникают одновременно с воз-

никновением науки о Востоке. Возникновение и развитие актуального историко-научного направления – истории отечественного востоковедения представляет собой важное научное и культурное событие.

Историография и источниковедение российского востоковедения развивались на протяжении XIX – XX вв. В XIX – первой половине XX вв. определены основные направления изучения – биографии отечественных востоковедов, история формирования и развития востоковедных дисциплин, учебных, научных учреждений и обществ, периодики и национальных гуманитарных школ.

На современном этапе исследуются новые задачи и проблемы – формирование и развитие востоковедческих центров и школ, научных и культурных воззрений ориенталистов, направлений и тематики российского востоковедения и др.

В периодизации изучения истории российского востоковедения XIX – XX вв. наиболее заметны следующие хронологические рубежи – середина XIX в., конец XIX – начало XX вв., вторая половина 1950-х – 1970-е гг. и 1980 – 1990-е гг.

В ходе формирования и развития востоковедения в России история образования и науки привлекла широкий круг исследователей и получила глубокое и многоаспектное исследование – введены в научный оборот многие оригинальные источники, изданы монографические труды, исследовательские статьи и материалы. Сегодня сформировались и развиваются научные подходы к изучению истории востоковедения в России и Европе, даны обобщающие оценки деятельности известных академических и университетских востоковедов и в целом представлена широкая картина развития российского востоковедения. Как известно, выдающиеся ученые-востоковеды оставили не только труды в той области знания, которую они разрабатывали, но и фундаментальные исследования развития научных отраслей и направлений ориенталистики – тюркологии, арабистики, индологии, китаеведения, иранистики, исламоведения и т.д.

Отечественное востоковедение, его лучшие представители глубоко и с интересом обращались к истокам и путям развития науки о Востоке, судьбам ориенталистов и их трудам. Эта ценная традиция особо заметна в деятельности известных исследователей – Аделунга, Дорна, Григорьева, Савельева, Булича, Веселовского, Бартольда, Крачковского, Ольденбурга, Крымского, Алексеева, Самойлова, Гордлевского, Кононова и других отечественных востоковедов. Работы отечественных востоковедов составляют основу дальнейшей работы по изучению истории российского востоковедения и его органической связи с европейскими и азиатскими научными центрами.

В историко-философских оценках двух выдающихся востоко-

ведов России – С.Ф.Ольденбурга и В.В.Бартольда образ востоковедения в России был сформулирован следующим образом: «сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала» и успехи по изучению Востока «большее частью все-таки далеко не соответствуют тем ожиданиям, на которые, казалось бы, дают право географическое положение России, состав ее населения и труд длинного ряда поколений со времени Петра Великого».

Работы отечественных историков востоковедения решали задачу хронологической систематизации его зарождения и развития, описывали научные достижения ученых и развитие научных идей и проблем, освещали научную и преподавательскую деятельность востоковедов России и Европы. Современные статьи и работы концентрируют основное внимание на оригинальных, найденных в центральных и местных архивах, материалах о жизни и деятельности востоковедов, об истории научных учреждений и обществ и в целом неизвестных страницах российского востоковедения.

На современном этапе менее всего воссоздан социокультурный и мировоззренческий контекст жизни и деятельности востоковедов и мало уделяется внимания анализу традиций и новаций в востоковедении. В перспективе интересным представляется изучение внешних социокультурных, политических и мировоззренческих факторов, повлиявших на достижения в научных дисциплинах, рост знаний о Востоке и судьбу ориенталиста в истории науки и культуры народов России. Также актуальным представляется применение в работах по истории отечественного востоковедения методик психологического и социологического анализа. Проблема изучения эволюции методов востоковедных исследований в России XIX – XX вв. может стать в центре работ по истории отечественного востоковедения. К великому сожалению, мало научно-просветительских работ и изданий для школьников, которые бы популяризировали историю отечественного востоковедения.

ВАРЕНОВ А.В.

(Новосибирск)

**Древнеиндийские параллели в ритуальной практике
воинов-колесничих древнего Китая**

(по материалам находок в могиле Фу-хао в Аньяне)

Обычно, когда речь заходит об индийско-китайских контактах эпохи древности, то вспоминают в первую очередь о колесницах. И в Индию, и в Китай колесницы были привнесены со стороны достаточно рано и уже в готовом виде. Одним из атрибутов воина-колесничего в древнем Китае в шанскую эпоху был так называемый «предмет неизвестного назначения» (ПНН) или, иначе, «модель ярма». Встречаются «модели ярма» и в Минусинской котловине.

В богатой, не тронутой грабителями могиле царского статуса,

исследованной в конце 70-х гг. близ г. Аньяна, обнаружено 6 «моделей ярма». Эта могила принадлежала, как считается, Фу-хао, одной из жен иньского вана У-дина. «Модели ярма» у Фу-хао распределены по схеме 3 + 3 – три внутри погребальной камеры, на дне могилы, и три – гораздо выше перекрытия погребальной камеры, в верхних слоях заполнения могилы. Вместе с «моделями ярма» над крышкой гроба оказалась захоронена масса других предметов. Их анализ дал интересные результаты.

За счет троичности наборов различных категорий инвентаря удалось выявить три комплекта предметов вооружения и снаряжения: 3 ПНН; 3 пучка стрел по 10 экземпляров в каждом; 3 бронзовых клевца; 3 нефритовых накладки на конец лука для закрепления тетивы; 3 нефритовых клевца; 3 глиняных свистульки; 3 круглых бронзовых зеркала с центральной петелькой; 3 изготовленных из слоновой кости бокала и т.п. Кроме того, 3 наконечника стрелы оказались воткнутыми в землю над всем этим скоплением вещей.

Еще одно бронзовое зеркало найдено внутри погребальной камеры Фу-хао, на дне ее могилы вместе с «моделью ярма» и крупным бронзовым дугообразнообушковым ножом «карасукского» типа, рукоять которого увенчала козержей головкой. Такие ножи характерны и для Северного Китая, и для Южной Сибири. Бронзовое зеркало – очень редкая находка для шанского Китая, и всегда считалась там импортом. Столь же необычны и бокалы из слоновой кости. Тем более неожиданным оказалось их сочетание с комплектами вооружения.

На память сразу же приходит эпизод из «Махабхараты», когда герой Сатъяки из рода Ядавов перед началом сражения пьет мед *кайлавата* и прикасается к бронзовому зеркалу для усиления своей мощи вдвое. Логично допустить, что находка бокалов из слоновой кости и бронзовых зеркал в могиле Фу-хао не случайна. Она связана с существованием в древнем Китае воинского ритуала, похожего на тот, что описан в «Махабхарате». Более пристального внимания заслуживают и бронзовые зеркала из степных районов Евразии, где расположен вероятный источник происхождения этого ритуала.

Бокалы из слоновой кости в могиле Фу-хао не привозные, они украшены типично иньским орнаментом. Слоны были известны иньцам и даже, вероятно, ими domesticiрованы. В могиле Фу-хао есть две резных нефритовых фигурки слонов, покрытые иньским орнаментом. В Аньяне встречен и полный скелет слоненка, захороненный с бронзовым колокольчиком на шее. Некоторые из аньянских находок можно интерпретировать как инструменты погонщика для управления слонем.

Другая возможная линия поиска связи древнего Китая и Индии – это обучение воинов-колесничих одновременно и вести бой (стрелять из лука), и управлять колесницей. «Модели яра», по нашему мнению, именно для этого и предназначались. Письмен-

ные источники приписывают обладание таким комплексным навыком и Ашваттхаману, одному из героев «Махабхараты», сражавшемуся в Курукшетре, и последнему из иньских ванов Чжоу-синю (Ди-синю).

БАТМАН С.В.

(Санкт-Петербург)

Исследования бенгальского вайшнавизма

Бенгальский вайшнавизм – религиозная традиция, представляющая собой направление или ветвь вайшнавизма (вишнуизма), зародившееся и получившее первоначальное распространение в Бенгалии. Основоположителем ее был знаменитый религиозный проповедник и реформатор Шри Чайтанья (1486-1533), провозгласивший универсальный духовный путь для всех, независимо от касты, этнической и религиозной принадлежности – путь любви и преданности Богу (*бхакти*).

Возникновению первых научных исследований бенгальского вайшнавизма предшествовал Бенгальский Ренессанс, пробудивший интерес к литературному наследию Бенгалии, в т.ч. и к литературе бенгальского вайшнавизма. В 1907 г. в Калькутте вышла привлекавшая всеобщее внимание книга Ш.К.Гхоша о Шри Чайтанье. Вскоре появились и первые исследования литературы бенгальского вайшнавизма, к числу которых принадлежат, например, труды выдающегося индийского филолога Д.Ч.Сена. К этому же периоду относится первая научная работа о бенгальском вайшнавизме на Западе – книга М.Т.Кеннеди «Движение Чайтанья в вайшнавизме на Западе – книга М.Т.Кеннеди». Впоследствии к этой теме возвращаются такие крупные исследователи как С.Сен и С.К.Дэ; последнему принадлежит целый ряд значительных работ, в частности, «Ранняя история религиозного учения и движения вайшнавов в Бенгалии»² – наиболее фундаментальное исследование бенгальского вайшнавизма на английском языке с подробным обзором творчества всех ранних бенгальских вайшнавских авторов. Из историко-филологических исследований следует также назвать труды М.Мансимхи и Ч.Даса. На русском языке существует работа В.А. Новиковой³, в которой характеризуется вклад бенгальского вайшнавизма в становление бенгальской национальной литературы.

В 30-е годы появляется ряд историко-религиоведческих исследований, в числе которых важная работа Б.Маджумдара на бенгали, дающая богатый источниковедческий материал⁴. Много работ подобного рода выходит начиная с 60-х годов. Среди них – исследования А.К. Маджумдара, Дж. Чакраварти, Р. Чакраварти, П. Мукерджи, А.Н. Чаттерджи. Нужно добавить сюда и работы отечественной исследовательницы Н.М. Корабельник, посвященные социальным аспектам учения Шри Чайтанья. Интересны вышедшие в последние десятилетия статьи по разным вопросам исто-

рии, литературы, религии и мирозерцания бенгальских вайшнавов. Таковы работы Н. Дельмонико, Ч. Чаттерджи, Н. Хейна, Дж.Т. О'Коннела, Д.М. Вулф, Э.С. Даймока, Ф. Харди и др.

Из исследований, посвященных теологии и философии бенгальского вайшнавизма нужно прежде всего упомянуть посвященные этому главы IV тома «Истории индийской философии» С.Дасгупты, где дано первое достаточно объективное изложение доктрины бенгальского вайшнавизма. Далее следует назвать «Доктрину бенгальского вайшнавизма» Р.Натха на бенгали, самый объемный труд на данную тему⁵, а также монографии С.Чакраварти, Свами Б.В.Тиртхи, С.Наранг, С.М.Элкмана и О.Б.А.Капура, у которого дан сравнительный анализ важнейших концепций и понятий бенгальского вайшнавизма и других школ веданты⁶. Нужно отметить работы Э.Даймока, в которых вдумчиво проводится параллель между мистическим учением бенгальского вайшнавизма и западноевропейским средневековым мистицизмом⁷.

Наконец, есть еще один – чрезвычайно важный – раздел литературы, без которого никак не обойтись исследователю бенгальского вайшнавизма, дающий возможность взглянуть на предмет «изнутри», проясняя многие его существенные элементы: труды вайшнавских теологов и историков XIX – XX вв. – Бхактивиноды Тхакура, Бхактиведанты Свами Прабхупады и др.

¹Kennedy, Melville T. The Chaitanya Movement: A Study of the Vaishnavism of Bengal. London, 1925.

²De, Sushil Kumar. The Early History of the Vaisnava Faith and Movement in Bengal. Calcutta, 1960.

³Новикова В.А. Очерки истории бенгальской литературы. Л., 1965.

⁴Majumdar, Bumanbihari. Sri-caitanya-caritera upadana. Calcutta, 1939.

⁵Nath, Radhagovinda. Gaudiya-vaishnava-darsana. (5 vols.). Calcutta, 1957-1958.

⁶Kapoor, O.B.L. The Philosophy and Religion of Sri Caitanya. New Delhi, 1976.

⁷См., напр.: Dimock, Edward C. "Doctrine and Practice Among the Vaisnavas of Bengal" Krishna: Myths, Rites and Attitudes. Ed. By Milton Singer. Honolulu, 1966.

VRADY S.

(Vladivostok)

Some aspects of traditional Chinese biography: the Portrayal of Lin Zexu in Qing historiography

The present paper is investigating tendencies in the historiographical tradition of biographical writing in China through the description of eminent person in Qing history, Lin Zexu (1785-1850). The sources used illustrate actual attempts to create Lin Zexu image as a dedicated official, loyal to the Emperor. Later, his image developed into

that of a national patriot (during the Guomindang period of the history of China). More recently, P.R.C. historians have portrayed him, on the one hand, as a patriot who struggled against foreign invasion, and, on the other, as a clever official who attempted to make use of Western scientific achievements.

Interest in Lin Zexu has continued into the present¹.

Lin Zexu, the famous Qing official, has been honored and remembered for his resolute opposition to the opium trade and stiff resistance to foreign incursions.

Soon after his death in 1850, many writers produced works describing his life and activities. Certain historiographic conventions are evident in their descriptions.

The common characteristic of the earliest Lin biographies accessible to the present author are striking. One similarity is that all are quite short. This comparative conciseness, however, may be a feature of Chinese biographical writing: the multivolume biographies emphasize the public achievements of its subject with less attention to the private sphere of life. The contents of each biography were selected to include in strict arrangement information considered essential by Qing historiographers, namely: family origins, an outline of state service, and quotations from memorials. In «private» biographies a few episodes, possibly fictional, may be added to enliven the text. The common result is a retouched portrait of completely idealized prominent statesman, presented as a flawless model.

One of the major features of Chinese biographical writing is its tendency to stereotype its subjects. As a rule, such stereotyping is established in a more or less developed form in the writing of the subject contemporaries. In later literature, however, characterizations may be altered according to current political conditions and to the views of individual authors. A scholar who uses such sources for the purpose of evaluating a subject may unwittingly absorb the biases of earlier writers. The modern historian, therefore, must understand the conventions of traditional Chinese historiography in order to avoid being unduly swayed by the sources on which it is based.

Qing biographies served, on the one hand, as end points in the process of sanctification of their deceased subject and, on the other hand, fulfilled a didactic function by encouraging future state officials to cultivate Confucian morals.

¹ More detailed description of literature about Lin Zexu see historiographical chapter in: Vradiy S. Lin Zexu. Patriot, mislitel, gosudarstvenni deyatel Tsinskogo Kitaya (Lin Zexu. Patriot, Thinker, State Official of Qing Period China). Vladivostok: Far-Eastern State University Publishing House, 1993.

(Таджикистан)

Персидская текстология в XIV-XVII вв.

Персидская текстология, как важная отрасль литературоведения имеет более чем тысячелетнюю историю. Однако, исходя из фактического материала, которыми мы располагаем, можно констатировать, что научные принципы изучения и подготовки персидского литературного текста стали разрабатываться с XIV века. Следует отметить, что в персидской текстологии излагаемый материал впервые представляется в настоящей статье. Надеемся, что он будет иметь определенное значение в исследовании истории текстологии.

В XIV в. Мухаммад ибни Кавом ибни Рустам Балхи на основе 20 вариантов «Махзануласрор» Низоми подготовил текст этого произведения и его комментарий¹. Возможно именно этот автор впервые предложил метод выбора наиболее близкого к оригиналу текста стихов Низами. Как сообщает сам автор, им был подготовлен текст «Махзануласрор» вместе с комментариями в объеме 1309 бейтов², а в предисловии текста отмечается, что этот же метод был использован автором при подготовке текста «Искандарнаме».

В конце того же века Мухаммад Гуландом впервые подготовил полный текст девана Хафиза. Некоторые ученые сомневались в реальности связей Мухаммада Гуландома с Хафизом и вообще в существовании человека с таким именем³. Теперь же выяснилось, что Мухаммад Гуландом действительно был реальным лицом, и более того, одноклассником Хафиза и очень много сил отдал подготовке текста дивана Хафиза. Сохранились также некоторые стихи самого Гуландома⁴.

В XV в. персидская текстология достигла еще большего развития. В этом веке заново были собраны и отредактированы сводный текст «Шахнаме», произведения Амира Хусрава, диваны стихов Саади, Хафиза.

В период правления тимурида Фаридуна Мирзо диван Хафиза был подготовлен на основе 500 рукописей и в эту работу была вовлечена целая группа компетентных ученых. По поручению Фаридуна Мирзо диван был снабжен детальным предисловием, написанным Ходжа Шахобиддином Абдуллох Марворидом, известным под псевдонимом Баёни. Подготовка сводного текста была завершена в начале X века хиджри (907 г.). Окончательный вариант этого текста был издан под редакцией Ахмада Муджохиды⁵.

Дальнейший расцвет персидской классической текстологии связан с именем Абдулатифа ибн Абдуллоха Аббоси (умер 1048 г.). В период с 1024 по 1031 х.к. им был подготовлен текст «Маснави маънави» на основе 80 рукописных вариантов⁶. Более десяти лет своей жизни Абдулатиф Аббоси потратил на редактирование текста «Маснави маънави», который признан наиболее точным вариантом этого периода. По словам этого ученого, еще до него в течение 35 лет на основе 60 вариантов было подготовлено серьезное издание «Маснави маънави»⁷. На базе отредактированного им в течение 12 лет текста «Маснави маънави» этот автор подготовил книгу под на-

званием «Латоифуллугот».

При подготовке текста Абдулатифом **Аббоси** был использован ряд атрибутивных принципов текстологии.

В том числе, над бейтами дополненными переписчиками, им поставлена буква «j», т.е. зонд (добавленное, лишнее), составлен список рассказов «Месневи» и подготовлены примечания к словам, претерпевшим изменения в тексте.

Заслуживает внимания также и факт о том, что Мухаммад Акрам Мултони сообщает о древнейшем тексте «Гулистана» Саади, отредактированном самим автором⁸.

Приведенные факты приводят нас к следующим выводам:

1. Еще в XIV в. персидские литераторы осознавали необходимость подготовки критического литературного текста и первые научные открытия в этой отрасли относятся к названному веку.

2. В этот период были разработаны некоторые приемы научной подготовки текста. Добавленные бейты и фрагменты были исключены из основного канонического текста.

3. Были созданы специальные группы ученых для подготовки и редактирования критического и сводного текста.

4. Признанным методом стало исследование автографов, т.е. рукописей авторов и текстов, переписанных современниками литераторов.

5. Вошли в научную практику принципы подготовки текста вместе с путеводителем-справочником, предисловием, комментарием терминов и примечанием к сложным моментам.

Цитированная литература:

1. Мухаммад ибни Кавом ибн Рустам Балхи. Шархи «Махзануласрор», вариант 9 в Рукописном Фонде Института Рукописей АН Республики Узбекистан им. Х.Сулэймани.
2. Тот же источник, стр. 7.
3. Хофиз аз дидгохи аллома Казвини. Под ред. Исмаила Сорамии, Тегеран, 1367, стр. 203-204.
4. Хасан Имдод. Симои шоирони форс дар хазор сол. Тегеран, 1377, том 1, стр. 123-124.
5. Девони Хофиз. Вариант Фаридуна Мирзо Тимури. Под ред. Ахмада Муджохиды, Тегеран, 1379.
6. Абдулатиф ибн Абдулло Аббоси. Шархи «Маснави маънави» мавсум ба «Латоифулмаънави мин хакоикилмаснави», вариант № 7035 из Рукописного Фонда Института Востоковедения АН Республики Узбекистан.
7. Тот же источник, стр. 7.
8. Мухаммад Акрам Мултони. Шархи «Гулистон», Лохур, 1896, стр. 34.

НУСАЙРИЕВ М.Г.

(Хорог)

Оценка риска геологических угроз на западном Памире

В результате глобального потепления перед ледниками или в их языковой части начали активно образовываться озера. Перекрытием этих ледниковых озер служат плотины, образованные моренами. Быстрое накопление воды может привести к неожиданно-

Уры просветительского типа Таджикистана в конце XIX в. исходным субстратом является богатое национальное,ное наследие таджикского народа, преемственность гумаских, дидактических его традиций.

ачительную роль в этом сыграло влияние передовой русократической мысли и, уходящие своими корнями в глубьрадиционные культурные и научные связи Таджикистана сИраном, Афганистаном, Турцией и арабскими странами.

конце XIX – начале XX в. торгово-экономические связи ши-пользовались для взаимного проникновения общественнойв том числе просветительские идеи и просветительской ли-ы народов Таджикистана и Индии.

этом аспекте значительную роль сыграли:

Традиционный книгообмен и книготорговля между Таджи-м и Индией;

Выходцы из Индии, проживающие в поселениях индий-цов, образовавшихся в различных областях Центральной

Обмен широко пропагандирующими просветительскихетами и журналами, издающимися в Индии, Центральнойипте, России и Кавказе;

Личная переписка и непосредственный обмен сочинения-ов-просветителей Центральной Азии и Индии.

сожалению, данный вопрос по сей день не был предметомого исследования, что способствовало бы изменению быту-индологической науке мнения о том, что в годы английскойии Индия была полностью изолирована от внешних влия-ро, что просветительские движения в Индии являются лишьением просветительской миссии англичан, как утверждаютзападные востоковеды.

Взаимовлияние и взаимообогащение культур Таджикистана и Индии

джикская духовная и материальная культура эпохи Сама-несла большой вклад не только в развитие культуры наро-Азии, но и мировой культуры в целом. Значитель-терней и богатой

нистических, дидактических его традиций.

Значительную роль в этом сыграло влияние передовой русской демократической мысли и, уходящие своими корнями в глубь веков, традиционные культурные и научные связи Таджикистана с Индией, Ираном, Афганистаном, Турцией и арабскими странами.

В конце XIX – начале XX в. торгово-экономические связи широко использовались для взаимного проникновения общественной мысли, в том числе просветительские идеи и просветительской литературы народов Таджикистана и Индии.

В этом аспекте значительную роль сыграли:

1. Традиционный книгообмен и книготорговля между Таджикистаном и Индией;

2. Выходцы из Индии, проживающие в поселениях индийских купцов, образовавшихся в различных областях Центральной Азии;

3. Обмен широко пропагандирующими просветительских идей газетами и журналами, издающимися в Индии, Центральной Азии, Египте, России и Кавказе;

4. Личная переписка и непосредственный обмен сочинениями поэтов-просветителей Центральной Азии и Индии.

К сожалению, данный вопрос по сей день не был предметом серьёзного исследования, что способствовало бы изменению бытующего в индологической науке мнения о том, что в годы английской экспансии Индия была полностью изолирована от внешних влияний и то, что просветительские движения в Индии являются лишь порождением просветительской миссии англичан, как утверждают многие западные востоковеды.

Взаимовлияние и взаимообогащение культур Таджикистана и Индии

Таджикская духовная и материальная культура эпохи Саманидов внесла большой вклад не только в развитие культуры народов Центральной Азии, но и мировой культуры в целом. Значительно влияние этой культуры в истории развития древней и богатой культуры Индии, географически близко расположенной с обширной территорией государства Саманидов, исторически связанной узлами дружбы, культурных и торговых отношений с народами, населявшими эту территорию.

...ствам письменных источников, с вторже-

Значительную роль в этом сыграло влияние передовой русской демократической мысли и, уходящие своими корнями в глубь веков, традиционные культурные и научные связи Таджикистана с Индией, Ираном, Афганистаном, Турцией и арабскими странами.

В конце XIX – начале XX в. торгово-экономические связи широко использовались для взаимного проникновения общественной мысли, в том числе просветительские идеи и просветительской литературы народов Таджикистана и Индии.

В этом аспекте значительную роль сыграли:

1. Традиционный книгообмен и книготорговля между Таджикистаном и Индией;

2. Выходцы из Индии, проживающие в поселениях индийских купцов, образовавшихся в различных областях Центральной Азии;

3. Обмен широко пропагандирующими просветительских идей газетами и журналами, издающимися в Индии, Центральной Азии, Египте, России и Кавказе;

4. Личная переписка и непосредственный обмен сочинениями поэтов-просветителей Центральной Азии и Индии.

К сожалению, данный вопрос по сей день не был предметом серьёзного исследования, что способствовало бы изменению бытующего в индологической науке мнения о том, что в годы английской экспансии Индия была полностью изолирована от внешних влияний и то, что просветительские движения в Индии являются лишь порождением просветительской миссии англичан, как утверждают многие западные востоковеды.

Взаимовлияние и взаимообогащение культур Таджикистана и Индии

Таджикская духовная и материальная культура эпохи Саманидов внесла большой вклад не только в развитие культуры народов Азии, но и мировой культуры в целом. Значительная роль принадлежит древней и богатой

му прорыву таких естественных плотин.

Высвободившиеся в результате огромные объемы воды и обломочного материала, т.е. паводок, вызванный прорывом ледникового озера, может иметь катастрофические последствия. Сель в кишлаке Дашт Горно-Бадахшанской Автономной Области (ГБАО) в Таджикистане, 7-ого августа 2002 года привело к полному уничтожению кишлака и многочисленным человеческим жертвам.

Несмотря на неоднократно проводившиеся исследования отдельных случаев, особенно в советское время, в настоящее время не существует подобного перечня ледниковых озер и прорывоопасных участков для Памира. Ускорение процесса глобального потепления приводит не только к образованию ледниковых озёр, но и к повышению границы вечной мерзлоты, что является причиной высвобождения большого объема рыхлообломочного материала, которые раньше удерживались на месте льдом. Этот рыхлообломочный материал в настоящее время может быть вовлечен в процесс переноса масс в виде водо-каменных или грязекаменных селевых потоков или в виде медленных склоновых процессов. Эти процессы могут служить причиной формирования естественных неустойчивых плотин и перекрытия русел рек. Обрушение масс в озёра может повлечь за собой паводки с катастрофическими последствиями для населения, проживающего ниже по течению, или для инфраструктуры.

Исходя из вышеизложенного, можно придти к выводу о решении следующих задач:

- Составление перечня любых геологических угроз.
- Сбор данных о ледниковых озерах, динамика изменения ледников и их движения.
- Сбор, анализ и интерпретация метеорологических и гидрологических данных.
- Исследования случаев, когда движение масс вызывается сейсмическими явлениями.
- Оценка потенциального риска от удаленных геологических угроз и создание карт с указанием угроз.

POULATOVA Sh.

Dushanbe

Interference and mutual enrichment of cultures of Tajikistan and India

An influence of Tajik culture on Indian was mutual and has lead to mutual enrichment of both. This influence facilitated the establishment of phenomena known in science as Indo-Muslim culture that gave the world masterpieces of architecture and land architecture, literature, jeweler's art, painting, tourevtics etc.

Пулатова Ш.П.

(Душанбе)

Взаимопроникновения и взаимовлияние просветительских идей и просветительской литературы Таджикистана и Индии

В процессе формирования просветительского движения и литературы просветительского типа Таджикистана в конце XIX – начале XX в. исходным субстратом является богатое национальное, культурное наследие таджикского народа, преемственность гуманистических, дидактических его традиций.

Значительную роль в этом сыграло влияние передовой русской демократической мысли и, уходящие своими корнями в глубь веков, традиционные культурные и научные связи Таджикистана с Индией, Ираном, Афганистаном, Турцией и арабскими странами.

В конце XIX – начале XX в. торгово-экономические связи широко использовались для взаимного проникновения общественной мысли, в том числе просветительские идеи и просветительской литературы народов Таджикистана и Индии.

В этом аспекте значительную роль сыграли:

1. Традиционный книгообмен и книготорговля между Таджикистаном и Индией;
2. Выходцы из Индии, проживающие в поселениях индийских купцов, образовавшихся в различных областях Центральной Азии;
3. Обмен широко пропагандирующими просветительских идей газетами и журналами, издающимися в Индии, Центральной Азии, Египте, России и Кавказе;
4. Личная переписка и непосредственный обмен сочинениями поэтов-просветителей Центральной Азии и Индии.

К сожалению, данный вопрос по сей день не был предметом серьёзного исследования, что способствовало бы изменению бытующего в индологической науке мнения о том, что в годы английской экспансии Индия была полностью изолирована от внешних влияний и то, что просветительские движения в Индии являются лишь порождением просветительской миссии англичан, как утверждают многие западные востоковеды.

Взаимовлияние и взаимообогащение культур Таджикистана и Индии

Таджикская духовная и материальная культура эпохи Саманидов внесла большой вклад не только в развитие культуры народов Центральной Азии, но и мировой культуры в целом. Значительно влияние этой культуры в истории развития древней и богатой культуры Индии, географически близко расположенной с обширной территорией государства Саманидов, исторически связанной узлами дружбы, культурных и торговых отношений с народами, населявшими эту территорию.

Согласно свидетельствам письменных источников, с вторже-

нием в 976 году армии Сабуктегина Газневи в Индию, проник и таджикско-персидский язык. После Сабуктегина, его сын султан Махмуд (998-1030), между 1000-1030 годами, совершив один за другим несколько набегов в Индию, подчинил себе ряд ее северо-западных областей, в том числе благодатные земли Пенджаба. В результате военных походов султана Махмуда, которые совершались под лозунгом «распространение единобожия» («нашри тавхид») и «уничтожение следов язычества» («махри осори ширк»), в большую часть северо-запада Индии, наряду с исламской религией, стала проникать и распространяться культура Центральной Азии и Ирана, которая начала оказывать влияние на местную культуру.

Влияние это стало ощутимо в период существования в Индии крупных империй, возглавляемых мусульманскими династиями, происходившими из стран Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Например, когда основатель империи династии тимуридов в Индии Захириддин Мухаммад Бабур (1483-1530), завоевав большую часть северо-западных и северных областей страны, объявив Индию своей родиной, решил остаться здесь навсегда, в этих областях появилось много ученых, поэтов, зодчих и ремесленников – выходцев из Центральной Азии, Ирана, Афганистана. Они селились главным образом в городах и при дворах правителей, выполняя заказы двора и знати. Со временем их деятельность находила все более широкое применение. Таким образом происходило новое, на этот раз интенсивное проникновение ислама и мусульманской культуры в Индию. Говоря об этом процессе и его значении в общественной и культурной жизни Индии, Джавахарлал Неру писал: «Ислам заставил Индию встряхнуться. Он влил в нее жизненные силы и дал импульс прогрессу общества, которое почти полностью утратило способность к прогрессу. Индийское искусство, пришедшее в упадок и захиревшее, перегруженное деталями и повторениями, на севере начинает претерпевать изменения. Развивается новое искусство, его можно назвать индо-мусульманским, полное жизни и энергии»¹.

В последующем, с постепенным завоеванием центральных и южных областей Индии мусульманскими династиями, ареал влияния мусульманской культуры на индийскую расширился. Однако это влияние не было односторонним. Оно было взаимным и приводило к взаимному обогащению каждой из культур. Слияние лучших элементов двух очень богатых, с древними традициями культур, в дальнейшем породило в индийской культуре феномен, именуемый в научной литературе «индо-мусульманская культура», которая дала миру шедевры архитектуры и садово-паркового искусства, прекрасные образцы художественной литературы, ювелирного искусства, торевтики, живописи и т.п. и поныне волнующие сердца, вдохновляющие молодых талантов разных стран мира.

Султан Махмуд Газневи и его преемники, пригласив из

Центральной Азии и Ирана в столицу Пенджаба город Лахор большое количество ученых, поэтов, деятелей искусств и мастеров, создавали для них благоприятные условия жизни и творчества. Вскоре Лахор, подобно Бухаре и Газне, Нишапура и Балха, превратился в крупный центр науки, литературы и искусств. Как отмечает автор «Тазкирай шуарои Панджоб» (Антология пенджабских поэтов) Сарханг Ходжа Абдуррашид: «... с этого времени фарси стал официальным языком государственных учреждений, науки и литературы северной Индии, а столица Газневидов – город Лахор называться «Малым Газни»². Пакистанский исследователь Ага Яминхан, развивая мысль Сарханг Ходжи Абдуррашида, добавляет: «Фарси, который был поначалу только официальным языком двора, в эпоху правления Иброхима Газневи, благодаря близким сношениям местного населения с носителями этого языка, в Лахоре достиг такой степени развития, что стал также «официальным языком знати» и многие лахорцы, не относящиеся по происхождению к персоязычным народам, легко освоив его, общались между собой на этом языке»³.

В первый литературный круг персо-язычных поэтов, созданный в Лахоре, входили такие знаменитые таджикско-персидские поэты как Абулфарадж Руни, Ато Яъкуб Навкук, Масъуд Саъди Салман, Абуабдаллах Рузбех и Усман Мухтари. Они своим творчеством не только заложили основу персо-язычной литературы Индии, но и содействовали широкой популяризации в Индии произведений великих поэтов таджикско-персидской литературы эпохи Саманидов, как Абу Абдаллах Рудаки, Рабий Балхи, Дакики, Фирдавси и Абу Али ибн Сино.

Опустошающие нашествия орд Чингизхана в начале XIII века, их варварские отношения к материальной и духовной культуре Центральной Азии привели к тому, что многие представители науки, культуры и литературы этого региона стали иммигрировать в различные страны Востока. Большая часть из них отправилась в Индию, в основном ко двору прославившихся к тому времени своим покровительством деятелей науки и культуры Газневидов. В первом потоке этих иммигрантов были такие поэты и ученые-филологи, как Бадри Чочи, Мухаммад Авфи Бухорои, Бахауддин Фергани и др.

С развитием науки и литературы при правлении династий Хильджи (1290-1320) и Туглаков (1320-1413) Дели и Бенгалия также стали приобретать славу крупных научных и литературных центров Индии.

Было бы неверно думать, что персо-язычная литературы Индии, как и мусульманская культура в целом, создавались усилиями только иммигрировавшего населения. В ее создании участвовали также представители местного населения, воспитанные индийской культурой, часть из которых была хорошо осведомлена о достижениях культуры персо-язычного мира. Например, многие индийские

ученики великого таджикского поэта-гуманиста, философа-суфия Абдуррахмана Джами (1414-1492), получившие образование в медресах Герата, в последующем стали светилами литературных кругов эпохи Искандара Луди, Захириддина Бабура и Хумаюна. По словам Гетифаллаха Растагар, «С приходом Бабура, который сам был воспитанником высокоразвитого Гератского двора, персидский язык (в Индии) стал особо привлекательным. Популярность персидского языка и его великолепие достигли такой степени, что одно время Дели по своему значению как центр науки и культуры котиrowался наравне с Самаркандом, а город Чандпур стал известен как «индийский Шираз», затем Кашмир называться «Малым Ираном»⁴.

Как упоминалось, влияние культур Центральной Азии и Ирана на индийскую носило взаимный характер. В художественной литературе оно просматривается более отчетливо. Например, еще Масъуд Саъди Салман (1046-1121) и Амир Хусрав Дехлеви (1251-1325), которые наряду с персидским и арабским сочиняли стихи и на языке хиндави (впоследствии именуемый урду – Ш.П.) в своих произведениях широко использовали элементы литературной традиции Индии; один из величайших ученых и мыслителей Востока Абурайхан Беруни в своей имеющей энциклопедический характер книге «Китаб-аль-Хинд» (Индия) использовал тысячи санскритских слов, преданий, сказаний и притч, из таких памятников древнеиндийской литературы, как «Веды», «Вишну-пурана», «Марабхарата», «Рамаяна», «Бхагаватгита» и «Патанджали», тем самым, ознакомив весь мусульманский Восток, и не только Восток, с содержанием этих памятников.

Одним из важнейших по своему значению плодов взаимодействия культур Центральной Азии, Ирана и Индии является зарождение языка урду на основе элементов языка таджикско-фарси, арабского и местного народного диалекта северной Индии кхариболи. В дальнейшем на этом языке была создана одна из великолепнейших ветвей индийской литературы – литература урду. Появившаяся первоначально в северной части страны, она стала развиваться сначала на Юге, затем и в других частях страны.

Среди литератур Индии на национальных языках, таких как пенджабская, бенгальская, кашмирская, тамильская, телугу и т.п., литература урду является единственной литературой, которая заимствовала жанры, виды, средства художественного изображения, литературные нормы и традиции таджикско-персидской литературы. Она, подобно прекрасному плоду привитого дерева, отличается своими особыми свойствами. Созданные на языке урду произведения таких мастеров художественного слова как Амир Хусрав Дехлеви, Мулла Ваджхи, Вали Аврангабади, Мир Амман, Раджа-балибег Сурур, Рамчандра, Назир Акбарабади, Муминхан Мумин, Мирза Галиб, Алтаф Хусейн Хали, Назир Ахмад, Мухаммад Икбал признаны как шедевры восточной литературы. Часть из них вошли

в сокровищницу мировой литературы.

Археологические находки древних памятников как Индии, так и Центральной Азии свидетельствуют о том, что искусство ткачества в этих регионах было развито еще в далекие времена. Письменные источники характеризуют развитие ткачества в Центральной Азии, например IX-X вв. большим объемом производства, разнообразием сортов ткани и их высоким качеством. Ткани изготавлялись из шелка, хлопка и льна. Центральна Азия была родиной многих сортов прекрасных тканей, среди которых одно из ведущих мест занимали ведарийские хлопчатобумажные ткани⁵, карбас (из санскритского карпасси, что означает хлопок), алача, особенно отличающаяся высоким качеством бухарская алача, шелковые ткани занданачи, название которой происходит от названия селения Зандана близ Бухары⁶, бархат – бахмал, махмал, особый сорт которой вырабатывался в Самарканде, Характеризуя продукцию центрально-азиатских народных мастеров в своих мемуарах, Захириддин Бабур об этой ткани писал: «Еще один самаркандский товар – малиновый бархат. Его вывозят во все края и страны»⁷.

К ценным видам шелковых тканей, производящимся в Центральной Азии, относится и камха (камха, камхаб, кимхаб). Эта ткань высоко ценилась не только в азиатских странах, но и в России и Европе. Платья из этой ткани обычно преподносились послам государей. Испанский посол Рюи Гонсалес де Клавихо, побывавший в столице империи Тимура – Самарканде, отметил, что богатство Самарканда «заключается не только в продовольствии, но и в шелковых тканях» -атласе, камокане (это он так называл камхаб), тафте и других, которых, – по его словам, – «там делается очень много»⁸.

До конца первой четверти XX века камхаб, как и другие высококачественные ткани, составляла значительную часть экспортируемых товаров из Туркестана.

В Индии издавна существовали несколько главных центров производства парчовых златотканых и серебротканых изделий. На севере наибольшей славой в этой области ремесла пользовались Сурат и Варанаси, на юге – Бангалор. В этих городах изготовлялось все необходимое для производства парчи кингхаб – от шелковой пряжи до тончайшей золотой и серебряной проволоки, которой обматывали пряжу, чтобы выработать золотую или серебряную нить, идущую на изготовление кингхаб или на вышивку по ткани. Эти нити известны под названием «зари», «касаб» и «калабатту»⁹.

Затруднительно утверждать с точностью, где первым стал производить камхаб, в Центральной Азии или Индии. Однако общее название ткани и ее составных частей – нитей «зари», «касаб» (названное от него происходит название таджикской ткани «бекасаб», т.е. ткань без применения золотой нити), название и технология создания индийской ткани «хамру», идентичная таджикскому «фараджи дуруя» или «товори дуруя», общность в искусстве орнаменти-

рования ткани и его методов, свидетельствуют о значительном взаимном влиянии искусства ручного ткачества Индии и Центральной Азии, следы которого можно наблюдать и сегодня. Например, хайдарабадскими ткачами поныне создается ткань по фактуре и по рисунку имитирующая таджикскую подшохи, одна из разновидностей знаменитого адраса, экспортируемого в прошлом во многие страны Востока, Кавказ, Поволжье и Казахстан; окраска ткани по принципу бандхана (обвяжи – окрась), производятся в Индии очень давно и популярна по сей день, в наши дни наблюдается в южных районах Таджикистана и называется «гулбанда». Например, кулябские женщины и девушки из ткани, окрашенной по такому принципу, носят нарядные платья, шаровары и платки.

Наверное гончарное дело – одно из древнейших ремесел человека. Но в каждом регионе его развитие сложилось по-разному.

Поскольку посуду из глины в климатических условиях Индии всегда было трудно очищать от остатков пищи и трудно дезинфицировать, индийцы издревле широко пользовались металлической посудой. Запреты, наложенные народной медициной, были кодифицированы религиозными предписаниями, касающимися ритуальной чистоты и нечистоты, в результате чего керамические сосуды стали использоваться членами высоких каст в основном для хранения зерна и воды, и лишь членам низких каст не возбранялось пользоваться ими для еды.

Из глины лепили фигурки различных божеств и богатый арсенал детских игрушек, покрывая их растительными красками.

В Центральной Азии керамика в быту всех слоев населения применялась широко. Материалы археологических раскопок и письменные источники свидетельствуют, например, о высокой технике и технологии керамического производства IX-X вв. в Центральной Азии, где изготавливалась самая разнообразная посуда, от крупных хумов для хранения припасов до игрушечных чашек и блюдец. Высшим достижением гончарного ремесла в это время была глазурованная керамика. Мастера IX-X вв. умели изготавливать разные глазури: щелочные, свинцовые и др. Трудоемкий процесс ангобирования, глазурирования, подглазурные росписи, которые требовали от гончара большого мастерства, придавали изделию гигиеничность, эстетичность и прочность.

Рисунки подглазурной росписи в основном растительного и геометрического характера, а на чашах, блюдах и кувшинах иногда почерком куфи разного рода благожелания. Подобная технология обработки керамических изделий и их орнаментация была заимствована индийскими мастерами в процессе совершенствования своего ремесла. Однако они применялись и теперь применяются в основном при производстве художественных изделий, таких как кувшинчики, цветочные вазы, вазы с крышкой для хранения специй, сахара и т.п.

Изделия из меди и бронзы, в том числе и декоративно-ху-

дожественного назначения были известны в Индии с древнейших времен. Еще в научном трактате «Артхашастра»¹⁰, наряду с техникой оковки медных сосудов, способы окраски металлов путем добавления тех или иных металлов или минералов¹¹ упоминается, что для еды использовались бронзовые чаши¹² и что изделия из меди и латуни считались ценнее железных¹³, многократно упоминаются золотые и серебряные вещи, как украшенные, так и не украшенные. Все говорит о широком использовании металлических изделий в быту, а значит, и о высоком развитии ремесленного производства этих изделий.

Металлическая посуда далеко не вся орнаментировалась. На сосуды для приготовления пищи обычно не наносились никакие узоры. Что касается чашек, тарелок и кувшинов, то в них больше ценились форма и материал, чем отделка. Утварь же используемая для еды, отличалась довольно богатой и разнообразной орнаментикой.

В X-XII вв. таджикскими мастерами были достигнуты исключительные успехи по художественному оформлению металлических изделий. Они в совершенстве овладели всеми техническими приемами обработки металла – литьем, чеканкой, резьбой, подчеканом. В торежке этого периода наблюдается преобладание бронзовых сосудов, изготовленных из сложных сплавов. Сосуды изготавливались различных форм: лаганы, котлы, шамдоны, кувшины, чойджи, различные формы: лаганы, котлы, шамдоны, кувшины, чойджи, жуши, офтоба, гулобдоны, сосуды для ритуальных омовений и др., большинство из которых богато инкрустировано красной медью, серебром и золотом¹⁴.

В их орнаментации использовались геометрические гирехи, растительные мотивы и надписи геометризированного куфи и плавной вязи насха.

Дошедшие образцы гератской, самаркандской, уструшанской и ферганской школы художественного оформления, выполненные чеканкой, резьбой и инкрустацией с использованием тонких пластин серебра и красной меди, восхищают изяществом стилистики, строгой изысканностью рисунка, гармонически сочетавшегося с формой изделия. Этот стиль был принят индийскими мастерами XVI-XVII вв. В эти века по Северной Индии широко распространились, например, способы нанесения на металлические сосуды тонкого растительного орнамента методом чеканки и гравировки, а также стала популярной «мусульманская» форма тонкогорлых кувшинов с длинным носиком, «подобным лебединой шее» (офтоба). Стала широко применяться и инкрустация по мрамору и алебастру полудрагоценными камнями. Этот метод нанесения орнамента получил широкое распространение как в строительстве, так и при изготовлении декоративных блюд, шкатулок и т.п.

В обобщении вышесказанного можно отметить, что в процессе исторического развития судьбы народов, населяющих Центральную Азию и северо-западные районы Южной Азии, куда входит территория нынешней Индии и Пакистана тесно переплетались,

происходило взаимное влияние культур. Влияние это стало особо ощутимо в период существования в Индии крупных мусульманских империй, в эпоху правления которых происходили многократные волны проникновения ислама и мусульманской культуры в Индию. В течение веков таджикско-персидский язык был государственным языком, языком науки и культуры Индии. Таким образом был создан единый ареал культуры.

1. Джавахарлар Неру. Взгляд на всемирную историю, М., 1989, т. I, с. 283.
2. Сарханг Ходжа Абдуррашид. Тазкираи шуарои Панджоб, Карочи, 1967, с. 7.
3. Ага Ямихан Лахори. Лохур нахустин маркази шеъри форси дар шибхи кора, журн. «Хилол», Карочи, сент. номер, с. 36.
4. Гетифаллохи Растагор. Афсонаи забони форси дар Хинд, журн. «Маджаллаи донишгадаи адабиёт ва улуми инсонии Машхад», 1350 шамси, 28, с. 819-820.
5. Свое название этот сорт получил от селения Ведар, расположенного недалеко от Самарканда, но делали эту ткань и во многих других местах Центральной Азии.
6. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история, М., 1972, с. 356; Абубакр Мухаммад ибн Джаъфар ал-Нархаши. Таърихи Бухоро, тарджумаи форси аз Абунаср Ахмад бин Мухаммад бин Насри ал-Кабови, Техрон, 1939, с. 17; Мукминова Р.К. Очерки истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI веке, Ташкент, 1976, с. 58.
7. Бабур-наме, Ташкент, 1969, с. 62.
8. Рюи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг., СПб., 1881, с. 327.
9. Гусев Н.Р. Художественные ремесла Индии, М., 1982, с. 94-95.
10. «Артхашастра» – санскр. – наука о пользе, о практической жизни / собрание наставлений по управлению государством. Составлялся примерно в IV в. до н.э. – II-III в. н.э.
11. Артхашастра или наука политики, М.-Л., 1959, с. 91-94.
12. Там же, с. 175.
13. Там же, с. 209.
14. Пулатов У.П. Материальная культура таджикского народа с XI-XIII века, Худжанд, 1998, с. 41.

ЯКУБОВ Ю.

(Таджикистан)

О возникновении и благоустройстве караванных дорог в Иране и Центральной Азии

Из источников известно, что первые межконтинентальные дороги были созданы в Ахеменидский период. Дарий I впервые в мире создал регулярную почтовую службу. Он отремонтировал старые дороги и построил новые, при которых имелась необходимая инфраструктура, и обеспечил безопасность движения по ним. На больших и важных государственных дорогах создавались станции с постоянными дворами, которые были расположены на расстоянии одного дня пути. Эти станции охранялись государством. Осо-

бо важные почтовые станции были укреплены и охранялись вооруженными отрядами. Дорога, которая связывала Европу с Азией шла через г. Сарди, столицу Мидии и доходила до г. Сузы, столицы Ахеменидов. По Геродоту эта дорога, протяженностью в 13500 стадий (2483 км), называлась царской. Вдоль нее было построено 111 остановочных станций. Одна такая дорога шла в Египет, другая через Акбатан в Парфию, Бактрию, Согд и дальше к сакам, Китаю и Индию.

На каждой станции имелись склады, откуда отпускалось продовольствие для гонимых и других чиновников, находящихся в пути. Здесь же были гостиницы, столовые и почтовые службы. По этим же дорогам шли караваны. На станциях останавливались и торговцы, там же продавали свои товары и приобретали новые и шли дальше. Мы предполагаем, что основателями первой межконтинентальной караванной дороги были Кир и Дарий I.

Впоследствии, на базе этих почтовых станций, созданных ахеменидами, появились каравансарай. Слово каравансарай иранского происхождения и следовательно арийские цари явились авторами первых каравансараяв. Торговля приносила большие доходы государству, и поэтому правители заботились о безопасности караванов на территории своих государств. Например, очень известным и благоустроенным каравансараем в Мавераннахре считался «Худонсар» в Уструшане. Его в начале IX в. построил царь этой страны – афшин Хайдар. Известный хорезмийский город Тахирия появился вокруг каравансарая, построенного правителем Хораса – Тахиром ибн Хусейном (821-828 гг.). В этом каравансараяе были комнаты для царя, крупных чиновников, богатых торговцев, ремесленников. Кроме жилых комнат в комплекс входили: мечеть, баня, библиотека, залы для приема гостей торгово-коммерческих дел. Худжры состояли из трех, двух комнат, в которых были все условия для нормального проживания и ведения торговли. В них находились лавки – мастерские по изготовлению ювелирных, кузнечных, ткацких, кожаных дел.

Известен каравансарай «Рабати Малик», построенный каравансараям Шахм ал-мулком (1078 г.). По данным ибн Хаукаля при Саманидах в Мавераннахре было 10 тыс. каравансараяв и сколько бы гостей и караванов ни приехало бы сюда, для них и для их лошадей, верблюдов, ослов находились пища и жилье.

Великий Шелковый путь был не только дорогой торговли, но и дорогой распространения науки, искусства и религии. Среди торговцев ходили ученые географы, историки, медики, поэты, художники, ремесленники, политики, разведчики священнослужители различных религий.

По прибытии каравана в тот или иной город, их принимал мер города, представитель страны. Они спрашивали о том, что было в дороге, чего не хватало, что надо делать, какие товары привезли. Правители хорошо были осведомлены о караванах, которые шли по их стране, они отвечали за их безопасность.

ИВАНОВ В.А.

(Ташкент)

**К вопросу о причинах кризиса
раннегородской цивилизации
в Средней Азии в эпоху развитой бронзы**

Эпоха древности, особенно в той части, где более всего проявляется активность археологии (эпоха бронзы) задавала и, несомненно, задаст еще немало загадок, обретающих в научном контексте высокий статус проблем.

Одной из таковых, уже немало десятков лет тревожащих умы и воображение специалистам по древним цивилизациям, является проблема внезапного запустения существенно продвинутых в историческом развитии древнеземледельческих центров, создавших высоко развитые по тому времени земледельческое хозяйство, ремесленное производство и достигших высокого уровня социального развития.

Причины, выдвигавшиеся для объяснения этого феномена – климато-географическое, нашествия более диких соседей – представляются весьма уязвимыми для критики. Предлагаемая мною модель «сецессионного механизма», думается, более предпочтительна и, несмотря на сугубо социологический характер, в качестве гипотезы обладает на данный момент большей объяснительной силой, уделяя внимание именно внутреннему фактору.

Представляется, что древнеземледельческие (протогородские цивилизации), достигнув существенно высокой ступени с далеко зашедшей социальной дифференциацией, встречали на своём эволюционном треке препятствие в виде барьера, преодолеть который удавалось далеко не всем. Суть барьера (порога) заключалась в том, что разделение общественного организма по разным социальным параметрам (основным следует, очевидно, считать имущественный – наиболее «весомый, грубый, зримый») с наличием массы обедневших общинников требовало своего разрешения, которое и выполнял «сецессионный механизм», то есть уход части общества (обедневших общинников) на новые земли, где ими воссоздавалась привычная, традиционная, включая религиозные представления, структура общества. Думается, это был наиболее бескровный вариант разрешения социальных коллизий, который история выработала на переломном рубеже эволюции человеческого общества. Достаточно убедительным примером могут служить современной Средней Азии в эпоху поздней бронзы.

КАМОЛИДДИН Ш.С.

(Узбекистан)

**О методах определения этнической принадлежности
древних народов Средней Азии
по данным письменных источников**

Средняя Азия, благодаря своему стратегически важному географическому местоположению на перекрестке важнейших торгово-экономических коммуникаций, связывавших Восток и Запад,

всегда находилась в центре внимания великих держав мира и на протяжении всей своей истории часто становилась жертвой захватнических войн иноземных завоевателей. Кроме того, Средняя Азия было зоной соприкосновения, сосуществования и взаимовлияния различных культурных традиций, которые в истории порой были настолько переплетены, что в настоящее время приводит к возникновению среди исследователей совершенно противоположных друг другу мнений при изучении тех или иных вопросов ее истории, в частности, этногенеза населявших ее в древности племен и народов. В этой связи, мы хотели бы высказать несколько своих соображений относительно некоторых установившихся в науке представлений, которые, на наш взгляд, являются спорными.

Обычно, исследователи при определении этнической и языковой принадлежности тех или иных племен и народов, упомянутых в письменных источниках, если в последних нет на этот счет прямых указаний, исходят, как правило, из следующих факторов: 1. Языковая принадлежность имен представителей того или иного племени или народа. 2. Язык, на котором говорили представители этих племен и народов. 3. Язык письменных памятников, оставленных этими племенами и народом.

Нам представляется, что все эти факторы, даже все вместе взятые, не могут быть достаточным основанием для определения истинной этнической принадлежности того или иного племени или народа, упомянутого в письменном источнике.

Во-первых, имя человека не всегда бывает связано с его этническим происхождением, а гораздо чаще, с его религиозной или культурной принадлежностью. Например, имена арабов-христиан совершенно отличаются от имен арабов-мусульман. Арабо-мусульманские имена, в свою очередь, имеют широкое распространение среди населения всех мусульманских стран. Среди древних тюрков, как известно, были распространены многие из мировых религий. До арабского завоевания среди тюрко-язычного населения Средней Азии и Хорасана, исповедовавшего зороастризм, были широко распространены иранские имена и титулы, а позднее среди тюрков, исповедовавших буддизм, иудаизм и христианство, кроме собственно тюркских часто встречались также имена буддийского, иудейского и сирийско-христианского происхождения. Кроме того, многие тюркские правители, военачальники и другие исторические лица упоминаются в источниках зачастую с именами или прозваниями, которыми их нарекали арабы и персы. Следовательно, нельзя говорить о принадлежности того или иного племени или народа к ирано-язычной этнической среде на том лишь основании, что один или несколько из его представителей носили иранские имена.

Во-вторых, даже язык, на котором общались представители того или иного племени или народа в момент контакта с информатором источника, также не всегда может быть достаточным осно-

НИЯЗОВА М.И.

(Бухара)

Предметы мужских украшений Бухары

XIX – начала XX вв.

Предметы мужских украшений Бухары XIX – начала XX. Исследование ювелирного дела Бухары – одного из традиционных видов ремесла и искусства, – имеет большое значение для выяснения роли Бухары как важнейшего политического, торгового и ремесленного центра всей Средней Азии.

Успехи исследователей в изучении ювелирного дела Бухары безусловны, но столь же безусловна неравнозначность состояния изученности разных вопросов и проблем. Лучше исследованы женские украшения XIX – начала XX вв., значительно меньше – мужские и детские. Лучше исследованы изделия ювелиров, хуже – организация ювелирного ремесла. Не умножая этот перечень, сразу подчеркнем, что для более углубленного, равностороннего и равнозначного изучения ювелирного дела, прежде всего нужно расширить источниковую базу исследования с максимальным привлечением различных типов и видов источников: предметов ювелирного производства (украшений, орудий труда ювелиров), письменных источников, фотографий.

К настоящему времени большое развитие получило изучение женских украшений Бухары XIX – начала XX вв. Научная литература в этих разделах значительна и разнообразна: публикация материала, статейные и монографические исследования. Предметы мужских украшений Бухары из частных коллекций и собраний музеев мира были опубликованы в работах исследователей Д. Фахретдиновой, А. Янаты, И. Калтера, Р. Хассона, Клаус-Петера Хааса, Р. Карутца, А. Терюкова и П. Погорельского.

Для статьи была использована этнографическая коллекция ювелирных изделий Бухарского музея-заповедника. Украшения для мужчин, представленные в коллекции музея, практически не изучались прежде. Комплекс украшений для бухарского мужчины состоял из головных украшений, поясов, украшений для рук. Мужчины в отличие от ранних периодов использовали очень мало персональных украшений. Желание выглядеть парадно было реализовано в использовании богато орнаментированных и дорогих по цене сбруй для персональных лошадей. Так как невозможно отделить имидж всадника и лошади под ним кажется резонным рассмотреть и сбруи в данной статье. Богато орнаментированное оружие так же составляло элемент мужского костюма, по нему можно было судить о статусе и положении владельца.

Головные украшения представлены в коллекции Бухарского музея фрагментом *тоджа* (перс. – корона, венец) Субхан-Кули хана Аштарханида, украшения для рук – многочисленными кольцами и перстнями.

Парадные пояса *камар* (перс. – пояс) являлись важной составной частью бухарского мужского костюма. В коллекции музея представлены металлические пояса и традиционные пояса в виде золотых или серебряных блях и пряжки на тканевой или кожаной основе. Ткани в основном местного производства: однотонный или многоцветный бархат «бахмал», парча «кундал»; для подкладки – полупелюшковая ткань «адрас», плотная хлопчатобумажная светлого цвета ткань. Некоторые кожаные пояса на подкладке из меха. Края пояса аккуратно подшиты вручную, некоторые отстрочены белой машинной строчкой. Иногда пространство между металлическими бляхами расшито шелком или чаще всего золотой нитью. Характер и форма элементов вышивки соответствуют стилю блях и пряжки пояса.

Бляхи и пряжки закреплены на тканевую основу пояса аккуратными стежками суровой ручной выделки нитью. Бляхи и пряжки из золота 750 пробы или из серебра 875, 900, 930 пробы, иногда позолочены.

Бляхи разнообразной формы: в виде раскрытого цветка, розетты, миндаля, S-образной формы завитков или звёздчатые.

Пряжки массивные бабочковидные, состоят из трех частей. Центральная, в виде овально-вытянутой пластинки с различной формы навершиями, преимущественно в виде трилистника. Боковые пластины пряжки арковидной, листовидной или прямоугольной форм. Застежка в виде двух крупных крючков из серебра более низкой пробы или из железа. Другая разновидность застежки аналогична застежкам браслетов: в виде гвоздиков, вставляемых в полую трубку пряжки.

Пояса украшены в технике традиционной для всех бухарских украшений: в технике колотой бирюзы, иногда она комбинируется с техникой тиснения для отдельных элементов и инкрустацией крупными камнями; в технике штамп – тиснение – инкрустация; в технике гравировка – чернение – эмалирование; филигрань – позолота – инкрустация.

Бухарский музей-заповедник обладает одной из богатейших коллекций парадной конской упряжи. Значение лошади для восточного мужчины общеизвестно. Мужчины в отличие от предыдущих этапов использовали малое количество персональных украшений, поэтому всё желание выглядеть роскошно было реализовано в использовании богато орнаментированных и дорогих по цене сбруй для персональных лошадей. Так как невозможно отделить имидж всадника и лошади под ним кажется резонным рассмотреть сбруи как элемент мужских принадлежностей. Богато орнаментированное оружие так же составляло элемент мужского костюма, по нему можно было судить о статусе и положении владельца.

Изучение предметов мужских украшений Бухары позволит изучить глубже как мужской костюм позднесредневековой Бухары, так и организацию ювелирного дела.

САЙДУМАРОВ М.Г.

(Ташкент)

**Современный саудовский арабский роман новые проблемы
(возникновение становление и этапы развития)**

Первая попытка создания романа в современной саудовской арабской литературе, как считают литературные критики, предпринималась в 1930 г. когда было опубликовано произведение Абдуль-Куддуса ал-Ансари – «Близнецы» в Дамаске. Автор через шесть лет основал первый литературный журнал «ал-Манхал», который начал уделять внимание прозе. В 1948 г. саудовские авторы А. ас-Сибай и М.А. Магриби издают в Египте свои произведения «Фикрат» и «Воскресение». Эти произведения считаются только попытками по пути создания саудовского романа.

Периодизацию современного саудовского романа представляется возможным классифицировать следующим образом:

I этап (1930-1958) – попытки по пути создания саудовского романа.

II этап (1959-1979) – возникновение первого художественного романа, период «обновления».

III этап (1980 – по наст. вр.) – модернизация саудовского романа.

Арабский роман, который обрёл свои современные формы в начале XX в. и к настоящему времени стал основным жанром в арабской литературе, в Саудовской Аравии появляется относительно позднее, где всегда доминировала поэзия, до 1930 г. не было опубликовано ни одно прозаическое произведение. Пионеры этого жанра в саудовской литературе А. ал-Ансари, А. Ас-Сибай, М.А. Магриби, обратившие внимание на то, что через прозу можно донести до читателей множество идей, начали призывать литераторов к созданию саудовского романа.

После «Близнецов» появляются такие произведения, как «Девушка из Босфора» С. Салема (1931 г.), «Естественное возмездие» М.Н. Джавахири (1935 г.), «Фикрат» ас-Сибай (1948 г.), «Воскресение» М.А. Магриби, «Жена и друг» М.О. Тавфика, «Хиджазская Самра» А. ал-Хафеза и «Ибтисам» М. ал-Машхади. Из всех упомянутых произведений только три – «Близнецы», «Фикрат» и «Воскресение» заслуживают внимания, и будучи попытками в этом жанре, носили просветительско-реформаторский характер и содержали призыв к просвещению, но в художественном плане они были далеки от требований жанра.

В 1959 г. в современной саудовской литературе появляется первый художественный роман «Цена жертвы» Хамеда Даманхури, родившегося в Мекке, выпускника Александрийского университета, который был издан в Эр-Рияде. Позднее автор опубликовал свою вторую книгу «И прошли дни». Вдохновлённые этим произведением, пришедшие на литературную арену писатели создавали новые произведения. К этому периоду относятся произведения И. ал-Ан-

сари «Дыра в ночной рубашке», М.З. Агиля «Эмир любви» (первый и пока единственный исторический роман в саудовской литературе). Вслед за этими произведениями происходит относительно быстрое развитие жанра романа в саудовской литературе, появляется произведение первой саудовской писательницы «Блеск твоих глаз» Самир-ы бинт ал-Джазира (псевдоним – Самир-ы Мухаммада Хашагджи) и др. её работы: «Долина слез», «Воспоминания в слезах».

Автобиографичный характер произведений этого периода объясняется желанием их авторов «оживить» прошлое, и эти произведения отличаются романтически-реалистической направленностью («Сеньора» И. Хокейра, «Квартира свободы» Г. Кусайби).

Начиная с 80-х гг. в современной саудовской литературе жанр романа обогащается большим количеством произведений, отличающихся относительно совершенностью. К числу таких романов можно отнести работы таких писателей как Хамза Букри («Навес в Сафе»), Гази Кусайби («Квартира свободы» и др.), Абдо Хал («Смерть проходит здесь»), И. ан-Насер («Осенние облака»), А. ал-Мишари («Ал-Васмийа») и («Туча и дерево»), Ф. Садек («Момент слабости»), Амаль Шатта («Сердце моё не жило», «Завтра забуду»), А. ас-Сагъи («Запах угля»), А. ал-Джаффри («Доля мечты»). Худа ар-Рашид («Забава»), Лейла Джохани («Пустынный рай»), А. ад-Дувейхи («Рейхана») и др.

Последние два романа созданы в начале 90-х гг. XX в. и посвящены теме несчастной любви.

Произведения последних лет поднимают новые темы и новые проблемы. Это – проблема отчуждения на западе, вопросы учёбы и труда женщин, проблема урбанизации и социальные проблемы, которые возникают с развитием саудовского общества.

Художественность саудовского романа также поднимается на высокий уровень.

КАМОЛИДДИНОВ Ш.

(Ташкент)

**Доисламские антропонимы
в исторической топонимии
Средней Азии**

Антропонимы, т.е. имена собственные людей, имеют широкое распространение в исторической географии и очень часто встречаются в составе различных сложносоставных географических названий, как в древней, так и средневековой топонимии стран Востока и Запада. Не является исключением и Средняя Азия, находившаяся на перекрестке караванных путей, связывавших древние цивилизации. Поэтому в ее исторической топонимии представлены антропонимы, принадлежавшие различным культурам, а следовательно, и историческим эпохам, к которым относились эти культуры.

Древнейшие антропонимы, зафиксированные в топонимии Средней Азии, относятся к кругу мифологических представлений или легендарной истории. Эта группа антропонимов, в свою очередь, может быть разделена на две категории: названия, образованные от имен положительных и отрицательных персонажей.

Названия древнейших городов Средней Азии, упоминаемых в письменных источниках, были связаны с именами исторических лиц, в честь которых они были построены. К таким относится, например, город Кирополь, который согласно древнегреческим источникам, был возведен в Усрушане в правление Ахеменидского царя Кира. Александр Македонский также построил здесь город, который назвал своим именем – Александрией Эсхатой (т.е. Крайней). По преданию, всего Александр Македонский построил 12 городов, среди которых называется и Термез.

Названия другой группы населенных пунктов на территории Средней Азии связаны с именами правителей из династии Сасанидов. Особенно богата такими названиями средневековая топонимия области Мерва. Так, в 4 фарсах от Мерва в средние века находилось селение Балашджирд, которое, по преданию, построил царь персов Балаш ибн Файруз. На пути из Мерва в Мавераннахр у края песков находилось селение Хурмузфарра, которое было названо так арабами по имени местного правителя Хурмуза, который бежал при приближении арабских войск (Хурмуз фарра в пер. с араб. букв. Фурмуз бежал). В области Гузганан на пути из Андхуда в Фарйаб упоминается промежуточная станция Джубин, и т.д.

Названия отдельных населенных пунктов связаны с именами некоторых доисламских правителей.

Таким образом, этот далеко не полный обзор топонимии Средней Азии, образованной на основе доисламских антропонимов свидетельствует о том, что названия населенных пунктов, образованных от личных имен людей, были широко распространены по всей территории Средней Азии, как в древности, так и в эпоху раннего средневековья. Процесс топонимобразования с участием антропонимов активно продолжался на протяжении всей истории региона вплоть до нашего времени. Анализ имеющихся данных позволяет прийти к заключению, что в древности антропонимы были распространены по всей территории Средней Азии, а в эпоху раннего средневековья, главным образом, в ее южных районах – Северном Хорасане и Тохаристане. В древней и раннесредневековой антропотопонимии Средней Азии выделяется несколько пластов, связанных с разными культурами и историческими эпохами. Часть их связана именами божеств и мифологических персонажей, таких как Вахш, Афрасиаб, Ру-

стам, Сийавуш, Заххак и др. Другая часть их связана с именами коранических персонажей, таких как Зу-л-Карнайн, Зу-л-Кифл, Айюб, Сулайман и др.

Анализ доисламской антропотопонимии Средней Азии позволяет выделить целый ряд топоформантов, с помощью которых происходил процесс топонимобразования многих из этих антропотопонимов.

Таким образом, изучение богатой исторической антропотопонимии Средней Азии позволяет выделить в ней целый ряд историко-культурных пластов, относящихся к различным историческим эпохам, и проследить основные этапы и некоторые закономерности топонимобразования. Богатейшие материалы антропотопонимии Средней Азии требуют проведения дальнейших исследований, которые позволяют более подробно осветить связанные с ней исторические проблемы.

ХАЛМУРЗАЕВ Т.

(Ташкент)

Дивергентные черты в языке урду Индии и Пакистана

Последние 50 с небольшим лет функционирование и развитие языка урду, разделенного государственными границами Индии и Пакистана, проходит в далеко неодинаковых условиях. Языковая ситуация и языковая политика, социальные, идеологические, демографические и иные факторы складывались для урду в этих странах по-разному. Неодинаковым оказался в этих странах и его статус (официальный и фактический). В Пакистане, наряду с английским, он был возведен в ранг государственного («национального»). В Индии, хотя он и был включен в число основных региональных языков страны, однако официального статуса он ни в одном штате не получал. Все это, вместе взятое, не могло не сказаться на характере и темпах его развития, как в Индии, так и в Пакистане.

В настоящее время в урду, функционирующем в двух соседних странах, на его лексико-семантическом уровне проявляются две тенденции.

Первая и основная, тенденция заключается в том, что пополнение словаря языка урду в этих странах протекает односторонне. Многие лексические неологизмы, различные термины, фразеологические обороты оказываются едиными в языке обоих регионов. В основном, это готовые лексические заимствования из английского языка, создание собственных единиц по существующим в языке словообразовательным моделям, разного рода лексические и семантические кальки и т.д. Такие понятия, как *развивающиеся страны, планирование семьи, конференция*

круглого стола, ООН, капиталовложение, модернизация, терроризм и пр. получили в урду Индии и Пакистана одинаковое обозначение.

Наряду с этой тенденцией, в урду этих стран все более появляются и различительные, дивергентные признаки, которые получают в языке все более системный характер. В урду обеих стран такие дивергентные языковые единицы могут быть регионально маркированными или, иначе говоря, их использование оказывается более характерным для языка урду, функционирующего на территории одного государства.

Такие образования можно подразделить на две группы. Одни из них в одном регионе более употребительны, чем их эквиваленты, которые также отмечаются в языке. Другие же, используются **исключительно** в пределах одной страны и совершенно не употребляются в урду, функционирующей в другой. К примеру, многие слова и термины языка хинди, получившие весьма широкое употребление в урду Индии, в Пакистане, за редким исключением, отмечены не были. В то же время, очень значительное количество сложных арабских и персидских слов, устойчивых словосочетаний, терминов, неологизмов, наречий и служебных слов арабско-персидского происхождения, в урду Пакистана имеют более регулярное употребление, чем в Индии (*Мазид бар а:н; фил – фаор; тафаа:хур; мутала:ши:; шари:фун-нафс; баи:н хама; акс банди:; аз-бас; фаокулт-фитрат* и др.).

Такие расхождения между урду Индии и Пакистана наглядно прослеживаются также и на других уровнях лексики, в частности в сфере словообразования.

Следует отметить, что масштабы и удельный вес таких дивергентных единиц в языке постоянно возрастает и они все более становятся фактами современного урду.

Поэтому для характеристики подобных лексических единиц следовало бы ввести в оборот такие термины, как «пакистанский урду» и «индийский урду» (по типу, «канадский английский», «австралийский английский»), что означало бы их употребительность в пределах той или иной страны.

На такие языковые факты также следовало бы обращать внимание и студентов, изучающих язык урду. Стоило бы их также выделять в учебных и лексикографических пособиях этого языка. (К слову, нами была сделана первая попытка их фиксации, в вышедшем недавно в Пакистане Урду-узбекском словаре). Ввод таких помет мог бы быть весьма полезным и при осуществлении на урду переводов различной литературы, адресно ориентированной на урдуязычное население Индии или Пакистана.

БЕЛЯЕВА С.А.

(Киев)

**Северное Причерноморье – арена интенсивного
цивилизационного взаимодействия
Востока и Запада.**

Северное Причерноморье – арена интенсивного цивилизационного взаимодействия Востока и Запада. Ярким показателем культурных контактов являются памятники археологии и архитектуры. Опыт многолетних исследований городов-крепостей – Очакова и Белгорода-Днестровского позволяет представить основные этапы взаимодействия и его ареал от Китая на Востоке до европейских стран Запада, от украинского Поднепровья на Севере до Передней Азии на Юге. Это нашло свое отражение в градостроительной характеристике, архитектурных, типологических и конструктивных особенностях городов, материальной культуре. В доминировании и сочетании культурных элементов, огромная роль принадлежит конкретно-историческим и политическим факторам, имевшим место в регионе в определенный период. Прослеживается распространение глобальных достижений в сфере техники и технологии, прогрессивных изменений в архитектуре и фортификации.

БУРЬЯН М.О.

(Луганск)

**Уайтхолл и проблема статуса Египта
в межвоенный период**

В последние годы, в условиях перехода человечества к новому состоянию и в связи с привлечением внимания международной общественности к проблеме глобализма, возникло понимание необходимости выработки новых, более адекватных, подходов к изучению истории международных отношений.

Действительно, ведущим государствам Запада удалось очень быстро не только восстановить, но и расширить свои позиции, утраченные в результате распада колониальной системы. Этому способствовало внедрение т.н. «неолиберальной» модели функционирования мирового хозяйства, которая не позволяет сохранить тенденции независимому развитию стран Востока, наметившиеся, было, во второй половине XX в. В этих условиях возникает необходимость снова вернуться к изучению феномена колониализма.

Вопрос о юридическом статусе Египта, вставший перед Великобританией в практической плоскости уже в начале XIX века, оставался проблемным для британских правящих кругов до сер. 30-х гг. XX в. Особенно острым он стал после Первой мировой войны и египетского восстания 1919 г. Тогда могло даже

показаться, что правящие круги Великобритании готовы отказаться от политики «твердой руки» и выработать более либеральный подход к вопросу о будущем Египта. Действительно, на пост Верховного комиссара был назначен Э. Алленби, добившийся в 1922 г. провозглашения «независимости» Египта. Тогда же в эту страну была направлена специальная миссия под руководством А. Милнера, выдвинувшего идею отказа от протектората в обмен на англо-египетское соглашение. В 1920-1936 гг. было предпринято шесть только официальных попыток такого соглашения. Все это позволяло рассматривать межвоенный период как эпоху «англо-египетского договора». Необходимо, на наш взгляд, отказаться от ставшего уже привычным стереотипа.

Как показывает анализ архивных материалов и мемуаров, 20-30-е гг. – это время борьбы не столько «за», сколько «против» осуществления замыслов А. Милнера. Под прикрытием концепции договора, непрерывно разрабатывалась «альтернативная» политика восстановления и укрепления имперских позиций – политика «энергичных мер». Как свидетельствуют новые источники, 5 ноября 1924 г., на Даунинг-Стрит 10 был подготовлен особо секретный документ, содержащий в себе ее основные положения. Ультиматум от 19 ноября 1924 г., а также провал англо-египетских переговоров 1927-1928 и 1929-1930 гг. ознаменовали окончательный отказ от идеи Милнера об англо-египетском договоре, хотя, за кулисами англо-египетских отношений еще долго шла упорная борьба между «настоящими» тори (лорд Биркинхед, Д. Хогг, Н. Чемберлен, Дж. Ллойд), и сторонниками либерализации «египетской» политики (О. Чемберлен, лорд Сесил, лорд Ирвин, С. Болдуин).

В итоге, в августе 1936 г. в Лондоне был, как известно, подписан «Договор о дружбе и союзе» между Великобританией и Египтом. Однако даже это, на наш взгляд, не свидетельствовало об осознании необходимости серьезных перемен в системе взаимоотношений двух стран. Решающий аргумент тогда выдвинули не наследники дела Милнера, как это могло бы показаться, а Бенито Муссолини, захвативший Эфиопию и угрожавший британским интересам в районе Средиземного моря и Среднего Востока. Со всей очевидностью это подтверждают мемуары М. Лэмпсона, Верховного комиссара, а позже – посла Великобритании в Египте. С момента своего появления в Каире и вплоть до подписания договора он был уверен (равно как и глава Форин-оффиса А. Иден) в том, что единственно правильным решением было бы включение Египта в состав Британской империи де-юре. Метод, с помощью которого А. Иден, чье имя стояло под англо-египетским соглашением 1936 г., пытался разрешить Суэцкий кризис 1956 г., подтверждает, что процесс смены умонастроения был очень медленным и мучительным.